

Правительство Новосибирской области
Сибирский институт управления — филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
АНО «Историческое общество
Сибирского федерального округа»

ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В РОССИИ И ЕЕ РОЛЬ
В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 100-летию
Великой Октябрьской революции

23—24 ноября 2017 г.

НОВОСИБИРСК
2017

ББК 63.3(2)611я431
О 525

Ответственный редактор:

О. В. Симагина — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Научный редактор:

В. И. Шишкин — доктор исторических наук, профессор, заведующий и главный научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН

О 525 Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории : материалы межрегиональной науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 23—24 ноября 2017 г. / под науч. ред. В. И. Шишкина. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2017. — 387 с.

ISBN 978-5-8036-0837-0

В настоящий сборник вошли материалы участников Межрегиональной научно-практической конференции «Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории», посвященной 100-летию Великой Октябрьской революции.

Авторы рассматривают предпосылки и причины Октябрьской революции, масштабы участия в ней социальных низов и радикальное обновление элит; глубину преобразований государственного строя, экономической сферы, социальной структуры и культуры населения, влияние на судьбы народов бывшей Российской империи и на мировое развитие, а также генезис российской контрреволюции.

ББК 63.3(2)611я431
**© ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2017**

ISBN 978-5-8036-0837-0

**СЕКЦИЯ
«КАЛЕЙДОСКОП РЕВОЛЮЦИЙ
И КОНТРРЕВОЛЮЦИЙ
В РОССИИ
(ФЕВРАЛЬ 1917 — МАЙ 1918 гг.)»**

В. А. Дробченко

Филиал Кемеровского государственного университета в г. Анжеро-Судженске (г. Анжеро-Судженск, Россия)

СПЕЦИФИКА УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье исследован процесс установления Советской власти в одном из крупнейших сибирских регионов — Томской губернии, охарактеризована социально-политическая ситуация в регионе к осени 1917 г., показана расстановка сил внутри находящейся у власти социалистической коалиции, в динамике исследованы межпартийные отношения, реконструирован процесс борьбы за власть, определена его специфика.

Сделан вывод о том, что расстановка сил в губернии не позволила томским большевикам взять власть в свои руки до конца 1917 г. Они, не имея достаточной поддержки в массах, проявили готовность к компромиссу с правыми социалистами, и это позволило избежать кровопролития в процессе установления власти советов.

Провозглашение Советской власти в Томске ускорило объединение антибольшевистских сил под знаменем областничества. После разгона Учредительного собрания и ареста членов Сибирской областной думы дальнейшее существование коалиции оказалось невозможным. В борьбе с политическими оппонентами и инакомыслящими все шире стали применяться силовые методы. Укрепив свои позиции, большевики добились признания Советской власти на уездных и губернском крестьянских съездах, что делало ее формально легитимной в глазах большинства населения губернии. Однако, «первая Советская власть» в губернии так и не получила массовой поддержки, что показали следующие события.

Ключевые слова: революция, власть, политические партии, советы, Октябрьский переворот, ревком, земство, региональная специфика, съезды.

Русская революция 1917 г., несмотря на неоднозначность ее оценок, по праву считается одним из важнейших событий мировой истории. Споры о ее причинах, сущности, итогах, значении не прекращаются по сей день.

Октябрьский переворот был логическим развитием предшествующих событий, привел к глубокому расколу общества и гражданской войне. Установление Советской власти далеко не везде проходило как ее «триумфальное шествие», нередко оно сопровождалось массовым насилием, связанным не только с утверждением новой власти, но и с внедрением в общество кардинально новой системы отношений и ценностей.

Революция привела к ослаблению влияния центральной власти в регионах. Провинция, хотя и внимательно следила за развитием ситуации в центре, далеко неоднозначно реагировала на происходящие события. Региональные элиты, оказавшиеся у власти после свержения самодержавия, считали себя не послушными исполнителями воли центра, а, как минимум, равноправными с ним партнерами. На их поведение в значительной степени влияла расстановка сил на местах. Если реакция на свержение самодержавия была во многом идентична по всей стране, то реакция на Октябрьский переворот продемонстрировала глубокие разногласия в обществе.

Октябрьский переворот обострил противоречия внутри региональных элит, привел к ужесточению борьбы между ними в процессе установления Советской власти. Эта борьба происходила на фоне радикализации масс и эскалации насилия. Линия раскола общества не всегда совпадала с его социально-классовым делением.

Социально-экономические особенности регионов наложили существенный отпечаток на развитие революционного процесса, определили многообразие его форм, что наиболее ярко проявилось в процессе установления Советской власти.

В данной статье в динамике исследован процесс установления Советской власти в одном из крупнейших сибирских регионов — Томской губернии, выявлены специфические черты этого процесса.

К осени 1917 г. Томская губерния включала в себя значительную часть территории Западной Сибири, объединяя современные Кемеровскую, Новосибирскую и Томскую области. В составе губернии были Каинский, Кузнецкий, Мариинский, Новониколаевский, Томский и Тогурский уезды.

Губернский Томск был крупным административным, торговым, научным и культурным центром всего сибирского региона, но, оказавшись в стороне от Транссибирской магистрали, по промышленному развитию заметно уступал таким городам, как Омск, Красноярск, Иркутск. Динамично развивающийся Новониколаевск к 1917 г. стал крупным транспортным узлом, промышленным, торговым, кооперативным центром, второй неофициальной губернской столицей.

С марта 1917 г. у власти в губернии находилась социалистическая коалиция, в состав которой входили эсеры, меньшевики и большевики. В результате реформы, проведенной в губернии весной 1917 г., уже к лету 1917 г. сложилась система местного самоуправления, основанная на принципе разделения властей. Законодательная власть была представлена народными собраниями различных уровней (губернским, уездными, городскими, волостными и сельскими), а исполнительная — соответствующими исполнительными комитетами.

С конца лета 1917 г. в губернии началось формирование органов местного самоуправления в соответствии с законодательными актами Временного правительства. Выборы в городские думы растянулись до середины осени, а в земства — до конца 1917 г.

После Февральской революции в губернии широко развернулось партийное строительство. Наиболее активны были эсеры. В начале марта оформились Томский и Новониколаевский комитеты, вскоре были созданы Анжерская, Кемеровская, Кольчугинская, Мариинская, Судженская, Тайгинская группы, а к лету — Новониколаевский и Каинский уездные комитеты ПСР. С весны 1917 г. эсеры вели работу по созданию крестьянских союзов ПСР.

Ряды эсеров стремительно росли. На губернском съезде ПСР в июле более 80 делегатов представляли 50 тыс. членов партии [26. С. 74]. Эти цифры были явно завышены, что признавали и сами лидеры томских эсеров [30. С. 58]. Следует учитывать, что абсолютное большинство из вступивших в ПСР весной — летом 1917 г. партийной работы не вели, а идейных членов партии в губернии было не более 1 тыс. человек. Тем не менее, даже по этому показателю эсеровская организация была наиболее крупной и деятельной по сравнению с другими партийными организациями губернии.

К осени Томский губернский комитет занимал позицию более левую, чем ЦК ПСР, выступая за углубление революционных преобразований. В конце сентября 1917 г. Томский губернский съезд членов ПСР высказался за переход власти к советам, но указал, что этот переход возможен только после некоторой подготовки на местах [26. С. 112—114].

До конца лета 1917 г. все социал-демократические организации губернии (кроме Боготольской) оставались объединенными. Большевик А. Петренко отмечал, что «предыдущая совместная жизнь, при которой приходилось частенько встречаться на нелегальных собраниях и чувствовать друг друга товарищами, не давала повода к фракционным столкновениям, да и момент был настолько важный, что не возникло ни у кого мысли разойтись по фракциям» [21. С. 93].

С лета 1917 г. отношения между большевиками и меньшевиками стали обостряться. Большевикам удалось укрепить свои позиции среди солдат и рабочих Томска и промышленных центров. По свидетельству В. Вегмана, хотя в рабочих организациях преобладали меньшевики и эсеры, профсоюзная масса гнула большевистскую линию [5. С. 109].

Образование самостоятельных большевистских организаций ускорилось после корниловского выступления. Томская губернская конференция РСДРП (8—9 сентября 1917 г.) приняла решение об

окончательном разрыве с меньшевиками и избрала губернский комитет РСДРП (б) в составе Н. Н. Яковлева, А. А. Азлецкого, В. Д. Вегмана, С. И. Канатчикова, В. М. Клипова, И. Н. Кудрявцева, М. И. Сычева и Ф. П. Серебренникова [26. С. 94].

В конце августа — начале сентября большевистские организации оформились в Каинске, Кузнецке, Кольчугине, на Анжерских, Судженских, Кемеровских коях, Кемеровском и Яшкинском заводах, в Тайге, Топках, на строительстве Кольчугинской железной дороги. 14 сентября за присоединение к РСДРП (б) выказалось общее собрание Новониколаевской организации [4. 22 сент.].

Параллельно шло оформление меньшевистских организаций. В сентябре образовались Томский губернский и Новониколаевский комитеты РСДРП (меньшевиков), чуть позже — организация Центрального рудника Мариинских приисков. По численности они были невелики. Так, в Томске в ее составе было около 100 человек, в Новониколаевске — до 150 членов.

Несмотря на малочисленность меньшевистских организаций, они оказывали заметное влияние на политический процесс в губернии осенью 1917 г. Среди их лидеров были такие яркие личности, как М. Е. Минц, А. А. Наумов, Е. А. Наумова, В. П. Денисов, В. А. Бархатов, Д. И. Розенберг (в Томске), Н. А. Гудков, Н. И. Тетерин и С. Л. Фабрикант (в Новониколаевске). В. А. Васильева (меньшевичка-интернационалистка) вела большую работу среди сибирских горняков.

Кадетская организация в Томске была одной из сильнейших в Сибири, но она не представляла реальной конкуренции блоку социалистов. Деятельность кадетов в основном сводилась к выступлениям в печати с призывами к укреплению государственности и критикой радикалов.

Муниципальные выборы, проводившиеся осенью 1917 г., показали нарастающее размежевание масс. На выборах в Томскую городскую думу большевики набрали 32 %, эсеры — 23 %, кадеты — 16,5 %, меньшевики (они шли в одном списке с Бундом) — 4 %. «Победили кадеты и большевики», — писали эсеро-меньшевистские газеты.

Председателем думы был избран эсер Н. В. Ульянов, его товарищем — большевик Н. Н. Яковлев. Большевики возглавили ряд отделов городской управы: городского хозяйства (А. И. Беленец), охраны труда (А. А. Азлецкий), народного образования (В. М. Бахметьев), продовольственный (А. Ф. Иванов), общий (Н. Г. Калашников).

Успех большевиков напугал городских обывателей, средние слои, буржуазию. Эсеры и меньшевики усилили антибольшевистскую агитацию. Еще с лета 1917 г. стали сближаться позиции сибирских эсеров

и областников. С осени 1917 г., как отмечал В. И. Шишкин, областнические лозунги стали наполняться не столько культурно-экономическим, сколько политическим содержанием, а руководство проектом от областников почтенного возраста перешло к их новой генерации, возникшей в послереволюционное время и представленной главным образом членами партии эсеров [31. С. 55].

Программа областников вырабатывалась на Сибирской областной конференции (2—9 августа 1917 г.) и I сибирском областном съезде (8—17 октября 1917 г.).

К осени 1917 г. в промышленных центрах губернии существенно укрепилось влияние советов. На Анжерских, Судженских коях, Мариинских приисках они фактически подчинили себе органы местного самоуправления и установили контроль над производством.

В событиях 1917 г. особо значима была роль советов военных (солдатских) депутатов. К марту 1917 г. численность Томского гарнизона составляла свыше 60 тыс., Новониколаевского — до 45 тыс. человек. По своей численности солдаты значительно превосходили пролетарские и полупролетарские этих городов.

Советы солдатских депутатов, созданные во всех крупных сибирских гарнизонах, превратились в наиболее авторитетные органы, способные оказывать определяющее воздействие на солдатскую массу. Именно советы солдатских и военных депутатов были главной опорой левых в армейской среде, как это убедительно показал Н. С. Ларьков. По данным исследователя, военные составляли значительную часть большевистских и эсеровских организаций губернии [14. С. 27—28].

Значительным было влияние солдат в сибирской деревне. Они составляли весомую часть делегатов крестьянских съездов. Так, на губернском съезде крестьянских депутатов (Томск, 14—22 сентября 1917 г.) из 222 делегатов было более 50 солдат [26. С. 106].

Осенью 1917 г. военные приняли активное участие в формировании отрядов Красной гвардии. Такие отряды, как правило, создавались при советах, но были случаи создания отрядов рабочими отдельных предприятий (в Томске — спичечной фабрики и железнодорожного депо) [15. С. 209], при партийных организациях (на Анжерских и Судженских коях — ПСР и РСДРП). [7. Оп. 1. Д. 99. Л. 1 2 об.; 6. Оп. 1. Д. 311. Л. 10—11]. Эти отряды были немногочисленны. В Томске в рядах Красной гвардии состояло 150 человек, в Барабинске — 35, на Анжерских коях — около 60, на Судженских — 75, на Кемеровском руднике 30—35 человек [10. С. 446—450].

В середине сентября 1917 г. в Томске произошло объединение советов рабочих и солдатских депутатов и в результате был образован

совет рабочих и солдатских депутатов. Во временный исполком вошли большевики Н. Н. Яковлев, Г. К. Соболевский, В. М. Клипов, З. Ф. Кулинич, А. И. Беленец, эсер-интернационалист П. В. Резанов и социал-демократ интернационалист А. А. Федюкин [25. С. 62—63].

Однако, к концу октября 1917 г. процесс большевизации советов промышленных центров Томской губернии был далек от завершения. Под руководством большевиков действовали только Томский совет рабочих и солдатских депутатов, Боготольский, Судженский советы и совет Мариинских приисков. В Новониколаевском, Анжерском и Кольчугинском советах влияние большевиков укрепилось, но в составе руководителей этих советов находились эсеры и меньшевики. Под эсеро-меньшевистским влиянием находились советы Кузнецка, Мариинска, Тайги, Гурьевского завода, строительства Кольчугинской железной дороги, все крестьянские советы.

К осени авторитет Временного правительства заметно снизился. В массах именно советы стали восприниматься в качестве властной альтернативы. В сентябре — октябре за передачу власти в руки советов выступали сибирские железнодорожники, рабочие Кемеровского и Гурьевского заводов, Анжерских, Судженских, Кольчугинских копей, Мариинских приисков. Под напором нарастающего радикализма часть «умеренных социалистов» стала склоняться к мысли о том, что смена власти способна изменить ситуацию в стране, вывести ее из кризиса.

Необходимо подчеркнуть, что требование перехода власти к советам не совпадало с требованием установления диктатуры пролетариата. Значительная часть сибирских большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов понимали под передачей власти советам не уничтожение капиталистических отношений вообще, а установление жесткого государственного контроля над буржуазией, ограничение ее прибылей, ликвидацию пережитков феодализма, решение аграрного вопроса, принятие рабочего законодательства. Власть советов понималась как власть коалиции социалистических партий в рамках буржуазной демократии, опирающаяся на широкую массовую поддержку. О вооруженном захвате власти вопрос не ставили даже сибирские большевики.

К осени 1917 г. требование о передаче власти советам поддерживала лишь незначительная часть сибиряков. Процесс установления Советской власти в Сибири не стал ее «триумфальным шествием». Он проходил под влиянием событий в центре и был связан с ужесточением борьбы за влияние на массы.

Первые сообщения о вооруженном восстании в Петрограде достигли Томска 26 октября. Они были весьма противоречивы. Губерн-

ский исполком обратился к населению со специальным воззванием, призвал сохранять спокойствие, заверив, что все достоверные сообщения о событиях в Петрограде будут незамедлительно публиковаться [3. 27 окт.].

26 октября из представителей совета рабочих и солдатских депутатов, центрального бюро профсоюзов, партийных организаций большевиков, меньшевиков, эсеров и бундовцев был создан коалиционный революционный комитет Томской губернии под председательством большевика А. И. Беленца [12. 1, 2 нояб.].

На следующий день коалиционное совещание революционных организаций Томска приняло постановление, в котором заявлялось о поддержке Петроградского временного революционного комитета, указывалось на необходимость созыва в назначенный срок Учредительного собрания. Также был определен состав губернского ревкома. В него вошли представители советов, организаций большевиков, эсеров, меньшевиков, центрального бюро профсоюзов, железнодорожного и почтово-телеграфного союзов. Председателем ревкома был утвержден А. Беленец [3. 29 окт.; 12. 1 нояб.].

А. И. Беленец, объясняя, почему томские большевики пошли на создание коалиционного ревкома, вместо того, чтобы сразу провозгласить власть советов, указывал на то, что еще не был создан губернский совет рабочих и солдатских депутатов [1. С. 23].

Октябрьский переворот вызвал неоднозначную реакцию в сибирском обществе. Негативно к нему отнеслись сибирские либералы. Общее собрание томского отдела ТНСП, назвав переворот «кровавыми событиями», выступило за возвращение власти Временному правительству [23. 31 окт.]. Заговором «малочисленной группы большевистских экстремистов» объявили Октябрьский переворот кадеты. В газете «Сибирская жизнь» от 7 ноября указывалось, что своей авантюрой и «преступным одурачиванием темных и малосознательных масс» большевики окончательно разоблачили себя в глазах всей революционной демократии.

С осуждением переворота выступили служащие Томской железной дороги, Томского телеграфного округа, Копикуза, Томского переселенческого района, союзы сибирских инженеров, межевых техников и землеустроителей.

I общегородская конференция профессиональных союзов Томска заявила, что «правительство, созданное частью съезда советов на почве уже совершенного в Петрограде переворота, является чисто большевистским; оно не может встретить поддержки во всей организованной демократии и, признанное одной только партией, лишено доста-

точной опоры в стране». Конференция призвала к созданию «однородно демократической власти, опирающейся на все организованные силы демократии, способной дать отпор контрреволюционной коалиции имущих классов, и возобновить единый революционный фронт» [26. С. 125—126].

Необходимо отметить, что часть сибирских эсеров и меньшевиков рассматривала Октябрьское восстание как шаг на пути к дальнейшему развитию демократии. Под их влиянием собрания гарнизонного, полковых и ротных комитетов Новониколаевского гарнизона призвали сплотиться вокруг советов и социалистических партий и стать на защиту революции и ее завоеваний. За «однородное правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно» выступило правление профсоюза печатников Томска [18. С. 101—104].

Томские эсеры одобрительно встретили известие о победе вооруженного восстания. 26 октября исполнительное бюро губернского комитета приветствовало свержение Временного правительства и переход власти к советам. 1 ноября Томский губком ПСР принял резолюцию, в которой охарактеризовал восстание как «акт борьбы с агрессивной по отношению к революции политикой коалиционного правительства, бездеятельного в области социальных мероприятий и внешней политики» [22. 3 нояб.].

Эсеры, рассчитывая на свое участие в новой власти, заявляли о готовности примкнуть к восстанию, «дабы перелить его из большевистских форм в формы, совпадающие с мировоззрением и истинно революционной тактикой ПСР» [22. 3 нояб.].

Однако не все эсеровские организации Томской губернии разделяли позицию губернского комитета. В Новониколаевске 27 октября городское народное собрание приняло резолюцию эсеров, осуждающую действия Петроградского совета и требующую образования социалистического министерства [29. С. 78.].

В поддержку перехода власти к советам высказались кожевники и рабочие завода сельскохозяйственных машин в Томске, совет профессиональных союзов Новониколаевска, собрания и митинги рабочих Анжерских копей, Кемеровского химзавода, Мариинских золотых приисков, Прокопьевского рудника, Яшкинского завода.

Нет оснований утверждать, что пролетариат Сибири единодушно поддержал Советскую власть. Значительная часть рабочих оставалась в стороне от происходящих событий. Это особенно заметно на примере отдаленных от губернских центров предприятий и приисков. Рабочий Кемеровского химзавода Н. Ф. Чумазов вспоминал, что «Октябрь-

ская революция на нашем заводе прошла как-то незаметно... Связь с Томском была нерегулярной, а связь с центром была и того хуже» [6. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.].

По оценке Д. М. Зольникова, слой рабочих, принимавших социалистическую революцию по идейным убеждениям, был в Сибири очень тонок и составлял примерно 5—6 тыс. человек, в основном рабочих — членов большевистских партийных организаций. Подавляющая часть рабочих требовала коренных перемен под влиянием резкого ухудшения условий жизни [13. С. 127]. То есть большевиков осознанно поддерживало менее 1 % сибирских рабочих.

Таким образом, расстановка сил в губернии к началу ноября 1917 г. не позволяла томским большевикам взять власть в свои руки. Они заняли выжидательную позицию, оставаясь в составе коалиционной губернской власти. Их политические оппоненты — эсеры и меньшевики также ожидали дальнейшего развития событий.

Создание ревкома, ставшее реакцией на петроградские события, в то же время продемонстрировало стремление к сохранению социалистической коалиции в Томске всех ее участников. Ревком был создан не для захвата власти в губернии (она и так находилась в руках его создателей), а для борьбы с возможными контрреволюционными выступлениями. Поскольку таковых в губернии не произошло, дальнейшая деятельность ревкома свелась к спорам между большевиками и эсерами на его заседаниях, которые представители других организаций попросту перестали посещать. В начале декабря ревком «фактически перестал существовать» [1. С. 25].

В начале ноября основные политические группировки губернии вели работу по выборам в Учредительное собрание, в большей степени с ним, а не с Октябрьским переворотом связывая будущее страны.

Выборы в Учредительное собрание проходили в Томской губернии 12—14 ноября. Томичи отдали 29 % голосов за кадетов, 23 % — за большевиков, 22 % — за эсеров. С учетом голосов солдат Томского гарнизона большевики получили в Томске 40 %, эсеры — 23 %, а кадеты — 20 % голосов.

Но только в томском гарнизоне большевикам удалось добиться впечатляющих успехов. Там большевики получили 69 %, эсеры — 25 %, а кадеты — 3,2 % голосов. В Новониколаевском гарнизоне эсеры набрали 85 % голосов, в Кузнецком — 96 %, в Мариинском — 65 % голосов [14. С. 216—217].

Эсеры лидировали с огромным отрывом в уездных центрах и сельской местности. В Новониколаевском уезде они набрали 95,3 %, Каинском — 91,2 %, в Кузнецком — 90,8 %, в Мариинском — 88,6 %,

в Томском — 73,6 % голосов. Эсеры сохранили значительное влияние на население рабочих поселков. На Анжерских и Судженских копиях они набрали 64 %, на Гурьевском заводе — 96 % [10. С. 218—219]. В целом по Томскому избирательному округу они набрали более 80 % голосов.

Большевикам в целом по Сибири удалось набрать лишь 10 % голосов. В промышленных районах этот показатель был несколько выше. Только в Боготоле большевики лидировали, набрав 71,7 % голосов от всех проголосовавших. За список большевиков на Анжерских копиях было подано около 32 % всех голосов, на Кемеровском руднике и химзаводе — 36,4 %, на Судженских копиях — 25,8 %, в Мариинске и Тайге — по 20 %.

Результаты выборов показали, что большевики не имели шансов прийти к власти демократическим путем. Не удалась попытка решить вопрос о власти и на губернском съезде советов в конце ноября 1917 г. Из-за отсутствия представителей от ряда крупных советов губернии делегаты объявили съезд совещанием, а съезд запланировали провести в начале декабря.

С конца ноября большевистские организации на местах все жестче ставили вопрос о власти. 24 ноября на совещании большевиков Томской губернии резкой критике подверглась работа губернского комитета РСДРП (б), констатировалось, что он не принял достаточных мер для перехода власти в руки советов. Делегаты указывали на то, что в ряде населенных пунктов губернии власть уже перешла в руки советов, а Томский совет действует нерешительно и тем самым «ослабляет и центральную Советскую власть, и те советы Томской губернии, которые уже взяли власть и ждут подкрепления своих действий от Томского совета» [26. 135—136].

К этому времени Советская власть была провозглашена в Боготоле, на Кемеровском химзаводе и руднике, Центральном руднике Мариинских приисков и Кузнецке. Но это были лишь декларативные заявления местных советов, поскольку все хозяйственные рычаги оставались в руках земских органов.

Представители промышленных центров оказывали прямое давление на большевистское руководство губерния. Но, как отмечал В. Вегман, «ко дню Октябрьской революции в самом Томске соотношение сил оказалось такое, которое не позволило большевикам взять власть в свои руки с той решительностью и быстротой, как это происходило в других городах. ...Томские большевики не «брали» власть, а ждали, «когда власть сама придет в руки» [2. С. 27].

Вопрос о власти в регионе был вынесен на III съезд советов Западной Сибири (Омск, 2—10 декабря 1917 г.), который и провозгласил переход власти в руки советов. 6 декабря исполнительный комитет Томского совета рабочих и солдатских депутатов в обращении «К гражданам города Томска» объявил о том, что он «является представителем верховной власти в городе и будет всеми имеющимися в его распоряжении средствами проводить в жизнь распоряжения Совета народных комиссаров, выраженные в его декретах» [12. 6 дек.].

11 декабря в Омске находившиеся там делегаты от советов Томской губернии, провели I Томский губернский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд рассмотрел вопросы о создании губернского исполкома, организации комиссариата и выборной милиции. На съезде были определены нормы представительства от местных советов в губисполкоме, заседание которого было назначено на 20 декабря в Томске [26. С. 148—149].

С 6 декабря в Томске начали работу чрезвычайная (первая) сессия губернского земского собрания и Чрезвычайный сибирский областной съезд. Среди важнейших вопросов, которые вызвали горячие споры, были вопросы о власти в стране и регионе. 11 декабря губернское земское собрание заявило о признании за собой всей полноты власти в губернии и потребовало не допускать какого бы то ни было вмешательства в его деятельность [8. Оп. 1. Д. 4. Л. 10 об.].

Примечательно, что фракция гласных-большевиков (К. Ансон, С. Канатчиков, А. Кривой, Ф. Чучин) в ответ на эту резолюцию предложила создать однородный исполнительный орган из представителей большинства. Фракция отметила, что даже если ее предложение не будет принято, она готова продолжать работу в составе губернской земской управы, чтобы не саботировать работу хозяйственного органа губернии с условием, что не будет связана постановлениями губернского земского собрания по вопросу об организации власти в губернии [8. Оп. 1. Д. 4. Л. 10 об. — 11].

Чрезвычайный сибирский областной съезд, из 160 делегатов которого более половины были эсерами, на своем последнем заседании 15 декабря постановил создать «во имя спасения Сибири, общественную социалистическую, от энесов до большевиков включительно с представительством национальностей власть, в лице Сибирской областной думы и ее исполнительного органа, ответственного перед областной думой». В «Воззвании к народам Сибири» съезд призвал встать на защиту сибирской социалистической власти. Съезд принял «Положение о временных органах управления Сибири» и избрал Сибирский областной совет во главе с Г. Н. Потаниным [26. С. 141—145].

19 декабря Томский совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой объявил областничество течением, выражающим интересы нарождающейся сибирской буржуазии, а областнический съезд контрреволюционным, выразил к нему свое отрицательное отношение и заявил, что будет «в случае попытки этого съезда взять власть в свои руки, бороться с ним до конца, не останавливаясь ни перед какими мерами» [25. С. 89].

На заседании Томского совета рабочих и солдатских депутатов 15 и 19 декабря обсуждались вопросы организации власти в губернии, были избраны представители в губернский исполком.

20 декабря на первом заседании губисполкома его председателем был избран А. И. Беленец, заместителями — С. Канатчиков и левый эсер П. Резанов, секретарем — большевик Ф. Орлов. Губисполком постановил взять в свои руки государственную власть в губернии. По вопросу о создании аппарата губисполкома и организации советских органов на местах решено было войти в соглашение с губисполкомом совета крестьянских депутатов [1. С. 27].

По свидетельству Ф. Орлова, «совет постепенно начал овладевать всеми сторонами управления», направляя комиссаров в банк, казначейство, суд и «овладевая целыми учреждениями своими силами (продовольственный комитет, губернская управа, городская и уездные управы)». Орлов отмечал, что «овладение властью шло недостаточно быстро и энергично» из-за недостатка партийных работников. По его признанию, губисполком «деятельности своей развернуть до II крестьянского съезда не успел и не мог», так как из-за ничтожного количества пролетариата в губернии он был хозяином положения только в Томске и в немногих рабочих районах [20. С. 43].

Реальное управление хозяйственной жизнью губернии перешло в руки губернской земской управы, сформированной 24 декабря на многопартийной основе. В ее составе были и большевики.

До конца декабря продолжались переговоры совета рабочих и солдатских депутатов с советом крестьянских депутатов. На совместном заседании 30 декабря, хотя и не удалось договориться об объединении советов, было достигнуто соглашение о губернском комиссариате (он был сформирован в составе двух большевиков и двух эсеров). Авторы исторического очерка Томской области отмечают, что таким образом в губернии был сформирован местный вариант «однородно-социалистической» власти, на образование которой в Петрограде не хватило политической воли у правых и левых социалистов» [28. С. 249].

Конечно, никаких реальных шансов на сохранение этой «одно-родно-социалистической» власти не было, учитывая принципиальные различия в программных установках ее участников, но сохранение коалиции позволило избежать кровопролития. Процесс установления Советской власти в губернии в целом имел мирный характер в отличие от Омска, Иркутска, Красноярска. Но нельзя не учитывать то, что в Томске ни у кого из политических оппонентов не имелось достаточных сил для силового решения вопроса о власти.

Провозглашение Советской власти в губернском центре ускорило переход власти к советам на местах. К концу 1917 г. взяли власть в свои руки советы Новониколаевска, Мариинских приисков, Судженских копей, в январе 1918 г. — Анжерских, Кольчугинских копей, Тайги, Яшкино.

В этих условиях активизировались областники. 22 декабря областной совет направил советам всех сибирских городов обращение с предложением послать делегатов в Сибирскую областную думу как орган общесибирской коалиционной власти. В обращении «К народам Сибири» Временный сибирский областной совет призвал население встать на защиту сибирской «социалистической» власти, обещая ему «осуществить переход земель в общенародное достояние без выкупа, организацию народного хозяйства в интересах трудящихся» и, в согласии со Всероссийским Учредительным собранием, заключить «всеобщий демократический мир» [16. С. 126—127].

Попытки областников сформировать альтернативную советам власть вызвали серьезное беспокойство у сибирских большевиков. Требования к томским большевикам занять более жесткую позицию по отношению к областникам предъявляли как вышестоящие, так и местные советы. 4 января 1918 г. Центросибирь направила Томскому совету меморандум, в котором потребовала «самым решительным образом бороться с попыткой кучки буржуазной интеллигенции объявить себя правительством Сибири» [12. 1918. 4 янв.].

Существенно повлиял на расстановку политических сил разгон Учредительного собрания. 8 января на экстренном заседании Томской городской думы действия большевиков подверглись острой критике. Меньшевик Д. И. Розенберг заявил: «У нас власти советов нет! Это фикция. У нас есть партия, которая воспользовалась критическим моментом, воспользовалась трагедией России и захватила власть в свои руки» [11. 11, 18 янв.]. Дума призвала население Томска и всей губернии вступить на путь организованной охраны и защиты Учредительного собрания.

В середине января совещание эсеров Томской губернии выдвинуло требование передать всю власть в стране Учредительному собранию. Под влиянием эсеров во второй половине января резолюции в поддержку Учредительного собрания и областной думы приняли I Общесибирский чрезвычайный крестьянский съезд и крестьянский съезд Томского уезда.

К концу января в Томск стали съезжаться депутаты Сибирской областной думы. В ночь на 26 января Томским совдепом было задержано около тридцати человек. Часть из них вывезли на станцию Тайга и отпустили на свободу, других — человек пятнадцать — отправили в Красноярскую тюрьму [9. С. 157.].

Впервые после свержения самодержавия в Томске были проведены аресты по политическим мотивам. Вплоть до разгона Учредительного собрания лидеры томских большевиков сохраняли надежды на приход к власти мирным путем. На заседании совета 15 декабря 1917 г. А. И. Беленец заявил, что обвинения большевиков в развязывании братоубийственной войны не обоснованы. Он отметил, что большевики первыми нигде не выступали, хотя и не позволяли буржуазии хозяйничать над ними. Беленец подчеркнул, что для большевиков «интересы демократии — прежде всего» [25. С. 90].

Впрочем, были и иные мнения. В начале декабря И. Л. Наханович от имени большевиков заявлял: «...Мы говорим: или министерство с преобладанием большевиков, или, в крайнем случае, большевиков и левых эсеров, или же пусть гражданская война дойдет до своего логического конца — пусть дело решит сила. Третьего пути здесь нет» [24. № 1. С. 12].

С конца января 1918 г. использование силовых методов для устранения противников и подавления инакомыслящих стало нормой. «Тюрьмы набиты социалистами», переполнены рабочими, низшими служащими, солдатами, крестьянами сообщали эсеровские газеты [17. 1 мая; 27. 11 апр.].

Основной опорой большевиков была Красная гвардия, численность которой к весне 1917 г. в Томске выросла до 500 человек, а по губернии — до 2 тыс. [15. С. 209]. Уже с конца декабря 1917 г. советы Анжерских, Судженских, Кольчугинских копей направляли красногвардейские отряды в окрестные села для реквизиции продовольствия. Одной из основных мер пополнения финансовых средств советов стало наложение контрибуций на «буржуазный элемент» города и деревни.

Поскольку Советская власть позиционировала себя как народная, требовалось представить особую процедуру ее легитимизации. По примеру Петрограда большевистское руководство на местах шло по пути провозглашения Советской власти на съездах советов.

Съезды в условиях революции стали одной из важнейших форм легитимизации власти и ее решений. Особенно значима была роль съездов для крестьян. Как отмечал Э. И. Черняк, в сознании крестьян съезды являлись бесспорными и авторитетными органами местной власти, а принимаемые ими решения воспринимались как законные и обязательные для исполнения [29. С. 149].

С января 1918 г. большевики при поддержке левых эсеров развернули мощную агитацию в уездах, опираясь на сельскую бедноту и бывших солдат. В январе 1918 г. Советскую власть признал съезд крестьянских депутатов Новониколаевского уезда, в конце февраля решения о переходе власти к советам приняли съезды советов Каинского и Татарского уездов.

Под руководством большевиков в начале марта 1918 г. прошел II съезд советов крестьянских депутатов Томской губернии, который поддержал власть советов, принял резолюцию об объединении крестьянских советов с советами рабочих и солдатских депутатов и утвердил состав губернского исполнительного комитета совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [26. С. 186—192].

Уже после губернского съезда Советская власть была провозглашена Кузнецким и Мариинским уездными съездами.

26 марта 1918 г. исполком губернского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов постановил распустить земские учреждения в Томской губернии, все дела губернской земской управы передать губсовнархозу, а дела уездных и волостных земств — уездным и волостным советам депутатов. Также было принято постановление о ликвидации органов городского самоуправления и передаче их дел городскому совету рабочих и солдатских депутатов [26. С. 276].

Впрочем, к этому времени в ряде территорий органы местного самоуправления уже были устранены. В процессе установления Советской власти советы подчиняли себе административно-хозяйственные структуры, осуществляли жесткий контроль над производством и распределением, принимали меры по укреплению дисциплины труда и повышению производительности. Для борьбы с «контрреволюционными элементами», нарушителями порядка и трудовой дисциплины создавались революционные трибуналы.

По мере укрепления Советской власти в центре стала выстраиваться система жесткой вертикали с директивной формой управления. Томский губернский исполком постановления и распоряжения СНК начал получать с января 1918 г. [1. С. 38] и в свою очередь стал репродуцировать эту систему на отношения с нижестоящими советами.

Формирование административно-командной системы вызывала недовольство средних слоев, доверие к Советской власти ослабло и в

рабочей среде. Массовые реквизиции продовольствия стали причиной крупных крестьянских выступлений весной 1918 г. в Кузнецком, Мариинском уездах и Нарымском крае. Эти выступления были подавлены красногвардейскими отрядами, а на население восставших деревень наложена контрибуция.

К концу весны 1918 г. Советская власть в губернии утратила поддержку и значительной части рабочих. Большевик И. Л. Наханович в мае 1918 г. отмечал, что в Томске Советская власть «сильна постольку, поскольку она держится в других местах» [28. С. 252]. Правоту его слов уже вскоре подтвердили события, связанные со свержением Советской власти в Сибири.

Таким образом, процесс установления Советской власти в Томской губернии растянулся по времени с конца 1917 г. до конца марта 1918 г., но так и не был завершен полностью. В целом этот процесс протекал в более мягкой форме, чем в большинстве других регионов страны. Сохранение во власти до конца 1917 г. социалистической коалиции позволило избежать силовых методов и придать процессу перехода власти в руки советов эволюционный характер. Причем, готовность к компромиссу (во многом вынужденную) проявляли как томские большевики, так и их политические оппоненты. Как те, так и другие занимали выжидательную позицию, ожидая развязки событий в центре, связывая ее с созывом Учредительного собрания.

После разгона Учредительного собрания существование коалиции стало невозможно. Ускорилось объединение антибольшевистских сил под знаменем областничества.

Арест членов Сибирской областной думы показал, что большевистское руководство губернии взяло курс на силовое решение вопроса о власти. Насилие пришло на смену диалогу с политическими оппонентами. Все попытки противостоять силовому диктату жестко подавлялись, а участники антибольшевистских акций зачислялись в лагерь контрреволюции. Все же до физического уничтожения своих противников в этот период большевики не дошли.

Параллельно была развернута мощная пропагандистская кампания среди крестьянства. Большевикам удалось, опираясь на сельскую бедноту и солдат, добиться признания Советской власти уездными и губернским крестьянскими съездами, что делало ее формально легитимной в глазах большинства населения губернии. Однако, «первая Советская власть» в губернии так и не получила массовой поддержки населения, что показали последующие события.

Список литературы

1. Беленец А. И. Установление Советской власти в Томской губернии // В огне революционных битв: Сб. восп. Томск, 1964. С. 22—41.
2. Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске // Путь борьбы. Томск, 1923. Вып. 1. С. 25—48.
3. Голос свободы. Томск, 1917.
4. Голос Сибири. Новониколаевск, 1917.
5. Горняки Сибири. Революция и Гражданская война: Сб. статей. Новосибирск: Изд-во ЦК и Сибкрайкома горнорабочих СССР, 1927. 328 с.
6. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-483. Коллекция воспоминаний участников революционного движения и Гражданской войны в Кузбассе.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9591. Коллекция документов партий: социалистов-революционеров, меньшевиков и трудовой народно-социалистической. 1917—1922 гг.
8. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1362. Управляющий Томской губернией (1918—1919 гг.).
9. Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII—XX столетиях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 348 с.
10. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.
11. Земская газета. Томск, 1918.
12. Знамя революции. Томск, 1917, 1918.
13. Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск: Наука, 1969. 334 с.
14. Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.
15. Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. Двести лет на страже порядка: (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX—XX вв.). Томск: Красное знамя, 2002. 520 с.
16. Максаков В., Турунов А. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917—1918). М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 299 с.
17. Многострадальный путь народа. Томск, 1918.
18. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880—1919 гг. Т. 2: Март 1917 — май 1918 г.: в 2-х ч. Ч. 2: Сентябрь 1917 — май 1918 г. / Сост. Черняк Э. И., Дробченко В. А. Томск: изд-во Том. ун-та, 2013. 386 с.

19. Октябрь в Сибири: Хроника событий (март 1917 — май 1918 г.). Новосибирск: Наука, 1987. 319 с.
20. Орлов Ф. Первый губернский съезд рабочих и солдатских депутатов в 1917 году // Былое Сибири. — 1923. — № 2. — С. 40—41.
21. Петренко А. Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 91—100.
22. Путь народа. Томск, 1917.
23. Сибирская жизнь. Томск, 1917.
24. Сибирский рабочий. Томск, 1917.
25. Советы Томской губернии. Март 1917 — май 1918 г.: Сб. док. и матер. Томск: Зап. — Сиб. кн. изд-во, Том. отд., 1976. 219 с.
26. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / Сост. Э. И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. Ч. 1—2. 333 с.
27. Тернистый путь народа. Томск, 1918.
28. Томская область: Исторический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 684 с.
29. Черняк Э. И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 — ноябрь 1918 года). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.
30. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 г. (К истории банкротства партии). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 164 с.
31. Шишкин В. И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 года) // История белой Сибири. Сб. науч. ст. Кемерово, 2011. С. 54—61.

В. В. Журавлев

*Институт истории СО РАН,
Новосибирский государственный университет
(г. Новосибирск, Россия)*

ВРЕМЕННАЯ СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА: МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ

В статье выполнен анализ обстоятельств возникновения, политической деятельности, исторической роли Временной Сибирской областной думы.

Сделаны выводы о том, что Временная Сибирская областная дума, организованная на принципах представительства революционно-демократических организаций, оказалась слабо укорененной в обществе. Для Сибирской областной думы задачи общероссийской борьбы практически полностью подчинили себе региональную повестку, что и стало важнейшей предпосылкой ее самоликвидации. Логика борьбы подталкивала все основные российские политические силы к централистской политике.

Ключевые слова: Революция 1917 года, контрреволюция, Сибирь, областничество, восток России, Уфимская Директория, Временное Всероссийское правительство.

В полном согласии с политической философией Модерна идея представительной власти традиционно являлась одной из главных в для русского революционного движения. Общественная мысль, а после реформ Александра II и манифеста 19 октября — частично и политическая практика концентрировались вокруг общегосударственных и местных представительных институтов. Идея представительного правления очень быстро из средства достижения общественного прогресса трансформировалась в его цель, лозунги Земского собора или Учредительного собрания приобрели статус «вековой мечты», политического идеала.

Местные самоуправления и общегосударственный парламент после 1905 года представляли собою как реально действовавшие учреждения, так и политически лозунг. Их способы формирования, компетенция и функции не рассматривались как нечто неизменное и даже сколько-нибудь стабильное, однако само существование данных институтов не ставилось под сомнение большинством общества.

Что же касается краевых сеймов и областных дум — представительных учреждений для крупных частей империи — вплоть до 1917 года они оставались лишь децентрализационными проектами (за исключением сейма Великого княжества Финляндского и недолго-

вечного сейма Царства Польского). Даже радикальные противники монархии отнюдь не распространяли отрицание самодержавного строя на принцип централизма.

Четкое и аргументированное изложение данной позиции дал в 1882 году один из авторов журнала «Народная воля»:

«...мы утверждаем, что против общего врага должны быть направлены соединенные, дружные усилия всех составных частей государства: разъединение в борьбе ослабит наши силы и отдалит победу. Мы настаиваем также на том, что торжество революции и социалистических принципов упрочится только при том условии, если общими силами будет произведена не одна дезорганизационная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е. если учредительная деятельность обще-русского Земского собора, который займет место временного левореволюционного правительства, распространится на территорию всего государства. Только после закрепления революционных приобретений, после твердой установки общих основ нового строя отдельным народностям должно быть предоставлено право — определить свою политическую связь с целым государством. Иначе темные реакционные силы, наверное, найдут свою Вандею, откуда откроют поход против расчлененной революции. У нас нет места и времени, да — пожалуй и надобности, входить в препирательства с педантами-автономистами. Наши слова обращаются к тем честным людям, которые — быть может — уже работают на пользу своего родного края и которых разделяет от нас простое недоразумение» [1].

Показательно, как в данном тексте сведены и связаны несколько ключевых тем: централизм и автономизм, представительный орган и отрицание разделения властей, и главное — противоборство сил революции и контрреволюции.

Однако прямые наследники народнической традиции — социалы-сты-революционеры — вошли в историю революции и гражданской войны в значительной степени именно как строители целого ряда именно регионалистских проектов, как создатели на различных окраинных территориях политических режимов, противостоявших центральной революционной власти, как политическая сила, обозначенная последующими историками парадоксальным ярлыком «демократической контрреволюции» [2].

Особое место в истории этих попыток занимает Временная Сибирская областная дума — региональный представительный орган, возникший на излете политического импульса февральской революции, сыгравший немаловажную роль в начальном этапе гражданской

войны и чей самороспуск стал важнейшей вехой в процессе консолидации антибольшевистских сил на востоке России.

Именно по этим причинам Сибирская областная дума давно вызывает интерес исследователей. Существует ряд археографических публикаций, среди которых важнейшая — сборник документов, составленный В. И. Шишкиным [3, 4]. Внимание исследователей привлекала история проведения областных съездов в октябре и декабре 1917 г., а также попытка создать Сибирскую областную думу в январе 1918 г. [5 и др.] В ряде исследовательских публикаций освещалась история функционирования частных совещаний депутатов думы [6], место национального вопроса в деятельности думы [7, 8, 9], отношение к сибирскому представительному органу властей и населения Приморья [10].

* * *

В условиях тяжелейшего кризиса российской государственности, последовавшего за Февральской революцией 1917 г. смогла реализоваться идея создания регионального представительного и законодательного учреждения.

Сибирскими социалистами-революционерами, при поддержке областников и деятелей национальных политических организаций и движений была развернута большая организационная деятельность, важнейшими вехами которой были проведение конференции и двух областных съездов.

6 (19) декабря 1917 г. в Томске собрался Чрезвычайный Сибирский областной съезд. На съезде были представлены «революционно-демократические» организации в диапазоне от левых эсеров до областников, но при безусловном преобладании ПСР. Представителям «цензовых» организаций было отказано в участии в работах съезда. В принятой съездом декларации по текущему моменту заявлялось, что политические и экономические обстоятельства вынуждают съезд «временно создать... общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков включительно, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной думы и областного совета, ответственного перед областной думой» [ГАНУ. Ф. П-5, оп. 4, д. 656, л. 1.]. Принятая 12 (25) декабря 1917 г. специальная «формула перехода» уточняла, что создаваемая сибирская власть вплоть до созыва Учредительного собрания Сибири должна состоять «исключительно из представителей демократии без участия цензовых элементов», а из социалистических партий во власти могут принять участие только те, которые «принимают платформу настоящего съезда, т. е. безусловную борьбу за избранное всеобщим, прямым, равным

и тайным голосованием Всероссийское учредительное собрание и за областное народоправство Сибири» [11]. Впрочем в кулуарах съезда эсеры заявляли критиковавшим «формулу перехода» областникам, что «она не является последним словом сибирского областничества; впереди предвидится областная дума и Сибирское учредительное собрание, которые могут постановить к включению в состав Сибирского правительства цензовиков и исключению большевиков» [12].

Принятым 15 декабря 1917 г. положением предусматривалось формирование Временной Сибирской областной думы из представителей земских и городских самоуправлений и демократических общественных организаций Сибири [13].

В первых числах января 1918 г. (по ст. ст.) начались предварительные частные совещания избранных членов Сибоблдумы, постепенно съезжавшихся в Томск. Избранный председателем частных совещаний И. А. Якушев вспоминал: «Прибывая в Томск, депутаты записывались в думские фракции...» [14]. Обобщая фрагментарные свидетельства источников, можно утверждать, что в январе 1918 г. были созданы следующие фракции: социалистов-революционеров, социал-демократов, национальностей, народных социалистов и областников. Необходимо отметить, что три первые фракции вне зависимости от формального партийного членства имели, по сути, общую политическую платформу, разделяя и поддерживая эсеровские позиции. На другом фланге думы оказались областники, олицетворявшие собой более правый, по отношению к эсеровскому, политический курс. В отсутствие представителей «цензовых» организаций, областники оказались центром притяжения и для еще более правых «беспартийных» деятелей. В центре оказалась небольшая фракция народных социалистов, не обладавшая внутренним единством, частью склонявшаяся направо — к областникам, частью налево — к эсерам.

Некоторое представление о численности фракций можно составить по следующим данным: из 93 прибывших в январе 1918 г. в Томск депутатов было 56 эсеров, 10 народных социалистов, 5 меньшевиков, 23 депутата вне зависимости от своей партийной принадлежности представляли национальные организации [15]. Численность областнической фракции оценить трудно, но она была меньше фракции национальностей (в августе — сентябре 1918 г. во фракции областников и беспартийных насчитывалось 28 членов.) [ГАТО. Ф. Р-72, оп. 2, д. 16, л. 49.].

Внушительный перевес эсеров в составе думы, их безусловное доминирование в руководящих органах «областного движения», надежная поддержка представителей национальных организаций и социал-

демократов позволяли им составить фактически однородный кабинет. Однако, разгон Всероссийского учредительного собрания, укрепление советской власти в центре и на местах настоятельно подталкивали антибольшевистские силы к консолидации, указывали на необходимость для создаваемой «областной власти» максимально широкой поддержки.

Поэтому неудивительно, что, по словам официального очерка истории Сибоблдумы, изданного летом 1918 г. на Дальнем Востоке, в частных заседаниях Сибирской областной думы вновь «обсуждался вопрос о привлечении в состав думы и правительства цензовых элементов».

Со своей стороны, правая пресса, которая еще недавно негативно относилась к эсеро-областническим планам создания сибирского правительства [12, с. 60], к этому моменту уже выражала надежды на то, что «соединенными усилиями правительств окраин... удастся сбросить гнет большевистского самодержавия» [16].

Впрочем, в смутной и тревожной обстановке тех дней думцы так и не смогли окончательно прийти к какому-либо определенному решению. И. А. Якушев, активный участник этих заседаний, намеченный представителями фракций на пост председателя думы, впоследствии объяснял это тем, что «по переживаемому тогда политическому моменту, когда большевики обвиняли Сибирскую думу в организации правых контрреволюционных сил, отсутствие цензовой общественности в первой думе в значительной степени облегчало тактическую линию борьбы с большевиками» [17].

Как бы то ни было, «отсутствие цензовой общественности» в составе думы ни в коей мере не вводило большевистское руководство в заблуждение по поводу истинных намерений руководства думы. 24 января (6 февраля) 1918 г. в Томск было передано по прямому проводу обращение председателя Центрального исполнительного комитета советов Сибири Б. З. Шумяцкого к Томскому совету рабочих и солдатских депутатов. В обращении указывалось, что легальная деятельность членов Сибоблдумы дает возможность открыто налаживать «единый фронт против советов» и содержалось предложение немедленно произвести аресты среди депутатов [14, С. 23.]. 26 января (8 февраля) 1918 г. Томский губернский исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о роспуске Временной Сибирской областной думы, ее члены, «в случае неподчинения постановлению о роспуске», объявлялись «врагами народа» и подлежали суду революционного трибунала. 18 членов думы были арестованы красногвардейцами [18].

Несмотря на это, 26 и 27 января (8 и 9 февраля) 1918 г. состоялись два частных совещания оставшихся на свободе членов Сибоблдумы,

на которых обсуждался вопрос о дальнейших действиях. Первоначально большинство депутатов заявляли о невозможности открытия работ «в столь ненормальной обстановке» и склонялись к необходимости заново создать думу «в более полном составе» где-либо на Дальнем Востоке, на территории, свободной от советской власти. Однако, П. Я. Дербер настаивал на немедленном открытии заседаний думы и избрании полномочного правительства, которое, перебравшись на Дальний Восток, «могло бы действовать и решать». Под влиянием его аргументов большинство согласилось все же «устроить тайно от большевиков заседание областной думы» [19].

В 9 часов вечера 26 января 1918 г. в присутствии 47 членов думы, было объявлено об официальном открытии работ Временной Сибирской областной думы. Принятые собравшимися декларации провозглашали, что отныне и «до созыва Всесибирского учредительного собрания вся полнота власти в пределах Сибири принадлежит Временной Сибирской областной думе», и что «для осуществления своей власти Сибирская областная дума избрала Временное правительство» [18].

Члены правительства сыграли важную роль в организации антибольшевистского подполья на востоке страны [20].

После свержения советской власти в Сибири в мае — июне 1918 г., прошедшего под знаменем избранного думой Временного Сибирского правительства, работа Сибирской областной думы была возобновлена, сначала в форме частных совещаний членов думы, а после 15 августа 1918 г. в форме официальных заседаний.

По согласованной с Советом министров Временного Сибирского правительства программе работ дума должна была принять наказ, сформировать президиум, комиссии, выслушать декларации правительства и принять закон о пополнении своего состава представителями «цензовых» (буржуазных) организаций. Однако дума обратилась к рассмотрению вопроса об образовании всероссийской власти. В преддверие планировавшегося в Челябинске Предварительного Государственного совещания делегаций областных правительств Поволжья, Урала и Сибири дума даже избрала особую, отдельную от Временного Сибирского правительства делегацию для поездки в Челябинск. На этом деятельность думы была приостановлена до 10 сентября 1918 г.

10 сентября 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства фактически прекратил свою деятельность. Формально, «сибирская директория» насчитывала на тот момент шесть членов. Однако 20 августа, после завершения работ августовской сессии Сибоблдумы, В. М. Крутовский написал заявление об отставке и уехал в Красноярск. 8 сентября о своей отставке заявил Г. Б. Патушинский,

также покинувший Омск. В то же время, предсовмин П. В. Вологодский «не дал хода» этим заявлениям, эти отставки не были оформлены, о них не было официально объявлено. Около 10 сентября в Томск, «для участия в работе областной думы» выехал М. Б. Шатилов. 8 сентября П. В. Вологодский, возложив исполнение обязанностей председателя Совета министров на И. И. Серебренникова — заместителя предсовмина и председателя Административного совета, также покинул Омск, выехав во Владивосток. Наконец, 10 сентября в Уфу выехал И. И. Серебренников, назначив исполняющим обязанности председателя Административного совета И. А. Михайлова [ГАРФ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104. Л. 118.].

10 сентября, проезжая через Красноярск, Вологодский приложил все усилия, чтобы убедить В. М. Крутовского вернуться к правительственной деятельности и занять пост заместителя председателя Совета министров. Ему это удалось, Крутовский обещал в ближайшие дни выехать в Омск.

Указом Временного Сибирского правительства о временном перерыве работ Сибоблдумы в целях пополнения ее состава указывался точный срок возобновления работ «сибирского парламента» — 10 сентября. Несмотря на то, что за истекшие 20 дней состав Думы не пополнился ни одним депутатом, избранным согласно закона от 17 августа 1918 г., новый цикл заседаний думы был открыт.

Руководство областной думы находилось в постоянном и непосредственном контакте с лидерами левых и центристских делегаций на Государственном совещании в Уфе, где кроме того находилась посланная думой делегация.

Вскоре в Томск прибыли министр внутренних дел Временного правительства автономной Сибири А. Е. Новоселов и бывший министр без портфеля того же правительства С. А. Кудрявцев [19].

17 сентября в закрытом заседании Сибирской областной думы был поставлен вопрос о позиции делегации правительства на совещании в Уфе. Лидер эсеровской фракции И. Г. Гольдберг потребовал, чтобы правительство дезавуировало основные положения своей декларации, заявленной при открытии совещания и согласилось на принцип ответственности перед «старым» Учредительным собранием. В противном случае, заявил он, дума будет вынуждена поставить вопрос: «не преступило ли правительство те директивы, те полномочия, которые были даны в этом зале... не расходится ли позиция Временного Сибирского правительства с позицией всей страны, всей Сибири и, если расходится, то место ли правительству на тех скамьях, которые оно сейчас занимает?» [ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 81. Л. 19.].

Постепенно у лидеров левых сформировался план действий: с целью изменения направления политики Временного Сибирского правительства добиться закрепления в составе совмина В. М. Крутовского, возвращения Г. Б. Патушинского и включения А. Е. Новоселова, в результате чего в Омске вновь должен был возникнуть «послушный думе кворум». Окончательное оформление план получил 18 сентября на закрытом заседании областной думы [19]. Важно отметить, что практически все внимание думцев было приковано к переговорам, происходившим в Уфе. И. А. Якушев, М. Б. Шатилов, А. Е. Новоселов в этот же день выехали в Омск. План вступил в фазу реализации.

19 сентября 1918 г. все трое прибыли в Омск. 20 сентября Крутовским было созвано заседание Совета министров в составе И. А. Михайлова и М. Б. Шатилова в присутствии И. А. Якушева. На повестку дня были вынесены четыре группы вопросов. Прежде всего, левые потребовали изменения состава сибирской делегации в Государственном совещании в Уфе и согласования списка кандидатур от Временного Сибирского правительства в состав Директории с президиумом областной думы. Далее, левые осудили направление деятельности Административного совета и потребовали изменения положения об этом органе. Был поставлен вопрос о немедленном освобождении задержанной в Иркутске делегации Сибоблдумы, направленной во Владивосток с целью противодействия «миссии Вологодского». Наконец, было выдвинуто требование возвращения в состав Совета министров Патушинского и включения Новоселова [19].

И. Михайлов покинул заседание Совета министров, тем самым лишив его кворума. Немедленно после закрытия некий «протокол» данного заседания секретарем Совмина Т. В. Бутовым был передан начальнику омского гарнизона полковнику В. И. Волкову. Волков заявил, что «назревает государственный переворот, что ждать заседаний времени нет, необходимо действовать».

Решение об активных действиях было принято В. И. Волковым и И. А. Михайловым «на свой страх и риск» и оформлено постановлением начальника гарнизона г. Омска № 123 от 21 сентября 1918 г. В данном документе констатировалась попытка Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова, совершить «государственный переворот, направленный против Государства Российского и Временного Сибирского правительства». В виду этого, полковник Волков на основании полномочий, предоставленных ему Временными правилами о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 15 июля 1918 г., «в целях пресечения государственного преступления» приказывал: «немедленно заключить под стражу вышеупомянутых

Новоселова, Якушева, Крутовского и Шатилова о чем и донести командующему армией и председателю Совета министров. О задержании Новоселова сверх сего и по делу об участии в захвате власти советами сообщить г. прокурору Омской судебной палаты» [ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 2, л. 82—82об.]. Офицеры под угрозой расстрела вынудили В. М. Крутовского и М. Б. Шатилова подписать заранее заготовленные прошения о своей отставке.

Вечером 21 сентября собравшийся на заседание Административный совет постановил удовлетворить «ходатайства» Шатилова и Крутовского, освободить их из под стражи, признав, что основания для ареста у военной власти были. Одновременно Административный совет постановил прервать заседания областной думы, в связи тем, что требуемое постановлением от 17 августа 1918 г. пополнение ее состава не произведено [23].

Таким образом, 21 августа правые, благодаря вмешательству Волкова, полностью «отыграли» потерянные накануне позиции и перешли в контрнаступление. Несмотря на чрезвычайный характер происшествий, «удаление» Крутовского, Шатилова, Якушева и Новоселова носило (хотя и не безоговорочно) внешне легальный облик. Несомненно, что выигравшая сторона была заинтересована в том, чтобы сохранять это положение и дальше. Однако, судя по всему, события вышли из-под контроля.

Утром 22 сентября Крутовскому, Шатилову и Якушеву было сообщено о принятых накануне решениях Административного совета, и взяты подписки-обязательства в 24 часа покинуть Омск. После этого они были отпущены на свободу. Против Новоселова же было оформлено через прокурора дело о привлечении к суду за «сношения с большевиками» в ноябре 1917 г. и его должны были отправить в тюрьму для предварительного заключения. В тюрьму его сопровождал караул из двух обер-офицеров для поручений при полковнике Волкове — поручика А. С. Семенченко и хорунжего В. Н. Мефодьева. Они отвезли его в Загородную рошу, где он и был убит «при попытке к бегству» [24].

Г. К. Гинс приводил некий рассказ, «что сам полковник Волков, начальник омского гарнизона, не предвидел такого исхода ареста и рвал на себе волосы, когда узнал о случившемся» [19]. Трудно сказать, как на самом деле реагировал на рапорт своих подчиненных полковник Волков и кто был инициатором убийства, но правым было о чем сожалеть: убийство Новоселова совершенно перечеркнуло все их усилия по сохранению внешней «легальности» событий и нанесло колоссальный урон их позициям. Инициатива вновь перешла к левым кругам.

В ночь на 22 сентября областная дума отказалась признать решение о своем роспуске, ссылаясь на нарушение Советом министров «временной конституции Сибири» — положения от 15 декабря 1917 г. [ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.] и сформировала в качестве чрезвычайного органа власти Комитет Сибирской областной думы. Членами Комитета были избраны И. А. Якушев, И. М. Бланков, Л. С. Заленский, А. М. Капустин, Ф. С. Лозовой, В. П. Мазан, С. Д. Майнагашев, П. Я. Михайлов, В. П. Неупокоев, С. И. Никонов, Ю. Р. Саиев, С. А. Тараканова, З. И. Шкундин, М. С. Фельдман, кандидатами в члены — З. С. Гайсин, А. Г. Коган, В. Н. Мерхалев, Пепеляев, В. А. Строканн [ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1, Д. 72. Л. 2об.].

Кроме того, провозглашалось, что «Временным Сибирским правительством областная дума считает правительство в составе, избранном думой в январе 1918 г., за исключением министра финансов И. А. Михайлова», а также было принято решение о ликвидации Административного совета, увольнении и предании суду его председателя И. А. Михайлова и управляющего министерством внутренних дел А. А. Грацианова [ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 72. Л. 1об.].

Командир Чехословацкого корпуса генерал Я. Сыровы из Челябинска незамедлительно приказал местным чешским властям исполнить данное постановление думы. Ф. И. Рихтер докладывал в Уфу, что им «приняты меры к аресту минфина Михайлова, Бутова и Грацианова» [25].

Утром 24 сентября Грацианов был арестован, И. Михайлов вынужден был скрыться в казармах отряда атамана Б. В. Анненкова, члены Административного совета «прятались по городу». Правительственная власть была дезорганизована, практически прекратив свою деятельность.

По соглашению с чехами в этот же день «предполагалось опубликовать извещение о переходе всей полноты власти к председателю Сибоблдумы И. А. Якушеву (до связи с Сибоблдумой и приезда членов Сибирского правительства)» [26]. Мечта левых о «расчистке омского болота» при помощи чехов была близка к осуществлению.

Однако исход дела позиция решила Сибирской армии. Омские казачьи отряды отказались выдать чехам И. Михайлова, а при угрозе арестовать полковника Волкова приняли решение в этом случае «выступить против чехов». 24 сентября томский губернский комиссар А. Н. Гаттенбергер опечатал помещение думы и арестовал членов Комитета Сибоблдумы [ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д., л. 52об.]. Когда представитель чехословаков И. Глосс попытался воздействовать на него с помощью давления и угроз, Гаттенбергер обратился за поддержкой к

командующему 1-м Средне-Сибирским корпусом генерал-майору А. Н. Пепеляеву. Получив от него уверения в полной и при необходимости вооруженной поддержке, губернский комиссар заявил Глоссу, что если тот не прекратит вмешиваться в действия властей, то он будет арестован [19]. Этого минимального сопротивления оказалось достаточно, чтобы остудить чехословацкое командование. Уже утром 25 сентября Грацианов был освобожден и «не осуществлялись больше попытки к аресту Михайлова» [19]. По сути на этом инцидент был исчерпан.

Уже днем 21 сентября об омских событиях стало известно в Уфе. Чехословацкий уполномоченный в Омске Ф. И. Рихтер доносил об исчезновении Крутовского, Шатилова, Новоселова и Якушева. Далее он сообщал, что «сегодня ночью должен заседать Административный совет, который решил распустить или разогнать областную думу... Эти сведения приводятся в связи с именем министра Михайлова, председателяствующего в вышеупомянутом совещании... Кажется Михайлов задумывает переворот» [27].

Б. Павлу, в связи с этой ситуацией, заявил: «По-моему, следует Михайлова арестовать и обо всем опубликовать в газетах и таким образом его морально уничтожить».

Одновременно свое внимание к сибирской делегации проявил представитель союзников — глава французской военной миссии А. Гинэ. Пригрозив бойкотом со стороны Антанты, Гинэ «заставил ввести в Директорию двух эсеров, которые иначе были бы отведены представителями Омска» [29].

Сделать это было нетрудно, ибо в сложившейся после известия об убийстве А. Е. Новоселова ситуации, казачьи делегаты «проявили уступчивость». В этих условиях, сибирская делегация оказалась деморализована и практически полностью сдала свои позиции.

«О достигнутом с такими большими трудами соглашении в Уфе, — писал В. М. Вишняк, — можно сказать, что — не бывать бы счастью, да несчастье помогло: даже не одно, а два несчастья: потеря морального авторитета Сибирским правительством в связи с арестами и убийством 21 сентября и потеря фактической власти самарским правительством после отобрания большевиками Симбирска» [30, с. 185.].

23 сентября на итоговом торжественном заседании Государственного совещания было провозглашено создание Временного Всероссийского правительства. Было объявлено о создании Временного Всероссийского правительства в составе Н. Д. Авксентьева, Н. И. Астрова, В. Г. Болдырева, П. В. Вологодского, Н. В. Чайковского. Заместителями членов правительства были избраны: Авксентьева — А. А. Аргу-

нов, Астрова — В. А. Виноградов, Болдырева — М. В. Алексеев, Вологодского — В. В. Сапожников, Н. В. Чайковского — В. М. Зензинов.

4 ноября 1918 г. Временным Всероссийским правительством был издан акт, оформлявший ликвидацию предшествовавших ему региональных властей. Речь идет о грамоте «Ко всем областным правительствам и ко всем гражданам Государства Российского».

Во вводной части данной декларации обосновывалась необходимость ликвидации областных правительств: «воссоздание боевой мощи Родины» «оказалось невыполнимым при отсутствии единой и стройной системы управления и при наличии в различных областях России особых правительств, встретивших большие трудности в создании условий, необходимых для снабжения армии и организации тыла во всероссийском масштабе».

Далее объявлялось, что, с одной стороны, у правительства имеется твердое намерение «предоставить отдельным частям Государства Российского права широкой автономии», с другой — оно уравновешивается «сознанием великой ответственности... в исторический момент создания единого и крепкого Государства».

В заключении грамоты говорилось: правительство верит, что «все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести наконец нашу страдавшуюся отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения» [31].

3 ноября Временное Сибирское правительство сложило свои полномочия, передав верховную власть на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству» [32, 33]. На следующий день Директория приняла грамоту, объявлявшую о ликвидации всех областных правительств и учреждении всероссийского Совета министров, затем был издан специальный указ с требованием самороспуска от Сибирской областной думы.

10 ноября 1918 года на специально созванном заседании Сибирской областной думы был поставлен вопрос о «самозакрытии». В голосовании участвовало 89 чел., из них 22 представителя фракции областников воздержались, 66 представителей фракций эсеров и социал-демократов проголосовали за, и 1 голос был подан против [34].

* * *

Традиционно исследователи оценивали итоги событий 20—25 сентября как однозначный успех правых, отстранивших от власти представителей левого фланга сибирского антибольшевизма.

Однако реальная ситуация была сложнее. Убийство Новоселова надолго стало символом «белого» Омска, именно после этого события окончательно приобретшего в левых и левоцентристских кругах инфермальную репутацию «капища и гнезда черносотенной реакции и военных заговоров» [ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1493. Л. 2.]. Оно существенно подорвало авторитет Временного Сибирского правительства, и, самое главное, во многом определило неудачные для правых итоги Государственного совещания в Уфе.

Образование Временного Всероссийского правительства принципиально изменило конфигурацию восточно-российской политической сцены. Отныне Временному Сибирскому правительству волей-неволей приходилось считаться с реалиями «уфимской политической системы», внутрисибирская политическая борьба окончательно сливалась с процессом консолидации государственной власти в масштабах всего востока России.

Наиболее точно роль Сибирской областной думы в образовании Временного Всероссийского правительства определил ее председатель И. А. Якушев: «Нет худа без добра. Конфликт Временного Сибирского правительства с облдумой ускорил образование всероссийской власти и ослабил позицию Вр [ременного] Сиб [ибирского] правительства на уфимском совещании».

Задачи общероссийской политической борьбы в деятельности сибирского регионального «парламента» полностью подчинили себе собственно сибирские вопросы. Действуя в интересах Комитета членов Всероссийского учредительного собрания против Временного Сибирского правительства, лидеры Временной Сибирской областной думы внесли весомый вклад в ликвидацию сибирской автономии.

Далее, став заложниками своей поддержки «уфимского решения», Временная Сибирская областная дума была вынуждена самоликвидироваться.

Важная общая закономерность проявилась в этих событиях: поверх раскола на лагерь революции и лагерь контрреволюции, поверх попыток найти «третий путь» между ними, логика борьбы подталкивала все основные российские политические силы к централистской политике.

Список литературы

1. Литература социально-революционной партии «Народной воли». Б. м.: Типография Партии социалистов-революционеров, 1905. 978 с.
2. Коробкин А. А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето — осень 1918 г.) в России. Автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

3. Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь—август 1918 г.): сб. док. и матер. / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2013. 292 с.

4. Шишкин В. И. «Вас зовут в Сибирскую областную думу». Выступление министра юстиции Временного Сибирского правительства Г. Б. Патушинского на Съезде торгово-промышленных организаций Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13. № 1. 2014. С. 141—158.

5. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

6. Шишкин В. И. Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 4. № 2. 2005. С. 54—63.

7. Нам И. В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 — январь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. № 281. 2004. С. 47—57.

8. Нам И. В. Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы в период «демократической» контрреволюции (июнь — ноябрь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. № 288. 2005. С. 151—158;

9. Нам И. В. Польские организации и Сибирская областная дума (1917—1918 гг.) // Человек — текст — эпоха. Сб. научных статей и материалов. Томск, 2008. С. 49—78.

10. Землянский В. Л. Отношение властей и населения Приморской области к идее создания сибирского парламента и представительства в нем в 1917—1918 гг. // Амурский научный вестник. 2016. № 3. С. 81—88.

11. Бюллетень Временного Сибирского областного совета. 1918. № 1.

12. Шиловский М. В. Декабрьский (1917 г.) Чрезвычайный областной съезд // Сибирь: XX век. Кемерово, 1999. Вып. 2.

13. Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 6 июля. № 2.

14. Якушев И. А. Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. 1928. № 3.

15. Шиловский М. В. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь — ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 4—18.

16. Свободное слово. 1918. 1 (14) января.
17. [Якушев И. А.] Памятная дата (28. I.1918—28. I.1928) // Вольная Сибирь. 1928. № 3. С. 4.
18. Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 11 июля.
19. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1.
20. Шишкин В. И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 года) // История «белой» Сибири. Кемерово, 2010.
21. Шиловский М. В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993 С. 21—36.
22. Ларьков Н. С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: Сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 58—61.
23. Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. док. и материалов / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
24. Вегман В. Д. Примечания // Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.
25. Приложение к газете «Народная Сибирь». 1918. 2 октября.
26. Аргунов А. А. Омские дни в 1918 году // Сибирский Архив. Прага. 1935. Т. 5.
27. Вестник Манчжурии. 1918. 19 ноября. № 228.
28. Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.
29. Перейра Н. Сибирь: Политика и общество в гражданской войне. М., 1996.
30. Вишняк М. В. Всероссийское учредительное собрание. Париж, 1932.
31. Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 17 ноября.
32. Сибирский вестник. 1918. 6 ноября.
33. Шишкин В. И. К истории формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства (24 сентября — 13 октября 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2008. № 2. С. 53—57.
34. Сибирские записки. 1918. № 4.

К. Л. Захарова

Институт истории СО РАН (г. Новосибирск, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СИБИРСКОГО СОЦИУМА В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (МАРТ — НОЯБРЬ 1917 Г.)

В статье реконструируются формы и раскрывается содержание адаптивных практик различных слоёв сибирского социума, применяемых в межреволюционный период. Февральская революция, поддержанная основной массой населения, стимулировала всплеск политической активности широких слоёв общества. Однако по мере «затухания» революционной эйфории и обострения общенационального кризиса общество было вынуждено корректировать свои адаптивные стратегии соответственно обстоятельствам. Поскольку революционность и политическая ангажированность населения оказывались лишь декларативными, формальными, то вновь созданные органы власти на местах и общественно-политические структуры деградировали из-за вторжения в политику неискушённого в ней населения. Сделан вывод о том, что от Февраля к Октябрю 1917 г. сибиряки прошли через сложный адаптациогенез: от вовлечения в политику путём использования конструктивных адаптивных практик через политическую мимирию и деструктивные адаптивные практики к использованию практик адаптации-ухода и дистанцированию от участия в политическом процессе.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Сибирь, власть и общество, политическая адаптация, политические практики.

От Февраля к Октябрю 1917 г. российское общество прошло сложный путь социально-психологических трансформаций, вызванных глобальными изменениями в политической сфере. Россия пережила крушение монархии, имевшей, казалось бы, всенародную поддержку, основанную на многовековой традиции: вчерашние верноподданные государя мгновенно отреклись от этой традиции, восприняв культуру революционного подполья как новый образец. Однако уже спустя несколько месяцев встреченная ликованием Февральская революция и сформированный в ходе неё политический режим также вызывали отторжение у большей части общества. Этот небольшой по продолжительности межреволюционный период был насыщен быстрыми и радикальными переменами, которые нарушили привычные основы существования социума. Изменились и условия, формы и характер взаимоотношений власти и общества, перед которыми встала задача коадаптации. Судьба постфевральской государственной системы во многом зависела от успешного адаптациогенеза в политической сфере.

Опыт человека в революционных событиях 1917 г., проблемы политических настроений людей, мотивов их поступков, практик их поведения, в том числе и адаптивных практик, становятся перспективным направлением исследований в современной исторической науке [1; 4; 24; 25]. Весьма подробно проанализированы различные социокультурные и психоментальные аспекты революционного процесса 1917 г. в исследованиях И. В. Нарского [20], Б. И. Колоницкого [17], В. П. Булдакова [7], В. Б. Аксёнова [3]. Изучением стратегий политического поведения горожан, крестьян и пролетариев занимался исследователь С. В. Яров [40, 42, 43]. Он же посвятил отдельную монографию феномену конформизма как значимой форме политической адаптации [41]. Касаясь изучения региональной специфики адаптивных практик, следует выделить сборник научных статей «Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века», в который вошли исследования широкого тематического спектра [23].

Одной из актуальных тем исследований в рамках политико-антропологического подхода остаётся проблема взаимоотношений власти и общества периода революций 1917 г. в многообразии их проявлений. В данной статье предпринята попытка реконструировать формы и раскрыть содержание политических практик различных слоёв сибирского социума, направленных на адаптацию к политическим реалиям межреволюционного периода.

***

Накануне Февральской революции 1917 г. в Сибири на фоне общероссийского экономического и социально-политического кризиса, усугублённого войной, начались перебои с продовольствием. Это создавало почву для волнений среди довольно больших и при этом слабо адаптированных социальных групп населения – мобилизованных солдат, жён фронтовиков и рабочих, готовых выплеснуть своё недовольство вовне. В предреволюционные дни обстановку накаляли слухи о критическом недостатке хлеба и грядущих реквизициях излишков муки у населения. При этом власть вместо адекватной адаптивной стратегии предлагала обществу неудачные репрезентативные образы и патриотическую пропаганду, что, вопреки ожиданиям, лишь вело к падению её авторитета [18]. Происходила десакрализация царской власти, свидетельством чего были различные слухи, окружавшие императорскую семью, а образ самого монарха наделялся инфернальными признаками.

В Сибири особенно чутко реагировали на ситуацию политические ссыльные, которые были выведены самой властью из социальной изоляции: их стали активно призывать в армию, брали на работу в обще-

ственные и государственные учреждения, допускали к сотрудничеству в периодической печати. «Мы все были убеждены, что революция неизбежна...», — вспоминал участник революционного движения В. И. Вельман [8, с. 182]. Известный красноярский общественно-политический деятель, близкий кругу революционеров, В. М. Крутовский отмечал в обозрении событий в Сибири: «Последняя зима 1916 г. была вообще тревожна. <...> протопоповщина, убийство Распутина и др. события ещё более внесли нервности, и всем чувствовалось, что мы находимся накануне великих событий. Уже в январе настоящего года один из политических ссыльных, встретив меня, сказал: «мы накануне революции»» [19, с. 104].

Параллельно процессу десаκραлизации царской власти в массовое сознание проникала предадаптивная установка на революцию. «Оппозиционные настроения охватили все слои населения: и буржуазию, и чиновников, и служащих, и перебрасывались в деревню, к сибирскому крестьянству» [39, с. 56]. В таких условиях наступление нового, 1917 года, несло в себе значимую социально-психологическую нагрузку: с началом нового года были связаны надежды на лучшее [2, с. 32—33].

Телеграммы о победе Февральской революции в Петрограде пришли в сибирские города в первых числах марта, но местные власти старались задержать известия о свершившихся событиях и не позволяли печатать их в газетах, «не доверяя происшедшему и надеясь, должно быть, на реставрацию» [27, 9 марта, с. 3]. Пока информация просачивалась в общество по частным каналам, местный административный аппарат пытался преодолеть шоковое состояние и тщетно ждал распоряжений о том, как вести себя в сложившейся ситуации. Представители местной власти оставались верны присяге до официального отречения Николая II от престола, однако на бытовом уровне чиновники начали менять привычные стандарты поведения. Так, политссыльный Е. М. Ярославский вспоминал о первых революционных днях в Якутске: «Мы встретили на улице полицмейстера Рубцова. Он необычайно любезно с нами раскланялся, по-видимому, уже зная о содержании полученной нами телеграммы» [44, с. 227—228].

Уже 2 марта 1917 г., после выяснения всех обстоятельств происшедших событий, генерал-губернатор Степного края и командующий войсками Омского военного округа Н. А. Сухомлинов «заявил себя солидарным с образовавшимся в Петрограде Временным правительством» [27, 9 марта, с. 3]. В тот же день иркутский генерал-губернатор барон А. И. Пильц, убедившись в необратимости революции, отменил своё распоряжение о введении военного положения в округе и согласился на создание в Иркутске комитета общественной безопасности [32, с. 6].

Известия о революции взволновали население Сибири и были встречены всеобщим ликованием. По крайней мере, именно так характеризовала настроения сибиряков и преподносила происходящее местная пресса, усиливая общее впечатление от свершившихся событий. Типичной является зарисовка первых послереволюционных дней в Новониколаевске: «Улица продолжала жить впечатлениями дня. Собирались кучками, ходили по городу толпы народа, по-праздничному одетые, по-новому весело возбуждённые, обсуждали новое положение, вкладывая в него такое содержание, которое бы больше всего отвечало желанием, давнишним мечтам» [34, с. 26]. Аналогичной была реакция жителей Ачинска: «Энтузиазм неописанный. Во всех общественных учреждениях занятия фактически прекращены: не работается; слишком волнующие события. На улицах группы горячо обсуждающих события, поздравляющих друг друга, крепко, радостно пожимающих руки друг другу» [15, 7 марта, с. 3].

Население сёл и деревень переживало события с не меньшим воодушевлением. Хотя часть крестьянства, в основном старшее поколение, для которого было характерно более стойкое патерналистское отношение к верховной власти, недоумевала и заявляла, что «без царя жить нельзя, что нужно бунтовщиков перевешать, а царя опять посадить на престол» [16, 2 июля, с. 6]. С другой стороны, некоторые крестьяне демонстрировали рациональное понимание политических событий, основанное на опыте 1905–1907 гг. Так, из некоторых деревень приходили сообщения, что крестьяне собирались ехать с коробами и мешками в город, ожидая разгрома магазинов [10, с. 15; 27, 8 марта, с. 3]. Люди понимали, какие возможности открывает революционная ситуация, и спешили ими воспользоваться.

Действительно, нельзя отрицать, что народное воодушевление перемещивалось с растерянностью и непониманием, а информационный вакуум заполнялся различными слухами, которые вносили смущение в жизнь сибиряков и мешали адекватному восприятию событий. Одна из популярных тем разговоров обывателей — слухи о происках «тёмных сил», которые отражали страх людей за свою судьбу ввиду возможных репрессий со стороны старой администрации. Этот страх, в свою очередь, мог перерасти в ответную защитную реакцию — акты жестокости по отношению к представителям царской власти. Доверие слухам не просто показатель наивности, это определённая адаптивная стратегия, позволяющая снять с себя ответственность за происходящее и оправдать свои самовольные действия. Однако это не стало магистральной тенденцией.

Весной 1917 г. о революционных событиях говорили как о заре новой, светлой жизни. Революцию сравнивали с Синею птицей, воскресением России [27, 3 марта, с. 3]. Это не случайно. Люди жили ожиданием светлого праздника Воскресения — Пасхи. То, что революция произошла накануне такого значимого события, казалось знаковым. Властями и населением была мобилизована сакральная символика для толкования новых явлений в светской жизни, объяснявшая происходящее с помощью понятных формул. Поэтому отождествление революции с Пасхой — праздником обновления — гармонично вписалось в атмосферу революционной эйфории, обеспечивая эффективное усвоение революционной пропаганды. Это было необходимо для толкования революции, возродившей общество для лучшей жизни, как неизбежной и позволяло легитимировать новую власть с помощью традиционных религиозных шаблонов, понятных основной массе населения [22, с. 326].

Для поддержания революционной эйфории Совет рабочих и солдатских депутатов в Петрограде решил объявить 10 марта 1917 г. всенародным праздником русской революции. Проводя рубеж между прошлым и настоящим и культивируя новый миф, даже отсчёт времени предполагалось вести от 10 марта — праздника весны, праздника свободы.

В праздничный день улицы сибирских городов были запружены бесчисленным количеством горожан и крестьян из соседних деревень. Дома были украшены вензелями с надписями и красными знамёнами. Газета «Сибирская жизнь» даёт романтическое описание происходившего в Томске: «Целый день народ пел, пел свободно и от чистого сердца, революционные песни... Была Пасха, без звонов колоколов, но музыка радостной жизни, озарившей Россию, была в душе каждого!». Томский гарнизон церемониальным маршем прошёл по городу. Состоялся ряд манифестаций, на которых речи ораторов сопровождались оглушительными «ура», музыкой и рукоплесканиями. Был исполнен в честь павших борцов за свободу при склонённых знамёнах и обнажённых головах похоронный марш [27, 12 марта, с. 5]. В Иркутске состоялся торжественный молебен с провозглашением «Многие лета» Богохранимой Державе Российской и Временному правительству и «Вечной памяти» павшим в борьбе за свободу. Затем войска дефилировали мимо представителей военной и гражданской власти Иркутска. Все войсковые части прошли с красными знамёнами с надписями «Земля и Воля», «Да здравствует свободная Россия», «Да здравствует революция». В этот день вообще «красный цвет был повсюду — в петлицах нижних чинов и офицеров, на барабанах и трубах оркестра» [28, 12 марта, с. 2].

Официальный праздник с его массовыми церемониями и символикой имел важное адаптирующее и интегрирующее значение для общества. Празднества, вовлекая в свою орбиту массы, служат эмоциональному сплочению их участников, поддерживают постоянную коммуникацию властей и общества и выполняют функцию самоутверждения власти, её легитимации и подтверждения лояльности к ней граждан. Образец для подражания давался всем, кто участвовал в ритуале, а в общественное сознание внедрялись представления режима о должном. Революционные ритуалы, санкционированные и поддержанные властями, способствовали консолидации масс, объединяя представителей разных социальных групп и политических взглядов, развивали единомыслие в подвластных [6, с. 47; 21, с. 135]. Важно, что новые светские праздники восприняли многое из религиозных праздничных торжеств, что упрощало мобилизацию масс.

Одним из принципиальных факторов адаптации социума к революции стала её поддержка со стороны армии. Солдаты и офицеры тыловых гарнизонов, распропагандированные политссыльными, принимали самое деятельное участие в ключевых политических акциях, демонстрациях и парадах, в том числе и празднике 10 марта. Значимым актом в процессе признания новой власти стали присяги войск на верность Временному правительству и создававшимся на местах органам власти [27, 14 марта, с. 4]. Солдаты выступали организованно, целыми подразделениями. Это придавало акциям масштабность и вселяло в людей убеждение, что армия на стороне революции.

Социокультурный фон революции формировался под влиянием субкультуры революционного подполья, носителем которой в Сибири был довольно многочисленный слой политических ссыльных. Политссыльные, выступившие одними из основных инициаторов значительного числа политических акций, демонстрировали образец для подражания широким слоям населения, не имевшим опыта политического участия. Используя символы, усваивая речевые коды и образцы поведения носителей революционной культуры, обыватели, намеренно или нет, подстраивались под определённый шаблон и приспособлялись к новым условиям. Люди в постфевральский период стали жить по некому неписанному протоколу: их публичное поведение, речь и даже манера одеваться были пронизаны революционным пафосом. На начальном этапе такая политическая мимикрия позволяла широким слоям населения довольно успешно встроиться в новую систему.

В то же время всё, что было до Февраля 1917 г., оказалось дискредитировано. Общество отрекалось от всего того, что напрямую или даже косвенно напоминало о старой самодержавной власти. Произо-

шёл массовый отказ от царской символики — уничтожение и уничтожение символов старого режима. Из общественных учреждений, учебных заведений, казарм были убраны царские портреты, со зданий сняты вензеля бывшего императора, обычным явлением стали всевозможные переименования. Мгновенное крушение того, что ещё недавно казалось незыблемым, требовало каких-то дополнительных акций для того, чтобы закрепиться в массовом сознании. Порой это выливалось в акции вандализма [27, 6 июля, с. 3]. Низвержение государственных символов можно назвать деструктивными формами адаптации — через отторжение традиции. Сюда можно отнести и распространённые практики срезания погон и подобные этому символические действия.

Что касается представителей свергнутой власти на местах (являвшихся также своеобразным символом царского режима), то в целом старая политическая элита придерживалась одинаковой адаптивной модели. Царская администрация в Сибири сначала заняла выжидательную позицию, что являлось вполне адекватной реакцией в сложившихся условиях неопределённости и риска. В то время как местная общественность, возглавляемая политссыльными, членами городских дум, интеллигенцией взялась за переустройство политической системы на местном уровне, высокие чины часто оставались лишь наблюдателями, позволив событиям развиваться самостоятельно. Стараясь обеспечить наиболее выгодный для себя исход событий, а главное — сохранить жизнь, губернаторы, городские головы, начальники полиции, исправники и др. добровольно снимали с себя полномочия. Современники так описывали происходившее: «Сопrotивления нигде никакого не было. Теперь даже удивительно подумать, чем держалась власть. У неё не было совершенно никакой опоры, никакой твёрдости и достаточно было прийти людям революции, сказать любой группе или отдельному лицу, носителям прежней власти «пожалуйте в тюрьму или убирайтесь вон», как эти господа покорно отвечали «слушаемъ-сь» и беспрекословно повиновались приказу» [19, с. 103].

Таким образом, адаптация представителей старой элиты к политической ситуации являлась пассивной, вынужденной и защитной. Они внутренне сопротивлялись давлению обстоятельств, но были вынуждены уступить, подвергнув корректировке свои ценностные ориентиры. В то же время адаптация являлась адекватной: представители царской власти смогли здраво оценить свои возможности приспособиться к новым условиям и предвосхитили развитие событий, что позволило выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями.

Параллельно с отстранением от должностей царской администрации в марте 1917 г. началось создание новых политических институтов

и введение новых норм, которые открыли возможности широкого политического участия для населения. Были объявлены «свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих <...> отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений» [9, 7 марта, с. 1]. Благодаря этому стали выходить из подполья, воссоздаваться и учреждаться вновь политические, общественные, культурно-просветительные и национальные организации, профессиональные союзы. Этот процесс сопровождался колоссальным увеличением числа периодических изданий, удовлетворявших возросший спрос на массовую коммуникацию и ставших мощным инструментом политической адаптации [36].

Начался беспрецедентный рост количества парторганизаций. Легализовались подпольные организации социал-демократов, эсеров и анархистов, активизировались кадеты и энесы. Все партии, кроме монархических, получили возможность открыто отстаивать свои программные установки и тем самым приобщать массы к политике. Сибиряки оказались восприимчивыми к агитации. Не обладая достаточным уровнем политической культуры, но следуя «революционной моде», они стремились вступить в партию или сразу в несколько. Весной 1917 г. наблюдался бурный рост количества и численности политических партий, куда записывались целыми полками или деревнями. Это явление было названо «мартовским пополнением» [38, с. 238]. Однако позже, когда революционный энтузиазм начал спадать, обнаружилось, что значительная часть вновь вступивших в партии числилась там лишь формально и не только не посещала собрания, но и вообще не принимала никакого участия в деятельности организаций.

Поскольку экстремальная революционная ситуация требовала обеспечить сохранение общественного порядка и безопасности, с этой целью на местах почти повсеместно стали создаваться чрезвычайные органы власти, получившие обобщённое наименование комитетов общественной безопасности (КОБов). Создание КОБов можно рассматривать как результат адаптации к вызовам революции. В марте 1917 г. сибирские газеты практически каждый день сообщали о делегировании представителей в местные комитеты от различных учреждений, организаций, союзов и пр. В значительной мере именно возможность представлять свои интересы в КОБах и заставляла население объединяться. А. В. Данилов-Шотман дал характерное описание этого процесса на примере Томского КОБа: «...Все стремились иметь в нём своих представителей. Общие собрания присяжных поверенных, учителей, профессоров, статистов, телеграфистов, чиновников, лавочников и даже священников стали выбирать «депутатов» в комитет» [37, с.

264]. Участие в комитетах общественной безопасности стало типичной адаптивной практикой широких слоёв населения.

Однако Временное правительство не включило КОБы в формирующуюся систему государственного управления; официальными представителями власти на местах являлись правительственные комиссары. В связи с этим не редким явлением были конфликты между комитетами и правительственными комиссарами, одной из причин которых было недовольство КОБов политикой назначения комиссаров правительством. Так, назначенного комиссаром в Енисейской губернии члена Государственного совета Е. Л. Зубашева пришлось заменить председателем исполнительного бюро Енисейского КОБа В. М. Крутовским. Однако позже уже сам В. М. Крутовский был вынужден признать, что Енисейский КОБ проявляет «полную автономию, игнорирует законы и существующие положения» [13, Л. 74]. Иркутский КОБ, не признав назначенного на должность комиссара П. И. Преображенского, в марте 1917 г. утвердил на эту должность советника губернского правления И. А. Лаврова, что, разумеется, вызвало недовольство Временного правительства. Конфликтными также были отношения между КОБаами и комиссарами И. П. Лаптевым (Степной край), В. Н. Пигнати (Тобольская губерния), являвшимися сторонниками независимой власти комиссара от каких-либо организаций [5, с. 72—74]. Можно заключить, что коадаптация верховной власти и КОБов как представителей интересов широких слоёв населения на местах шла через конфликты и не всегда была успешной.

Параллельно с комитетами общественной безопасности в 1917 г. в губернских и областных центрах, в большинстве уездных городов, рабочих посёлках, в ряде волостей и отдельных сёлах создавались Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и их объединения. Также действовали Советы рабочих старост, Советы трудовой интеллигенции, Советы офицерских депутатов, Советы солдат-крестьян, Советы казачьих депутатов. С одной стороны, организация Советов отражала потребность различных групп населения приобщиться к политике и организовано отстаивать интересы перед лицом власти. С другой стороны, процесс учреждения Советов был обусловлен стремлением социалистических партий оформить политическую активность масс в соответствии со своими представлениями о задачах революции.

Особенностью политической ситуации в Сибири было более тесное сотрудничество различных претендовавших на влияние институтов, в частности КОБов и Советов, и их довольно успешная коадаптация. Распространённой практикой являлось делегирование представителей от общественно-политических организаций или профсоюзов

одновременно и в местный КОБ, и в Совет. Советы направляли своих представителей в КОБы, оказывая им поддержку в проведении тех или иных мероприятий. Вплоть до Октября 1917 г. основная масса Советов Сибири не выражала намерений превратиться в официальные органы власти, хотя в ряде случаев и добивалась властных полномочий. Лишь отдельные Советы, как правило, находившиеся под влиянием большевиков, противопоставляли себя правительству и выдвигали требование о передаче власти в их руки.

Основным содержанием резолюций, принятых на митингах, собраниях и совещаниях профессиональных и общественных организаций, конференциях и съездах весной и в начале лета 1917 г., стало выражение доверия Временному правительству и готовность населения поддерживать его политику, принять деятельное участие в политической жизни страны. Образ Временного правительства, выразившего желание «идти рука об руку с народом, жить его интересами, работать на благо его», весьма импонировал сибирякам [31, с. 11]. Однако чаще использовалась тактика «полудоверия» — поддержка с оговорками, которая становилась распространённым явлением по мере развития революционного процесса.

Населением, в том числе и военными, в целом была одобрена внешняя политика Временного правительства. Были и призывы довести войну до победного конца, и предложения скорейшего заключения мира на демократических условиях, но всё это укладывалось в рамки идеи «революционного оборончества». «Родина требует жертв, и на эти жертвы мы зовём всех», — заявил июньский съезд рабочих и служащих на постройке и эксплуатации Ачинск-Минусинской железной дороги, призывая железнодорожников воздержаться до окончания войны от требования повышения заработной платы [30, с. 66]. Фактическим выражением поддержки внешней политики являлось активное участие города и села в днях «Займа свободы», борьба с дезертирством.

Главным лозунгом Временного правительства был лозунг созыва Учредительного собрания, положительно воспринимаемый всеми слоями населения Сибири. Общество согласилось, что законное решение острых социально-экономических и политических вопросов обеспечит «великий хозяин земли русской, Всенародное Учредительное собрание». В частности, крестьяне, полагаясь на обещания Временного правительства, признали — на словах — необходимым на время отказаться от самовольных захватов земли и порубок леса [29, с. 58—61]. Казалось бы, удачно выбранный политический лозунг позволял власти и обществу успешно коадаптироваться. Однако

официальные заявления часто не соответствовали реальному поведению ни власти, ни общества.

Игнорируя необходимость принятия конкретных решений по ряду назревших социальных вопросов, центральная власть не могла бесконечно долго поддерживать «мартовские настроения» в социуме. Понимая, что демократическая власть в лице Временного правительства, пришедшая на смену власти самодержавной, не торопится ни обеспечить стране мир, ни наделить землёй крестьянство, массы начали реализовывать свои требования самочинно, используя традиционные методы. Так, крестьяне довольно скоро отказались от своих заявлений и приспособили созданные ими исполнительные комитеты под свои нужды. Если комитет отказывался признавать захват частной собственности, сопротивлялся самогоноварению, заставлял исполнять повинности и платить налоги в пользу государства и пр., то его разгоняли, объясняя тем, что «комитет не хочет дать никакой свободы крестьянам» [27, 25 апреля, с. 3]. Учитывая эти обстоятельства, сельские и волостные комитеты зачастую потакали, или, по крайней мере, не препятствовали противоправным действиям крестьян.

Вообще обыватели очень ловко использовали термин «свобода», прикрывая им разгул бесчинств. В этом самовольстве, обёрнутом в новую политическую лексику, смешались бунтарство и практический интерес. С одной стороны, подобные факты можно списать на малограмотность населения, неумение понять рамки возможностей, предоставляемых свободой. С другой стороны, это была прагматичная политическая игра, искажённая, деструктивная форма адаптации, в рамках которой люди успешно манипулировали политическими лозунгами в своих интересах.

На состав и работу сельских комитетов повлияло возвращение солдат-отпускников и направленных на полевые работы солдат сибирских гарнизонов. Они, практикуя девиантные формы адаптивного поведения, стали вытеснять из КОБов представителей сельской интеллигенции, хотя по закону солдатам, находящимся в отпуске, было запрещено выставлять свои кандидатуры на общественные должности. Так, в село Бейское Минусинского уезда «приехало с фронта много солдат, и с возвращением их домой наступил конец спокойствию села. Старый комитет, державшийся примирительной тактики, моментально слетел, и вместо него выбрали новый, во главе которого стали два солдата» [26, 19 мая, с. 3]. Участвуя в сельских собраниях и сходах, солдаты призывали крестьян не платить налоги и отказаться от несения повинностей, агитировали за захват земель и других угодий. Это дезадаптировало крестьянство к официальной политике Временного правительства.

В городе новые и пока ещё слабые властные структуры также деградировали из-за вторжения в политику неискущённого в ней населения. На заседаниях городских комитетов было «слишком много слов, речей, взаимных приветствий и почти полное отсутствие решённых практических мероприятий» [27, 28 апреля, с. 2]. Типичным стало отсутствие кворума. В дальнейшем абсентеизм членов КОБов лишь усиливался. Слабость власти способствовала учащению беспорядков, погромов, самосудов и т. п. Это являлось «симптоматическим признаком переживаемого времени, полной расшатанности и разнузданности в отношении авторитета власти» [27, 17 июня, с. 2].

По мере углубления революции и усиления влияния большевиков на рабочее движение, стали появляться антиправительственные резолюции. Июльские события в Петрограде обострили проблему политического выбора. Часть населения Сибири, в основном служащие и интеллигенция, осудила поведение тех воинских частей и рабочих, которые силой оружия попытались диктовать свою волю объединённому представительству революционной демократии, и призывала «проявить всю полноту твёрдой власти в борьбе с предателями и изменниками родины, производящими разруху в тылу и на фронте» [29, с. 75—76]. Им оппонировали пока ещё малочисленные сторонники точки зрения, что «главным виновником пролития крови», происшедшего в Петрограде 3 июля 1917 г., было Временное правительство с его контрреволюционными действиями [12, 13 июля, с. 4]. О Советах стали чаще говорить как об альтернативе Временному правительству (хотя пока и не отождествляли Советы с властью большевиков) [33, с. 70—71]. В демократической коалиции, сложившейся весной 1917 г., произошёл раскол, более явной стала тенденция разделения общества на «своих» и «чужих».

Временного консенсуса удалось достичь в ответ на выступление Л. Г. Корнилова. Так, 30 августа 1917 г. в Иркутске состоялось многолюдное экстренное объединённое заседание комитетов общественных организаций, исполнительных комитетов Советов, городской думы, политических партий. Единогласно была принята резолюция: «Собрание призывает всю демократию к тесному сплочению вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и других революционных организаций и к действенной поддержке Временного правительства, стоящего на страже завоеваний революции» [32, с. 86—87]. В то же время организованные митинги в поддержку правительства проходили вяло, резолюции доверия принимались с плохо скрываемой инсценировкой. Несмотря на раздутую властями кампанию по защите революции, она не встретила сочувствия в широких массах.

Проявлением критического отношения к политическому курсу Временного правительства стали участвовавшие забастовки, изгнание администрации с предприятий, захваты земельных угодий и пр. «В широких народных массах быстро нарастало недовольство политикой центра. Это же недовольство переносилось и на местные органы управления и самоуправления. Творческий созидательный процесс отставал от процесса разложения и деморализации. Исчезла внутренняя дисциплина и гражданская ответственность. Недоверие проявлялось ко всему и всем. Масса перестала верить даже своим избранникам», — оценивал ситуацию социал-демократ В. Бархатов [14, с. 77]. В сентябре даже праздник, посвящённый полугоду революции, прошёл почти незаметно [35, с. 129—131].

В некотором роде в октябре — ноябре повторилась картина начала 1917 г.: власть теряет авторитет и легитимность. Обыватели начали избавляться от прежних иллюзий относительно свершившейся революции и связанных с ней надежд на новую свободную жизнь. «Весёлые речи ораторов затихли, вместо них заговорили пустые желудки и вывороченные карманы» [27, 8 октября, с. 4]. Общество вернулось к тому психологическому состоянию, в котором находилось накануне Февральской революции. Революция из «великой» превращалась в революцию несбывшихся надежд, что приводило к обострению чувства социальной депривации [11, с. 59]. Как итог, часть населения под влиянием всех форм проявления общенационального кризиса предпочла дистанцироваться от политики и заняла позицию политического абсентеизма, о чём свидетельствуют, например, результаты выборов в земские органы власти. Декларативный характер лояльности по отношению к власти, который практиковало общество весной — осенью 1917 г., обернулся отсутствием реального сочувствия Временному правительству в массах. Устав от фактического безвластия, население Сибири осенью 1917 г. уже было готово принять политические и социальные изменения, которые могли произойти в столице страны.

Временное правительство с его либерально-демократической риторикой, абстрактными понятиями справедливости и равноправия, не реализовавшимися в форме чего-то конкретного, оставалось «чужим» для большинства населения и непонятым им. В то же время лозунги и тактика радикалов — простые, жёсткие, но чёткие — являлись идеологически и психологически более адекватны массам. Популизм и социальная демагогия, практикуемые большевиками, находили всё более активную поддержку среди рабочих и солдат, городских и сельских маргиналов. Представители именно этих категорий населения, ведомые большевиками, были готовы реализовать деструктивные формы

политического протеста. В то же время это была лишь часть общества. Поэтому, захватив власть в столице в результате Петроградского вооружённого восстания, большевики были вынуждены долго вести борьбу за её взятие в провинции, в том числе и в Сибири. Здесь всё ещё сохранял свой стабилизирующий политическую ситуацию потенциал лозунг созыва Учредительного собрания. В связи с этим основная масса людей предпочла занять выжидательную позицию, используя такой механизм политической адаптации, как «адаптацию-уход».

Список литературы

1. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1997. 399 с.
2. *Аксёнов В. Б.* Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 234 с.
3. *Аксёнов В. Б.* Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17—32.
4. Анатолия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Материалы коллоквиума, 11—15 января 1993 г. / Отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб., 1994. 444 с.
5. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917—1920 гг.): Сб. док. материалов / Отв. ред. П. И. Рошевский. Свердловск, 1967. 432 с.
6. *Булдаков В. П.* Имперство и российская революционность // Отечественная история. 1997. № 1. С. 42—60.
7. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / изд. 2-е, доп. М., 2010. 967 с.
8. *Вельман В.* Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция. 1925. № 3 (38). С. 167—200.
9. Вестник Временного правительства (Петроград). 1917.
10. *Ган Б.* Февральская революция в Томской губернии // Северная Азия: общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 1. С. 13—23.
11. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005. 461 с.
12. Голос социал-демократа (Иркутск). 1917.
13. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 16.
14. *Дробченко В. А.* Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 — май 1918 г.). Томск, 2006. 290 с.
15. Енисейский край (Красноярск). 1917.
16. Знамя революции (Томск). 1917.

17. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. 318 с.
18. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с.
19. Крутовский В. Областное обозрение // Сибирские записки: журнал литературный, научный и политический. Красноярск, 1917. № 4—5. С. 103—112.
20. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. 632 с.
21. Никулин А. М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1 (4). С. 130—140.
22. Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. 416 с.
23. Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Сб. науч. статей / Науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2015. 248 с.
24. Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. Материалы всерос. науч. конф., 14—15 ноября 1995 г. / Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1997. 223 с.
25. Революция и человек: социально-психологический аспект. Материалы конф., 28—30 ноября 1994 г. / Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1996. 223 с.
26. Свобода и труд (Минусинск). 1917.
27. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
28. Сибирь (Иркутск). 1917.
29. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. Т. В. Якимова. Томск, 1991. 346 с.
30. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. Е. Н. Косых. Томск, 1991. 219 с.
31. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. В. Г. Зыкова. Томск, 1991. 204 с.

32. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. В. Г. Зыкова. Томск, 1991. 205 с.

33. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.) / сост. Э. И. Черняк. Томск, 1991. 152 с.

34. *Тетерин Н.* Новониколаевск в Февральскую революцию // Северная Азия: общественно-научный журнал. 1927. Кн. 1. С. 24—28.

35. Установление советской власти в Кузбассе (1917—1919). Сб. док. Кемерово, 1957. 428 с.

36. *Шереметьева Д. Л.* Динамика численности газетной прессы Сибири в период революции и гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей. Вып. 3. Новосибирск, 2012. С. 59—79.

37. *Шотман А. В.* Февральская революция в Томске // Пролетарская революция. 1927. № 2—3. С. 252—277.

38. *Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX века). Омск, 2008. 611 с.

39. *Янсон Я. Д.* Перед Октябрём // Иркутская ссылка: сборник иркутского землячества. М., 1934. С. 38—57.

40. *Яров С. В.* Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. 319 с.

41. *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917—1920-х годов. СПб., 2006. 570 с.

42. *Яров С. В.* Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. 168 с.

43. *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917—1923 гг. СПб., 1999. 223 с.

44. *Ярославский Ем.* Что было 9 лет назад в Якутске // Пролетарская революция. 1926. № 3 (50). С. 224—239.

Т. С. Садыков

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
(г. Астана, Республика Казахстан)*

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ДВИЖЕНИЕ АЛАШ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье рассматриваются позиции лидеров движения «Алаш» с политическими партиями в период февральской и октябрьской революциями 1917 г. Особое внимание уделяется вопросу взаимоотношения лидеров движения «Алаш» с большевиками о политических переустройствах страны после свержения царской власти.

Ключевые слова: революция, Алаш, политическая власть

В этом году исполнилось 100 лет со дня Февральской буржуазно-демократической революции, а также 100 лет со дня революции Октября.

Как верно отметил «последний евразиец» Лев Николаевич Гумилев: «Историю можно видеть с разных уровней: на уровне мышиной норы, с высоты кургана и с высоты птичьего полета» [1]. Спустя век после обеих русских революций, современные историки могут дать ответ, а также посмотреть абсолютно с разных позиций, по мнению Гумилева, на это историческое событие. Здесь надо сразу оговориться: выделение Февральской революции как самостоятельного исторического явления стало следствием господства концепции двух революций 1917 года: первой, буржуазно-демократической, и второй — социалистической. В Большой Советской энциклопедии приводится следующее определение: «Февральская буржуазно — демократическая революция 1917 года — вторая русская революция, в результате которой было свергнуто самодержавие и созданы условия для перехода к социалистическому этапу революции» [2]. Как мы знаем из истории, Февральская революция окончилась свержением власти императора России Николая II, и в дальнейшем его убийства, а вот революция Октября привела к установлению тоталитарного советского режима партии большевиков. Если провести параллели с другими революциями в истории стран, то обе революции 1917 года имели свою особенность. И особенность эта заключалась в том, что какая бы ни пришла власть, ей необходимо было решать один из главных, если не главных, вопрос национальный. Революции в феврале, и в октябре произошли в годы, когда происходила Первая мировая война (1914—1918 года). Успехом обеих революций стало то, что народные массы требовали немедлен-

ного мира, так как экономически эта война России дивидендов не приносила, соответственно все тяготы легли на население империи. Тут нужно вспомнить, что в 1916 году в Центральной Азии вспыхнуло одно из самых крупных восстаний против колониального гнета, истоки которого, лежат несомненно в начале военных действиях России в континентальной Европе.

Безусловно, в начале XX века империя нуждалась в острой политической, экономической и социальной реформах. Нужно было так реформировать государство, чтобы коренным образом изменить прежде всего мышление всего населения. Россия по-прежнему оставалась аграрным государством, и пыталась влиять на мировое сообщество силой своего оружия. Главными требованиями людей, как и в ходе революции 1905 — 1907 годов оставались прежними: земли — крестьянам, заводы, фабрики — рабочим, а обществу нужны были демократические преобразования. Помимо этого, люди требовали мира, так как все банально устали от военных действий в ходе Первой мировой войны. Эта усталость наблюдается в городах, деревнях и в армии.

Революция февраля началась с демонстрации женщин в Петербурге 8 марта. Лозунги, которые они скандировали, требовали свержения самодержавия и прекращения войны.

По своему итогу революционные события февраля и марта 1917 года были весьма значимыми. К ним относится не только свержение монархического строя и отречение главы 300-летней царской династии, но и отмена смертной казни, предоставление равных прав всем гражданам России, независимо от пола, вероисповедания или национальной принадлежности. Были отменены дискриминационные ограничения в отношении евреев, в частности ограничение на место жительства (черта оседлости), запрет на производство в офицеры лиц иудейского вероисповедания. Граждане получили возможность вступать в любые объединения и свободно собираться на любые собрания. В стране развернулось профсоюзное движение, возникли фабрично-заводские комитеты, ставшие опорными пунктами рабочего контроля над производством.

Победа Февральской революции превратила Россию в самую свободную страну из всех воюющих держав, обеспечив массам возможность широко пользоваться политическими правами. Большевицкая партия вышла из подполья, благодаря объявленной Временным правительством амнистии за политические преступления из ссылки и политической эмиграции вернулись десятки революционеров, которые немедленно включились в политическую жизнь страны. 18 марта вновь начала выходить газета «Правда». В апреле из Швейцарии вернулся

Владимир Ленин. В мае в Россию прибыл Лев Троцкий, по дороге он был интернирован британскими колониальными властями и месяц просидел в канадском концлагере.

Можно сказать, что в России почувствовали «дух свободы», по результатам революции февраля. В результате Февральской революции были распущены царская полиция и жандармерия, а их функции были переданы вновь созданной народной милиции. Офицеры полиции подвергались репрессиям, и им было запрещено работать во вновь созданных правоохранительных органах. Это привело к тому, что милиция оказалась не в состоянии воспрепятствовать сползанию страны в хаос и анархию. Ситуация усугублялась всеобщей амнистией (ею воспользовались не только политзаключённые, но и уголовные элементы, которые стали массово наниматься на службу в милицию, преследуя свои криминальные интересы), а также созданием вооружённых отрядов, подконтрольных Советам (Красная гвардия, отряды «рабочей милиции»).

Коренная ломка всей системы политической власти не могла не привести к системной дезинтеграции, усилению центробежных тенденций на национальных окраинах, в результате чего прекратила свое существование Российская империя как таковая. Колониальные окраины требовали свои права. Следствием Февральской революции стало заметное усиление сепаратизма, в первую очередь польского, украинского и финского. Такая значимость национального фактора в свержении самодержавия была обусловлена тем, что на рубеже XIX — XX веков на территории Российской империи, параллельно с процессами пробуждения национального самосознания, становления и консолидации наций, в среде угнетенных народов происходило интенсивное формирование национальных движений. Наиболее заметным проявлением данного процесса в этот период стало возникновение на колониальных окраинах Российской империи разного рода национальных партий и организаций, аккумулировавших в своих программных документах весь спектр требований и устремлений угнетаемых самодержавием народов.

При всех различиях политических и идеологических воззрений, условий зарождения и функционирования этих национальных партий все они преследовали одну цель — ликвидацию колониального гнета. И, как свидетельствуют программы таких партий и движений, суверенитет и автономия представлялись им наиболее эффективными способами создания благоприятных условий для свободного национального развития. Именно стремление угнетенных народов к обретению в той или иной форме собственной государственности и предопределило

непримиримый характер их конфронтации с самодержавием не только как с политическим институтом, но и как с олицетворением инациональной, в данном случае русской, власти.

Поэтому неудивительно, что, в этот период у царского режима были серьезные шансы справиться с социальными проблемами, с проблемами революционной интеллигенции, с проблемой экономического развития, но не было ни малейшего шанса решить национальный вопрос. Национальная проблематика перекрывала пути для эволюции царского режима, поскольку либерально — демократическая альтернатива, представляющая собой возможное решение всех прочих проблем, не только не способствовала решению национального вопроса, но и, наоборот, лишь усугубляла ситуацию в этой сфере и напрямую вела к распаду империи.

В силу этого Российская империя, которая являлась конгломератом народов, насильственно удерживаемых самодержавием под своей эгидой, была обречена, что и подтвердилось в феврале 1917 года. Хотя пришедшее к власти в результате этих событий Временное правительство не ставило перед собой задачу кардинального решения национальной проблемы, тем не менее, с победой Февральской революции и в первую очередь в связи с отменой национальных и религиозных ограничений сложились все же более благоприятные условия для национально — освободительной борьбы угнетенных народов. Данное обстоятельство незамедлительно сказалось на политической активности народных масс национальных окраин Российской империи, в том числе и в Казахстане. После февраля 1917 года здесь, как и на всей территории бывшей империи, на волне национального подъема начали возникать новые партии и организации различной политической и идеологической направленности.

Казахи приветствовали свержение самодержавия, рассматривая это как удовлетворение целей национально-освободительного движения 1916 года. Руководитель Киргизского отдела при штабе фронта Алихан Бокейханов телеграфировал из Минска: «Взошло солнце Братства, Равенства и Свободы. Чтобы поддержать новое правительство, казахам надо объединиться. Надо готовиться к выборам в Учредительное собрание» [3].

Лидеры национально — освободительного движения считали, что с установлением демократии, свободы и равенства настало время для формирования национальной автономии. В марте — апреле 1917 года повсеместно были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов. В отдельных городах (Уральск, Верный, Акмола, Семипалатинск, Аулие-Ата) появились киргизские (казахские) национальные комитеты.

Параллельно с Советами действовали органы Временного правительства. В Казахстане, как и во всей стране, установилось двоевластие. Временное правительство считало, что к развитому капитализму необходимо идти реформистским путем. Но отражавшее интересы буржуазии и помещиков, оно не смогло подготовить и представить альтернативную программу возрождения России.

Новое правительство предпринимало шаги для пересмотра имперской национальной политики. 20 марта 1917 года были отменены ограничения в правах российских граждан по вероисповеданию или национальности. Эта мера была направлена на установление национального согласия. Временное правительство также приняло решение о возвращении в родные места реквизированных рабочих-тыловиков.

Февральская революция заявила о своей приверженности общечеловеческим ценностям — свободе и равенству. Но она не решила до конца вопрос о праве наций на самоопределение, не ликвидировала институты колониального управления. Огромное влияние на рост политического сознания тыловиков оказывало их общение с русскими рабочими, солдатами.

Алихан Бокейханов в своей работе «Киргизы. Формы национального движения в современных государствах» выделил два течения казахской интеллигенции в зарождавшемся освободительном движении в Степном крае в начале XX века: «С одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, считавшая религиозные вопросы второстепенными». Эту группу он называл «западниками». Вторую, «воспитывавшуюся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности», он именвал «тюркофилами и поборниками панисламизма» [4].

Исходя из такого расклада политических интересов и ориентиров, автор подчеркивал, что в случае организации политической партии первая группа интеллигенции будет соответствовать оппозиционным русским, в частности Партии народной свободы, а вторая — мусульманским, татарским партиям.

Алихан Бокейханов также выявил истоки возникновения движения «Алаш». Он отмечал, что постановление II Общекиргизского съезда (5—13 декабря 1917 года) «было вызвано желанием предотвратить анархию на территории, населенной киргизами, не допустить возможности развития большевизма в степи». При этом он указывал на западническую ориентацию своего правительства, которое не имело сепаратистских замыслов: «киргизский народ... не желает отделения от России. Мы — западники» [4].

Данную позицию поддерживал и Ахмет Байтурсынов. В 1919 году на страницах первого союзного журнала «Жизнь национальностей»

была опубликована его аналитическая статья «Революция и киргизы», где показаны объективные причины создания Алаш — Орды и роль в ней национальной интеллигенции.

Анализируя события 1917 — 1918 годов в политической жизни края и роль в ней национальной интеллигенции, Ахмет Байтурсынов был солидарен с Алиханом Бокейхановым в оценке деятельности Алаш — Орды и её взаимоотношений с различными политическими формированиями. Непризнание алашевцами советской власти исходило из характера политики, проводимой местными большевиками, которые творили такие же беззакония и насилие в отношении казахов, что и царский режим.

Таким образом, Алихан Бокейханов и Ахмет Байтурсынов показали объективные причины возникновения в Казахстане оппозиционного движения в лице национальной интеллигенции. Если первый обратил внимание на истоки возникновения «Алаша», то второй охарактеризовал его политическую деятельность в период организационного становления партии и правительства. При этом авторы едины в определении политических целей и форм борьбы данного движения. Они подчёркивали ярко выраженный антиколониальный, общедемократический характер политической, просветительской деятельности национальной интеллигенции.

Говоря об общих чертах, которые объединили февральскую революцию и движение Алаш, нужно сказать что, новые власти и национальная интеллигенция видели дальнейшее развитие исключительно в демократических преобразованиях. Так, следует отметить, что видные представители казахской интеллигенции встали во главе новых создаваемых государственных исполнительных органов. Надежды партии Алаш были выражены прежде всего на то, что казахи смогут стать автономным государством. Но слабость новой власти была заключена в том, что Временное правительство не удовлетворило основные требования народных масс: окончание войны, возвращение с тыла и с фронтов солдат, а также крайне важные и чувствительные вопросы земли и заводов. Поэтому меньше чем через год, в октябре месяце произошла социалистическая революция во главе с большевиками.

«Принципиальные различия в представлениях Алаш и большевиков о путях дальнейшего развития общества, несовместимость целей и методов деятельности партий, а также господство в политической культуре российского общества синдрома бескомпромиссности определяли взаимоотношения этих политических сил. Сравнивая радикализм РСДРП (б) с умеренной позицией других социалистов, один из авторов проекта программы партии Алаш — Мыркакып Дулатов —

писал: «Большевики хотят сразу уничтожить и сломать все, взять в свои руки власть и сделать все по-своему. Конечно, мнение, что в мире не должно быть ни богатого, ни бедного и что все должны быть равны и жить мирно солидарно, это все хорошо, но... для этого требуется несколько веков...» [5].

Разногласия и противоречия Алаш и Советами были обусловлены прежде всего тем, что хоть и было объявлено большевиками правами наций на самоопределение, данный принцип не работал. А если и кто из национальных окраин требовал этого, Ленин немедленно вводил туда красную армию. С приходом Советов, надежды интеллигенции на автономию, а вместе с тем и независимостью, так и остались надеждами. Большевики не смогли и не хотели считаться с объявленным собственным принципом.

У национальной интеллигенции было гораздо большего с революционерами февраля, так как был взят курс на демократизацию. С Советами же, ни о какой демократии речи быть и не могло

Список литературы:

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли: историческая литература. Москва — Эксмо, — с. 560, — 2007
2. Большая Советская Энциклопедия
3. Алихан и Хайретдин. — Портал «История Казахстана» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://e-history.kz/ru/project/view/13?type=publicationproject&material_id=79
4. Аманжолова Д. А. Алаш, Советы, большевики [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://e-history.kz/ru/cont-ents/view/1610>
5. Вопросы землепользования в Казахстане во взглядах лидеров движения Алаш. — Портал «История Казахстана» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.kaznu.kz/Vestnik/TEXT/ALASH-1.TXT>

А. Ю. Суслов

Казанский национальный исследовательский технологический университет (г. Казань, Россия)

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ¹

Рассматриваются трактовки истории революции 1917 г., данные эсерами в заключительный, эмигрантский период их существования. Характеризуются особенности эсеровской эмиграции после октября 1917 г., ключевые моменты ее формирования и развития. Отмечаются неоднократные попытки написания партийной истории, внимание к этому вопросу видных деятелей партии. Выделяется анализ проблем партийной истории во время полемики вокруг судебного процесса 1922 г. над лидерами ПСР, а также на конференции пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Исследуются основные подходы эсеров-эмигрантов к деятельности партии в период революции и гражданской войны, выделяются причины неудач ПСР в политической борьбе. Подчеркивается влияние эсеровских оценок на последующее развитие зарубежной историографии.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эмиграция, революция, гражданская война, историография

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. В Советской России оставались разрозненные подпольные группы, подвергавшиеся постоянным преследованиям. Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. в конце концов оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, Е. Е. Лазарев, О. С. Минор и другие.

В то же время формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности [37]. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии, прошедшем в ноябре-декабре 1917 г., практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. [27] Из 20 членов ЦК только трое — В. М. Чернов, В. М. Зензинов и Н.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-01-00264а

С. Русанов сумели эмигрировать, из 5 кандидатов в члены ЦК — только один (В. В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции с территории Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В. М. Зензинов, Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, Е. Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В. М. Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка. За более чем тридцать лет существования правэсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов [5,12,13,28,30,34,38]. Нельзя сказать, что эта тема не привлекала внимания историков. Так или иначе, к эмигрантской литературе обращались, начиная с 1920-х годов как советские, так и зарубежные авторы. Отметим известного американского историка О. Рэдки, который в своем классическом двухтомнике об истории партии эсеров в 1917 г. и в первые месяцы Советской власти использовал как опубликованные работы эмигрантов-эсеров, так и личные интервью с В. М. Черновым, А. Ф. Керенским, В. М. Зензиновым, М. В. Вишняком, В. В. Рудневым и другими [6]. Из советских авторов необходимо сказать о К. В. Гусеве, В. В. Комине и особенно Г. Д. Алексеевой, посвятившей критике эсеровской концепции Октябрьской революции специальную монографию [10]. Однако лишь с 1990-х гг. освоение эмигрантского наследия российских политических партий, в том числе партии социалистов-революционеров, получило возможности полноценного научного развития.

Как отмечает В. Л. Кожевин, «для авторов, волею судеб эмигрировавших из России, безусловно важна была психологическая компенсация, возможность каковой предоставляло обращение к пережитому» [23]. С другой стороны, работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся партийных сил, сплочения эмиграции. Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О. С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР — С. П. Постниковым. 7 января 1930 г. Минор пишет Постникову в Прагу: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории п [артии] с [оциалистов] р [еволюционеров]. Что до меня, то

могу лишь приветствовать принятое вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Милуков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы» [19]. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Работы о революции и гражданской войне в подавляющем большинстве носили мемуарный характер. Собственно исторических исследований, вышедших из-под пера правых эсеров, практически не было. В тоже время этот вопрос обсуждался в партийной среде, и неоднократно. Мешало отсутствие средств — так, А. Р. Гоц писал В. М. Чернову 2 февраля 1922 г., что «когда сознаешь, что проживаешь последние гроши, невольно начнешь сугубо взвиздывать свои устремления. Такие вещи, как Вещичка об «Учр [едительном] соб [рании]» или «история п. с. — р.», сейчас нам не по карману» [2].

Вновь эта тема была поднята в 1925 г., когда Заграничная Делегация ПСР в письме Центральному бюро отмечало, что «здесь выходит много историческ [ой] литературы, касающейся только что прожитой нами эпохи. Единственно только мы ничего серьезного не делаем в этом отношении. Много ведь и б [ольшевы] ки выпускают в этой области. Для исправления этого пробела мы предполагаем выпускать «Историч [еский] сборн [ик]». Подготавливаем № 1. Мы не можем выпускать здесь сборники, посвященные какой-либо эпохе, одному вопросу истории — с [оциалисты]-р [еволюционеры] и б [ольшевы] ки, сиб [ирская] эпопея и т [ак] д [алее]. Не достает многих участников каждого из периодов. Поэтому решили № 1 составить примерно так, чтобы каждый писал о том, что лучше знает: политика м [инистерст] ва земледелия в 1917 г.; подготовка и работа Учр [едительного] соб [рания]; Уфимское и Челяб [инское] совещания; наша политика на Дальнем Востоке; Закавказье в 1917 г.; Комуч; война и с [оциалисты]-р [еволюционеры]; предфевральские дни; большев [ики] в Финляндии; гор

[одская] Петр [оградская] дума и Корнилов. Во всех этих статьях должна указываться наша политика, наша позиция. Примите и вы участие» [3]. Предполагались и исследовательские статьи. В данном случае средства у заграничных эсеров имелись, но помешали, очевидно, иные обстоятельства. В 1928 г. в Париже на заседании II съезда Заграничных организаций ПСР С. П. Постников в докладе о деятельности Заграничной Делегации партии с горечью отмечал: «Партийный архив находится в полной сохранности в надежном месте, под замком. Богатейший архив, который, к сожалению, никем не разрабатывается» [18].

Свою концепцию истории партии эсеров после Октябрьской революции представила в 1922 г. Заграничная Делегация ПСР. Причиной этому послужила широкая антиэсеровская кампания, развернутая в Советской России весной и летом 1922 г. вокруг судебного процесса над ЦК ПСР и партийными активистами. Заграничные эсеры уже 7 марта 1922 г. создали в Берлине комиссию по ведению кампании в связи с процессом в Москве [33]. Среди многочисленной печатной продукции, изданной Заграничной Делегацией, выделяется сборник «Двенадцать смертников», в приложении к которому правые эсеры представили очерк истории ПСР после Октябрьской революции [20]. Он стал своеобразным ответом на обвинения в адрес социалистов-революционеров, прозвучавшие в Москве.

Эсеры предъявили большевикам контробвинения и категорически отрицали свою вину в инкриминируемых им преступлениях. Большевики обвинялись в вооруженном диктате и репрессиях по отношению к социалистам, арестах, закрытии эсеровских газет и типографий, роспуске антибольшевистских Советов. Свое поражение в гражданской войне эсеры объясняли заговорами буржуазно-монархических групп, синхронно с большевиками напавших на демократические силы в Поволжье и Сибири. Цитируя решения IX Совета, Заграничная Делегация доказывала, что ПСР прекратила вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией [20]. Приведенные факты, указывалось в заключении, вполне достаточны для опровержения «клеветнических измышлений» большевиков.

С оценками Заграничной Делегации ПСР были солидарны известный немецкий социал-демократ К. Каутский и русский меньшевик В. С. Войтинский, представившие свои статьи в сборнике «Двенадцать смертников». По мнению К. Каутского, большевики первыми применили насилие по отношению к другим социалистам и разогнали Учредительное собрание потому, что признали свое бессилие в попытках привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства методами пропаганды. В таких условиях оппозиции оставалась только

одна форма открытого политического выступления — гражданская война [22]. В. С. Войтинский указывал, что суд над эсерами в Москве — последнее звено в длинной цепи преследований социалистов в Советской России, которые начались сразу же после захвата власти большевиками [17].

Концепция истории ПСР, представленная Заграничной Делегацией, носила преимущественно рекламный характер и умалчивала о некоторых существенных сторонах партийной жизни. Не упоминалось о репрессиях, к которым прибегали сами правые эсеры в эпоху Комуча, оставался в тени вопрос о партийных расколах, тактических ошибках партии, имевших серьезные последствия. В своем кругу, как отмечалось выше, эсеры высказывались гораздо откровеннее. Издания же, ориентированные на широкие круги западного общества (сборник «Двенадцать смертников» был переведен на немецкий, английский, французский и чешский языки) создавали впечатление, что в плачевном положении ПСР в Советской России повинны исключительно большевистские репрессии. Столь же рекламный характер носил очерк В. М. Чернова об истории ПСР, подготовленный для несостоявшегося издания Ф. Адлера «Handbuch des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Впрочем, В. М. Чернов в 1920-30-е гг. многократно обращался к истории ПСР, но ни одна из этих попыток не была доведена до логического конца.

Впрочем, В. М. Чернов активно выступал по вопросам истории 1917 г. на страницах партийной печати, особенно в журнале «Революционная Россия». Так, полемизируя с М. В. Вишняком о причинах неудачи ПСР в 1917 г, он писал в 1923 г.: «Не в том, стало быть, дело, что партия С.-Р. имела более чем одного лидера. От этой «многоголовости» она еще не могла стать «безголовой» или партией «без царя в голове», каковой она представляется в изложении тов. Вишняка. И не этим она была слабее партии меньшевицкой, в которой ведь тоже было не менее трех лидеров: Церетели, Дан, Мартов. В чем же дело? Почему при координации действий, при установлении общей союзной тактики меньшевиков и эсеров «равнодействующая» оказалась до такой степени совпадающей с меньшевицкой линией поведения, тогда как тактика эсеров «очень редко была эсеровской тактикой»?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо взглянуть в дело поглубже, и прежде всего понять: в чем же именно тактическая равнодействующая «революционной трудовой демократии» 1917 г. была духовно родственнее меньшевизму, чем эсерству?» И далее Чернов подчеркивал, что партия эсеров будущую революцию «не считала ни классически-буржуазной, ни чисто-социалистической. Она приписывала ей

переходный или смешанный характер — характер социально-трудовой революции». Соответственно этому характеру революции, полагал Чернов, и была тактика партии: «Концепции радикальной народно-трудовой или социально-трудовой революции «переходного типа» соответствовал взгляд на коалицию с несоциалистическими элементами, как на временный тактический прием в начале революции, когда преобладают негативные задачи разрушения остатков самодержавно-бюрократического строя и формально-демократические задачи создания городского и сельского самоуправления, утверждения личных и общественных свобод, выработки основ избирательной системы для центрального представительства — Учредительного Собрания. По мере созревания этих форм и необходимости вливать в них новое глубокое социальное содержание, центр тяжести в коалиционном правительстве с этой точки зрения должен был неизбежно переходить от типически буржуазных партий к трудовым и социалистическим, вплоть до полной элиминации буржуазных элементов, вплоть до образования относительно — однородного «правительства трудовой демократии». Однако партия эсеров, признает Чернов, эту тактическую линию выдержать не сумела.

Таким образом, заключает Чернов, эсеры вместе с меньшевиками «...вначале отдали вся власть буржуазным элементам. Или нет, в лице Керенского они как будто ввели некоторую поправку в это положение — одного «заложника демократии» во Временном Правительстве. Но это было чисто персональным актом и не могло заменить участи во власти через формального представителя партии. Это был плохой «эрзац» коалиции. Это была «коалиция без коалиции»: косвенная и скрыто-фактическая коалиция без формальной. Ее сменила другая противоположного характера «коалиция без коалиции»: коалиция формальная без коалиции реальной (ибо фактическое содержание коалиции было уже почти все исчерпано и предыдущей фазе). И, наконец, вместе с меньшевиками эсеры держались за «коалицию во что бы то ни стало» до самого конца, до тех пор, пока она не стала абсолютно пустопорожней, всем опротивевшей, и годной лишь для того, чтобы облегчить большевикам их сальто-мортале к немедленному социализму путем диктатуры. С точки зрения эсеровской концепции революции, эпоха разрушения самодержавного строя, установления свобод, выработка основ самоуправления и избирательной системы в Учредительное Собрание могла быть коалиционной эпохой; на самом деле большая часть этого периода прошла без коалиции в правительстве. Эпоха вливания в новые политические формы более глубокого и нового социального содержания, с точки зрения эсеровской концепции, должна

была явиться переходной эпохой от коалиционной власти к власти трудовой демократии: на деле, зацепившись за коалицию, эсеры застряли на отдели, и тем самым предоставили дело «вливания» в новые мехи и нового социального «вина» большевикам. В значительной степени похитив у эсеров их социальную программу, беспощадно ее изуродовав, в то же время силою ее популярности утвердившись у власти, большевики и принялись за это «вливание» такими лошадиными дозами, что чуть не уморили своего «пациента» — Россию. С точки зрения эсеровской концепции, мы дважды опоздали: один раз — с коалицией, другой раз — с ее ликвидацией».

Подводя итог, Чернов отмечал в качестве основных причин поражения ПСР то, что многие влиятельные работники, в том числе и кандидаты в лидеры партии, не прониклись настоящим образом всей эсеровской теоретической концепцией революции, а поэтому и не выводили свою тактику из нее; их тактика была чисто-конъюнктурной тактикой [43].

Размышления об историческом пути ПСР звучали на конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Материалы этой конференции являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920—30-е годы [26]. В ее работе принимали участие такие известные деятели партии как Е. Е. Лазарев, В. Г. Архангельский, С. П. Постников, И. А. Якушев и другие (Чернов, находившийся в то время также в Праге, не был приглашен на конференцию из-за конфликта различных частей Заграничной организации ПСР).

Вопросы истории партии не находились в повестке дня, однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С. Н. Николаева и Е. Е. Лазарева). Так, И. И. Калужный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации — у советов. И партия с. — р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калужного вполне определен — «партия с. — р. оказалась негосударственной и несостоятель-

ной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы — возложить на советы и ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие» [4]. Напротив, эсер Я. Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицало. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в «государственность». Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т. д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой» [4]. «Партия отстаивала государство как программный пункт, — подчеркивал Лозовой, — но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей». Дискуссии такого шли в партии и в 1917 г., и в эмиграции; фактически они продолжают и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты и есть в той, и в другой позиции — с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (а XX в. трансформация общества проходит через государство) привела ПСР к кризису.

Наибольшее внимание причинам поражения ПСР уделил в своем докладе на пражской конференции С. П. Постников (1883 — 1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа — газеты «Дело народа». Постников вообще отличался вниманием к партийной истории. Тогда же, в статье 1931 г. он подвел некоторые неутешительные итоги изучения истории ПСР в послеоктябрьский период: «Наш центральный комитет последнего состава сознавал всю необходимость скорейшего составления истории партии. На одном из своих заседаний в 1919 г., когда еще большинство членов его, хотя и нелегально, но еще были на свободе, ЦК рассмотрел и утвердил программу, по которой должна быть составлена история партии. Были распределены и статьи между авторами. Но, к сожалению, большинство вскоре были арестованы и лишены возможности работать (...) В с-ровской эмиграции было несколько попыток издания исторических сборников. Но партийная неурядица каждый раз препятствовала осуществлению этого дела, казалось бы никакого отношения не имеющего к фракционным раздорам. За последние годы мною подготавливается материал для работы по состав-

лению истории партии. Но эта работа удовлетворительно, конечно, не может быть выполнена индивидуальными силами.

Зимой 1930 г. Минором, Сухомлиным и мною составлена примерная программа истории ПС-Р, причем предложено выпустить два тома, приблизительно по 20 листов каждый.

Первый том предполагается посвятить собственно истории партии и второй том ее мирозерцанию, теории и отдельным видам работы. Успех работы по составлению и изданию истории будет зависеть оттого насколько заграничные эсеры, вне зависимости от своих группировок сочтут ее своим общим делом» [39].

В выступлении на пражской конференции 1931 г. Постников обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Он отмечал: «итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с «искровцами»: «мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша». Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обоих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками» [4]. И далее Постников обобщил причины неудачи партии — «...преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном» [4]. Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, когда «...когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то «модус вивенди» с немцами...» [4]. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок — учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Гораздо позднее эсер С. Н. Николаев (также участник пражской конференции 1931 г.) согласился с этим в своих воспоминаниях: «Бесполезно теперь искать причины политического поражения П. С. Р. Но

мне кажется, что вина за это лежит не только на самой партии, но в идеологии всей демократии» (...) «Болезни в самой партии, мне кажется, состояли в отсутствии признанного авторитетного вождя, лидера партии, уполномоченного и способного в нужную минуту властно и решительно вести партию, куда требовала часто меняющаяся установка, не боясь ответственности и не зная колебаний и страха. Партии не доставало воли к власти, подкрепленной соответствующей доктриной» [35].

Главное, что объединяло всю эсеровскую эмиграцию в оценке деятельности партии в годы гражданской войны — стремление представить борьбу ПСР как «третий путь», движение за настоящее народо-властие, подлинную демократию и социализм. Бесспорно, социалистам-революционерам, как и всякой другой партии, было свойственно желание оправдать свои действия. Однако нет оснований обвинять их в заведомом искажении фактов. Более того, в отдельных работах эсеров встречается резкая критика деятельности ПСР в 1917 — 1918 гг., откровенно признаются крупные и «роковые» ошибки партии [41].

С 1930-х гг. эмигрантских исследований по истории ПСР стало гораздо меньше. Сказались многочисленные конфликты, сотрясавшие партию правых эсеров за границей, общее ухудшение положения выходцев из России в Европе. Парижский съезд (1928 г.) стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И. А. Якушев отмечал, что «...связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган». Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933 — 1936 гг. группе эсеров под редакцией В. В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

Как уже отмечалось, немалое внимание опыту российской революции 1917 г. уделял и В. М. Чернов (1873 — 1952), лидер социалистов-революционеров и министр Временного правительства. Обширное мемуарно-публицистическое наследие Чернова стало в последние годы предметом тщательного научного анализа в работах А. И. Авруса, А. П. Новикова, О. В. Коноваловой, Х. Иммонена, А. А. Голосеевой и других [8,9,21,24,25.43]. В рамках данной статьи обратим внимание лишь на итоговые общие оценки роли партии эсеров в 1917 г., данные

Черновым в его известной мемуарно-публицистической работе «The Great Russian Revolution», опубликованной в США в 1936 г. Они в известной мере корректируют его оценки 1920-х годов.

Размышляя о причинах поражения, В. М. Чернов писал о пополнении партии в марте 1917 г. волной «новобранцев», которых идеи социалистов-революционеров зачастую волновали лишь поверхностно; такое пополнение если не вызывало, то, по крайней мере, обострило кризис партийной организации; Чернов напомнил о расколе лагеря социалистов-революционеров из-за начала первой мировой войны, о доминировании правого крыла партии, а также слабости контактов верхушки партии с ее базисом. Чернов соглашался и с критикой в свой адрес, признавая, что он, «скорее теоретик, человек слова, литературы, письменного стола (...) чем профессиональный политик», не выдержал жесткости политической борьбы. По его словам, центр партии пал жертвой крайностей; судьба ПСР отражает судьбу революции в целом: триумф центробежных сил над центростремительными [1]. Нелицеприятная самокритика делает честь Чернову, он сумел дать достаточно емкий анализ причин поражения социалистов-революционеров.

Весьма примечательна и статья известного эсера-эмигранта, писателя и журналиста М. В. Вишняка (1883 — 1975), который попытался дать, по прошествии значительного времени — уже в послевоенный период, общую характеристику такому масштабному явлению российской истории как народничество [15]. Прежде всего, Вишняк отмечает плюралистичность народничества как идейного течения, чуждого мизантропии и не подчиняющего, подобно марксизму, одной какой-либо стороне бытия или сознания все другие стороны и аспекты многосторонней жизни.

Вишняку хорошо известны распространенные в литературе истолкования, в соответствии с которыми все существо народничества якобы состоит в утверждении им особых путей России, которая-де позднее других стран выдвинулась на авансцену истории и поэтому сумеет быстрее и лучше, чем другие страны, сделать рывок в своей социально-экономической динамике, минуя западноевропейскую стадию буржуазно-капиталистического развития.

При этом сохранение в России крестьянской общины и артельных навыков, а также отсутствие промышленного пролетариата развитого капитализма квалифицируются обычно как факт «громадного положительного значения» [15]. Признавая, что подобное представление действительно присуще народничеству, и называя его «русским вариантом социально-политического мессианизма», в то же время Вишняк решительно не согласен с тем, будто оно, это представив, исчерпыва-

ет всю главную суть идеологии взятого род защиты движения. Из поля зрения критиков как-то выпали другие, еще более существенные признаки народничества.

Что же касается «мелкобуржуазного» характера народнической идеологии, отмечаемого всеми марксистами с нескрываемым обвинительным пафосом, — Вишняк не отрицает и этого признака, отсекая лишь указанный пафос. Ведь под «мелким буржуа» народничество имело в виду, прежде всего крестьян, которые преобладали в структуре населения России и которые никогда не наделялись народниками марксистскими характеристиками. Тезис же марксизма о том, что «пролетарий и мужичок — настоящие политические антиподы», народничество самым решительным образом отвергало, тем самым давая пищу для незатейливых обвинений в «мелкобуржуазности» своих политических симпатий и ориентации.

Характеризуя народническое мировоззрение, Вишняк с осуждением отметил и такой его признак, как известный аполитизм, недоверие не только к существующей власти, но и к государству вообще, и даже к представительным учреждениям, которые нужны будто бы только зажиточным классам. Отсюда надежды на лучшее будущее связывались многими ветвями народничества не с конституцией, а с социальной революцией, что, действительно, объективно могло сблизить их идеологию с известными тезисами о государстве и революции, сформулированными представителями революционного марксизма [15].

Главнейшим же признаком народничества является признание народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором [15]. Кроме того, в поисках истины и справедливости, народничество в конце концов пришло к признанию необходимости и равноценности всех видов эмансипации: политической, экономической, национальной, духовной. Как высоко ни расценивало оно экономическую эмансипацию, всё же видеть в ней ключ ко всему другому оно отказывалось. Именно поэтому народничество было озабочено не столько развитием «производительных сил», сколько судьбой самих производителей и характером распределения произведенных благ [15].

Народничество отрицало историческую неизбежность или «имманентность» исторических законов, их уподобление законам природы. И оно отвергало возможность непогрешимых исторических прогнозов. Свои домогательства оно строило не на оптимистической вере в разум истории, который знает что делает. С другой стороны, раз имманентных законов история не знает и прогресс социальный и иной никак заранее не предсказан, — возможно активное вмешательство в ход вещей: в частности, в закон спроса и предложения, в процесс концен-

трации и монополизации капитала, дифференциации классов, их поляризации на владеющих и командующих и на немущих и подвластных и т. д. Тем более очевидна роль личности в политической области. Как бы по существу ни была гибельна роль Ленина и Сталина, Гитлера и Муссолини в судьбах России, Германии, Италии, влияние их на ход мировой истории не может быть оспорено [15].

И, наконец, Вишняк подчеркивает, что героем народничества не был какой-нибудь один класс, а триединство трудящихся: крестьяне, рабочие, интеллигенция. Никогда народничество не возводило ту или иную группу людей в ранг «гегемона». Таким образом, народническая концепция общественного развития представляет собой иной, немарксистский и небольшевистский вариант социализма. Однако этот вариант по ряду причин не обрел должной завершенности теоретических построений и не смог противостоять большевизму в практической политике [36]. Одной из таких причин Вишняк считает влияние марксизма. Он пишет о связи левых эсеров 1917—1918 гг., вошедших в правительство Ленина как раз тогда, когда оно сильнее всего нуждалось в демонстрации, что его власть не «рабочая» только, а и «крестьянская». «Среди этих диссидентов не только от партии с. р., но и от народничества вообще, были авантюристы и карьеристы, но были и по своему честные люди. В отходе этих последних от народничества можно видеть лишь подтверждение общего тезиса: идеология сама по себе ничего не предвещает, ни от чего не спасает, ничего и ни от чего не гарантирует» [16].

В целом эсеровские (как и меньшевистские) авторы, признавая свои политические ошибки в 1917 г., главной причиной поражения все же считали слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Социальной опорой демократии социалисты-революционеры считали «трудящийся класс» (рабочие, крестьяне, интеллигенция), а социал-демократы — пролетариат. Неудачный для социалистических партий исход российской революции был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости. Их борьба против большевизма всегда имела существенные самоограничения и почти никогда не была последовательной.

Версии эмигрантской историографии и мемуаристики о причинах поражения эсеров оказали влияние на развитие зарубежной исторической науки. До сих пор эта тема не стала предметом специального исследования. Между тем утверждения социалистов-революционеров-эмигрантов о «подлинно крестьянском, народном» характере их партии активно использовались западной исторической наукой, особенно

в 1950-е гг. Зарубежная историография социалистических партий также прошла сложный путь, меняясь как под воздействием текущих событий (прежде всего, холодной войны), так и под влиянием метаморфоз внутри самой исторической науки. Важным корректирующим фактором было воздействие советской историографии, противостояние двух идеологически полярных мировоззрений, «стартовавшее» сразу после Октябрьской революции. Эмигрантская либеральная и социалистическая литература, педалируя идею «искусственности» прихода большевиков к власти, признавая права на подлинность лишь за революцией Февральской, серьезно воздействовала на послевоенную западную, прежде всего американскую, русистику 1950-х гг. В годы холодной войны именно этот образ — противопоставление двух революций — утвердился в академических кругах и общественном сознании Запада.

Список литературы:

1. Chernov V. M. *The Great Russian Revolution*. New Haven, 1936. P.397.
2. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
3. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 6.
4. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
5. Nicolayewsky B. I. *Historique de la presse périodique de l'émigration socialiste russe 1917 — 1937* // *Bulletin of the International Institute for Social History*. Vol.2 (1938). P. 5—17
6. Radkey O. H. *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917*. New York, 1958; *Ibid. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule*. N. Y.; L., 1963.
7. White E. *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921 — 1939*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, 2010
8. Аврус А. И., Голоसेева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015
9. Аврус А. И., Новиков А. П. *От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова*. Саратов, 2013; «Мы, русские, — другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920 — 1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста и комм. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова [науч. ред. проф. И. Р. Плева]. Саратов, 2014

10. Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989.
11. Антоненко Н. В. Организационная и идеологическая трансформация партии социалистов-революционеров в эмиграции // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып.11 (67). С. 562—568
12. Базанов П. Н. Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее: мат. конф. СПб., 2005. С. 263—273
13. Библиография русской революции 1917 г. и гражданской войны (1917—1921) / сост. С. П. Постников; под ред. проф. Я. Славика. Прага, 1938
14. В. М. Чернов: человек и политик: Материалы к биографии. Саратов, 2004
15. Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. 1952. Кн.30. С. 225—242.
16. Вишняк М. Оправдание народничества. С. 237.
17. Войтинский Вл. Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. С. 23.
18. ГА РФ. Ф. Р-6108. Оп.1. Д.24.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
20. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.
21. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873 — 1952). СПб., 2015
22. Каутский К. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. С.9.
23. Кожевин В. Л. Историк — очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 79.
24. Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009
25. Коновалова О. В., Фёдорова В. И. В. М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // Российская история. 2016. № 1. С. 116—130, и др.
26. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / Публикацию подготовили А. П. Новиков и А. Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3—26; № 9. С. 3—15; № 10. С. 3—14; № 11. С. 3—18; № 12. С. 3—19; 2015. № 1. С. 3—15.

27. Краткий отчет о работах Четвертого Съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 года). Пг., 1918. С. 152.

28. Кудрявцев В. Б. Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья: 1918—1941: Журналистика. Литература, искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. Ч. 1. М., 2011.

29. Кукушкина И. А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922) // Русский исход: сб. ст. СПб., 2004. С. 79—105.

30. Лисенкова Л. Н. Постников С. П. об издательской деятельности партии эсеров // Российская эмиграция в Чехословакии (1918—1945). СПб., 1996. С. 19—24

31. Малыхин К. Г. Русское зарубежье 20-30-х годов XX века: оценка большевистского реформирования России. Ростов н/Д, 2014; Судьбы демократического социализма в России: сб. мат. конф. М., 2014.

32. Местковский Д. А. Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44—55

33. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 245—257.

34. Народничество и народнические партии в истории России в XX в.: биобиблиографический справочник / сост. М. И. Леонов, К. Н. Морозов, А. Ю. Суслов. М., 2016.

35. Николаев С. Воспоминания // Лик. 2007. № 1 (9). Январь — март. С. 122.

36. О. М. В. Вишняке см. подробнее: Корицкий Э. Б., А. М. Бегидов, В. Х. Шетов. Марк Вишняк. Нальчик, 1997.

37. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в пореволюционный период Marc Jansen. Amsterdam, 1989.

38. Постников С. П. Библиография. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1923 — 1957. Прага, 1957.

39. Постников С. П. К истории Партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. Париж. 1931. № 3. Январь. С. 6—7.

40. Сафонов И. А. Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 90—117.

41. Сухомлин В. В. Политические заметки // Воля России. Прага, 1928. № 10—11. С. 156—167.

42. Тикеев М. Д. Эсеровская эмиграция 20-30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004

43. Чернов В. Отклики прессы // Революционная Россия. 1923. № 32. С. 17—22.

44. Чубыкин И. В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): дис. .... канд. ист. наук. М., 1996.

**СЕКЦИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ»**

Е. В. Антропов

*МКУК г. Новосибирска «Музей Новосибирска»
(г. Новосибирск, Россия)*

**ПРОГРАММЫ МУЗЕЯ НОВОСИБИРСКА,
ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИЙ
1917 ГОДА: ПРОБЛЕМАТИКА ВЫБОРА ТЕМЫ,
ПРЕДМЕТНОГО РЯДА И СРЕДСТВ ЭКСПОЗИЦИИ**

В статье дается обзор проектов тематических музейных программ, подготовленных в 2017 году Музеем Новосибирска и посвященных 100-летию революции 1917 года. Проводится краткий анализ выбора идеи и средств ее музейного представления, сценария и предметного ряда, целевой аудитории и проблем, с которыми авторам пришлось столкнуться. Материалом для анализа стали интервью с авторами музейных продуктов и услуг, рабочие документы и опросы посетителей. Предлагаются частные случаи решения проблемы соответствия средств музейной коммуникации авторскому замыслу и его интерпретации посетителями.

Ключевые слова: революция, 1917 год, выставка, экскурсия, посетитель музея, интерпретация, коммуникация.

В статье рассматриваются проблемы выбора идей и средств построения экспозиции или сценария подготовки музейного события в соответствии с принципами музейной коммуникации. Материалом послужили интервью с кураторами музейных продуктов и услуг (выставок, экскурсий, акций), обсуждения на научно-методических совещаниях, тематико-экспозиционные планы, опросы посетителей и наблюдения в выставочных залах¹.

Общим условием для подготовки музейных экспозиций четырех филиалов Музея Новосибирска (районных музеев) был акцент на целевую группу учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ города, традиционно занимающих наибольшую долю в структуре посещаемости. Музеи рассчитывают на большие организованные группы школьников и ориентируются на социальный запрос со стороны учителей и заведующих учебной частью, в свою очередь заинтересованных

---

¹ Выражаем благодарность сотрудникам филиалов Музея Новосибирска Алексею Авдееву (заведующий Музеем Железнодорожного района), Ивану Ветрову (заведующий Музеем Октябрьского района «Закаменка»), Даниле Пейновичу (методист Музея Дзержинского района) и Наталье Шкурыгиной (заведующий Музеем Центрального района) за помощь в работе.

в реализации регионального компонента и отдельных тематических разделов учебного плана на уроках истории. Таким образом, как правило, экспозиции районных музеев имеют образовательный характер.

В этих условиях тематико-экспозиционное планирование не становится менее трудоемким. Привычная задача актуальности, аутентичности и научности представления музейных коллекций усложняется соблюдением условий для проведения экскурсий, музейных уроков, квестов и других форм музейной педагогики. Начиная с предварительного этапа выбора главной идеи, основные смыслы, закладываемые авторами выставки, должны быть понятными и хорошо усваиваемыми, а акцент поставлен на эмоциональную близость и соразмерность юному музейному посетителю.

Выбранная для подготовки выставок конкретная тема революций 1917 года имеет общие для экспозиций, посвященных историческим событиям, методические отличия, отмечаемые большинством опрошенных кураторов. Это значительная роль экскурсовода (ведущего, музейного педагога), интерпретирующего тематические разделы выставки, и рекомендованное ограничение по возрасту участников организованных групп. Хотя эмоционально события столетней давности окрашены одинаково нейтрально для всех учащихся, младшим школьникам, не имеющим уроков истории, предлагаемая тема слишком сложна для восприятия.

Ограниченный выбор предметного ряда при обращении к местной специфике Первой мировой войны, революциям 1917 г. и Гражданской войны обозначил сложность формирования конкретных идей для подготовки выставок. В итоге экспозиции строились на обращении к истории повседневности современников социальных потрясений второй половины 1910-х годов.

Средствами конструирования идеи для двух из четырех выставок стали вещи, документы и фотографии личного происхождения из семейных архивов новосибирцев с привлечением периодических изданий и предметов, ставших узнаваемыми символами милитаризации повседневности из собственных фондов и частных коллекций на противопоставлении представлений о войне и мире. Базовыми биографическими коллекциями (персональными фондами) в разных музеях, предложивших «революционные» выставки, стали семейные реликвии, документы и фотографии: Августы Бердниковой и Василия Шевелева-Лубкова в Музее Дзержинского района, Сергея Белых в Музее Центрального района, Виктории Батуриной в Музее Железнодорожного района и Константина Евграфова в Музее Октябрьского района.

Настоящий обзор экспозиционных комплексов и анализ их восприятия посетителями выставок, как правило, не включает фотографии

и документы, стендовый плоскостной материал, представляющий биографии участников, хронологию событий и другие тексты. Эта информация предназначена скорее для одиночных посетителей и небольших групп, занимающих низкую долю в структуре аудитории данных музеев и требующую отдельного внимания.

«Как революция в город пришла» (Музей Дзержинского района)

Главная идея выставки, как ее выразили кураторы — показать, как современники встретили события 1917 г. и последовавшее за ними изменение уклада жизни. Для этого были выбраны темы формирования народной милиции, практики подпольной работы и партизанского движения во время Гражданской войны на территории Сибири на фоне изменений в жизни «простых обывателей революционного города». Посетителю предлагаются, в частности, карты движения армий, документы, подлинные фотографии, медали и письма партизанских командиров, предметы вооружения и обмундирования Первой мировой войны — французскую армейскую каску Адриана, бейсбол, фрагменты пулемета «Максим», предметы интерьера городской квартиры и др.

Сюжетным принципом экспозиции стал не показ собственно революционных событий, которые происходили в Сибири или столицах, а то, как люди эти события воспринимали и что на это восприятие влияло. Основным тезисом, предлагаемым посетителю, стало интуитивно близкое современному человеку, живущему в информационном поле, снижение внимания к новостному фону повседневного общения и средств массовой информации.

Согласно авторской интерпретации выставки, если Февральскую революцию в Новониколаевске в целом приняли с воодушевлением, мирными спонтанными собраниями и лозунгами, не отменявшими сложившиеся планы, привычки и развлечения, то к осени ситуация начинает резко ухудшаться. В городе назревает продовольственный кризис, начинается спекуляция и рост цен. К октябрю 1917 года люди охладели к революционной повестке дня и столичный переворот не нашел эмоционального отклика в провинциальном сибирском городе. Октябрьская революция как бы прошла мимо и не заинтересовала большинство местного населения.

Ключевыми экспонатами в трех разделах выставки, представивших перемены в 1917 г., стали базарные весы, предметы мебели и милицейская форма. Весы составили часть инсталляции на тему торговли на городском рынке. Посетитель видит сцену с милиционером, следящим за торговкой и ее операциями с новыми весами. За спиной торговки безмен, старый и привычный инструмент розничной торговли.

Инсталляция с мешанкой, ждущей своего мужа с войны, представила раздел о начинающемся жилищном кризисе. С ухудшением материального положения ей приходится сдавать часть квартиры внаем. Это рассказ о динамике повседневной жизни в городе через жилищный кризис, вызванный перенаселением и уплотнением жилого фонда. Подборка красноречивых объявлений в местных газетах подтверждает впечатление — от условно роскошного «сдам квартиру с четырьмя комнатами и прислугой» в 1916 г. до скромного «сниму угол, цена не имеет значения» к 1918 г.

Дополняет ряд привлекающая внимание узнаваемыми поздними советскими образцами коллекция реконструированных милицейских головных уборов, рассказывающих о формировании милиции, занимавшейся охраной правопорядка, в том числе редкая форма Ново-Николаевской железнодорожной милиции времени НЭПа, а также емкая и аттрактивная коллекция денежных знаков, находившихся в обращении в разные годы. Собственно предметы вооружения и обмундирования в выставке отходят на второй план перед предметами повседневного городского быта.

Авторы выставки предложили посетителям также задаться вопросом женского преобладания среди хозяев «явочных квартир», для чего показали женские вещи и символы городского быта (мещанства), как аналогию женственности и состоятельности, которыми пренебрегли ради общественно-политических убеждений. Свободу личной трактовки предполагает и сопоставление биографий двух партизан с разными судьбами, сложившимися в советское время — Игнатия Владимировича Громова, известной и относительно благополучной, и Василия Павловича Шевелева, расстрелянного в 1937 г.

«17 год. Хроники города N-N» и «Великая война в миниатюре» (Музей Железнодорожного района)

Авторы выставки представили ее суть как иллюстрацию повседневной жизни Новониколаевска в 1917 г., уделив внимание облику улиц и жителей города, предметам быта рабочих и буржуазии, отражающим разные взгляды на происходившие события в стране и мире.

Однако большую часть выставки заняли материалы, посвященные Первой мировой войне, как одной из основных причин революции. Выставка представила специально изготовленную большую диораму посвященную Праснышскому сражению 1915 г., в котором участвовали солдаты 41-го стрелкового полка, сформированного в Новониколаевске, и частная коллекция советских детских игровых фигурок-солдатишек. Последние имеют черты портретного сходства с историческими фигурами или вымышленными образами — В. И. Чапаева, Анки-

пулеметчицы и других, о которых советские дети получали представление с раннего возраста. Историческая миниатюра позволяет говорить о масштабах и характере конфликта даже с самыми юными посетителями.

Среди экспонатов выставки страшное оружие окопной войны — острозаточенная малая лопатка, штыки, ножи, кистень и палица, наглядно демонстрирующие жестокие новшества мировой войны, средства индивидуальной защиты, лозунги трудящихся, воззвания партий. Солдатский быт демонстрирует также уникальная окопная вилка, изготовленная из проволоки. Важная часть экспозиции — реконструированная военная форма стран-участниц конфликта, предоставленная новосибирскими специалистами по исторической реконструкции.

Погружению или переводу посетителя в плоскость исторического восприятия в противоположность осовремениванию способствуют материалы археологических раскопок с мест столкновений во время Гражданской войны в европейской части России — в основном фрагменты формы и вооружения. Ту же плоскость составляет коллекция реконструированных штыков времени Первой мировой войны.

Особое место в экспозиции заняли бумажные копейки, выпускавшиеся правительством Николая II с 1915 г. в связи с военными расходами. 50-копеечные банкноты пережили и революцию, и временное правительство, и Гражданскую войну.

Связь между тематическими комплексами, представляющими состояния войны и мира, обеспечивает тезис, раскрывающий мотивы отношения современников к событиям, происходившим вокруг них в провинциальном сибирском городе, и обращены к ответу на вопросы посетителей о том, почему все-таки значительная часть населения была недовольна существовавшим общественным порядком.

Милитаризация городской повседневности раскрывается в представленных реконструкциях военных мундиров и гражданской одежды. Этот ряд иллюстрирует факт значительной доли военных в Новониколаевске и распространение одежды строгого покроя, как френч. Военная форма вызывает живой интерес посетителей — с манекенами в мундирах фотографируются, просят примерить головные уборы.

Революция имела конкретные причины, рассказывает куратор. И не только большевики были действующими лицами событий. На фоне оскудения достатка значительной части населения появляется прослойка, которая быстро богатеет на поставках продовольствия и фуража для армии и которая была заинтересована в продолжение конфликта. Когда посетители улавливают эти мотивы оправдания, неприятия или безразличия по отношению к революции, они переживают и понимают чувства обиды, злости, эмоционального опустошения, сочувствуют ощущению социаль-

ной или даже мировоззренческой нестабильности, обозначающий общее напряжение и конечный предел терпению обывателей.

Военные предметы позволяют подчеркнуть, что Первая мировая война для Российской империи не закончилась в 1917 г., автоматически уступив место следующему событию, что через демобилизованных, похоронки, калек на улицах местное население формировало определенную позицию в отношении происходящего в городе, стране и мире.

«Сквер, рожденный революцией» (Музей Центрального района)

Исследование исторической динамики назначения, названий и восприятия горожанами «Сквера Героев Революции» в центре Новосибирска стало центральной темой экспозиции. Фотографии, документы, атрибуты общественных организаций, печатная и сувенирная продукция иллюстрируют различные аспекты посещения или использования этого места в разное время в течение большей части XX в. — мемориальный, ритуальный, рекреационный и др. Внимание авторов было обращено на обстоятельства возникновения коллективного захоронения и биографии революционеров, представленных скульптурными бюстами на главной аллее сквера.

Изменения официальной трактовки назначения сквера в представлении авторов выставки стали эффективной иллюстрацией известной фразы «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». Актуальный, простой и ясный пример, основанный на местном материале, позволяет заинтересованному посетителю размышлять на темы, далеко выходящие за пределы краеведения. Фактической возрастной целевой группой выставки стали посетители среднего и старшего возраста. Исследовательский вопрос был поставлен авторами следующим образом. Почему сегодня сквер, расположенный в самом центре города, неизвестен широкой публике или о нем знают, но никогда не посещают.

Сквер Героев Революции («Жертв революции» до 1957 г.) сложился в общественном и символическом пространстве городе как культовое место, о котором знал каждый ребенок, ходил в экскурсионные пакеты для местных жителей, иногородних и иностранных гостей города, был местом торжественного посвящения в члены общественных организаций, аналогичного ритуалам возрастной инициации. Последняя из перечисленных функций сквера представлена атрибутами общественных организаций (барабаны, горны, галстуки и др.) на фоне фотографий со сценами собраний, выступлений, вручения удостоверений и пр.

Выставочным посланием стал рассказ об известных местных исторических фигурах не как о «героях», «революционерах» или «жертвах». Это попытка рассказа о жителях большого провинциального города, обстоятельств их приезда в Новониколаевск, занятий, интересов,

окружения — всего, что может объяснить мотивы обращения к общественно-политической борьбе, определяющей риски не только для себя, но и семьи, родственников и друзей.

Особенностью выставки, посвященной революционному мемориалу, стала большая доля архивных документов (Государственный архив Новосибирской области и Новосибирский городской архив), ставших альтернативой отсутствующим вещественным источникам биографий известных революционеров, память о которых, кроме имени, улицы и скульптурного бюста зачастую основывается только на фотографии, а иногда и вообще не имеет источников для биографического расследования.

Исследовательский характер экспозиции подчеркивают два рабочих места для посетителей с компьютером и бумажными копиями документов, с которыми можно знакомиться самостоятельно. Через факты биографии, документы, воспоминания современников (степень субъективности которых также подлежит интерпретации) и фотографии ясно видны не юные фанаты, лишенные прошлого и перспектив, а взрослые и разумные люди, имеющие богатый житейский опыт и социальный капитал.

«Красный день календаря» (Музей Октябрьского района «Закаменка»)

На момент публикации данного обзора выставка была в стадии подготовки, поэтому ее название здесь нужно считать рабочим. Авторы выставки обращаются к советскому праздничному календарю, в центре которого была мемориализация Октябрьской революции 1917 г., особенностям сценариев праздничных мероприятий и тиражированию символов и образов революции в повседневных вещах. Революция здесь рассматривается не как историческое событие, а как праздник, последовавший за ней и ей посвященный. Какие календарные новшества принесла революция и как преобразовала праздничный календарь жителей страны?

При этом музей предложит взглянуть на эти привычные и замысленные для взрослых атрибуты «вечного» торжества революционной идеи как на культурные особенности праздника как универсальной и присущей человеку формы ощущения времени, имеющей сакральное значение. Авторы рассчитывают, в том числе, на внимание юных посетителей, для которых праздник как таковой является просто веселым развлечением, радостным переживанием, состоянием душевного подъема и не имеет жестких идейных и событийных ассоциаций. Вниманию более взрослой аудитории будут представлены фотографии, сделанные на первых митингах 1917 г., которые позволят сравнить и отметить отличия практик массовых мероприятий более позднего времени.

Исторический контекст и местная специфика предполагается раскрыть в документах и фотографиях с демонстраций и митингов на

узнаваемых улицах Новосибирска, посвященных 7 ноября и 1 мая в разные годы. Это были важные массовые праздники, объединявшие разных людей, имевшие оригинальную атрибутику и сценарий, региональные, корпоративные и семейные особенности и складывавшиеся на их основе традиции, оставлявшие следы в семейных архивах горожан, которые музей и предлагает вниманию посетителей.

В конечном счете, музей планирует создать пространство не столько для ностальгии, сколько для ощущения праздника, имеющего исторический контекст и познавательную ценность.

Городские тематические программы Музея Новосибирска

С мая по сентябрь 2017 г. одной из наиболее популярных экскурсионных программ музея (музей предлагает около 20 летних экскурсионных продуктов) была пешеходная экскурсия, посвященная истории антибольшевистского переворота 26 мая 1918 года, названная «Историческая прогулка-расследование «Горячая весна 1918-го. По следам Гражданской войны». Экскурсия создавалась с целью продемонстрировать малоизвестные современному горожанину страницы истории Новониколаевска (Новосибирска) осени 1917 — зимы 1919 гг. Зрители могли наглядно представить общую хронологию исторических событий с первых месяцев после Октябрьской революции до момента «белого восстания» в мае 1918 г., массовой забастовки рабочих в августе 1918 г. и последующего разгрома антибольшевистских сил в ноябре-декабре 1919 г., после которого в Новониколаевске была окончательно установлена советская власть.

В качестве объектов показа были использованы сохранившиеся здания и места в центре Новосибирска, позволившие по-новому взглянуть на привычные здания. Подчеркнуто краеведческий характер данного продукта был направлен на преодоление укорененного в локальном сознании мифа о Новосибирске как о «городе, рожденном революцией», в истории которого до начала 1920-х гг. не происходило ничего значительного, а также на преодоление сложности исторического материала и противоречивости в оценке событий за счет представления только общей схемы происходящего, основных действующих сил и наполнения этой схемы бытовыми подробностями, которые видели обыватели.

Разработчики экскурсии стремились сформировать у зрителей ощущение сопричастности с судьбами простых горожан, ставших реальными участниками событий Гражданской войны, сохраняя при этом увлекательный, насыщенный, но политически нейтральный стиль повествования, в том числе на основе аналогий, сравнений и предположений альтернативного развития событий.

17 сентября на площадке перед фасадом театра «Красный факел» состоялся аудиовизуальный перформанс «Улицы революций», совмещающий в себе живую музыку, театральное представление и 3D-видеоинсталляцию на фасаде здания театра. Музей стал партнером мероприятия. По своему характеру и целевой группе это было масштабное городское представление, основой которого стали номера из концертной программы, созданной композитором Романом Столяром для Вокального ансамбля Павла Шаромова. Это «революционные песни, появившиеся на свет при разных обстоятельствах и отражающие разные революционные идеи».

Вокальные произведения в живом исполнении перемежались диалогами «людей с улицы» в исполнении известных новосибирских актеров. Эти сценки были созданы на основе произведений Бабеля, Блока, Булгакова, Бунина, Маяковского, Аверченко и др. По замыслу авторов, представление должно было стать «критическим осмыслением такого многогранного явления, как революция, всестороннее исследование, в котором каждому предлагается принять самое непосредственное участие». Публичная акция сопровождалась пешеходными экскурсиями по прилегающим улицам.

3 октября в новосибирском метрополитене был оформлен вагон-музей «Улицы революции» с историями новосибирских улиц. Выставка в вагоне посвящена местам города, связанным с революциями 1917 г. Пассажиры метро предложили узнать, как революционные события позже отразились в названиях городских улиц: Интернационала, Коминтерна, ОСОАВИАХИМа, Большой МОПра и Малой МОПра, Серебренниковской, Сибревкома, Красина, Кропоткина, Фрунзе, Максима Горького, Щетинкина, Петухова, Громова, Горбаня, Якушева, Дуси Ковальчук, Романова, Семьи Шамшиных, Дмитрия Шамшурина и др.

Выставка показала, как выглядели новосибирские улицы до революции, а также редкие фотографии новосибирских революционеров, многие из которых были опубликованы впервые — основными источниками стали уникальные архивные материалы фотокорреспондента ТАСС Анатолия Полякова.

Особенностью выставки является ее массовая целевая группа — ежедневный пассажиропоток новосибирского метрополитена составляет более 200 тыс. чел. Поэтому дизайн выставки опирался на основные принципы восприятия наружной рекламы с преобладанием фото- и графического материала с акцентом на заголовки и емкие тексты.

В. Н. Болоцких

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин) (г. Новосибирск, Россия)

**1917 ГОД: ПРИЧИНЫ
И ПОВОДЫ. ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?**

В статье ставится задача анализа точек зрения на причины Великой революции в России. Как в научной, так и в публицистической литературе всё шире распространяются представления о революции как результате заговоров (монархических, революционных, антимонархических). Причины глубочайшего и всестороннего переворота всего российского общества сводятся к деятельности интеллигентов — либералов-реформаторов, революционеров, части правящей бюрократии, а также германских и японских агентов. Совершенно недостаточное внимание уделяется глубинным процессам, протекавшим в российском обществе, находившимся в процессе перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному. Именно сопротивление этому переходу со стороны самодержавного государства, большей части правящей элиты, большинства помещиков-землевладельцев, значительной части крестьянства привели к глобальному кризису и двум революциям в России в начале XX в. Сделан вывод о стихийном характере революции. Политические силы того времени оказались неспособными дать адекватные ответы на исторические вызовы и потерпели поражение. Исключение составили большевики, которые в стремлении к утопической цели — коммунизму, решали наиболее болезненные проблемы, прежде всего ускорения индустриализации страны и перехода к индустриальному обществу.

Ключевые слова: причины революции, либералы-реформаторы, революционеры, элита, стихийный характер революции, большевики, утопизм коммунизма и индустриализация.

Отказ в постсоветский период от марксистско-ленинских (читай: сталинских) трактовок причин, характера, сущности и последствий событий 1917 г. вовсе не привёл к более глубокому их пониманию.

Довольно большое распространение получила точка зрения, практически отрицающая объективные причины революции 1917 г. Например, Б. Н. Миронов пытается доказать улучшение уровня жизни основной массы населения России — крестьянства — после отмены крепостного права и на этом основании приходит к выводу об отсутствии революционной ситуации. Многие сводят причины революции к фактическому поражению России в Первой мировой войне. Популярно воззрение, что если бы не мировая война и революция, то столыпинские реформы привели бы страну к процветанию, из чего вытекает отрицание глубинных причин революционного слома старой России.

Отказ от выведения причин революции 1917 г. из социально-экономического и политического кризиса всего самодержавного строя приводит к поиску виновников разрушения Российской империи. Этими виновниками называются интеллигенция разных политических направлений и элита.

Например, ещё к 90-летию юбилею революции в газете «Известия» появились полемические статьи Виталия Иванова и Вячеслава Никонова (5 и 7 марта 2007 г.), в которых революция определяется как «национальный позор», как «одна из печальных дат российской истории», когда была «разрушена российская государственность, а с ней и великая страна». Ответственность за революцию прямо возлагается на «элиту», «оппозицию» в лице либералов и левых, разжигавших «в 1915-1916 гг. революционный пожар». В. Никонов прямо отрицает неизбежность революции: в стране всё было хорошо, на фронте преобладали успехи, армия была вооружена и обеспечена лучше, чем в 1914 г., продовольственных трудностей и экономической разрухи не было и в помине, потери убитыми, умершими от ран и ранеными составляли **всего** (!) 5,5 млн человек, всего 35,5 % от числа призванных (у других воюющих стран гораздо больше).

Различие у авторов заключается только в том, что В. Иванов считает Николая II неспособным на коренные реформы и поэтому его следовало отстранить от власти. Но реформы допустимы были только после окончания войны, так как «любая радикальная реформа, а тем более революция, всегда как минимум влечёт временное ослабление государства». В. Никонов же уверяет, что Николай II собирался провести «основные реформы» после войны, победоносной, конечно же.

Так что «Российская империя пала жертвой не каких-то непреодолимых объективных обстоятельств», а «мало скрываемых заговоров, которые вынашивались в думских, аристократических, земских и социалистических кругах, затронули также армейскую верхушку», «революцию подготовила **группа элиты** (выделено авт.) — олигархической и интеллигентской, — воспользовавшаяся трудностями войны для установления собственной власти, при этом не понимавшей природы власти той страны, которой собирались управлять» (В. Никонов).

В. Иванов же полагает, что необходима была «жесткая «зачистка» оппозиции, на которую якобы у режима было в начале 1917 г. «достаточно силовых ресурсов», чтобы «малое кровопускание упредило бы большую кровь». Но Николай II проявил безволие, дождался стихийного бунта и в результате: «Либералы и левые, разжигая в 1915-1916 гг. революционный пожар, вовсе не рассчитывали на столь скорую и столь крупную победу и не готовились брать огромную ответ-

ственность. И взялись править, не имея сколь-либо проработанных планов и программ, и в дальнейшем не обнаружили никаких способностей к созидательной деятельности».

Наша политическая «элита» (политологи особенно) очень любит видеть во всём проявления «заговора элиты», результат её удачной или неудачной деятельности. А народ, массы... он где-то там, внизу, покорно выполняет «проработанные планы и программы», «проработанные» конечно же, этой самой элитой, за что получающей свой жирный кусок пирога. А если что идёт не так, то находится новая группа элиты, всегда готовая указать оппонентам на отсутствие у них этих самых планов и программ, или их ошибочность.

Авторы известинских статей (как и прочие поклонники теорий заговоров и могущественности элиты) не понимают, что в «оппозиции» к самодержавному режиму находились в начале 1917 г. миллионы рабочих, крестьян и солдат, «зачищать» нужно было именно их и малым кровопусканием тут бы не обошлось в любом случае. Они не знают, что в 1915 г. (как и в 1916 г.) был составлен не «список Временного правительства», а предложены Николаю II кандидатуры в «ответственное министерство», т. е. составленное из представителей думских партий и несущее ответственность перед Государственной думой наряду с ответственностью перед императором. Потом эта «элита» снизила планку требований до создания «министерства доверия», т. е. правительства, составленного единолично царём и несущего ответственность только перед ним, но из лиц, пользующихся доверием в обществе.

Они не знают, что все заговоры, мнимые или настоящие, конца 1916 и начала 1917 годов рождались исключительно среди сторонников монархии и были нацелены на сохранение монархии под любым видом, на предотвращение революции, т. е. прихода к власти «думских, аристократических, земских и социалистических кругов».

Буржуазно-демократическая революция в России, начавшаяся в Феврале 1917 г., была закономерной и неизбежной. Она должна была случиться рано или поздно, так как не были разрешены основные противоречия российской действительности начала XX в.: глубочайший аграрный кризис, уже неразрешимый при сохранении полунатурального крестьянского хозяйства и крестьянского сословия; между полуфеодалным экономическим укладом и растущим капиталистическим, рыночным; между потребностями развивающейся страны, начавшей переход от традиционного аграрного общества к индустриальному, и отжившей политической системой.

Именно в этом заключаются **причины** Февральской революции. Но кроме причин для совершения революции нужны ещё и **поводы**, приводящие массы в движение. В данном случае эти поводы были порождены условиями войны: продовольственные трудности в городах и армии, сложности со снабжением деревни промышленными товарами. Те и другие были вызваны финансово-денежной политикой правительства, неразберихой на транспорте; военными неудачами, вообще затянувшейся войной, ненужной и непопулярной в народе; потерей остатков авторитета Николаем II и монархией в целом.

С этой стороны, революция была стихийной (как и всякая революция, не только российские). Невозможно предсказать, когда пройдёт, когда жизнь станет для сотен тысяч и миллионов людей невыносимой, и они решатся действовать.

Неверная оценка причин и поводов Февральской революции неизбежно ведёт к ошибочным оценкам самой революции, её значения, её последствий, непониманию её сущности, а, следовательно, к непониманию дальнейшей российской истории в советский период. Истории, крутые повороты которой вызывались не произвольными желаниями «вождей» и «элиты», а насущными потребностями жизни.

Николай II попытался остановить, перегородить поток жизни и в силу своего упрямства, и в силу непонимания сути происходившего.

А послереволюционные деятели, кроме Ленина и его сторонников, просто плыли по течению. Временное правительство во главе с кадетами наделало ошибок, попытавшись ограничить разгулявшуюся стихию ради иррациональной цели — доведения войны до победного конца. Лидеры партий, пришедших к власти в феврале 1917 г., не понимали, что дело не в войне, что конец приходит всей старой жизни, всему старому обществу, что надо **немедленно** проводить глубокие реформы, а не ждать окончания «победоносной» войны. И только большевики смогли оседлать на какое-то время волну событий и были вознесены ею наверх.

По мере чтения документов предреволюционного времени самого различного типа, мемуаров деятелей той поры всех политических оттенков возникает и крепнет стойкое впечатление, что Февральскую революцию готовили все и... никто.

Царь и его окружение в большинстве своём искренне стремились к достижению победы над врагом, генералы составляли планы военных действий и вели в бой солдат, солдаты и офицеры героически сражались и нередко добивались успехов. В тылу старались снабдить армию всем необходимым, создавали общественные организации для координации производства вооружений, боеприпасов, снаряжения,

оказания раненым и больным воинам, рабочие трудились на заводах, крестьяне пахали землю, но всё чаще проявляли недовольство своим положением.

И, тем не менее, во многих мемуарах красной строкой проходит ожидание каких-то неизбежных и грозных потрясений, все считали необходимым перемены в правительстве, в политическом строе и т. д. Государственная машина всё чаще давала сбои. Оружия, патронов и снарядов, хлеба и потребительских товаров в стране достаточно, а недовольство среди солдат, рабочих и крестьян растёт, образованное общество, включая думских депутатов, выражает всё большее недовольство правительством и самодержцем за неэффективное управление.

Причины этого явления объясняет краткая зарисовка Н. А. Бородина (историк, статистик, издатель и сотрудник ряда периодических изданий, член I Думы, кадет) о поездке на фронт летом 1916 г.: «Осматривая эти гигантские провиантские магазины с громадными запасами всевозможных пищевых продуктов для всепожирающей миллионной армии, я не мог освободиться от впечатления, что всё это богатство отобрано от массы оставшегося в тылу мирного населения, которое рано или поздно ощутит нехватку во всём этом добре. Всё это полунасиленно изъято из общего обращения и предназначено питать солдат. Что делать? Это необходимость, вызываемая войной, и с ней приходится мириться».

Но вот с чем трудно было мириться — это с бесполезной гибелью этого собранного со всех концов матушки России добра. Между тем я при осмотре складов видел горы подмоченного сахара, риса, сухарей и пр.

Солёная рыба оказалась испорченной вследствие отсутствия соответствующих прохладных помещений для её хранения, а главное, вследствие слишком длительного пути: вместо 10-14 дней вагоны с ней путешествовали из одного места в другое в некоторых случаях около месяца, и, конечно, качество рыбы пострадало» [1].

Видный адвокат и публицист Н. П. Карабчевский описывал свои настроения накануне революции и вспоминал: «Прямой уверенности в том, что не пройдёт и двух месяцев, как всё вокруг развалится, и прахом пойдут все жертвы и успеяния родины в этой беспримерной войне, конечно, у меня не было, но какое-то гнетущее предчувствие огромной беды меня уже не покидало. Всё этому способствовало».

Обстановка в стране по описанию Н. П. Карабчевского напоминала пир во время чумы: «Некоторый недостаток в продовольствии также начинал ощущаться: более или менее длинные хвосты уже начинали вытягиваться по улицам у мясных и хлебных лавок».

Люди со средствами, однако, не терпели ещё недостатка ни в чём. Пирры ещё задавались, и лучшие рестораны изобиловали не только посетителями, но и всем, чем можно было удовлетворить их изысканные аппетиты.

Театры и кинематографы, как всегда, были переполнены. Всюду чувствовалось, что «тыл» не стесняется в средствах. Приток их ощущался и в таких общественных слоях, где раньше они были в обрез» [4].

Вот свидетельство представителя левых кругов. В. Б. Станкевич, юрист, депутат III Думы, трудовик, с июня 1917 г. — народный социалист, служил в армии и был настолько увлечён военными делами, что не заметил, как подошла весна 1917 г. Он писал, что пытался найти решение вопроса в технической стороне дела, но не встречал отклика, так как «для русской общественности это составляло уже пройденный отношения к войне». Хотя настроения политических кружков, с которыми он был знаком, были пёстрыми, кто-то был настроен пацифистки, кто-то думал уже о необходимости прекращения войны, а не о том, как её выиграть.

Но все сходились в одном, замечал В. Б. Станкевич — в отрицательном отношении к правительству и ждали чего-то. Не только правые и кадеты боялись в это время революции, но и умеренные левые опасались даже коренных реформ. В тоже время разговоры и ожидания заговора были широко распространены [11].

Даже эти люди, наиболее близкие к революционным кругам, лучше знавшие настроения солдат, рабочих и крестьян, не представляли, какого джина они собираются выпустить на волю, какой ящик Пандоры открыть. Правда, вина их в произошедшем не столь уж велика, ибо не в их воле было предотвратить массовые народные выступления и усмирить разгулявшуюся стихию толпы. Но поначалу образованная публика встретила революцию с воодушевлением, радостным настроением и даже сочли её мирной и бескровной.

Многие мемуаристы, такие как публицист, статистик, один из лидеров Народно-социалистической партии, после революции член Исполкома Совета, член совета Главного земельного комитета А. В. Пешехонов, вспоминали также о всеобщем радостном, праздничном настроении на улицах в февральские дни [9].

Обращает на себя внимание практически всеобщее свидетельство усталости во всех слоях общества — на фронте и в тылу — от тягот войны, растущее желание покончить с ней поскорее.

Почти все также вспоминают о появившихся продовольственных затруднениях, хвостах. Проблема была действительно не в отсутствии в России хлеба вообще, а в растущей и обострявшейся нехватке **дешёвого** хлеба (как и продовольствия вообще). Разогнав инфляции бес-

престанной эмиссией денег для покрытия чрезвычайных расходов, правительство породило всё ускоряющийся рост цен на самые необходимые для населения товары. Но правительство не признавалось в своей вине, оно даже не считало себя ответственным за растущую дороговизну и возлагало всю полноту ответственности за рост цен на производителей и торговцев, обвиняя их в спекуляции, жадности, эгоизме и прочих грехах. В борьбе со спекуляцией и жадностью правительство ввело твёрдые цены по государственным закупкам, которые были намного ниже рыночных и этот разрыв постоянно и с убыстрением рос по мере ускорения обесценивания рубля. Продовольствие, заготовленное государственными органами по твёрдым (низким) ценам поступало на нужды армии и в города, где продавалось также по твёрдым низким ценам. Это давало основание правительству и частным владельцам предприятий отказывать в повышении зарплаты рабочим и служащим под предлогом, что они не отвечают за спекуляцию и жадность производителей — крестьян и крупных землевладельцев.

Таким образом, правительство своей финансово-денежной и заготовительной политикой разрушило рыночную систему обмена между городом и деревней, но не смогло заменить её принудительно-государственной системой заготовок и распределения продовольствия по низким твёрдым ценам. Продовольственные трудности усугублялись возникшим и всё усиливавшимся хаосом на железных дорогах, нерасторопностью, а то и откровенным воровством государственных заготовительных органов, что приводило к порче и расхищению.

Э. Н. Бурджалов указывает на особую роль очередей за хлебом в созревании революционных настроений. Люди часами мёрзли в «хвостах» в ожидании хлеба и нередко возвращались с пустыми руками. В очередях рассуждали о причинах отсутствия хлеба и роста цен, искали виновных в народных бедствиях. Петроградская охранка замечала, что «хвосты» в дни острых продовольственных кризисов равноценны по своему влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных листовок, они превращались в политический клуб [3; 117—118].

А вот в этом как раз и винили правительство — в неспособности наладить снабжение по твёрдым низким ценам, в неспособности справиться с расстройством на транспорте, с потерями от нераспорядительности и хищений чиновников. Недовольство порождалось также необоснованно большими потерями от военных действий, слабой организацией эвакуации и лечения раненых, нежеланием сотрудничать с общественными организациями и частными предприятиями для обеспечения фронта всем необходимым. Все случаи такого сотрудничества, участие общественных организаций объясняется настойчивыми усилиями пред-

ставителей общественных организаций, капиталистов и тяжёлым положением на фронте, но никак не осознанным желанием Николая II и его окружения в необходимости привлечь силы общества на организацию обеспечения воюющей армии, для достижения победы в войне.

Отсюда множившиеся разговоры о необходимости перемен на самом верху государственной власти, многочисленные заговоры с целью дворцового переворота, всё более настойчивые требования депутатов Думы о создании «ответственного министерства» или хотя бы «министерства доверия». Эти заговоры и требования имели целью не совершение революции, а её **предотвращение**.

Так что Февральская революция была и давно ожидаемой (кем-то с надеждой, а кем-то со страхом), и неожиданной, стихийной и подготовленной.

Хотя и готовили, и призывали революцию российские революционеры, но и они не ждали её именно в данный момент. В начале января 1917 г. (по старому стилю) Ленин не называл даже самых ориентировочных сроков начала российской и европейской революций, хотя и говорил об их неизбежности [5; 327].

А в статье «Поворот в мировой политике», опубликованной 31 января 1917 г., Ленин принципиально отвергал возможность предсказания сроков революции и шансов на успех [5; 347—348].

Т. е., речь шла о подготовке революции в самой общей форме, как о работе среди рабочих по пропаганде и агитации революционных идей, но не о конкретной организации революционного выступления российского, скажем, пролетариата в более или менее точные сроки.

Другие не ждали тем более. С. П. Мансырев писал о полной растерянности депутатов в первые дни революции [7].

Революция тем отличается, кроме всего прочего, от государственного переворота, что назвать её точную дату невозможно. Вот день, даже час прихода к власти большевиков известен. В ночь с 26 на 27 октября 1917 г. А. В. Луначарский предложил делегатам II Всероссийского съезда Советов проголосовать за воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором провозглашался переход высшей политической власти в руки съезда и местных Советов. Около 5 часов утра воззвание было принято, в России установилась Советская власть.

А когда началась Февральская революция? 23 февраля? Но забастовки и митинги рабочих в Петрограде начались раньше и не прекращались уже до отречения Николая II, образования Временного правительства и Советов и даже после этого.

С лета 1915 г. в России вспыхивали стачки рабочих в разных местах из-за недовольства зарплатой, ростом цен. Рабочие Путиловского

завода бастовали две недели и в феврале 1916 г., рабочие забастовками и митингами отмечали годовщину Кровавого воскресенья 9 января, в том числе в 1917 г. [3].

В советской исторической литературе и в воспоминаниях большевиков такой датой чаще называли 23 февраля, когда женщины Выборгской стороны вышли на улицы в день Международной солидарности женщин-работниц. И это не случайно. На небольших предприятиях Выборгской стороны, где было много текстильных фабрик, влияние большевиков было наибольшим в Петрограде.

В Петроградской стороне были сосредоточены крупнейшие машиностроительные предприятия, в том числе Путиловский и Ижорский, с высококвалифицированными потомственными рабочими. Популярность большевиков там была куда меньше. Но именно на Путиловском заводе зародилась первая российская революция. Там же зародилась и Февральская революция 1917 г.

И это было закономерно. Как и закономерно было желание рабочих отправиться к Государственной думе со своими требованиями в момент открытия её сессии (не к Зимнему же Дворцу вновь идти, под пули).

В. М. Зензинов рассказывал о посещении делегацией путиловских рабочих Чхеидзе и Керенского 22 февраля 1917 г. Цель этого посещения обоих депутатов Думы, по словам мемуариста, «заключалась в следующем: они считали своим общественным долгом предупредить обоих депутатов<...> о серьезности создавшегося положения и о том, что они «слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия»» [8; 105—106].

События на Путиловском заводе связаны с слухами о сокращении производства и сокращении части рабочих из-за недостатка топлива и сырья.

Посещение путиловскими рабочими Государственной думы вызвало депутатский запрос и обсуждение его, но Дума 23 февраля ограничилась простым принятием запроса к правительству о продовольственном положении. Думские депутаты остроты момента не поняли, восприняли события на [10].

Закрытие Путиловского и Ижорского заводов сыграло ключевую роль в событиях приведших к падению самодержавной монархии. Эти заводы определяли настроение рабочих всего Петрограда и призыв к поддержке сразу же получил повсеместный отклик и движение отчаявшихся путиловцев, которым некуда было отступать, резко обострило политическое настроение всех рабочих.

Февральская революция в 1917 г. в России вовсе не была мирной и бескровной. Безнаказанность насилия развязывала разрушительные

инстинкты, голод и холод, от которых страдали миллионы и после революции усиливали озверение масс, их нетерпение, стремление наконец-то добиться своего, в том числе и силой.

И, главное: революция была стихийной, внезапной, в России отсутствовала организованная, властная буржуазия, способная на кардинальные и **немедленные** реформы и поступки.

Например, немедленное провозглашение республики; проведение аграрной реформы; наведение порядка в снабжении городов и армии продовольствием; контроль государства над производством и распределением с целью преследования спекулянтов, капиталистов, злоупотреблявших условиями войны для обогащения; принятие срочных мер для минимизации отрицательных последствий эмиссии денег и вызванных ею инфляции, роста цен, системы твёрдых цен и ограничений вывоза — основных причин продовольственных трудностей; немедленная и решительная постановка вопроса о прекращении войны; срочный созыв Учредительного собрания.

Ничего этого не было сделано политическими силами, пришедшими к власти в феврале 1917 г. В силу этого Февральская революция оказалась незаконченной, она не принесла никаких положительных изменений ни рабочим, ни крестьянам, ни солдатам, не решила и **не решала** месяцами неотложных задач из-за паралича Временного правительства и нерешительности руководства Советов. В результате движение масс, нарастание анархических настроений переклестнуло через Временное правительство и эсеро-меньшевицкое руководство Советов и вынесло на гребень волны большевиков. Большевики с самого начала (прежде всего, Ленин) обладали чёткими целями, выбрали правильную тактику и только усиливали свои позиции в массах и, в конце концов, пришли к власти.

Лидеры кадетов, буржуазии, меньшевиков и эсеров внесли не меньший, чем большевистская пропаганда, вклад в разложение армии, усиление экономической разрухи, разжигание страстей в деревне.

Во-первых, бездеятельностью, нерешительностью, перекладыванием ответственности друг на друга, увлечением революционной эйфорией.

Во-вторых, откладыванием созыва Учредительного собрания, «непредрешенчеством», т. е. отказом от немедленного закрепления революционных завоеваний, желанием во что бы то ни стало продолжать войну.

А ведь можно было пойти на уступки массам — рабочим, крестьянам, солдатам — иногда временным, а потом отыграть назад в более благоприятных условиях. Как это сделали, например, большевики в отношении крестьян. Они были сторонниками крупного аграрного

производства и считали крестьянство сословием феодального общества, обречённым на исчезновение, но пошли на «чёрный передел» земли в 1917 г., а потом, когда основная масса крестьян убедилась, что жить легче не стало, проблемы их не решаются таким образом — ликвидировали мелкое крестьянское землевладение и само крестьянство как социальную группу путём коллективизации. Исчезновение крестьянства было неизбежно и при капиталистическом развитии России — через имущественное расслоение, разорение большинства и превращение меньшинства в аграрных предпринимателей. Но этого не понимали ни кадеты, ни представители буржуазии.

Ленин воспользовался ошибками лидеров кадет, эсеров и меньшевиков и бил в одну точку. И в октябре 1917 г. произошёл именно государственный переворот, а не революция (сами большевики так писали первые годы). Никакой **социалистической** революции не было в 1917 г., как и никакого **социализма** в советский период не строилось. А был переход от традиционного аграрного общества к индустриальному **государственным** способом, и способом тупиковым.

Проблема в том, что Ленин, как и вообще большевики в тот период, был честным революционером, последовательным и искренним коммунистом. Об этом говорит его «Государство и революция», «Как организовать соревнование?», написанные в 1917 г., «Великий почин» (1918 г.) и многие другие статьи и речи накануне и в первое время нахождения у власти. Он действительно верил в возможность существования коммунистической общественно-экономической формации, т. е. построения общества на принципах общественной собственности на средства производства, коллективной организации труда, всеобщего равенства, включая ликвидацию прав наследования.

И власть ему была нужна не сама по себе, не для удовлетворения чрезмерного властолюбия. Ленин искренне верил в то, что знает, что нужно пролетариату и что, взяв власть в свои руки, пролетарии сразу станут превращаться в сознательных и бескорыстных тружеников, «всеобщеворужённый» народ быстренько уничтожит эксплуататоров и кровопийц, станет радостно трудиться на благо всех, а, значит, и себя самого, не думая о своих корыстных интересах, так как корысть и другие нравственные грехи старого общества исчезнут вместе с буржуазией.

Власть пролетариату, партии большевиков, лично Ленину была нужна именно для того, чтобы уничтожить остатки прошлого общества и вместе с пролетариатом других стран осуществить мировую коммунистическую революцию и преобразовать **весь** мир на коммунистических началах. Задача пролетариата России — зажечь пожар мировой пролетарской революции.

Хотя большевики не начали проводить коммунистические эксперименты в экономике сразу после прихода к власти. Ленин собирался использовать рыночные рычаги для восстановления и развития экономики ещё весной 1918 г. Но свои решения и действия большевики подчиняли именно интересам мировой революции, рассматривали всё через призму этой революции.

Споры большевиков вокруг Брестского мира определялись не их пониманием интересов России как таковой, интересами сохранения российской государственности, а интересами именно мировой коммунистической революции. Что именно будет лучше содействовать этой революции — подписание грабительского мира для сохранения Советской власти как опорной базы всеобщей революции, или революционная война даже с риском потерять революционные завоевания в России. Об этом Ленин откровенно говорил на VII съезде РКП (б). [6].

Политическая гибкость, способность адекватно реагировать на меняющуюся обстановку, а не замыкаться в готовых застывших схемах, позволили Ленину принимать верные решения в сложнейшей обстановке. Так будучи убеждённым, что всеобщее вооружение народа способно легко справиться с сопротивлением свергнутых классовых врагов, Ленин быстро понял, что это не так. Что с профессиональными преступниками должны бороться профессионалы и уже через несколько дней после прихода к власти большевики создают профессиональную милицию, в которую привлекают профессионалов сысского дела из царской уголовной полиции. Поняв, что с организованным политическим противником вооружённые толпы рабочих и солдат неэффективны, Ленин идёт на создание ВЧК (политической полиции). Ещё в дни борьбы за Брестский мир он выступал за создание новой пролетарской армии на добровольной основе и с выборными командирами, но первые же поражения в гражданской войне заставили его начать борьбу за создание настоящей «буржуазной» армии и привлечь в неё настоящих специалистов, невзирая на социальное происхождение и политические взгляды.

Но вся беда была в том, что всё это Ленин делал, не пересматривая своих теоретических коммунистических постулатов, и собирался со временем вернуться к ним: безгосударственному общественному устройству, всеобщему равенству, коллективному неспециализированному труду, общественной собственности на средства производства, одним словом, к коммунизму. Неслучайна перемена названия партии большевиков на коммунистическую в марте 1918 г.

В результате, принимая верные решения в сложнейшей обстановке революции в 1917 г., во время борьбы за выход из войны, в период

гражданской войны, Ленин и его соратники не смотрели на них как на окончательные решения, а всего лишь как на временную уступку. Немедленный выход России из мировой войны был обусловлен внутренним тяжелейшим положением, невозможностью продолжать войну, а не интересами международной коммунистической революции. Сохраняя весной 1918 г. основы рыночной экономики, Ленин рассматривал это всего лишь как временную меру до укрепления «пролетарской» власти и победы мировой революции, после чего можно и нужно было, по его мнению, от них отказаться и переходить к социализму как первой стадии коммунизма, что уже было ошибкой.

И так во всём в дальнейшем — заходили дальше, чем нужно в военно-коммунистических мероприятиях, рассматривая их не как вынужденные шаги в условиях войны, а как непосредственный и ускоренный переход к социализму, не хотели от них отказываться после окончания гражданской войны. Внутренняя и внешняя политика Советской власти в последующие в 1920—1930-е годы определялась ожиданием и подталкиванием мировой революции.

К беде Ленина и большевиков, цели их были хотя и благородные, но недостижимые. И чем сильнее они к ним стремились, тем больше сопротивлялась общественная среда, тем сильнее приходилось ужесточать «пролетарскую дисциплину», укреплять «пролетарское» государство с его карательными органами, наращивать Красную Армию и т. д. И этот процесс был неостановим до полного и бесповоротного краха попыток строительства коммунизма.

Последние работы Ленина, по сути, посвящены попыткам найти решение неожиданно возникшей, не прогнозированной проблемы — стремительного и неконтролируемого роста государственного аппарата и его бюрократизации. В них заметна его некоторая растерянность перед этой проблемой — мелкими, незначительными мерами Ленин хотел укротить разбухавший госаппарат с его неповоротливостью, неэффективностью, злоупотреблениями. Но напрасны были его надежды справиться с ним.

И ещё одна проблема встаёт за событиями революции. Это отношения интеллигенции и простого народа. Почти все лидеры политических партий России того времени были представителями образованных слоёв общества, так называемой интеллигенции. А интеллигенты разных политических толков свысока посматривали на народ, их восприятие рабочих, крестьянских и солдатских масс было разным: от резко негативного, презрительно-опасливого (кадеты, представители творческих профессий) до снисходительно-покровительственного (ре-

волюционная интеллигенция). Революционная интеллигенция считала себя вправе учить «серую» толпу, воспитывать её, вести её за собой.

Их оппоненты из противоположного лагеря считали народ способным только разрушать культурные ценности, но не создавать их.

Характерным было отношение к народу И. А. Бунина. В своих «Окаянных днях» он писал о лживых «друзьях» народа и опровергал их, говорил о своём отношении к народу, который очень переменчив, из которого может получиться, как из дерева «и дубина, и икона», — «в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв» [2].

Но и у самого Бунина для простого люда после революции хороших слов не находилось, его характеристики лиц людей из народа сплошь отрицательные [2].

Непонимание, недоверие к массам присутствовало даже у представителей революционных социалистических партий эсеров и меньшевиков, что видно по «Запискам о революции» Н. Н. Суханова, для которого зал заседаний II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласившего Советскую власть «был полон этими мрачными равнодушными лицами и серыми шинелями» [12].

Революционер Суханов и барин Бунин и им подобные не могли себе представить, что эта «тупая», «серая», «злая» толпа может чего-то хотеть и чего-то мочь культурного. Что этой личностью из народа можно не только любоваться и умиляться, не только любить её как таковую, но её можно и нужно учить, культурно просвещать.

Российская революция 1917 г. открыла (как и любая другая) возможности доступа к культурным ценностям для более широких слоёв населения. Из этой серой массы будут вскоре стремительно выделяться личности, которые станут руководителями, командирами, полководцами и будут бить обученных и культурных офицеров и генералов царского времени.

Бунину (как и многим революционерам-интеллигентам) и в голову не могло прийти, что их Ваньки и Парашки могут чему-нибудь научиться и стать инженерами, агрономами, учёными, писателями. Он не понимал, что эта серая масса часами слушала всех ораторов подряд на митингах не из-за нежелания работать и служить, а из-за **желания понять** происходящее, разобраться в нём и действовать сознательно. Из-за желания «осмыслиться», наконец.

Это произойдёт, но не сразу и не у всех получится. Для этого требуются поколения — а бунины и сухановы этого не поняли и не хотели понять.

Но именно этими «сырыми и тёмными» людьми и делалась революция, которая вовсе не была результатом заговора элиты. Революция была порождена стихийным порывом рабочих, солдат, крестьян в их неостановимой тяге к земле, мирной жизни, к лучшей доле. И большевики пришли к власти потому, что, кроме всего прочего, лучше других почувствовали эту мощь народного движения к лучшей жизни и смогли возглавить эту безудержную анархическую стихию, повести её за собой. И решить некоторые важные проблемы перехода России от аграрного общества к индустриальному. Только путь они выбрали тупиковый, с кратковременным эффектом.

И напрасно Суханов критиковал большевиков за отсутствие у них программы действий после прихода к власти: «Большевики не знали, что они будут делать со своей победой и с своим завоеванным государством. Они действовали *против* Маркса, *против* научного социализма, *против* здравого смысла, *против* рабочего класса, когда путём восстания под лозунгом «власти Советов» стремились отдать своему партийному ЦК всю полноту государственной власти в России. Власть одного изолированного пролетарского авангарда, хотя бы и опирающегося на доверие миллионов масс, обязывала новое государство и самих большевиков к выполнению задач, которые для них были заведомо непосильны. Вот где был центр проблемы. Большевистская партия проявила утопизм, взявшись за выполнение этих задач. Большевистская партия совершила роковую ошибку, поскольку она подняла восстание, *не думая* об этих задачах и не готовясь к их выполнению» [12].

Конечно, большевистские идеи перехода России к социализму, даже с помощью мировой революции, были чистой утопией.

Конечно, большевики действовали против Маркса, против научного социализма, так как теория научного социализма Маркса — это чистой воды утопизм, невозможность, но в этих действиях большевиков утопизм как раз и отсутствовал! Большевики, и Ленин прежде всего, были реальными политиками, достаточно гибкими, чтобы вовремя отступать от своих революционных схем, чтобы не пытаться их навязывать жизни вплоть до собственного поражения и собственной гибели. Они делали ошибки, они пытались создать государство по типу Парижской Коммуны, но всегда вовремя отказывались от этих попыток, когда видели гибельность следования коммунистическим догмам об отмирании государства, о рабочем контроле, о всеобщем вооружении народа, ликвидации денег и т. д. и т. п.

В сложнейшей ситуации осени 1917 г. необходимо было действовать, пока Россию окончательно не захлестнула Смута, пока анархия не развалила окончательно государство, пока Россия ещё не была раз-

делена между мировыми державами. И большевики действовали, а не разглагольствовали, при этом ошибаясь и исправляя ошибки, но не останавливались. Они могли сочинять бумажные планы и схемы, но, не задумываясь, отправляли их в корзину, если эти планы и схемы не соответствовали жизни.

И вообще, какие могут быть теории, ясные представления, точные предположения и планы, что делать, если неизвестно, что будет дальше, куда повернёт колесо истории?

Список литературы

1. Бородин Н. А. Мартовская революция / Н. А. Бородин // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. — М. — Книга, 1991. — 480 с.
2. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин. — М.: Советский писатель, 1990. — 128 с.
3. Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде / Э. Н. Бурджалов. — М.: 1967. — 408 с.
4. Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели / Н. П. Карабчевский // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. — М. — Книга, 1991. — 480 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 30.
6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Т. 36.
7. Манасырев С. П. Мои воспоминания о Государственной думе / С. П. Манасырев // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. — М. — Книга, 1991. — 480 с.
8. Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментариев западного историка. М.: 1991.
9. Пешехонов А. В. Первые недели / А. В. Пешехонов // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. — М. — Книга, 1991. — 480 с.
10. Поликарпов В. В. 22-23 февраля 1917 года в Петрограде // Вопросы истории. 2005, № 10.
11. Станкевич В. Б. Революция / В. Б. Станкевич // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. — М. — Книга, 1991. — 480 с.
12. Суханов Н. Записки о революции. В 3 т. Т. 3. Кн. 5-7 / Н. Суханов. — М.: — Издательство политической литературы, 1991. 399 с.

Ю. В. Ващенко¹, О. В. Катышева²

¹*Universidad Mayor de San Andrés (CIDES-UMSA), (г. Ла-Пас, Боливия)*

²*Санкт-Петербургский Государственный Университет
(г. Санкт-Петербург, Россия)*

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И 100-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

7 ноября (25 октября по старому стилю) исполнилось 100 лет со дня Великой Октябрьской революции. Это событие привело к глобальному переустройству мира и созданию первого социалистического государства в истории человечества. Можно по-разному относиться к её результатам, к большевикам и Советскому Союзу, но нельзя отрицать, что эта революция была одним из важнейших событий XX века. В данной работе мы предприняли попытку изучить влияние Великой Октябрьской Революции на страны Латинской Америки через освещение событий, мероприятий, конференций и форумов, проведенных с указанной тематикой на международном уровне. Мы подтвердили не угасающий мировой интерес к памяtnому событию 1917 г. В Латинской Америке до сих пор идеи Великого Октября вдохновляют миллионные народные массы на строительство «социализма XXI века» или, как часто его называют в регионе «социализма с человеческим лицом». Также мы отразили влияние Русской революции 1917 г. на латиноамериканскую мысль, основываясь на анализе общего исторического контекста в рамках борьбы рабочего движения в латиноамериканском регионе, в частности в Перу, и учения Хосе Карлоса Мариатеги, перуанского теоретика марксизма-ленинизма и выделили общие черты учений В. И. Ленина и Х. К. Мариатеги.

Ключевые слова: Русская революция, марксизм, латиноамериканский марксизм, Латинская Америка

Отголоски революционных событий в России донесли и до далёких государств Латинской Америки и Африки, укрепив тем самым зародившееся в 1917 году рабочее социалистическое движение, многие активисты которого были вдохновлены идеями Октября и концепцией социализма, оставшейся актуальной для некоторых стран и по сей день. Известно, что существуют целые регионы, базирующие свои политические взгляды на основополагающих идеях Русской революции. К таким регионам в последние десятилетия относится Латинская Америка. Народные правительства Эво Моралеса, Уго Чавеса, Фиделя Кастро, Лулы да Силвы, Нестора Киришнера, Кристины Фернандес де Киришнер, Хосе Мухики и др. все еще стремились переосмыслить уроки Русской революции. Не только по всей России, но и во многих странах мира прошли масштабные мероприятия, посвящённые этому памяtnому событию.

С 29 апреля по 1 мая 2017 г. в г. Лима, Перу, проходил самый крупный международный латиноамериканский конгресс, LASA, в котором участвовали российские исследователи, в том числе и в исторических секциях, где обсуждались темы Русской революции и Латинской Америки [9]. В Санкт-Петербурге со 2 по 4 октября прошел Третий международный форум «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность», который собрал участников более чем из 30 стран и предлагал слушателям и участникам форума на ряде секций и магистральных конференций обсудить вопросы Русской революции и ее влияния в Латинской Америке.[10] В Париже 16—17 ноября 2017 г. за несколько дней до конференции в Новосибирске прошел международный симпозиум «Русская революция и Латинская Америка: 1917 и последующие события» в Université de Cergy-Pontoise с участием российских экспертов. [11] 23-24 ноября 2017 г. в г. Буэнос-Айрес Аргентина «100 лет Октября 1917 года. Латиноамериканские отголоски глобального события» IX Дни истории левых в CeDInCI [12].

Стоит отметить три страны региона Латинской Америки — Венесуэла, Бразилия и Боливия, в которых прошли одни из самых масштабных мероприятий и общественных акции, посвящённых этому символичному событию. 6 ноября 2017 г. в Венесуэле стартовала «Неделя памяти», посвящённая 100-летию Октябрьской Революции. В Каракасе и других городах Венесуэлы прошел ряд мероприятий: международная научная конференция, концерты, выставки, кинопоказы. Кроме того, к юбилею революции была приурочена большая книжная ярмарка и Всемирный фестиваль патриотичной поэзии. 7 ноября 2017 г. в столице состоялась массовая демонстрация, а 12 ноября на центральном проспекте Боливара в венесуэльской столице был торжественно открыт памятник-бюст Владимира Ильича Ленина.

Празднование годовщины в Бразилии совпало с подготовкой к XIV съезду Коммунистической партии, который прошел в период с 17 по 19 ноября. На нём коммунисты обсуждали возможности выработки последовательной тактики сопротивления режиму Мишела Темера, действующего президента Бразилии. В столице штата Мараньян, в городе Сан-Луис, прошла конференция «100 лет Русской Революции: наследие и уроки», которая была направлена на рассмотрение современного кризиса капитализма и возможности борьбы за социализм. Участие в данном мероприятии принял губернатор штата — представитель Компартии Бразилии Флавио Дино. 24 октября юбилей революции стал главной темой торжественного заседания, приуроченного к памятной дате, в стенах парламента. Лидер Коммунистической Пар-

тии Бразилии Лучиана Сантос отметила, что капитализм не способен решить стоящие перед человечеством проблемы. «Мы живём в мире войн, неравенства и нищеты, — подчеркнула она. — В результате переворота 2016 г., закончившегося импичментом Дилмы Русефф, в бразильские семьи вновь вернулся голод. Нам нужен социалистический путь!» [8].

Боливия остается одной из стран левой оси в Латинской Америке, последовательно претворяющей в жизнь идеи Великого Октября и стоящей на передовой продвижения левых идей. В Многонациональном Государстве Боливии с 6 по 8 ноября 2017 г. при поддержке Вице-президента Альваро Гарсии Линеры и факультета истории главного высшего заведения страны — Университета «Universidad Mayor de San Andrés», была организована международная научная встреча, направленная на комплексный анализ Октябрьской Революции в контексте глобальной истории. Вице-президент Боливии Альваро Гарсия Линера и преподаватель истории Университета «Universidad Mayor de San Andrés», профессор Евгения Бридыхина открыли данное мероприятие пресс-конференцией для ведущих боливийских изданий. Как отметил Вице-президент Боливии: «Встреча направлена на обмен мнениями и фундаментальный анализ Великой Октябрьской Революции 1917 г., понимание её влияния на страны Латинской Америки, её отголоски на развитие политических режимов в наши дни». Во встрече приняли участие известные исследователи и политики: испанский политолог Пабло Иглесиас, российский историк, ведущий научный сотрудник Института Всеобщей Истории РАН, автор многих работ о Латинской Америке, в частности о Боливии, Андрей Аркадьевич Щелчков, аргентинский исследователь Орасио Таркус, который также является участником конференции в Новосибирске 23-24 ноября 2017 г. «Октябрьская Революция 1917 г. в России и ее роль в мировой истории», и другие. Кроме того, в мероприятии в Боливии выступили боливийские историки и дипломаты Густаво Родригес Остриа и Магдалена Кахиас, что еще раз подчеркивает нам неослабевающий интерес к продолжению исследования и изучения позитивных и негативных последствий революции и ее влияния на текущие взаимоотношения между нашими странами.

Великая Октябрьская Революция заслужила звание самого неординарного события российской истории, однако, в странах «левого лагеря» Латинской Америки её идеи по-прежнему оказывают значительное влияние. Лозунг «социализма XXI века» стал приобретать популярность ещё в 1990-е, когда некоторые страны выявили издержки краха «мировой системы социализма» XX века, когда «конец истории»

глобального либерализма стал давать сбои. Именно идеи Великого Октября легли в основу «социализма XXI века», который до сих пор находится в фазе его активного претворения в жизнь в латиноамериканских государствах.

Эта революция породила крупнейшую страну на планете, которая являлась главной мировой державой на протяжении большей части XX века. Политическая, экономическая и социальная модель государственного режима после русской революции сильно повлияла на изменение взглядов всего мирового сообщества.

Среди событий, которые произошли в 1917 году на мировой арене в ходе Первой мировой войны (1914-1918 гг.) Советская (большевистская) революция стала ярким событием в Российской империи, не только из-за того, что в дальнейшем она привела к созданию нового (советского) государства, учитывая трансформацию в политических, экономических и социальных отношениях российского общества, но из-за ее прямого влияния на марксистскую мысль в странах Латинской Америки.

Основополагающая база для создания и строительства нового советского государства была сформулирована в идеологических формулировках марксизма-ленинизма, с новым видением социальной организации и существенным изменением концепции государства. Эта новая модель государства состояла в основном из коллективистской концепции общества, которая оставляет предпочтение личности (видение капитализма), защищая коллективные права. Распределение выгод, юридических и материальных, должно также быть равным, без возможности какой-либо отдельной силы, иметь привилегии над другими, в принципе без существования частной собственности.

Изменения революции были радикальными и глубокими и приводят к трансцендентальным последствиям. Эти изменения характеризуются внезапным и сильным характером, а также тем, что они являются частью сложных процессов, которые имеют свое начало задолго до событий, в этом случае России не исключение.

После Русской революции лидер советского (большевистского) государства Ленин организовал Третий Интернационал, широко известный во всем мире как Коммунистический Интернационал. Это было похоже на попытку пропаганды идей революции в соответствии с российской коммунистической моделью во всем мире. Это прямое следствие станет источником вдохновения для многих студенческих и рабочих революционных движений, и развития марксистской мысли в Латинской Америке.

Развитие внутренних классовых противоречий и влияние русской революции 1917 г. привели в странах Латинской Америки после Пер-

вой мировой войны 1914—1918 гг. к укреплению революционной борьбы и идей национального освобождения. Отличительной чертой революционной волны была растущая деятельность рабочего класса. Во многих странах региона появились коммунистические партии. Впервые пролетариат выступал здесь как независимый класс и претендент на гегемонию в борьбе народных масс за демократию и национальную независимость. Развитие капитализма в странах Латинской Америки также создавало новые предпосылки для роста национально-освободительного движения.

После окончания Первой мировой войны зависимость стран Латинской Америки от иностранного капитала увеличилась. Особенно выросло влияние Соединенных Штатов, которые захватили в регионе ряд экономических и политических позиций. Вес иностранного капитала затормаживал промышленное развитие латиноамериканских стран, присуждая им роль сырьевых придатков империалистических государств, фиксируя феодальные и полуфеодальные отношения в сфере сельского хозяйства.

Согласно Михаэлю Леви, французско-бразильского социолога, философа-марксиста, и его работе «Марксизм в Латинской Америке» [5], можно выделить три периода в латиноамериканской истории:

1. Революционный период (с 20-х по середину 30-х гг.)
2. Салинистский период (середина 1930—1959)
3. Новый революционный период (после Кубинской революции)

Как становится очевидным, первые периоды истории развития латиноамериканского марксизма тесно связаны с Русской революцией и ее последствиями. Первый период характеризовался фундаментальной работой Хосе Карлоса Мариатеги, чьи взгляды были основаны на идеях модели Ленина. Второй период интерпретировал пример постреволюционного Советского государства, главными особенностями этой эпохи были гегемония и теория революции по этапам Сталина. Эта теория определила в эти годы национально-демократический этап развития Латинской Америки.

Как указывает в своей книге «Сохранение нации, интеллектуалы, культура и политика в Латинской Америке в 20-е гг.» исследователь Патрисия Фуэнтес: «Русская революция перевернула старые устои, повысив ценность идеологий для трансформации обществ». [4] Русская революция пропагандировала развитие новых идей для трансформации общества в странах Латинской Америки, а также была основой критического течения классического марксизма.

Хосе Карлоса Мариатеги — великая фигура рабочего и коммунистического движения Перу и Латинской Америки, пропагандист и тео-

ретик марксизма-ленинизма. Мы выбрали именно эту фигуру еще и потому, что именно в Перу в 2017 г. прошла самый крупный международный латиноамериканский конгресс. Большое влияние на творчество Мариатеги оказало знание опыта революционного рабочего движения в европейских странах и США. Мариатеги категорически боролся с идеей «исключительности» исторического развития Латинской Америки, рассматривая революционный процесс, который происходил в регионе как этап, этап мировой революции. В своей работе «Семь эссе об интерпретации перуанской реальности» [7] Мариатеги представил программы и теоретическую платформу, анализ развития классовых отношений и классовой борьбы в Перу. Автор показал авангардную роль национального (перуанского) пролетариата и представил первое марксистское эссе об экономической истории своей страны. Касаясь положения индейских угнетенных масс, Мариатеги рассматривал их как одну из движущих сил национально-освободительной борьбы. Он подверг критике идею «этического социализма» и других теорий «реформистского социализма».

Мариатеги в своей работе «Семь эссе об интерпретации перуанской реальности» анализирует две фундаментальные проблемы перуанского общества: индейскую проблему (в его эссе 2) и земельный вопрос (в его эссе 3).

В эссе «Проблема индейца» Мариатеги анализирует индейский вопрос не как расовую, административную, правовую или образовательную проблему, а как фундаментальную экономическую проблему, происхождение которой заключается в несправедливом режиме владения землей (в «гамонализме»): «Порядок собственности на землю определяет политический и административный режим каждой нации» [7, С. 42]. Пока существует такая форма собственности любая попытка решить проблему индейца будет тщетна. По мнению автора, окончание гамонализме и феодализма ознаменует большую отдачу, чем просто земля. Это ознаменует для всей расы новый исторический этап, восстановление ее моральной важности и ее подлинную интеграцию в политическую, этническую и национальную жизнь: «Решение индийской проблемы должно быть социальным решением. И реализовывать его должны сами индейцы. Эта концепция привела к историческому событию на собрании идейских конгрессов. Конгрессы коренных народов, искаженные в последние годы бюрократизмом, еще не представляли программу; но их первые встречи обозначили путь коммуникации индейцев в разных регионах. Индейцам не хватает национальных связей. Их протесты всегда были региональными. Что в значительной степени способствовало их унынию» [7, С. 38].

В третьем эссе Мариатеги поднимает одну из фундаментальных проблем — вопрос земли. Автор анализирует аграрный вопрос, тесно связанный с вопросом об индейцах, отстаивая право на землю, для чего было необходимо избавиться от рабства, которое подразумевал «гамональный» феодализм. Мариатеги показывает, как колониализм, разрушивший «коммунистическую» экономику, заменил его только феодализмом.

Основной вопрос этого третьего эссе: Что случилось с аграрным сообществом айлу? Несмотря на письменные законы (Законы Идейцев), идейская община была разрушена феодализмом, выражением которого были крепостничеством и латифундии. Также в 18 веке Европа сменила курс на укрепление власти буржуазии (Французская революция была ярким примером буржуазной революции). Но в Перу формирование класса буржуазии не было таким быстрым. Землевладельческая аристократия осталась быть, она больше не сохраняла «своих привилегий как принцип, она сохранила свои позиции де-факто. Она осталась по-прежнему доминирующим классом в Перу» [7, С. 47].

По словам Мариатеги, господствующий класс — землевладельческая аристократия — который поддерживался правящим милитаризмом, задерживал появление стабильной буржуазии. Далее была предпринята попытка постепенного реформирования существующей ситуации, когда в 1852 году был обнародован Гражданский кодекс, благоприятствующий созданию мелких хозяйств и расширению больших помещичьих владений и индейских. Таким образом, мелкие хозяйства не процветали, а наоборот, расширились латифундии. Очень интересно, что прибрежные латифундии отличались от латифундий горных.

Прибрежные эволюционировали по отношению к капиталистическим техникам и методам, в то время как горные полностью сохранили свой феодальный классический характер и сопротивлялись изменениям и индустриальной (капиталистической) трансформации, таким образом, именно это спасло идейскую общину. Прибрежные латифундии были больше связаны с иностранным капиталом и предпочитали заменять традиционные продовольственные культуры на выращивания хлопка на экспорт, создавая постоянный круг импорта продовольствия и экспорта сырья. В отличие от типа латифундизма это предотвращало развитие национального (внутреннего) капитализма, поскольку помещики были «посредниками или агентами иностранного капитализма» [7, С. 76].

Учение Мариатеги имеет огромное влияние ленинизма. Основными вопросами, которые анализировал Ленин, были земельная пробле-

ма и крестьянство. Наиболее тяжело пострадали при режиме царя Николая II — крестьяне, которым не хватало земли для выращивания и кормления их семей, а также рабочие, которые работали за очень низкую заработную плату. Кроме того, русская армия, сражавшаяся в Первой мировой войне (1914—1918), потерпела поражение, а оставшиеся в живых были больны и голодны. При такой плохой социальной ситуации последовали массовые протесты и забастовки, пока не сформировалась новая модель советского государства, создавшая благоприятные условия для разрастания революции и разрушения царского режима.

В постулатах революционного марксизма Ленина (ленинизма) и латиноамериканского марксизма Мариатеги существует общий знаменатель: земельный вопрос, тот факт, что государственный режим отражает состояние народа и крестьян, что подтверждается в ряде работ вышеупомянутых революционеров.

Мариатеги видел Ленина образцом великого революционера и государственного деятеля. Мариатеги изучал и цитировал различные работы Ленина: «Империализм, как высшая стадия капитализма» [2], «Материализм и эмпириокритицизм» [3], «Государство и революция» [1] и другие. Мариатеги подтвердил, что Русская революция является вершиной теории и практики марксизма. Мариатеги был одним из первых, кто обозначил роль Ленина в развитии марксизма, «появляется Ленин в наше время, как самый энергичный и плодотворный реставратор марксистской мысли... Русская революция является, принимают это или нет реформисты, доминирующим событием современного социализма. Именно это событие, чей исторический масштаб еще не может быть измерен, ведет к поиску нового марксистского этапа» [6].

Список литературы

1. Ленин В. И. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33. — 1937.
2. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма/ Полное собрание сочинений //М.: Политиздат. — 1962. — Т. 27. — С. 387.
3. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм: критические заметки об одной реакционной философии. — Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961.
4. Funes, Patricia. 2006. *Salvar la nación. Intelectuales, cultura y política en los años veinte latinoamericanos*. Buenos Aires: Prometeo.
5. Löwy, Michael. 2007. *El Marxismo en América Latina*. Santiago: Ediciones LOM.

6. Mariátegui, José Carlos. 1991 (1928). Obras completas. Vol. 5. Defensa del marxismo. Lima: Empresa Editora Amauta. Pp. 21-22.

7. Mariátegui, José Carlos. 2007 (1928). Siete ensayos de interpretación de la realidad peruana. Caracas: Fundación Biblioteca Ayacucho. 348 p.

8. 100 лет Великой Октябрьской Революции. Сетевое издание ЛАКРУС. <http://lacrus.org/100-let-velikoj-oktyabrskoj-revoljutsii/>

9. <https://lasa.international.pitt.edu/eng/>

10. http://iberorus.spbu.ru/es/uploads/rc73_iberomeacuterica_programme_8.pdf

11. http://www.institutdesameriques.fr/sites/default/files/programme_livret_.pdf

12. <http://noticias.unsam.edu.ar/2017/11/1/ix-jornadas-de-historia-de-las-izquierdas/>

К. А. Голодяев

МКУК «Музей Новосибирска» (г. Новосибирск, Россия)

НОВО-НИКОЛАЕВСК — ГОД РЕВОЛЮЦИЙ

Данная работа написана с целью популярного обобщения ключевых моментов, связанных с событиями революционных процессов в городе Ново-Николаевск в период марта 1917 — мая 1918 годов. На основе публикаций прессы рассматриваемого периода, архивных документов, публикаций ключевых исследователей данного вопроса рассмотрены вопросы выборов в органы власти и народного управления, моменты быта жителей города, их отношение к происходящим событиям, трудности прихода и установления Советской власти, резкие ужесточение ситуации в начале 1918 года. Данный материал может быть полезен для краткого ознакомления с рассматриваемым периодом. В заключении представлены некоторые мысли автора по сохранению историко-культурного наследия периода революций и гражданских войн.

Ключевые слова: Ново-Николаевск, февральская революция в Сибири, октябрьская революция в Сибири, почетный гражданин, установление Советской власти.

Сегодня восстановить события столетней давности в Новосибирске и регионе достаточно просто. Сибирские архивы целы, старые газеты тоже доступны. Плюс об этих событиях уж много написано.

События февраля 1917 года пришли в Ново-Николаевск достаточно неожиданно. Никаких видимых предпосылок не было. Газеты писали о начале подготовки к выборам нового состава Городской Думы, об отпуске горожанам большого количества муки к приближающемуся празднику Пасхи, о посевных материалах, о кино, о лекциях социал-демократа Н. А. Рожкова на тему: «Смысл и красота жизни». Лишь местное отделение Военно-промышленного комитета (который некоторыми исследователями считается организатором февральских волнений) как бы намекало (или предупреждало) что что-то готовится, обращалось в прессе с воззваниями о неизбежности скорого голода:

«ВОЗЗВАНИЕ! В настоящее время мы стоим перед новым не менее грозным бедствием — недостатком хлеба. Для всех стало ясно, что запасы хлеба истощились, и посевная площадь повсеместно в значительной степени сократилась и сокращается. Ио имеющимся данным обработка и посев в Томской губернии уже в истекшем 1916-м году сократились на 40-50 процентов против предыдущих лет. Недосев, может быть, в текущем году ещё больше, и если не принять теперь же самых решительных мер, то ГОЛОД неизбежен» [3].

Второго марта «посвящённые» забегали, по городу поползли слухи. На следующий день, 3 марта газетный тираж разошёлся мгновенно — император отрёкся. Царя больше нет!

Уже вечером 2 марта на заседание городской думы ворвалась толпа «революционеров» во главе с социал-демократом Владиславом Исаевичем Герман-Каменским. Городской голова Алексей Григорьевич Беседин снял с себя знак головы и вышел из зала [7]. Но его всё-таки уговорили оставаться в должности до проведения новых выборов в думу [5], а для контроля за деятельностью городского самоуправления избрали комиссара.

В тот же вечер Ново-Николаевская городская дума послала Председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко телеграмму, в которой «единогласно восторженно и горячо приветствовала новое правительство», а население города призвала «сохранять в это ответственное для всех время полное спокойствие, тишину и порядок» [3].

В целом, Ново-Николаевск восторженно приветствовал государственный переворот (а именно так писалось в газетах) и смену власти. Вскоре за ней закрепилось название «Великая Русская революция». Даже Ленин так назвал февральские события. Потом ещё лет пять в стране праздновалась годовщина Февральской революции — 12 марта. Октябрьская революция, кстати, тоже ранее очень часто называлась не иначе как Октябрьский переворот. Только с 1927 года было узаконено понятие «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Вернёмся в Ново-Николаевск. Город охватила всеобщая эйфория. Как будто бы все с нетерпением ждали падения монархии. Лозунги «Да здравствует учредительное собрание!» и «Да здравствует демократическая республика!» на несколько недель заняли заглавное положение на первых страницах газет. Пресса захлёбывается от лозунгов, речёвок, здравниц Свободной России. Общественные организации города, собрания служащих шлют в Петербург «горячие приветы борцам за свободу и лучшее светлое будущее нашей необъятной родины».

Одной из первых отречение государя приветствовала православная церковь. В церковных проповедях слова о православном царе и благоверном государе быстро были заменены на борцов за свободу, поборников равенства и братства.

Состоялся парад войскового гарнизона. Почти весь март в городе проходили митинги, народные гуляния. Люди ходили с красными флагами, с красными бантами — символом Февраля. День 27 марта в городе даже официально был объявлен Праздником Свободы. Но... Уже 4 марта газета «Голос Сибири» скромно сообщает о повышении цен

Городского продовольственного комитета на 20 %. Уголь дорожает на 30 %... [3].

Сразу же после переворота на власть в городе стали претендовать несколько отдельных, самостоятельных структур разных политических толков. 3 марта на первом общегородском митинге, который затянулся за полночь, был создан проправительственный Комитет общественного порядка и безопасности, председателем которого был избран эсер Николай Евграфович Жернаков, двоюродный брат бывшего городского головы. 4 марта прошли выборы Новониколаевского Совета рабочих и военных депутатов. Председателем исполкома стал тот самый Герман-Каменский (рис. 1).

Рис. 1. Первый исполком Новониколаевских Советов рабочих и военных депутатов. Март 1917 г. Первый ряд, четвертый справа В. И. Герман-Каменский. ГАО. Ф. П-11796, оп.2, д.60.

6 марта прошло чрезвычайное совещание городской думы, которая постановила: «первого почётного гражданина Н. — Николаевска гр. Фредерикса лишить этого звания» [3]. Министр императорского двора, генерал-адъютант, барон Владимир Борисович Фредерикс стал первым почетным гражданином Ново-Николаевска в 1908 году — «ввиду его заслуг городу в деле выкупа земель у Кабинета Его Величества». А земля, на которой развивался город, была кабинетской,

т. е. принадлежала императорской семье, и земельный вопрос в начале XX века для города был одним из самых важных. Без собственной земли город не мог развиваться. Вот и получилось, что за помощь земельном вопросе барону Фредериксу было присвоено звание первого почетного гражданина города, а за то, что он, как лицо «приближенное к императору», скрепил своей подписью отречение Николая II от престола, лишён его. И так до сих пор и не восстановлен.

Практически сразу была ликвидирована городская жандармерия. Исполнительным Комитетом Новониколаевского Совета рабочих и военных депутатов произведены аресты: городской полицмейстер Бухартовский, его помощник, десятки городских, околоточных надзирателей, приставов, начальник станции Ново-Николаевск, Алтайской железной дороги, начальник жандармского управления, начальник местного военного гарнизона генерал Латернер. Дальнейшая их судьба не известна. Отобрано при обысках у чинов жандармской и общей полиции 87 револьверов, 80 штук полицейских шашек, 50 шашек от офицеров и 368 патронов [3]. Тем не менее, и городская дума, и военные власти призывали население к порядку и спокойствию.

Огромную популярность среди горожан и всего населения России мгновенно обрёл призыв к всеобщей амнистии политическим ссыльным, «солдатам, находящимся под стражей за нарушения воинского устава», арестованным за религиозные и другие преступления. В марте через железнодорожную станцию Ново-Николаевск в Россию возвращалось сотни ссыльных. Среди них и Свердлов, и Сталин. Вместе с ним Ново-Николаевск проезжали тогда более известные однопартийцы — думский депутат Матвей Муратов и Лев Розенфельд (Каменев). Встречали этих «и др.» товарищей представители только что образованного Совета рабочих и солдатских депутатов. «Сбейте оковы, дайте мне волю! Я научу вас свободе любить!» — пишет газета. Поезд остановился. — Они приехали! — проносится молниеносно по всей площадке. — Они приехали! В небольшом зале станции суета. Здесь и там мелькают красные ленты. ...Видно, что необычайная радость охватила всех». Был устроен небольшой митинг. Председатель первого новониколаевского Совета депутатов, меньшевик В. И. Герман-Каменский и «представитель от еврейских рабочих и служащих города» с именем Моисей Фабрикант приветствовали смелых борцов за свободу. Сталин скромно скрылся в вагоне, а товарищу Муратову пришлось сказать собравшимся несколько слов, после чего поезд проследовал дальше [3].

Но больше всех городу запомнился проезд бабушки русской революции Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской... 9 марта в 9 часов утра на вокзале её встретили представители местных полити-

ческих организаций и огромная толпа народа. Поезд подошел при звуках «Марсельезы», которую исполнял военный оркестр. Бабушка вышла на площадку вагона II класса. Конечно, громовое «ура» многотысячной толпы, приветствия столпов города. «Бабушка отвечала на речи указанием, что она никогда не отчаивалась в победе народа и теперь счастлива этой победой, надо помнить, что победа не закончена, что борьба почти вся еще впереди. Надо работать для народного дела, не покладая рук. В этом благо и счастье» [3]. Бабушка выступила в Думе, перед горожанами, переночевала, а на следующий день не менее торжественно поехала дальше на запад.

Рис. 2. Проводы бабушки русской революции Е. К. Брешко-Брешковской (в центре). 10.03.1917. ГАНО. Ф. П-11796, оп.5, д.25а

Первые месяцы Советы вовсе не претендовали на политическую власть, а в своих решениях «дружили» с городской Думой и Комитетом общественного порядка.

25 апреля как орган революционно-демократической власти открывается избранное городское Народное собрание. Из 80 мест в собрании 67 заняли эсеры, 7 — социал-демократы [3]. Избирательные победы эсеров — это нормальная ситуация для Ново-Николаевска. Она в полной мере ещё проявится на выборах в Учредительное собрание. 27 апреля городской голова Беседин окончательно складывает свои полномочия. 29-го все функции управления городом переходят Народному собранию.

В городе тогда проживало около 107 000 человек, из них почти половину, 45 000 — это только воинский гарнизон. В течение всей

весны проходили митинги: на заводах, в артелях, в обществах, в каркасных цирках, где было очень удобно: арена и зрительные места по окружности. Распространялось множество прокламаций, листовок. Ими обклеен весь город. Стали выходить новые газеты: Земля и воля, Русская речь, Известия новониколаевского совета.

Потом у эсеров и социал-демократов начинают происходить внутренние расколы — на левых, правых.

К лету эйфория перемен у населения проходит. С обретением свободы ожидаемого избавления от нужды не наступило. Наоборот, начались трудности с продовольствием. Комитет по продовольствию населения предлагает гражданам предоставить ему самые подробные и точные сведения о запасах муки и зерна. Вывоз этих продуктов из города разрешается только по удостоверению Комиссара.

В июне выходит Постановление городского Народного собрания о введении твёрдых цен на продукты первой необходимости, но крестьяне отказываются продавать городу продовольствие по твёрдым ценам. Крестьяне вообще понимали Советы совершенно иначе, чем в городах. Они считали, что Советы должны быть чем-то вроде крестьянского самоуправления, ещё в 1920 году среди крестьян процветал лозунг «Советы без коммунистов».

Также вводится запрет на приготовление и хранение спиртных напитков. Но очень толерантное. При обнаружении нарушителей граждане должны через своего старосту добрым словом уговаривать самогонщиков прекратить изготовление водки и пива. Если уговоры не действуют, то квартал уполномочивает старосту потребовать в присутствии понятых вылить водку и пиво на землю, а аппараты и посуду для выгонки представить в свой полицейский участок. Если самогонщик не захочет выдать водку и посуду, то чинить насилие над ним нельзя ни в коем случае, следует заявить в участок полицейскому комиссару.

Летом город был заполнен беженцами, бродягами, дезертировавшими солдатами. Они хулиганили, пьянствовали. Солдаты, лишившиеся командования и дисциплины устраивали в городе террор — грабили, раздевали прохожих, охотились за женщинами.

Жители жалуются, что сад Свобода «посещают солдаты с гармошкой, поют вульгарные песни и устраивают разные бесчинства». Начальник милиции возбуждает ходатайство перед исполнительным комитетом Городского народного собрания о закрытии сада «Швейцария» по Гудимовской улице, поскольку там регулярно продавали маньчжурский спирт и другие алкогольные напитки.

В городе развелось множество шарлатанов всех мастей. Китайцы повсеместно стали лечить зубы — останавливали людей прямо на ули-

це, и выстукивали у них из зубов червей. Делался этот фокус маленькими трубочками, в которые предварительно эти черви и заталкивались.

Некий пьяный безумец внушил солдатам, во дворе бывшего городского головы Владимира Жернакова, под клумбой зарыт труп жены императора Николая Первого, умершей почти 60 лет назад, и если её откопать, то война сама закончится и всех солдат отпустят по домам. Внушительная толпа перекопала всю усадьбу.

9 сентября 1917 года жители города передают в городское Народное собрание Ново-Николаевска следующее заявление «...сознательная группа жителей Закаменской части считает долгом поставить в известность городское Народное собрание о нижеследующем. В конце Самарской улицы, на р. Каменке выходит мыс, называемый «Городище»... В настоящее время варвары нахаловцы уничтожают памятник седой старины: валы крепости раскапываются, контуры окопов планируют и возводят на «Городище» самовольные жилые постройки без ведома Народного собрания. Народное собрание, идя навстречу безземельной бедноте, отводит селитебные участки под жилые постройки, между тем самовольный захват городской земли и застройка таковой хулиганами с нарушением строительного, пожарного уставов и санитарии с каждым днем возрастает...

Помимо той скорби, которую вызывает разрушение хулиганами памятника седой старины, нас беспокоит нарушение в жизни города законности и порядка, учиняемое обнаглевшими мерзавцами, превратившими долгожданную свободу в анархию. ...Силе должна противостоять сила, иначе порядка не будет. На этом основании сознательная группа жителей Закаменской части покорно просит городское Народное собрание: ликвидировать самовольные постройки на урочище, называемом «Городищем», со всей строгостью закона, постройки захватчиков-самоуправцев снести мерами милиции, дабы другим неповадно было, что послужит доказательством для темных масс тому, что в городском Народном собрании существует право и порядок, а не разруха и попустительство. С совершенным почтением и преданностью, группа сознательных жителей Закаменской части» [5].

Но власти было не до порядка. Подступал опрос кто-кого? После выступления Корнилова на Петроград, 19 августа вся власть в городе переходит к новому созданному общему органу — Комитету спасения революции.

В середине сентября происходит раскол у социал-демократов. РСДРП разбивается на две самостоятельные партии, и большевики призывают к перевыборам Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ситуация меняется стремительно. В сентябре-октябре 1917-го происходит резкое обострения ситуации во всех сферах жизни города: экономической, транспортной, жилищной, продовольственной, криминальной. Происходит резкий рост цен на предметы первой необходимости, девальвация рубля, резко ощущается недостаток медикаментов. Пошел в рост уровень преступности.

На этих трудностях спекулировали все партии.

О том, что в Петрограде произошло вооружённое выступление большевиков у нас в городе узнали из телефонных звонков. Но звонок — не бумага. Интересно, что телеграмма о происшедшем пришла в Ново-Николаевск вовремя, по телеграфу, ещё ночью 8 ноября (26 октября по ст. ст.). Адресована она была «Г. Каменскому» — первому председателю Новониколаевского Совета. Но он еще в мае выехал из города в Петроград. Его просто в Ново-Николаевске не было! Уже весь город всё знал, а документ, т. е. телеграмму на почте не отдавали. Только на следующий день, 27 октября её наконец-то выдали местному революционеру Савелию Якушеву. Вот так, лишь через день после свершения Октябрьского переворота, 9 ноября 1917 года, Сильвестр Иванович Якушев, получив заветный документ, провёл в школе на улице Самарской собрание рабочих Закаменки, на котором приветствовал победу петроградских рабочих и солдат. Теперь эта улица называется 9 ноября, а на школе № 19 висит о том памятная доска.

Известие о перевороте было принято горожанами совершенно спокойно, я бы даже сказал — апатично. Никто не думал, что это всерьёз и надолго. Обыкновенная заварушка — пройдет.

Совсем не так как это было в феврале. Да и сама Советская власть к нам не торопилась. Пятого ноября 1917-го снова проходят выборы в городскую думу Ново-Николаевска. 80 мест. В результате подавляющее большинство мест в думе вновь у эсеров 42 места, 14 у общественных организаций города, только 12 у большевиков, 7 у меньшевиков и т. д. [8].

Совет рабочих и солдатских депутатов не согласился с итогом выборов в Думу, и 16 ноября заявил о создании «социалистического министерства» и передаче власти в городе и уезде Комитету охраны революции. Однако уже 27 ноября Комитет этот был распущен.

Тогда же 16 ноября, состоялись выборы нового исполкома Совета депутатов. И здесь тоже больше всего голосов получили эсеры — 10 мест, а большевики только 7 [8].

Рис. 3. Ново-Николаевск. Накануне выборов в Учредительное собрание. Ноябрь 1917. Фото с сайта <http://nsk-kraeved.ru/>

Далее выборы во Всероссийское учредительное собрание. Эсеры по стране получают 40 % голосов (против 16 % большевиков), а в Ново-Николаевске 66,4 % (против 11,7 % за большевиков) [9]. Подводя итоги выборов, томская газета «Путь народа» от 12 декабря заявляет, что в целом по Ново-Николаевскому уезду эсеры взяли целых 92,5 % голосов.

В городской думе большевистская фракция настаивают на признании Советской власти и, наконец, на III Западно-Сибирском съезде Советов, прошедшем в Омске 2-10 декабря, принимается решение об установлении Советской власти. А 20 декабря в городе начали создаваться отряды Красной гвардии и пулемётная команда, которым из гарнизона было передано 400 винтовок, 19 пулемётов и несколько тысяч патронов [1].

В ночь с 26 на 27 декабря 1917 года объявляется о взятии в городе власти Новониколаевским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Городская дума и уездное земство ещё некоторое время продолжала работать в городе, но только в отношении хозяйствования и под контролем Совета депутатов. Но пути разошлись навсегда.

Дума выступает за Учредительное собрание. 12 января 1918 года на общем собрании Красной гвардии поддержан роспуск Учредительного собрания и принято решение о необходимости защиты власти с оружием в руках. Кстати, разгон Учредительного собрания тоже абсолютно не взволновал ново-николаевцев. Была в городе какая-то обре-

чённость, затишье перед бурей, дров нет, продуктов нет, зато разгул преступности налицо. Как тут не вспомнить февральское предостережение военно-промышленного комитета.

13 января закрываются эсеровские газеты: Голос Сибири и Знамя Свободы, кадетская Свободная Сибирь. 25 января исполком Новониколаевского Совдепа под руководством нового председателя В. Р. Романова принимает решение и об упразднении городской думы.

Многие из нас ещё помнят известный отрывок из фильма «Выборгская сторона» про юность Максима. Тот момент, когда на заседании «учредилки» врываются революционные солдаты и начальник охраны Таврического дворца, анархист Железняк произносит свою знаменитую фразу «Караул устал». 29 января 1918 года, практически то же самое произошло и у нас, в Ново-Николаевске.

Газета «Свободный голос Сибири» оставила нам красочное описание происходящего. 29 января в 12 часов 30 минут представителями Новониколаевского Совдепа городскому голове, эсеру Александру Кесаревичу Скворцову вручается постановление об упразднении городской думы на основании резолюции съезда крестьянских депутатов. Перед окруженным зданием городской думы, что заседала тогда в большом городском торговом корпусе, уже бушует толпа, которая пытается защитить законную власть: люди кричат комиссарам «захватчики, насильники, держиморды, угнетатели». На предложение сдать дела Голова «категорически отказался выдать бумаги».

И тогда в дело вступают красногвардейцы под руководством председателя ревтрибунала Александра Иосифовича Петухова. Происходит вооруженное занятие здания «конными и пешими силами». Гласные думы встали «подчиняясь грубой силе, члены управы удалились из корпуса, составив о происшедшем насилии акт... Помещение город кого самоуправления опустело... Только по коридорам гуляли защитники новой власти, красногвардейцы». [4]. Через два дня была распущена и земская управа.

Но впереди ещё была и интрига! На следующий день, 30 числа члены городской думы собрались на конспиративное совещание и заявили, что они отказываются сложить полномочия «до предъявления требования со стороны самих избирателей» [4], а заодно сняли с себя ответственность за последствия произошедшего акта насилия. Также было признано необходимым обратиться к населению и высказать своё отношение к захвату власти Советом.

Так вот театрально закончилось дореволюционный период работы нашего городского самоуправления. Кстати, это единственная история сопротивления октябрьскому перевороту на территории нашего города.

Через два дня была распущена и земская управа. В город наконец-то пришла Советская власть. Функции городской думы и управы переходят к Новониколаевскому совету городского хозяйства, бюро которого возглавил Александр Александрович Черепанов.

Но в городе спокойней не стало — наоборот. 9 февраля на центральной площади, у кинотеатра Махотина толпа выступает за Учредительное собрание. Красногвардейцы и мадьяры-интернационалисты разгоняют собравшихся. Пролилась первая при новой власти кровь. 12 февраля 1918 года томская газета социал-революционеров «Верный путь народа» пишет: «Большевики боролись вместе с нами против смертной казни и ввели её теперь в массовых размерах. Позор палачам! Долой смертную казнь! В Новониколаевске красногвардейцы-большевики стреляли в народ, собравшийся на митинг союза защиты Учредительного собрания. Позор насильникам!» [2].

Редактор газеты «Голос Сибири» М. Е. Тимофеева арестована и посажена в тюрьму к уголовникам. Профсоюз печатников идёт к председателю Новониколаевского СовДепа Василию Романову и слышит в ответ: «Молчать!». Газета «Путь народа» от 24 марта 1918 года продолжает: «Эту теплую компанию, надо было еще и кормить, и пропаивать. Председатель Совета Романов очень часто появлялся в подмоченном виде, не оставались без подмочки и красногвардейцы. Люди говорят: куда это мы идем?! — ничего подобного не было при царизме».

Опять аресты, газеты закрыли. Для соблюдения законности был организован «отдел по обыскам и арестам» (предтеча ЧК), который возглавил Фёдор Иванович Горбань. В целях борьбы с мешочниками и спекулянтами крестьянам была запрещена свобода торговли, установлен контроль над ценами на основные продукты питания. С февраля 1918 года был введён рабочий контроль над производством на всех предприятиях, торговцы и промышленники были обложены чрезвычайным налогом в объеме 1 млн. рублей в пользу Совета городского хозяйства, а в марте 1918 года в городе были национализированы все банки.

1 апреля у магазина Второва (Красный проспект, 26) собрались женщины — требовали больше мануфактуры. Но вот наконец-то Исполком Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов нашёл приличный повод, чтобы наконец-то на законных основаниях взяться за наведение «порядка» в городе. На Дальнем Востоке высадились японцы, и 11 апреля 1918 года город Ново-Николаевск и весь уезд были объявлены на осадном положении. Собрания запрещены, электричество и телефон отключены, комендантский час. «У населения началось изъятие продуктов питания, чая и сахара, кож и мануфактуры».

Снова газета «Верный путь народа». 30 апреля 1918 года: «Вся полнота власти с неограниченными полномочиями передана военно-революционному штабу, во главе которого стоит бывший прапорщик Ботко Н. П.

(Рис.4). С 8 час. вечера до 6 час. утра запрещено передвижение по улицам и выход из квартир. Запрещен въезд и выезд из города. Всякие увеселения, концерты, спектакли отменены. Театры, кинематограф закрыты. Запрещены собрания и сборища, как под открытым небом, так и в закрытых помещениях. Красногвардейцам отдан строгий приказ — всякого непослушного расстреливать без разговоров на месте преступления. Словом, введен целый ряд репрессивных мер, нарушающих нормальный ход жизни.

На следующий день по объявлении осадного положения была оцеплена красногвардейцами толкучка, при этом было немало столкновений и недоразумений, в результате которых красногвардейцы открыли стрельбу вверх, но без жертв не обошлось — серьезно ранеными оказались две женщины, одна из них — со штыковой раной. Были арестованы несколько обитателей толкучки и препровождены в импровизированную тюрьму — реальное училище, подстрелен крестьянин, который вез в город самогонку.

Третью ночь идет по городу стрельба и повальные обыски... Кого ищут — неизвестно, но во время обыска отбиралось оружие, золото, серебро, деньги, продовольствие, чай, сахар, мануфактура «по усмотрению» красногвардейцев и в любом количестве. Вообще за последнее время в нашем городе установился такой «режим», что жизнь, имущество и покой простого смертного находятся в руках красногвардейца: захочет — помилует, захочет — на месте пришибет. По городу ходят различные слухи. Не верится, что мы живем в XX веке».

Рис. 4. Члены Новониколаевского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Май 1918. Слева направо: Н. П. Ботко, Шур, В. Р. Романов, Ф. И. Горбань, Р. Н. Шаргородский. ГАНО. Ф. П-11796, оп. 2, д. 62

Недаром город с облегчённым вздохом принял бело-чешское правительство.

Переворот начался в мае 1918 года на Дворцовой улице. Ныне она называется улица Революции. В гостинице Метрополитэн, что в начале Дворцовой улицы (ныне Революции) в ночь с 25 на 26 мая 1918 года в номере, где проживала супруга Гришина-Алмазова — Мария Александровна, состоялось совещание подпольного антибольшевистского центра. В нём принимали участие командующий подразделениями Чехословацкого корпуса Радола (Рудольф) Гайда, руководители новониколаевских подпольщиков полковник Ясныгин, капитан Серебрянников, капитан Травин и поручик Лукин и др. На совещании были установлены время выступления, сигнал к нему — красная сигнальная ракета, и опознавательные знаки для восставших — бело-зеленые сибирские повязки на рукавах.

В полночь восставшие захватили здание бывшего Делового собрания, где в это время шло какое-то заседание Ново-Николаевского Совета депутатов. Есть несколько версий содержания этого заседания (совещались, пили), но результат остаётся тем же. Несмотря на охрану и наличие в здании четырёх пулеметов, после короткой перестрелки, в результате которой было убито несколько почти безоружных нападавших, все члены Совдепа были арестованы и препровождены в арестантский дом. Утром советская власть в городе пала.

Вот так закончился в Ново-Николаевске революционный период. Началась гражданская война. И в заключение хотелось бы коснуться вопросов сохранения историко-культурного наследия.

Ещё с конца 60-х годов прошлого века, при Советской власти, в городе было снесено более десятка деревянных и каменных домов, имеющих революционное прошлое. Многие из них имели и большую архитектурную ценность. Вот, например, уже упоминаемый, знаковый дом по Красному проспекту, 21, в котором в ночь с 13 на 14 (с 26 на 27) декабря 1917 года было объявлено о взятии власти и Новониколаевским Советом [6]. И событие можно назвать эпохальным. Октябрьская революция дошла до нашего города. И дом был красавец, старый, каменный, купеческий. Он официально являлся памятником революции, о чём говорила мемориальная табличка. После его сноса статус памятника перенесли на соседний дом — городской торговый корпус (Красный проспект, 23), который стал памятником истории республиканского (ныне федерального) значения. Дом тоже с большой историей, и висевшая на нём табличка извещала о нахождении в нём в конце 1919 года военно-революционного комитета, который восстановил советскую власть в городе, но уже почти через два года, уже после

разгрома белогвардейцев. Сегодня в этом здании размещается краеведческий музей, а на его северном фасаде красуется тяжеловесное лугавое панно: «14 декабря 1917 года в этом здании была провозглашена советская власть в городе». Так искусственно смешали два важных события. И это отнюдь не единичный случай. При чём, я ещё раз подчеркну, что это происходило 50 лет назад, при той же Советской власти.

Или взять другой, существующий памятник. «Мемориальный сквер павших в годы гражданской войны». Здесь уже есть братская могила погибших в декабре 1919 года, в которой вместе лежат большевики и белогвардейцы. В ноябре 1922-го над ней установлен монумент — рука с факелом, вырывающимся из-под земли. Он был задуман авторами несколько иным: скала из естественных камней, рука из литого чугуна и пламя, выполненное из полого стекла с красными оттенками и внутренним электрическим освещением. В те времена воплотить этот проект оказалось невозможным, но с заделом на будущее внутрь скалы был заложен крупного сечения кабель, а сам элемент пламени смонтировали съёмным.

Сегодня, в век новых технологий было бы очень уместно вернуться к этому проекту и «зажечь» факел над братской могилой. А тематику сквера расширить до мемориала Жертв гражданских войн XX века. Точка примирения: поставить стелу погибшим в Сибирской Вандее — крестьянских восстаниях, раскулаченным, умершим от голода 1920-40-х годов, депортированным, ссыльным, а, может, и перенести прах с их захоронений. Отдельным монументом может стать памятник неизвестному заключённому. Число расстрелянных сибиряков только за 1930-е годы определено как 130 000 человек.

Наше общее историческое наследие — материальное ли, духовное, позволяет нам извлечь из прошлого уроки. Быть осторожнее с установкой памятникам разным историческим личностям. Ни один из них сегодня не способствует единению общества. Быть терпимее и лояльнее друг к другу. Не допустить кровавых переворотов и новой гражданской войны. Просто жить — полноценно и счастливо.

Список литературы

1. *Баяндин В. И.* Новониколаевск, от посёлка к городу: избирательные кампании в конце XIX — начале XX века // *Выборы на новосибирской земле, 1893-2013 годы*, Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 29.
2. Вместе с народом (правоохранительные органы Новосибирска) // *История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические*

очерки). Т. I. С. 235—294, Новосибирск, ИД «Историческое наследие Сибири», 2005. С. 249.

3. Газета «Голос Сибири», 1917.

4. Газета «Свободный голос Сибири», 1918.

5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО), ф. Д-97, оп. 1.

6. ГАО, Ф. Р-2025, оп.1, д. 166, л. 1.

7. ГАО, ф. П-5, оп.4, д. 268, л. 20.

8. *Кокоулин В. Г.* Власть в Новониколаевске в годы революционных потрясений / Социально-экономические проблемы управленческой деятельности в кризисный период: теория и практика Сб. науч. тр. по материалам межд. науч. — практ. конф. — Новосибирск: НГАУ, 2010. С. 70—78.

9. *Шиловский М. В.* Сибирь и Учредительное собрание // Журнал «Сибирь». Политика. Экономика. Управление. 1993. № 1. С. 82—87.

Е. С. Дорофеева

*Саратовская государственная юридическая академия
(г. Саратов, Россия)*

ПРОТИБОБОРСТВО В ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ 1917 Г.: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНСЕНСУС?

В статье дан анализ событий столетней давности и их отражения в современном российском обществе, выявлены противоречия в осмыслении истории революции и возможность достижения консенсуса.

Ключевые слова: революция, переворот, протест народных масс, принцип объективности, субъективизм, консенсус.

Столетний юбилей октябрьской революции 1917 г. в очередной раз продемонстрировал, что отношение к этому событию в стране и мире противоречиво и подчас сопряжено с непримиримостью мнений. Да и средства массовой информации подливают масла в огонь, публикуя высказывания очевидцев тех событий, принадлежавших к свергнутому революцией колоссу, или заведомо провоцируя непримиримость.

Так, в одной из передач «Время покажет» обсуждался вопрос: «Октябрьская революция 1917 г.: прорыв или трагедия?» Естественно, что участники дискуссии аргументировали свои высказывания в этих двух заданных измерениях. Но бегущая строка показывала, что коллективное сознание людей стремится вырваться из этого черно-белого клише. Вот наиболее значимые суждения, свидетельствующие о тенденции поиска компромисса: «Трагедия с прорывом», «Прорыв через трагедию», «Трагедия для царской России и огромный прорыв для СССР», «Раскрепощение возможностей для большинства», «Вытащили страну из болота, но потеряли людей» и др. Это лишний раз доказывает значение российского менталитета в восприятии событий и явлений прошлого. Как справедливо отметил американский поэт Д. Лоуэнфельд: «У Вас гениальное разделение «правды» и «истины» [1].

Докопаться до истины в оценке исторических событий столетней давности — вот главная черта современного восприятия 1917 года. Но это, на наш взгляд, мнение большинства. Существует целый ряд других подходов. Один из них — стремление затушевать октябрьскую революцию, растворить ее в многообразии других событий. Так, политолог А. Мартынов пишет: «Большая русская революция 1904-1917 годов закончилась разрушением крупнейшего в мире государства — российской империи» [2]. Не ясно, каким месяцем начинается

и заканчивается революция по Мартынову, но совершенно безграмотно говорить о том, что она началась в 1904 г. Даже школьники, сдающие ЕГЭ, к счастью, называют началом первой русской революции 9 января 1905 г. Вызывает недоумение и вывод указанного автора о том, что произошло разрушение государства. Государство разрушилось под влиянием целого ряда как объективных, так и субъективных факторов, среди которых наиболее значимым была война, в ходе которой нарастал стихийный народный бунт. Сотни заводов и фабрик остановились из-за нехватки сырья и энергии. Массовые увольнения обострили недовольство народа. Транспорт парализован. Армия перестала быть опорой царизма. Солдаты братались с солдатами противника, возвращались в деревни анархически настроенные и вооруженные, устраивали дележ помещичьей земли. Н. Бердяев, не испытывая симпатии к большевикам, был вынужден признать, что В. И. Ленину удалось удержать страну от распада силой диктатуры. Таким образом, распад государства начался при Николае II, а большевики предотвратили его, изменив его политическую систему. Все основные признаки государства — публичная власть, армия, карательные органы, территория, внешнеполитические ведомства остались, но получили обновление. Уже в июле 1918 г. общественные отношения были введены в конституционное русло.

Всероссийский съезд советов принял конституцию РСФСР. Были созданы: регулярная Красная армия, комитеты бедноты как форма самоуправления трудящихся масс, на предприятиях организован рабочий контроль. В 1922 г. советская власть распространилась практически на всю территорию бывшей Российской империи за исключением Польши, Финляндии и Прибалтики. А в декабре 1922 г. все советские республики выступили с инициативой о создании СССР. В 1924 г. в состав Советского Союза вошли Узбекистан и Туркменская республика, затем — Таджикская, Киргизская и Казахстан. В итоге в 1929 г. в составе СССР было 11 республик, формально обладавших широкими правами, вплоть до права выхода из состава Союза [3]. Как видим, государство не разрушилось, а, выражая интересы большинства народа, укреплялось и развивалось. К сожалению, даже уважаемых патриарх Кирилл в одной из своих проповедей «Слово пастыря» также использовал термин «разрушение государства», что не соответствует истине.

В современном дискуссионном пространстве по поводу столетнего юбилея выделяется попытка создания консенсуса. Так, В. В. Шелокаев отмечает: «Было две революции. Конечно, можно говорить о едином общественном революционном процессе, но он вклю-

чает в себя целый ряд составляющих их этапов... Что касается Октябрьской революции, то по технологии это был действительно переворот» [4]. На этот методологический подход хотелось бы обратить особое внимание. Многие ссылаются, используя данный термин, на самого В. И. Ленина, забывая, что именно вкладывал в него В. И. Ленин и большевики. Мало-мальски образованный человек понимает, что переворот — это, как правило, передача власти в рамках одной и той же политической группы или другой, но намеревающейся взять власть в ходе заговора, чаще — с помощью военных. Переворот готовили в ходе I Мировой войны монархические круги и представители «Прогрессивного блока». Ему не суждено было осуществиться, поскольку авторитет монархистов падал, а революционные события развивались стремительно. И большевики, мечтавшие о таком революционном подъеме, находясь в ссылках, тюрьмах, эмиграции, видели в слове «переворот» не ту, вершущую перетряску, которая волновала монархические партии, а глобальные изменения не только в стране, но и в мире. Создание принципиально новых отношений:

«Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем».

В пользу признания октябрьских событий 1917 г. революцией свидетельствуют неоспоримые факты. Как известно, революция — это прежде всего протест широких народных масс. Уже в ходе февральской революции, когда 200 тысяч солдат Петроградского гарнизона перешли на сторону революции, была видна массовость движения. А в период от февраля к октябрю численность участников революционных событий резко возросла. Сама большевистская партия, в феврале насчитывавшая 24 тыс. человек, к октябрю 1917 г. выросла до 400 тыс. человек. Кроме того, существовали отряды Красной гвардии, насчитывавшие примерно 70 тыс. человек. Кроме того, армия, состоявшая в основном из рабочих и крестьян, готова была поддержать народное движение. Об этом свидетельствуют многие факты. Вот один из них. Когда 24 октября ВРК привел Петроградский гарнизон в состояние повышенной боевой готовности, то штаб Петроградского военного округа смог мобилизовать лишь около тысячи юнкеров, роту женского батальона и три сотни казаков. Но казаки вскоре ушли, заявив, что они не будут выступать без поддержки пехоты, а женщины разбежались при первом же выстреле. Демократическую власть некому было защищать.

Именно по приказу ВРК перешедшие на его сторону части заняли мосты через Неву, почту, телеграф, вокзал. К утру 25 октября весь

Петроград был в руках ВРК. Ленин написал обращение ВРК «К гражданам России», в котором объявлялось о низложении Временного правительства и переходе власти в руки ВРК. II Всероссийский съезд Советов, как известно, принял Декреты «О земле», «О власти» и «О мире». Новая власть возникла не путем насилия (погибло 6 человек), а благодаря стечению целого ряда обстоятельств: экономический и политический кризисы, ошибки Временного правительства, падение авторитета меньшевиков и эсеров и рост авторитета большевистской партии, политическая воля Ленина и его соратников, разложение армии во время I Мировой войны.

В целом события октября 1917 г. следует называть революцией, которая изменила не только политическую систему России, но и существенно повлияла на ход мировой истории. Для миллионов угнетенных масс в ряде стран российская революция являлась примером. Да, собственно, и не только угнетенных масс. Многие выдающиеся люди земного шара видели в Октябрьской революции главное событие XX века, поскольку это был и экономический, и политический прорыв, поднявший к творчеству и созиданию широкие народные массы. Революция несла в себе ориентиры справедливости, которые понимали все: и те, кто называл ее демократической, и те, кто верил в ее социалистические идеалы. Надо с уважением относиться к выбору предшествующих поколений. Они хотели как лучше, и во многом это у них получилось.

Многое в осмыслении значимости Октябрьской революции 1917 г. зависит от ее восприятия за рубежом. Влияние революции на мир по горячим следам блестяще отразил Джон Рид, написавший книгу «10 дней, которые потрясли мир». Ее значение подтвердили революционные движения, прокатившиеся на Западе и Востоке, в Латинской Америке. Вождь кубинского народа Ф. Кастро, учитывая опыт истории и ее уроки, заявил: «Можно сказать, что со времени Октябрьской революции все новые поколения революционеров воспитывались на ее идеях, духе и принципах. Никакое другое событие не оказало такого влияния на умы людей, судьбы народов и мировой прогресс» [5].

Действительно, мир разительно менялся. Капитализм, с целью предотвратить революционные взрывы, стал проводить более взвешенную социальную политику, разваливалась колониальная система. Образовался социалистический мир с населением 1552 млн. человек, занимавший 35,6 млн. кв. км или 26,2 % территории земли [6].

Система общественно-политических, экономических и социальных отношений в СССР обеспечила победу в Великой Отечественной войне.

Современный Китай, несущий в себе идеалы Октября, добивается невиданных результатов во всех сферах общественной жизни. Про-

шедший в октябре 2017 г. XIX въезд КПК в очередной раз подтвердил жизнеспособность развивающейся социалистической системы под руководством коммунистической партии.

В современном дискуссионном пространстве о таком явлении как октябрь 1917 г. весьма тенденциозной является персонификация участников революционных событий. Почему-то в преддверии юбилея по телевизору демонстрируется фильм о Троцком, а не о Ленине и других революционерах, обеспечивших революционное преобразование: В. А. Антонове-Овсенко, Ф. Э. Дзержинском, Я. М. Свердлове, И. В. Сталине.

Правда, «Российская газета» сообщила о том, что скоро будет показан фильм о Ленине «Демон революции». Уже само название говорит об отсутствии стремления к консенсусу. А главный мотив — «деньги» — совершенно искажает суть революции. Поражают своим кощунством и аналогии. Евгений Мартынов, исполняющий роль Ленина, в своем персонаже воплотил черты Навального, а Федор Бондарчук, играющий роль Парвуса — черты Березовского [7]. При таком подходе теряется объективная сущность революции, что ставит ее в один ряд с так называемыми современными «цветными революциями», организованными на деньги олигархов. Чтобы понять роль такой личности как В. И. Ленин, нужно было обратиться к такому источнику как его работы, воплотившиеся в 55 томов! Освещение личности такого масштаба оказалось не под силу современному кинематографу, или это был заведомо ложный подход с далеко идущими целями оболванивания новых поколений.

Диалектика обеспечения единства народа в современной России требует перехода от противоборства в оценке октябрьских событий 1917 г. к консенсусу. Однако в этом направлении мало что делается. В основном это освещение так называемых «белых пятен». Такой подход привел к тому, что в представлении о революции возобладал субъективизм в ущерб принципу объективности, согласно которому исследователь должен максимально приближаться к истине.

Представляется странным, что власть до сих пор не обозначила своего отношения к революции 1917 г. Правда, историк Г. Бордюгов в беседе с журналистом заявил, что дистанцирование власти от участия в дискуссии по поводу 100-летнего юбилея он оценивает положительно [8]. Вряд ли стоит соглашаться с таким подходом. Ведь речь идет о единстве России, о будущих поколениях и их оценке исторического прошлого.

Можно говорить, что взвешенная оценка октябрьских событий 1917 г. представлена гражданскому обществу, которое вяло и противо-

речиво относится к этой теме. Пожалуй, наиболее последовательно она освещается Патриархом Кириллом. Однако в его высказываниях немало противоречий. Так, выступая на Заседании Высшего церковного Совета в храме Христа Спасителя он фактически подчеркнул объективную природу происходивших событий, заявив: «Россия стремительно шла к большевистской революции — на тот момент она была уже неизбежна в обстановке всеобщего хаоса¹, фактического безвластия и военного кризиса» [1]. Но, призывая заботиться о примирении и целостности государства, значительную часть своей речи посвятил разрушению храма Христа Спасителя. Не ясно, о какой лжи упомянул Патриарх. Ведь в своих лозунгах большевики говорили о мире, о передаче земли крестьянам, и уже 25 октября Ленин заявил о том, что «в Петрограде власть в руках военно-революционного комитета Петроградского Совета. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации, а поддержать новую власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам» [9]. Заметим, что даже не поддерживая идею Учредительного собрания, революционная элита пообещала созвать учредительное собрание, и собрала, несмотря на трудности военного времени и становления новой власти.

Революция, кроме политических и экономических интересов несет в себе пафос создания нового, справедливого общества. Как будто и не было популярных серий «Пламенные революционеры», «Жизнь замечательных людей» и книги «Октябрём мобилизованные», в которых показаны бескорыстие и жертвенность активных участников революции. Под их влиянием в регионах шла передача власти мирным путем в пользу Советов. Так, в Аткарске Саратовской области на собрании с участием большевиков, эсеров и меньшевиков было предложено: «Кто за Советы — отходит в левую сторону, а кто за Учредительное собрание — в правую сторону. Большинство собравшихся отошло в сторону «за Советы» [10].

Итак, противоборство в осмыслении выдающегося явления XX века — Октябрьской революции 1917 г. не преодолено, но консенсус в принципе необходим и возможен. Для этого власть должна подтолкнуть гражданское общество к объективной оценке происходивших событий в октябре 1917 г.

Для интеграции современного общества, на наш взгляд необходимо: — признание за Октябрьской революцией статуса Великой, поскольку она повлияла на мир и развитие России в новом качестве;

---

¹ Выделено нами.

- социалистической, поскольку конечный результат — построение социализма — был достигнут;
  - научный анализ работ Ленина и политической обстановки в первой четверти XX в.;
  - изживание субъективизма и откровенной фальсификации;
  - соблюдение баланса в описании положительных и отрицательных сторон революционного процесса, доминирование принципа исторического прогресса;
  - отказ от изображения участников революции в виде клоунов и анархистов.
- Пора перестать плевать в свое историческое прошлое!

Список литературы

1. Яковлева Е. Россия в переводе с американского // Российская газета. 2012. 13 января. С. 12.
2. Мартынов А. Старый свет сдает экзамен // Известия. 2017. 10 января.
3. Россия. Полный энциклопедический справочник. М., 2004. С. 265.
4. Сабов А. Революция в мифах и наяву. Великая Октябрьская социалистическая. Неужели это только приснилось нашим отцам? // Российская газета. 2007. 3 ноября. С. 7.
5. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1976. С. 193.
6. Народное хозяйство СССР. М., 1985. С. 578.
7. Российская газета. 2017. 27 октября. С. 12.
8. Выжутович В. Наша история нас объединяет // Российская газета. 2017. 20 октября.
9. Примирать, а не сеять раздор // Российская газета. 2017. 19 октября. С. 3. Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма. Вып. I. 1917—1920 гг. С. 44.
10. Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 2006. С. 69.

А. А. Калашников

*Алтайский государственный педагогический университет
(г. Барнаул, Россия)*

ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В СПАДЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г.

В данной статье на основе делопроизводственной документации, отложившейся в фондах Государственного архива Алтайского края, и материалов периодической печати автором освещаются взгляды алтайского крестьянства на решение аграрного вопроса в 1917 г., а также рассматривается влияние подготовки к созыву Учредительного собрания на крестьянское движение в Алтайской губернии. Автор приходит к выводу, что крестьяне Алтая предполагали значительно расширить свой земельный фонд в результате предстоящей земельной реформы. Лес, по мнению крестьян, должен был стать народной собственностью. По мнению автора, исходя из данных, подаваемых крестьянами Алтая земельным комитетам, их желания изначально не могли бы быть удовлетворены в полной мере. Автор приходит к выводу, что изменение интенсивности и форм аграрных беспорядков на территории округа следует связывать с подготовкой к созыву Учредительного собрания. Надежды на его решения побуждали крестьян к соблюдению законности по отношению к государственной собственности, которая по решениям Учредительного собрания могла стать их личной. Накануне созыва Учредительного собрания алтайские крестьяне возобновляли платеж аренды за землю, но не стеснялись рубить леса, что, по мнению автора, объясняется ориентацией окружного населения на будущие решения этого органа: крестьяне воспринимали статус лесов губернии в качестве «промежуточного» и пытались взять от них все, что на тот момент могли.

Ключевые слова: Алтайская губерния, Алтайский округ, 1917, Учредительное собрание, крестьянское движение, аграрные беспорядки, земельные комитеты, крестьянство

После февраля 1917 г. течение общественной жизни в Алтайском округе оказалось нарушенным. После роковых событий, впоследствии названных Февральской революцией, на протяжении всего 1917 г. на территории округа не прекращались аграрные беспорядки, однако их интенсивность, районы и формы менялись в течение года. Внимание всего российского общества было приковано к подготовке Учредительного собрания, которое должно было решить актуальные проблемы российской государственности. Исключением не был и Алтайский

округ (с 17 июня 1917 г. — губерния), для которого Учредительное собрание должно было стать событием определяющим в силу еще недавней принадлежности обширных ресурсов округа Кабинету е. и. в. Со второй декады марта сельское население начало выступать против ведомственной администрации и принялось за планомерное истребление лесных ресурсов округа. Начало массовых земельных захватов в изучаемый период объясняется историками наступлением времени пахоты и сенокосения [27]. Спад крестьянского движения связывается ими с его успехами, т. е. с формальной ликвидацией кабинетского землевладения на территории округа, а также с осознанием населением округа пагубности для лесного хозяйства своих действий [20]. По нашему мнению, ориентация населения Алтайского округа на будущие решения Учредительного собрания являлась одной из причин изменения форм и интенсивности аграрных беспорядков (крестьянского движения) на территории округа. На основе анализа рапортов лесничих, резолюций крестьянских съездов и собраний, прошений, поступавших в Алтайский губернский земельный комитет, ведомственных отношений, постановлений сельских обществ, опросных листов для подготовки к Учредительному собранию и данных по волостям, собранных земельными комитетами, протоколов заседаний ведомственной администрации и материалов периодической печати мы предпринимаем попытку осветить взгляды крестьянства Алтая на решение аграрного вопроса, а также оценить воздействие подготовки к созыву Учредительного собрания на крестьянское движение в Алтайской губернии.

Население Алтайского округа встретило известие о падении монархии с энтузиазмом. В первом обращении Временного правительства было сказано о «немедленной подготовке к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны» [3]. П. А. Казанский во время своей речи 8 марта в Алтайском кредитном союзе провозгласил: «Теперь наш самодержец, наш глава — сам русский народ! И задача данного момента — осветить все ярким светом знания, сохранить порядок и спокойно подготовляться к созыву Учредительного собрания» [21]. Начальник Алтайского округа Л. Л. Маслов писал, что он «является ответственным хранителем казенного имущества, состоящего из земель и лесов округа впредь до Учредительного собрания» [2]. Как отмечали алтайские газеты, Учредительное собрание должно решить местные вопросы: о кабинетских землях, об устройстве «инородцев» Горного Алтая, о наделении земель непричисленных крестьян [21].

К 1917 г. идея Учредительного собрания имела в России более чем столетнее прошлое [28]. Отношение крестьян Алтая к данному органу достаточно ярко демонстрируют анкеты, заполнявшиеся делегатами Алтайского округа во время участия в Томском губернском народном собрании (20 апреля — 18 мая 1917 г.). Все делегаты высказались за Учредительное собрание, но понятие о нем как о высшем органе власти были очень смутны. Однако из анкет видно, что крестьянство ждало от Учредительного собрания нового строя без царя, новых справедливых законов, просвещения, разрешения земельного вопроса, отмены ряда налогов и повинностей, введение прогрессивно-подходящего налога [24]. В резолюции съезда крестьянских депутатов Славгородского уезда, проходившего 18—24 июня 1917 г. говорилось: «Учредительное собрание, которое должно перестроить русскую жизнь на новых, справедливых началах... издаст новые справедливые земельные законы, которые будут согласованы с нашими основными требованиями» [29]. Необходимо отметить, что подавляющая часть крестьян и в 1917 г. оставалась вне политики, крестьянами двигал социальный идеал «земли и воли», который не был связан с конкретными политическими формами [28]. Но именно аграрный вопрос являлся импульсом, гнавшим затем крестьян на избирательные участки. Основная масса населения, весьма туманно представлявшая себе конституционное государство, понимала Учредительное собрание как однократное событие, способное сразу же решить все насущные проблемы, благодаря чему оно превращалось в их глазах в некий абсолютизм, фетиш [25]. В результате длительной пропаганды требования созыва Учредительного собрания в сознании крестьян прочно утвердилась надежда на то, что, избрав «своих» представителей в него, они добьются решения всех своих нужд, добьются облегчения своего положения и главное — получат землю [33].

Хотя крестьяне и пытались решать аграрный вопрос самостоятельно, не дожидаясь правительственных узаконений, они привычно не могли быть спокойны без санкции свыше [28]. Постановление 27 марта 1917 г. передавало кабинетские земли в собственность государства. Власти объявили, что земли бывшей царской фамилии не должны ни отчуждаться, ни делиться вплоть до Учредительного собрания. Кабинетские леса Алтайского округа, до этого имевшие статус не то частных, не то казенных (характер собственности на них можно определить через термин «частная», но законодательные акты, касавшиеся частных лесов на округ не распространялись) [30], также переводились в разряд государственных. Тем не менее, данный закон на местах игнорировался. Вот как отзывался о действовавшем в то время законодательстве во время

2 сессии Алтайского губернского земельного комитета К. М. Рычков: «Но дело не только в том, чтобы закон «существовал», т. е. был написан, дело еще в том, чтобы закон действовал, т. е. принялся в жизни как именно закон» [10]. По справедливому замечанию Г. П. Жидкова, перемены, происходившие в Петрограде, напоминали не ликвидацию кабинетской собственности, а скорее изменение способа управления ею [20]. Паллиативный характер постановления от 27 марта, в сущности, оставившего все управление бывшей кабинетской собственностью в руках прежних чиновников, отмечался также Н. Ф. Иванцовой, М. О. Тяпкиным и С. Е. Поляковым [24, 31]. Даже в газете «Жизнь Алтайя» в статье, помещенной в ноябре 1917 г., т. е. более чем через полгода после перевода кабинетских земель в разряд государственных, вопрос о землях Кабинета считался все еще открытым и ждал своего решения на Учредительном собрании [21].

По всей видимости, решение Временного правительства не устраивало население округа. Здесь хочется процитировать М. В. Вишняка: «Как для псаломщика, живой пес казался лучше мертвого льва, так и здесь — всякий в жизни осуществленный закон был лучше закона совершенного, но осужденного остаться вне жизни, мертвым» [4]. К тому же, после падения монархии, у крестьянской массы сформировалось своеобразное представление о государственной собственности. Отождествляя собственность «государственную» с «народной», сельское население округа начинало самостоятельно ею распоряжаться. В сентябрьском постановлении Шаховского волостного народного собрания говорилось о том, что бывшие кабинетские земли будет необходимо прирезать к земельным наделам по волости, по всем остальным же хозяйственным вопросам следует ждать реформы Учредительного собрания [5]. Жители Зимовской волости, осуществив захват бывших кабинетских земель, отказывались вносить за них арендную плату, ссылаясь на то, что эти земли после Учредительного собрания будут принадлежать им. Только успешная агитационная деятельность члена губземкома Н. М. Ускова заставила захватчиков изменить свое решение — население волости согласилось вносить плату за захваченные земли [10]. В Чумышском лесничестве в июне крестьяне отказывались брать билеты от лесничего на право аренды земель до Учредительного собрания, «так как они считают бывшие кабинетские земли своими» [10]. По всей видимости, после отречения императора население воспринимало себя в качестве его прямого наследника. Иначе трудно объяснить предвзятое отношение крестьянской массы к кабинетской собственности. «При существующем положении вещей все эти экспроприированные бывшими монархами земли безболезненно и

без всяких вознаграждений переходят тому, кому по праву они и принадлежали, т. е. — народу» [26], — говорилось в одной из статей томской газеты.

По постановлению Временного правительства и Алтайского губернского земельного комитета земля могла быть сдана в аренду только на 1 год и без права застройки впредь до Учредительного собрания. Кроме того, были запрещены самовольные переселения и подселения на территории губернии. Безусловно, крестьянство желало организованной борьбы за землю, но оно желало не захватов, а прочного завоевания [21]. Несмотря на обширные земельно-лесные ресурсы округа, к 1917 г. в нем насчитывалось не менее 350 тыс. непричисленных переселенцев. Имелись целые селения, которым было отказано в наделах (арендные поселки). Непосредственно перед революцией в пользовании крестьян находилось лишь 59 % всех земель округа, остальные же — в распоряжении Кабинета [24]. Лесные наделы по данным А. А. Храмова и вовсе получили только 41,6 % селений [32]. На 2 сессии Алтайского губернского земельного комитета был заслушан доклад агронома А. Е. Буторина и статистика Д. И. Зверева о том, что в округе имеется удобной земли около 1 млн. дес., и из этой площади есть лишь 500 тыс. дес. свободной от аренды [21]. Таким образом, при уравнительном делении свободной земли на душу приходилось бы чуть более 1 дес. При этом следует учитывать, что поток беженцев не прекращался. Для того чтобы количество земли на одну непричисленную душу стало достаточным для ведения хозяйства, руководству округа пришлось бы включить в оборот уже сданные в аренду земли, а это могло грозить малоземельем. В связи с этим Губернским земельным комитетом было решено оставить земельный фонд в 500 тыс. дес. нетронутым.

Исходя из данных Н. Ф. Иванцовой, мы можем отметить, что в марте-апреле 1917 г. основной формой аграрных беспорядков были массовые порубки леса, а с мая, с началом сева и приближением сенокоса, неуклонно вырастает количество земельных захватов [23]. По сравнению с предшествующим периодом количество захватов пахотных и сенокосных угодий в течение мая-июля выросло почти в 3 раза. К осени по сравнению с летними месяцами захваты земель сократились в 10 раз, а порубки леса в 3 раза [24]. Г. П. Жидков также определяет данное время как время «затишья» [20]. С. Е. Поляков отмечает, что ситуация в округе начинает постепенно улучшаться уже со второй половины июля, несмотря на то, что в ленточных борах и южных лесничествах ситуация оставалась достаточно сложной [27]. Управление Алтайского округа и лесничие объясняли сокращение числа порубок в

августе сенокосом, «горячим временем полевых работ», наступлением страды [19]. К ноябрю захватнические настроения крестьян ослабевают еще больше. В Алтайский губернский земельный комитет поступали прошения от непричисленных крестьян: «Желая по гражданскому праву пользоваться на одинаковых с обывателями (имеется в виду старожильческое, официально причисленное население округа — А. К.) как землею, так и лесными материалами на законном основании, и не захватывать все это самовольно» [9]. На наш взгляд, такие настроения даже непричисленного населения, фактически не имевшего «легальных» средств на существование, говорят о значительной перемене во взглядах крестьянской массы, ждавшей официального решения их насущных проблем.

Постановлением Временного правительства на земельные комитеты возлагались обязанности по сбору и подготовке для Учредительного собрания сведений о землепользовании и землеобеспечении, а также урегулирование земельных отношений в течение переходного периода [22]. По нашему мнению, значительное сокращение количества крестьянских выступлений осенью 1917 г. связано с усиленной деятельностью Алтайского губернского земельного комитета. Изначально крестьянство не хотело ждать ликвидации «царского поместья» до Учредительного собрания [2]. Но, увидев реальную подготовку губернии к Учредительному собранию, крестьянская масса решила всячески этой подготовке содействовать. Уже с августа представители губземкома командировались в селения для урегулирования хозяйственных вопросов [13, 25, 34]. Помимо просветительской деятельности представители земельных комитетов совместно со специалистами от Землеустройства Алтайского округа занимались сбором сведений о количестве земель сельскохозяйственного пользования, а также анкетированием местного населения в целях учета его нужд для успешного ведения хозяйства. Учитывались сведения о состоянии крестьянских хозяйств, их доходности, о количестве безземельных душ, о предложениях крестьян по расширению своего земельного фонда и пр. Цели переписи в наиболее понятной для крестьян форме были изложены в воззвании к гражданам Бийского уезда, помещенном в августовском номере газеты «Алтай»: «Чтобы установить справедливые законы о земле, обязательно нужно знать, сколько земли и на каких правах есть во владении у граждан и какое хозяйство на этой земле устроено» [1]. Сведения для Учредительного собрания должны были быть собраны волостными земельными комитетами и отправлены в Алтайский губернский земельный комитет не позднее 10 сентября [6].

Для земельных комитетов сбор данных сведений, продолжавшийся до конца 1917 г., был настоящей проблемой, потому что объективные данные было получить очень трудно. Залесовский волостной исполком и земком отмечали в своих постановлениях, что сбор сведений был затруднен, так как народ не мог прийти к общему мнению, а сами жители давали неточные сведения [8, 5]. Это подтверждают данные, собранные и по другим волостям.

Таблица 1

**Результаты опросов земельных комитетов о нуждах
и доходности крестьянских хозяйств по некоторым селам
Алтайской губернии (Шаховская волость)**

Село	Безземельных по селу	Кого следует наделить землей	Сколько земли необходимо на надельную душу населения
с. Власихинское	344	всех едоков (м. и ж.)	7 дес.
с. Шаховское	32	всех едоков	15 дес.
с. Давыдово-Логовское	79	всех едоков (м. и ж.)	10 дес.
с. Харьковское	238	всех едоков (м. и ж.)	7 дес.
с. Гоньбинское	214	всех едоков (м. и ж.)	7 дес.
с. Касмалинское	85	все население мужское и женское	6 дес.
с. Быковское	73	всех едоков (м. и ж.)	10 дес.
с. Чернопятвовское	206	все население (м. и ж.)	8 дес.
с. Черемно-Подгорновское	19	все мужское население	15 дес.
с. Телецкое	17	всех едоков без различия возраста	5 дес.
с. Елунинское	20	все мужское население	15 дес.
-	43	все население мужское и женское	6 дес.

Составлено по: [5]

Например, в селах Шаховской волости Барнаульского уезда жители не могли определить не только нормы среднедушевого земельного надела (таблица 1), но даже не могли сойтись во мнении о размере среднегодового прожиточного минимума на одного человека (цифры, поданные в различных селах волости, отличались порой в 3 и более раз) [5]. Следует отметить, что крестьяне намеренно завышали цифры: так, согласно данным от общества с. Шаховского «годный работник» с

подростком и женщиной при однолемешном плуге и 4 лошадях может обработать до 25 дес. земли, тогда как в других селениях этой же волости цифры были примерно в 2—3 раза меньше [5]. Связано это было не только с жадностью, свойственной людям, впервые дорвавшимся до власти (при подготовке земельной реформы все участники так или иначе чувствовали себя властью, для крестьянства, стремившегося к улучшению своего положения, это был апофеоз народовластия), но и с представлениями крестьянства об обширности земельных ресурсов округа, к тому же каждый крестьянин думал и о семье, желая обеспечить ей безбедное существование, в т. ч. в будущем. Показательным следует считать то, что в опросных листах пункт о размере необходимого надела земли касался лишь причисленного населения. Осознавая, что без учета нужд непричисленных крестьян аграрные проблемы внутри волости решить не удастся, некоторые из них (например, Боровская волость) специально в своих ответах конкретизировали, что справедливым может быть лишь наделение как причисленного населения, так и нет [8]. Постепенно опросные листы совершенствовались, с октября речь в них уже шла о трудовом народе в целом, без различия причисленного и непричисленного населения, появились вопросы, касающиеся леса, отношения к собственности [7].

Таблица 2

**Сведения волостных земельных комитетов
для подготовки к земельной реформе в Алтайской губернии
(по Славгородскому уезду)**

Волостной земком	Какие земли подлежат передаче трудовому населению	Норма земельного обеспечения	Отношение к частной собственности на землю	Порядок отвода земли (обществам, подворно, отдельным хозяевам и т. д.)	Кто должен заниматься отчуждением частновладельческих земель	Кому должно перейти завладение лесами
Златопольинский	Казенные, церковные, монастырские, частновладельческие и др.	20 дес. на каждую душу	Быть не должно	Различный	Временное правительство	Трудовому народу
Каинский	Церковные, кабинетские	25 дес. на каждую душу	—	Общинам с возможностью переделов внутри	—	—

Волостной земком	Какие земли подлежат передаче трудовому населению	Норма земельного обеспечения	Отношение к частной собственности на землю	Порядок отвода земли (обществам, подворно, отдельным хозяевам и т. д.)	Кто должен заниматься отчуждением частновладельческих земель	Кому должно перейти заведение лесами
Благодатский	Церковные, кабинетские	20 дес. на каждую душу	Быть не должно («по волости нет»)	подворно	-(«по волости нет»)	В руки народа («казенных лесов в районе волости нет»)
Знаменский	Казенные, кабинетские, церковные	15 дес. на каждую душу	Отчуждаются	Сельским обществам	Трудовой народ на местах отчуждений	В руки народа (часть на нужды волости, а часть под наблюдение земства)

Составлено по: [7]

Исходя из сведений, собранных волостными земкомами Славгородского уезда (таблица 2), мы видим, что мнения крестьян по волостям даже в масштабах одного уезда отличаются, однако, можно выделить общие крестьянские стремления, такие как: желание занять бывшие кабинетские земли, а также церковные и монастырские; отрицательное отношение к частной собственности (хотя понималось данное понятие везде по-своему, например, где-то оно ассоциировалось с мощными предпринимательскими хозяйствами, которые, по мнению трудового народа, были не нужны); наблюдаются общие стремления крестьянства к самостоятельному распоряжению лесами; норма земельного надела должна была быть не ниже 15 дес. на душу, причем не учитывая пол и возраст. Интересным следует считать также то, что наделять землей следовало бы при этом лишь людей, которые полностью посвятят свою жизнь земледелию, не одобрялось даже отходничество.

Стремление крестьян занять бывшие кабинетские земли объясняется остротой переселенческого вопроса на территории губернии.

И. В. Лаврентьев на заседании 2 сессии Алтайского губземкома «вынес впечатление, что население желало бы... непричисленным гражданам дать земельный надел из бывших кабинетских, а не из наделных земель» [10]. Так решалась бы проблема малоземелья внутри селений, а также снижалась бы социальная напряженность. По постановлению Белоярского народного собрания от 19 ноября 1917 г., зачитанном на 4 сессии Алтайского губземкома, «до решения Учредительным собранием вопроса о лесах — наделить непричисленных граждан, проживающих в их селении, своим лесом не могут, а желают наделить их из общего народного леса (казенного)» [12]. Видимо, наделный лес воспринимался крестьянами уже в качестве их личной собственности.

На основе сведений, собранных земельными комитетами, весной 1918 г. в губернии началась реализация земельной реформы. В докладе председателя Алтайской губернской земельной управы И. К. Петрова общему съезду земельных комитетов Алтайской губернии, проходившего 27 февраля — 14 марта 1918 г., было отмечено, что население региона «в своих ответах на запросы о земельных наделах выражало различные желания», поэтому работниками управы были произведены расчеты для всех основных пожеланий с целью выяснения возможности их удовлетворения земельным фондом губернии [14]. Так, по подсчетам членов управы, если дать землю только рабочему населению с 15-ти лет до потери трудоспособности, то давая 1-го сорта земли по 8 дес., 2-го по 9 дес., 3-го по 10 дес., 4-го по 11 дес., земли в губернии хватит, но учитывая постоянный приток переселенцев, такое наделение было бы нецелесообразным [14]. Если же наделить все население мужского и женского пола всех возрастов, то на всех хватит только: 1-го сорта по 4 дес., 2-го по 4,5 дес., 3-го по 5 дес., 4-го по 5,5 дес. [14]. Съездом было решено проводить наделение землей по едокам, однако возможности округа не соответствовали желаниям крестьянства.

К осени 1917 г. выплаты населения губернии за землю начали поступать земельным комитетам и Управлению округа. Вопрос о причинах резкого изменения отношения крестьянской массы к уплате аренды остается нерешенным в историографии. По нашему мнению, возобновление арендных платежей, в том числе и за захваченные земли, было связано с непосредственной близостью созыва Учредительного собрания. Мы считаем, что таким образом крестьяне рассчитывали на сохранение за собой собственности на приобретенную землю.

В это время крестьяне вводят различные санкции, препятствовавшие самовольным переделам земли и самовольным порубкам. Тем не менее, отношение к государственной собственности в некоторых селениях все еще было различным. Так, Савинским волостным земельным

комитетом было постановлено, что самовольная распахка наказывалась штрафом в размере 25 руб. за каждую распаханную десятину [8]. Согласно постановлению Ребрихинского волостного земкома от 19 ноября 1917 г., за каждый вершок срубленного дерева с порубщика было необходимо взыскивать по 1 рублю (в пользу земкома) [8]. А вот крестьяне сел Шадрухи и Ляпуново продолжали аграрные беспорядки, утверждая, что лес и земля есть достояние народа [7]. Члены Змеиногорской уездной земельной управы, прибывшие туда для успокоения населения, по решению народного собрания едва не оказались под арестом. В с. Лебяжьем осенью был составлен протокол на несколько самовольных порубщиков. Затем протокол был отправлен в лебяженский исполком, который в свою очередь отказался предъявлять его порубщикам, в виду того, что считал лес своим [11].

Характерное явление того времени — запрет рубки сырораствующего и строевого леса народными собраниями. При этом разрешалась бесплатная рубка сухостоя, бурелома, гарей, но по билетам, выданным местным земкомом. Однако даже таких льгот населению было мало. Никто не мог уследить за тем, чтобы селяне, беря билеты на рубку сухостоя, не пошли рубить тот лес, который они захотят. Иногда общественники отказывались рубить даже лес, клейменный лесной стражей, объясняя это его «недоброкачеством» [7]. Порой от солдат, рубивших лес не по билетам, приходилось слышать: «На позиции вместо ржаного хлеба ели белый. И здесь, если нет дровяного, то будем рубить строевой» [17].

Стремление к законности, глубоко коренившееся в крестьянском сознании, опиралось на убеждение, что земля, дар Божий, не является ничьей собственностью и должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает [22]. К тому же необходимо учитывать и политику Управления Алтайского округа, которое де-юре пыталось противодействовать самовольным захватам земли, де-факто же занималось взысканием платежей с уже захваченных казенных земель [13]. Интересным следует считать то, что после спада земельных захватов вновь актуализировались массовые порубки леса (хотя и в значительно меньшей степени, чем в весенние месяцы). В рапорте соляно-озерского лесничего сообщалось, что граждане одного из селений не хотят брать билеты на порубку леса, потому что «до Учредительного собрания никаких билетов быть не может» [18]. Видимо, крестьяне Алтай желали взять от леса все, что в данный момент могут, осознавая, что Учредительное собрание непременно коснется и лесного вопроса, и неизвестно, изменится ли после него статус лесов в лучшую для крестьян сторону или нет. К тому же, освободившись от полевых работ, крестьяне теперь могли вновь обратиться к

порубкам, тем более, что нужно было основательно подготовиться к зиме. Коробейниковский лесничий в своем декабрьском рапорте Управлению Алтайского округа писал: «Теперь же, когда население видит, что к прекращению самовольных порубок никаких мер не принималось — трудно восстановить порядок, — даже при содействии местных земельных комитетов» [17]. Стоит учитывать, что крестьяне совершали самовольные порубки леса, осознавая противозаконность своих действий. Данное утверждение иллюстрирует случай, описанный начальником Алтайского округа в отношении Алтайскому губернскому комитету. По сообщению тополинского лесничего, в лесничестве которого крестьяне в день вывозили из леса до 300 подвод, «остановить указанное расхищение леса, как это выясняется при разговорах с более сознательным элементом населения, возможно лишь при условии принятия немедленных и крутых мер, т. к. население хотя и расхищает лес, но ответственности все-таки боится (например, при проезде мимо квартир стражи порубицики гонят лошадей изо всех сил)» [7].

После октябрьских событий 1917 г. крестьянская масса была все еще далека от политики. Однако сам факт смены власти являлся для населения округа показателем ее непрочности. Ослабление власти в центре вело к потере ее авторитета на местах [27]. Тем не менее, крестьянская масса видела в земельных комитетах власть законную, потому как их деятельность была связана с предстоящим Учредительным собранием. Осенью крестьяне вносили в земельные комитеты деньги за пользование землей, что говорит о доверии крестьянской массы данному органу власти. Новости же о том, что большевики узурпировали власть, возбудили панические настроения среди крестьянской массы. Ведь после этого Учредительное собрание могло быть отодвинуто на неопределенный срок, а его подготовка оказалась под угрозой срыва. В связи с этим происходили курьезные случаи, когда было достаточно указать пальцем на человека, сказав «большевик», как он мог стать жертвой «дикой расправы» [21].

Итак, «полумеры» и локальные акты, предпринимаемые Временным правительством и местными органами власти для решения аграрного вопроса, не устраивали алтайское крестьянство. Несмотря на довольно туманные представления населения Алтайской губернии о таком значимом органе как Учредительное собрание, на него возлагались определенные надежды. Оно должно было решить актуальные для губернии проблемы: кабинетских земель, устройства «инородцев» Горного Алтая, наделения землей непричисленных крестьян. Сельское население губернии предполагало значительно расширить свой земельный фонд в результате предстоящей земельной реформы, желательно, наделив все

население по душам. Лес, по мнению крестьян, должен был стать народной собственностью, а не государственной. Несмотря на смутные представления крестьянства о характере частной собственности, значительная его часть выступала против нее, при этом считая, что собственность на землю должна принадлежать лишь людям, ее обрабатывающим. Учитывая данные, подаваемые крестьянами Алтай земельным комитетам, мы можем утверждать, что их желания изначально не могли бы быть удовлетворены в полной мере, а разница в подаваемых цифрах даже от сел одной волости не позволяла порой прийти к единому мнению на местах, что затрудняло подготовку реформы.

Подготовкой к Учредительному собранию на местах занимались земельные комитеты. Сбор сведений, агитационная работа служащих алтайских земкомов в деревне в летне-осенние месяцы 1917 г. способствовали смене радикальных настроений крестьянской массы на более лояльные по отношению к имуществу округа. После начала планомерной подготовки Алтайской губернии к грядущему Учредительному собранию алтайские крестьяне отказывались от дальнейших земельных захватов, возобновляли платеж аренды, но вновь преступали к рубке леса, хотя и в гораздо меньших размерах, чем ранее. По нашему мнению, изменение интенсивности и форм аграрных беспорядков на территории округа следует связывать с подготовкой к созыву Учредительного собрания, надежды на решения которого побуждали крестьян к соблюдению законности по отношению к государственной собственности, которая, исходя из решений Учредительного собрания, могла стать их личной. В канун столь важного события алтайские крестьяне не стеснялись рубить леса, и мы считаем, что это также объяснимо ориентацией окружного населения на будущие решения Учредительного собрания: крестьяне воспринимали статус лесов губернии в качестве «промежуточного», но никак не государственного. В дальнейшем, несмотря на начало реализации земельной реформы с учетом пожеланий населения и ресурсов губернии, она не была осуществлена в полном объеме, значительная часть земли с приходом белой власти в губернии была вновь отчуждена от недавно приобретших ее крестьянских хозяйств. Крестьяне, не дождавшиеся Учредительного собрания и решения своих насущных вопросов, были вынуждены вновь вернуться к самостоятельному решению своих проблем. С зимы 1917—1918 г. в губернии с новой силой продолжились аграрные беспорядки.

Список литературы

1. Алтай: газета внепартийная, прогрессивная. — Бийск, 1917.
2. Борьба за власть Советов на Алтае / под ред. Т. А. Кулакова. — Барнаул, 1957. — 463 с.

3. Вестник Временного правительства. — Петроград, 1917.
4. Вишняк, М. В. Всероссийское Учредительное Собрание / М. В. Вишняк; сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 448 с.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 7.
6. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 10.
7. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 11.
8. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 12.
9. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 13.
10. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 20.
11. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 25.
12. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 34.
13. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 5.
14. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 90.
15. ГААК. — Ф. 229. Оп. 1. — Д. 93.
16. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4678.
17. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4686.
18. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4687.
19. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 540.
20. Жидков, Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.) / Г. П. Жидков. — Новосибирск: Наука, 1973. — 264 с.
21. Жизнь Алтая: беспартийная, прогрессивная и литературная газета. — Барнаул, 1917.
22. Зыкова, Г. В. Хозяйственная деятельность крестьянских комитетов в 1917 г. // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. XVII — XX вв. — Томск, 1994. — С. 137—149.
23. Иванцова, Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 гг. / Н. Ф. Иванцова. — М.: Прометей, 1993. — 452 с.
24. Иванцова, Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 — начале 1918 гг. / Н. Ф. Иванцова. — М.: Прометей, 1990. — 167 с.
25. Неизвестная Россия. XX век. Кн. II. — М.: Историческое наследие, 1992. — 384 с.
26. Новая жизнь: социал-демократическая газета. — Томск, 1917.
27. Поляков, С. Е. Влияние настроений крестьянства на ситуацию в Алтайском округе (весна 1917 — весна 1918 г.) // Алтайский сборник. Вып. 21. — Барнаул, 2004. — С. 41—51.
28. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л. Г. Протасов. — М., 1997. — 368 с.

29. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). — Томск, 1992. — 130 с.

30. Тяпкин, М. О. Охрана лесов томской губернии во второй трети XIX — начале XX в. / М. О. Тяпкин. — Барнаул: Азбука, 2006. — 225 с.

31. Тяпкин, М. О. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908—1919 гг. / М. О. Тяпкин, С. Е. Поляков // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII — начала XX вв. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — С. 166—193.

32. Храмков, А. А. Земельная реформа в Сибири (1896-1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян: учеб. пособие / А. А. Храмков. — Барнаул, 1994. — 91 с.

33. Шорников, М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции / М. М. Шорников. — Новосибирск, 1963. — 647 с.

Э. Камареро

*CONICET — Университет Буэнос-Айреса, UBA
(г. Буэнос-Айрес, Аргентина)*

АРГЕНТИНСКИЕ ЛЕВЫЕ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

Статья посвящена изучению влияния Русской революции на левое движение в Аргентине. В частности, исследуются теоретические направления, стратегия и политика, принятые на вооружение Социалистической партией, левые тенденции данной организации и зарождающийся коммунизм. Исследование вносит вклад в формирование представления о том, как различные течения понимали суть революции, потенциал и пределы реформистской, демократической и/или революционной программы, а также изучает их определение субъекта социальных трансформаций и роль масс в революционных событиях.

Ключевые слова: Русская революция, социалистическая партия, левый социализм, коммунизм

«Для наших эпохи Русская революция станет тем, чем является Французская революция для нового времени». Эту фразу можно было прочесть 18-го марта 1917 года на обложке ежедневной газеты Ла Вангвардия (*La Vanguardia*), изданной Социалистической партией (СП) Аргентины спустя три дня после свержения с престола царя Николая II. Это событие стало символом народной борьбы за свободу. Однако, спустя девять месяцев это же издание охарактеризовало Октябрьскую революцию как большевицкий «государственный переворот», увенчавший отклонение от естественного демократического курса в сторону авторитарной власти. Но так думали не все члены социалистической партии. Левая фракция, сторонников которой изгнали из партийных рядов, и ставшая организацией, предвосхитившей появление коммунизма в Аргентине (Международная социалистическая партия, МСП), приветствовала советский режим и прославляла «русских максималистов, героический авангард интернационального социализма».

Этот конфликт в организации, основанной Хуаном Б. Хустой (*Juan B. Justo*), стал выражением социальной реконфигурации, как политической, так и идеологической. Он произошел в Аргентине под влиянием Русской революции 1917 года, ставшей самым значимым историческим событием XX века.

Не только рабочее движение и «левых» (в том числе сторонников анархизма и *синдикализма*) потрясли новые акты неповиновения, провозглашенные восставшими Петроградом и Москвой. Революционные

события 1917 г., как и то, что последовало за ними, оказали определенное влияние на доминирующие классы, на «правых» и на Церковь, на новый политический режим, возглавленный правительством Гражданского радикального союза, на журналистику и общественное мнение, мировую культурные сети, искусство и идеологию, а также на многочисленные сообщества иммигрантов, среди всего прочего [1].

Целью данной работы является исследование влияния Русской революцией на аргентинских «левых», в частности, на теоретические основы и направления, на политики и стратегии, принятые социализмом и зарождающимся коммунизмом. Исследование вносит вклад в формирование представления о том, как различные течения понимали суть революции, потенциал и пределы реформистской, демократической и/или революционной программы, а также изучает их определение субъекта социальных трансформаций и роль масс в революционных событиях.

В 1910-х годах, особенно после принятия Закона Сазенса Пеньи, СП стала определенно склоняться к реформистскому курсу, целями которого были: совершенствование демократических институтов, улучшение условий жизни зависимых классов и модернизация страны [2]. СП интегрировалась в политическую систему как партия, способная вести электоральную борьбу и споры в парламенте. Несмотря на то, что большинство их сторонников составляли рабочие, СП не смогла использовать в полной мере рабочее движение после объявления решительного разделения между профсоюзной борьбой и политическими действиями, а также после отказа от практики прямого действия. Этот подход ставился под сомнение внутри организации, вплоть до возникновения разногласий. Одно из них возникло одновременно с левым течением, которое значительно навредило реформистскому проекту. Все ускорило в 1917 г. отголоски Мировой войны дошли до аргентинского побережья, в то время как из далёкого Петрограда приходили невероятные известия. СП не удалось выйти сухой из вод этого океана двух страстей: Война и Революция. Сначала из этого кризиса возникла МСП, а затем и коммунизм. Все это произошло на фоне новой политической обстановки в стране. Президент Иполито Иригойен (Hipólito Yrigoyen) положил начало политическому режиму, бросившему вызов нарастающей борьбе трудящихся, которая нисколько не прекращалась по меньшей мере до 1921. Апогею рабочего конфликта сопутствовал процесс идеологической и политической радикализации, для которого Русская революция выступила и стимулом, и катализатором.

Новый мировой исторический период в повестке дня аргентинского социализма

Революционный процесс на царской земле начался ближе к 8 марта и набирал обороты в течение недели¹. Впервые *La Vanguardia* сослалась на эти события 16 марта, через день после отречения Николая II, и продолжала упоминать их в период формирования временного правительства. Этот заголовок на обложке, скромных размеров, спустя месяцы стал почти постоянным разделом, печатающимся на второй странице: «Русская революция». В тот день была подана апелляция на заявление английской Партии лейбористов: «Родзянко, председатель Думы, предводитель революции, за которым следует весь народ» [3]. На самом деле, этот член Партии «Союз 17 Октября» был реакционером, уже был председателем Думы во времена Империи. Спустя два дня на обложке красовался новый заголовок: «Царизма больше нет, начинается новая эра в истории России, а может, и в мировой истории. Пала трехсотлетняя династия самодержцев, удерживающая власть посредством преступлений и террора» [4]. Прогрессивная роль «великих революций» приобретала все большее значение. Россия могла уподобиться Франции 1789-го года. Но речь шла не об установлении буржуазного правления, на передовой революционной борьбы стоял рабочий класс:

Было бы не удивительно, если бы с Русской революцией начался новый период в истории, характеризующийся социальной рабочей эмансипацией. В России могла бы начаться социалистическая революция, нацеленная на создание новой социальной организации, основанной на принципах экономической справедливости, без которой не может быть свободы личности, ни гражданской, ни политической.

СП предупреждала, что в России этот процесс следовал по восходящему курсу: «На самом деле, рабочих не устроило бы только лишь свержение режима». В заключении говорилось: «Социалистическая демократия Америки видит в победе русского народа триумф международного пролетариата; и надеется, что революция обновит жизнь России, освобожденной от царской тирании под тенью красного знамени, победителя последних сражений». Однако СП была далека от идеи зарождения мировой революции, к примеру, это проявлялось в отношении партии к войне в Старом свете: подчеркивалось, что новое временное правительство выступило за продолжение участия России в войне, и СП приветствовала партию, отстаившую данное решение.

---

¹ Мы руководствуемся датами григорианского календаря, используемого в материалах, с которыми мы работаем, которые на тринадцать дней отличаются от установленных в соответствии с юлианским календарем, использовавшимся в России до февраля 1918 года.

Правление СП озвучило официальную позицию по этому вопросу 20 марта, в ходе чрезвычайного заседания. Исполнительный комитет (ИК) принял решение отправить телеграмму поддержки в Думу, приглашая парламентариев подписаться под текстом, составитель которого было поручено генеральному секретарю партии Антонио де Томасу (Antonio de Tomaso). В телеграмме, отправленной в адрес Родзянко, говорилось:

...выражаем наше глубокое приятие русской революции, в которой видим величайшее историческое событие современности. Приветствуем Думу, которая совершила ее во имя народа и провозгласила желание создать новый политический режим на нерушимой основе общественных свобод и прямого и тайного всеобщего избирательного права. Надеемся, что Ваша миссия будет полностью исполнена [5].

23-го марта руководители партии высказались на собрании, организованном Атеуро Popular. Депутат Антонио Дзакканьини (Antonio Zaccagnini) заявил: «Услышав известия о русской революции, мы вздрогнули, оторопели, и спросили, правда ли это, а не очередная ли телеграфная ложь». Сенатор Валье Иберлуца (Valle Iberlucea), управляющий *La Vanguardia*, тоже выступил с краткой речью: «...и вот пламенеет красное знамя, объединяющее всех людей и всех рабочих, запрещенное в нашей стране общественным законом. Все это означает, что социализм победит сначала в России, затем в Европе и, наконец, в Америке» [6].

СП закрыла вопрос о характере демократического процесса в России. Ссылки на Родзянко становилось все меньше, но их заменили упоминания о главе Временного правительства, князе Львове, и о министре иностранных дел, Милюкове. Оба состояли в партии кадетов. Когда в России начался «апрельский кризис», СП не смогла четко сформулировать свою позицию, прежде всего, по вопросу мобилизации рабочих и солдат, которая привела к серьезным столкновениям с правительством и отставке Милюкова, после чего важные министерские посты заняли умеренные социалисты. СП приветствовала вхождение своих российских единомышленников в правительственные структуры, пытаясь при этом не акцентировать внимание на факте неприятия войны народом. Несмотря на то, что призыв к проведению выборов в Учредительное собрание не увязывался с мобилизацией солдат на фронт, а установление восьмичасового рабочего дня противоречило заверениям о продолжении работы промышленности для военных нужд. *Ла Вангвардия* осуждала эти факты, но в то же время настаивала на том, чтобы Россия продолжала войну против Германии. Публикации ссылок на революцию продолжились (с короткими ком-

ментариями), с момента установки телеграфных кабелей¹. Объявлялись хорошие новости о «демократической России», ее обещаниях предоставить независимость Польше или о решении отменить смертную казнь [7].

В тот момент события в России не повлияли серьезным образом на появление противоречий внутри СП. Они стали результатом того, что страна должна была выработать позицию по вопросу Первой мировой войны, — вопрос, имеющий непосредственное отношение к краху II Интернационала. В аргентинской СП обсуждался вопрос о том, следует ли содействовать прекращению дипломатических связей с Германской империей или сохранять нейтралитет в конфликте с «интернационалистической» позиции. Хусто был расположен «недоброжелательно», оставаясь в нейтралитете, выступая за свободную торговлю (Роу, 2014). Руководство этой стороны обязалось «защищать национальные интересы», связанные с деятельностью союзных держав (главным образом Англии), с которой Аргентина заключила контракт на экспорт мяса и зерновых. СП сохранила хрупкое равновесие между защитой внешней торговли и пропагандой принципа невмешательства и осуждением войны. Это равновесие пошатнулось в апреле 1917, с затоплением аргентинского корабля «Monte Protegido», что стало результатом немецкой атаки. Партия парламентариев (сенатор Валье Иберлусеа, и депутаты Хусто, Браво, де Томасо, Репетто, Хименес, Дзакканьини, Е. Диккманн, Аугусто Бунхе и Франсиско Кунео), призвала правительство принять все необходимые меры «для обеспечения как можно более широкого применения Аргентинской торговли судами любого флага» [8].

Для принятия решения по этому вопросу было необходимо созвать Внеочередной третий конгресс. В ходе этой бурной встречи, которая прошла в театре Верди в районе Ла Бока 28 и 29 апреля, возникли левые социалисты, как народное течение социализма, противостоящие сторонникам действующего президента. Партия разделилась: с одной стороны, большинство членов Конгресса занимало позицию парламентариев, поддерживаемых Хусто. С другой стороны, левые «интернационалисты», представляющие меньшинство в Комитете

---

¹ Como con las demás noticias internacionales, el PS informó sobre la Revolución rusa con materiales de otros órganos de prensa y reproducción de cables telegráficos (de Reuters, Associated Press y otras agencias), fechados en Londres, New York, Paris, Petrogrado y Moscú, que el diario no corroboraba necesariamente. Existía una decisión respecto a qué se seleccionaba o se hacía hincapié, y en los títulos se detecta una subjetividad; algunos de estos informes eran comentados, trasluciendo cierto sistema de preferencias.

(сформирован Хосе Фернандо Пенелоном, Хуаном Ферлини и Агустином Мусио). Существовало два антагонистических проекта резолюций: один, представленный большинством Конгресса, а другой — меньшинством. Большинство из них высказались за защиту внешней торговли в качестве аргумента, требующего разрыва с Германией, в то время как другие выступавшие были за прямое вмешательство в Великую войну, в котором видели способ борьбы с большей опасностью — германской автократией. Меньшинство, Пенелон, Ферлини, Карлос Паскали, Альберто Палкос и Родольфо Гиолди подтвердили, что ответственность за военные действия несут все империалистические державы, а не милитаризм одной из сторон. Хусто выступил с другим проектом резолюции, более посредническим, сказав, что СП не хочет заявить о разрыве отношений или объявлении войны, и что он не должен принимать никаких парламентских инициатив в отношении вооруженной конфронтации. Пенелон защищал линию нейтралитета и заявил: «Больше, чем правительственная партия, мы должны быть революционной партией» [9]. Как только завершилась левые социалисты одержали убедительную победу: 4200 голосов против 3500. В СП зародился серьезный внутренний кризис, который затем разразился в полном масштабе.

СП против временного правительства, советов и двоевластия

Празднование Международного дня рабочих, организованное в Буэнос-Айресе 1 мая 1917, позволило проявить СП свою позицию относительно Русской революции. Несколько тысяч активистов и сочувствующие им рабочих собрались под трибунами на Диагональ Сур. Цель состояла в том, чтобы показать картину единства, после того, как бурный конгресс завершился два дня назад. События революции не были отражены на в самых важных плакатах протестующих, где были мирные требования. Однако, Русский мотив снова появился. Появился он в речи де Томаса, для которого то, что началось в Петрограде, стало ключевым событием для «дела труда и демократии» в мире:

Возник новый политический режим, провозглашающий свободу сотен миллионов людей, политическую и административную автономию для нескольких поработанных народов и утверждая прямое и тайное всеобщее избирательное право, как нерушимую основу новой России. С этого момента и впредь Интернационал приобретает колоссальную поддержку [10].

Только с мая *Ла Вангвардия* начала отмечать могущество Совета — «Совета рабочих и солдатских депутатов». Социализм не видел противопоставления между советами и новой властью, их рассматривали в качестве совместимого дополнения. Приветствовалось укрепле-

ние временного правительства и то, что в настоящее время Дума и Совет рабочих и солдатских депутатов «гораздо менее дистанцированы» [11]. По мере чтения газеты выяснялось, что в России наблюдается оппозиция официальному курсу революции, хотя пока еще не было ее обозначить. Внимание стала привлекать фигура военного и морского министра, Керенского, социал-лейборист, «гарант созыва учредительного собрания» [12]. Были также и другие деятели меньшевизма, такие как министр Церетели, председатель Совета Петрограда Чхеидзе и эсеры. Линия СП означала линию единства всех социалистов, из которой затем исключат «максималистов» Ленина. Согласно СП, российский процесс должен проводиться в соответствии с либерально-демократическими, республиканским и прогрессивным принципами, предполагающими открытость к требованиям трудящихся. Любая идея о двоевластии между правительством и Советом была исключена. Кроме того, в правительство солидаризировалось с Советом, подтверждая его существование и поддерживала идею продолжения войны против германской автократии, а также гарантировало контроль за революционными процессами во избежание его выхода за рамки, на чем настаивали определенные группы. В начале июня Социалистическая газета воспроизвела огромное фото выборов в Петроградский Совет и подтвердила: «Рядом с революционным правительством есть он, с равными правами и обладающий не меньшей силой — парламент революции, и он будет, по нашему мнению, сильнейшей преградой любому анархическому отклонению, способному поставить её под угрозу» [13].

В то время задача состояла в том, чтобы выиграть войну против Германской Империи. Социалистическая газета отмечала веру в то, что армия консолидировалась под руководством Керенского. Но «июльские дни» снова застали врасплох *La Vanguardia*. Партия предсказывала прогресс революции в сотрудничестве с советами и продолжении войны, и осознание провала Июльского наступления, ускоренное разложение армии, массовые беспорядки, которые подталкивали Совет захватить власть, затем была отставка Львова и вступление Керенского в должность нового премьер-министра. Что касается СП, то ключевым фактором для партии являлось обеспечение «верховной власти временного правительства».

С какого момента СП обратила внимание на существование большевизма как автономного и революционного течения в российском социализме? Этим моментом стал июнь, когда это движение получило большинство мест в Совете Петрограда. *La Vanguardia* начала идентифицировать его с самыми радикальными позициями, а также с

анархистами. Спасшись бегством в Финляндию, Ленин стал для газеты призраком, доверявшей, как представляется, обвинениям в том, что он был на службе вражеской иностранной державы: «Совет рабочих и солдатских депутатов постановил, что максималисты, обвиняемые в подстрекательстве к мятежу или в получении денег от Германии публично осуждаются. Было признано неприемлемым, что экстремист Ленин и его сторонники избежали судебного разбирательства [14]. В сентябре вышла публикация бывшего революционного активиста Владимира Бурцева, о большевизме как слуге Берлина: «партия максималистов — это инструмент Германии, откуда она получает деньги. Их лидеры (...) являются главными виновниками распада России и поражения русской армии» [15]. Эти новости быстро разрослись в мировой прессе. Например, отметили, что на закрытом заседании Думы Владимир Пуришкевич (имеющий склонность к национализму и антисемитизму) заявил: «Ленин умер в Цюрихе в 1916 году, и этот псевдо-Ленин — г-н Зедерблум, бывший друг Ленина» [16]. Это был вздор: он спутал его с Мартовым (Юлий Зедербаум), другом Ленина, но затем ставшим его соперником, одним из лидеров меньшевизма. Такие новости передавала тогда *La Vanguardia*. Первый раз имена «большевиков» (помещенные таким образом в кавычки, как экзотический термин), были упомянуты в начале сентября. Они были представлены как «крайние левые» и «сторонники программы максимум». Группа единомышленников, объединившихся вокруг газеты «Правда», которой руководили Ленин и Григорий Зиновьев, была названа анархистской, «приверженцы крайне жестоких взглядов. По возвращении в Россию Ленин выступил с сенсационным заявлением, в котором подтверждалось превосходство теорий Бакунина над теориями Маркса» [17].

Уже в период, предшествовавший революции большевиков, *La Vanguardia* с осуждением сообщила о восстании Корнилова в конце августа-начале сентября. Ранее же это событие получило некоторое одобрение, особенно в свете заявления о пользе военного переворота для победы в войне с Германией. Теперь же неповиновение «генералиссимуса» [Корнилова] осуждалось, наряду с его попытками подчинить себе всю гражданскую и военную власть и стремлением создать новое диктаторское правительство. Газета встала на сторону администрации Керенского и предложила «теорию молота и наковальни»: большевизм оказался с одной стороны, а контрреволюционеры — с другой [18].

В начале октября длинная заметка, принадлежащая партийному лидеру и журналисту Рикардо Саенс Хейсу, восхваляла Керенского, представленного «самым прекрасным символом гражданского героя», «мягкий с народом, и обходительный с дамами», «честь своей стра-

ны», «Спаситель своего народа», «гордость свободных и благородных людей, которому противостоит «агитатор Ленин»», который будучи в Швейцарии, сформировал «крошечную группу», «... осуществлявшую трудоемкую пропаганду, чтобы настроить рабочий класс против войны» [19]. Большинство СП было сосредоточено в сфере деятельности министра. Но левое крыло дистанцировалось от этой позиции и начало высказывать поддержку Ленину.

Произошло нечто важное: левое течение социалистического фронта приблизилось к внутренней оппозиционной линии. В начале августа ими запущено собственное периодическое издание под руководством Пенелона, которая в течение ближайших двух десятилетий была официальной газетой МСП и аргентинского коммунизма. Группа также приступила к редактированию журнала *Revista Socialista*. Усилилась критика реформаторских концепций СП. Основные нападки были направлены на немца Бернштейна, чье влияние воспринималось как ключевое: «ретроград, который работает против социализма», «все к движению и ничего к конечной цели», как говорил Пенелон в первом издании *Ла Интернасьональ* [20]. Пенелон также поставил под сомнение позицию однопартийцев в отношении Русской революции, особенно — их поддержку Временного правительства, в то же время наблюдался рост симпатий к позиции большевиков: «Мы с Лениным, а не с Керенским» [21].

Развязка и кризис вокруг войны и революции

Перед СП стояла задача не только осмыслить Русскую революцию и выработать свое отношение к ней. Другое крупное явление на международной арене — война, продолжавшая раздирать страну и саму партию. После немецкого нападения на аргентинское судно «Торо» и инцидента с графом Люксбургом, в результате которого консерватор Хоакин В. Гонсалес обратился к правительству президента Иригойена с просьбой разорвать дипломатические отношения с Германией, конфликт в рядах СП разгорелся вновь. Законодатели из СП поддержали это предложение, признавая про-союзнические взгляды, противоречащие положениям III Внеочередного конгресса. Депутаты и единственный сенатор от партии, Валье Иберлусеа, провели это решение¹. Роль сенатора и депутатов-социалистов, а также их полномочия

---

¹ Траектория дель Валье Иберлусеа имела крутые повороты. Их позиции по военному вопросу относились к правым: Европейская война и Международная политика 1914, а также международный вопрос и Социалистическая партия 1917 были разоблачены в их произведениях. Но ранее этот профессор международного права в национальном университете Ла-Плата и активист партии с начала столетия подняли позиции в левом крыле. В публикациях он

были вынесены на обсуждение, потому что, по мнению левых, данное голосование нарушало демократические принципы, в силу того, что участники проигнорировали мандат, полученный от суверенного Конгресса. Дискуссия была представлена в *Ла Вангардия* в сентябре-декабре 1917, где приняли участие, как лидеры противостоящих фракций, так и сотни активистов партии, которые порой излагали позиции конфликтующих сторон [22].

Возможность левых неограниченно выражать свои взгляды на страницах *Ла Интернасьональ* привела к формированию тенденции на снижение руководящей роли СП. В свете проблемы приостановления дипломатических отношений с Германией, когда заявили, что СП не желает оставаться только оппозиционной партией, но стремится выступать в качестве правительственного органа, то «левые» напомнили об опасности отхода от Социалистического движения «к отказу от своей классовой политики, исторической миссии, которая состоит в том, чтобы направлять рабочий класс к его интегральной эмансипации, а не в том, чтобы добиваться его защиты путем солидаризации с классом капиталистов, превращая его в партнера в буржуазном правительстве» [23]. Они отвергли путь к власти, основанного на выборах: «единственное возможное понимание Маркса, когда речь идет о завоевании власти, — это революционное завоевание диктатуры пролетариата, с тем чтобы осуществить исторические преобразования, к которым стремится социализм». Он предупреждал о потере трудового и революционного характера СП, которое приведет к превращению в радикальную партию по образу европейских, чуждую классовой борьбе и отождествляемой с защитой национального государства от шовинизма, который отрицает империалистический характер войны. Наконец, он осуждал отсутствие внутренней демократии и феномен олигархизации, которые предоставили сущность партийной жизни в руки горстки «докторов», доминировавших в СП и монополизировавших парламентское представительство и страницы *Ла Вангардия*.

В целях дальнейшего ужесточения внутренней конфронтации Международный Конгресс призвал к созыву нового внеочередного конгресса для принятия мер против парламентариев. Однако законода-

---

предупреждает, что Международный социалистический журнал и Новое человечество, внимательно относясь к вопросам философии и права, критикуют позиции Бернштайна в социализме. Он с пониманием отнесся к динамике молодых людей социалистического левого крыла. И позже он поддержал российскую революцию, и поэтому не поощрял Сенат в 1921. см.: дель Валье Иберлуса, 1934; Марианетти, 1971; Корбиёре, 1987; Бецерра, 2009.

тели, пытаясь избежать этого созыва, в начале октября изменили ход дискуссии: они предложили в качестве варианта свою отставку и потребовали от СП проведения голосования по этому вопросу. Сам характер этих действий расширил возможности для победы парламентариев, из-за встречного импульса, а СП лишились бы своих мест, поставив под угрозу основную базу своей политической поддержки. Депутат Антонио Мантекон поставил под сомнение шантаж: «почему бы Исполнительному комитету вместо того, чтобы созывать всеобщее голосование, не созвать чрезвычайный конгресс?» [24] Очевидно, что результат был благоприятным для парламентской группы (5 345 голосов против 909, 72 воздержавшихся и более чем 2 000 отсутствовали). Интернационалисты не имели возможности для маневра перед правым крылом партии, что вновь привело к углублению внутреннего кризиса и предопределило развязку. Это случилось в разгар нового водоворота событий, в который попала Россия.

Аргентинская СП была удивлена октябрьским восстанием. Первая информация, содержащаяся в прессе, появилась 8 ноября, с беспорядочным набором телеграмм, датированных днем ранее, и понимание произошедших событий ещё только формировалось. Газета отметила, что «вооруженное военно-морской отряд, по приказу революционного комитета, оккупировал управление официального телеграфного агентства Петрограда» [25]. С самого начала под восстанием понимали вооруженный мятеж нескольких тысяч, ответственность за который лежала на большевизме. Данные поступали противоречивый, свидетельствуя о неопределенности положения. На следующий день *Ла Вангвардия* указала правопреемство: свержение администрации Керенского, нападение «советских войск» на Зимний дворец, проведение «Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов» (ссылались на II конгресс Советов), арест министров и контроль над Петроградом в руках максималистов, которые приступили к обсуждению на «незамедлительный мир», урегулированию аграрного вопроса и созыву учредительного собрания. Была издана прокламация: «мы свергли правительство, которое против революции». «единственным органом в настоящее время является революционный комитет» [26]. С этого момента события представлялись как «бескровный государственный переворот».

СП пришлось иметь дело с запутанной картиной реальности, которая основывалась главным образом на ложных или искаженных новостях. В течение нескольких дней указывали в газете, что новости являются «удовлетворительными», и есть надежда, что «быстротечное Правление максималистов подходит к концу». Уровень искажений

реальности был еще хуже: утверждалось, что силы Керенского уже находились в Петрограде и были «фактическими хозяевами всего города», с тем чтобы завершить: «предполагается, что близится конец движения максималистов» [27]. Некоторые из новостей *Ла Вангвардия* были ошибочны: Керенский никогда не мог контролировать Петроград, поскольку он никогда не возвращался в город: его войска достигли Царского села в 24 км от города, где они не победили, а проиграли Красной гвардии. В течение нескольких дней в печати настаивали: «население, по-видимому, лишается своей веры в Ленина и Троцкого», «проявление большевистской власти значительно уменьшилось», а также ошибочно заявляли об установлении контроля над Москвой войсками Керенского, о предстоящем формировании нового коалиционного правительства без сторонников «агитаторов Ленина и Троцкого» [28]. Только десять дней спустя, 19 ноября, большевики были признаны «хозяевами положения», контролировавшими два крупных города страны [29]. С этого времени в *Ла получила* возможность выработать предметное заключение по фактам. Это было сделано Артуром Хавауксам, членом редакционного совета газеты:

Новости из России, противоречивые в первые дни большевистского государственного переворота, в настоящее время совершенно ясны благодаря источникам разного происхождения. Керенский был свергнут и исчез, о его местонахождении ничего не известно; максималисты захватили власть, они хозяйничают в Петрограде и Москве, несмотря на недовольство, которое провоцируют их действия; Анархия в Финляндии; Армия, распущена или дезорганизована; борьба партий, перерастающая в неизбежную гражданскую войну и призрак грозящего голода — это та, картина, которую представляет сегодня русское государство [30].

Если политическая несостоятельность привела к провалу правительства Львова и кадетов, то приход Керенского и эсеров открыло этап «практичных государственных деятелей», которые сделали все возможное, чтобы направить ситуацию в нужное русло. С поражением восстания Корнилова казалось, что пути Республики и реформы были сведены воедино. Однако наступило поражение. А почему?

...ультрареволюционная агитация заразила духом недовольства по поводу всего возможного и сумела отвлечь революцию от логического и разумного завершения, которое, как мне кажется, и нанесло поражение временному правительству. Мы видим результат: Россия без правительства, признаваемого другими державами, или русским народом; в управлении страной — полный беспорядок.

По словам журналиста СП, Россия не могла пропускать «промежуточные» этапы, и он задавался вопросом: «как мы сможем поверить, что русский народ, который до вчерашнего дня жил под угрозой кнута и чье невежество велико, может сделать один скачок, чтобы встать в один ряд с демократическим порядком Англии и Франции? Вывод был красноречивым: «Ленин и Троцкий могут задумать этот прыжок: но русский народ не может этого исполнить». В результате было реализовано то, чего больше всего опасалась СП, т. е. решение о выходе советского правительства из войны.

Появление левой Социалистической партии, поддерживающей идеи Октябрьской революции

По мере триумфа большевистского восстания, СП пришлось иметь дело с внутривнутрипартийным расколом. Изначально официализм одержал победу над диссидентами, но последние, были готовы действовать. В октябре был учрежден Комитет по защите резолюции III Внеочередного конгресса. Однако, воспользовавшись поддержкой, полученной в ходе этого голосования, руководящее большинство его распустило, посчитав «незаконным, подрывным и анархическим». Пенелон и Ферлини отказались от Конгресса, созванного в ноябре и декабре с целью осуществить раскол. Был сформирован Комитет по связям с распущенными социалистическими центрами и изгнанными меньшинствами, который созвал конгресс высланных из страны, который, наконец, собрался 5-6 января 1918 в холле «20 сентября» [31]. Большинство участников прибыли из Федеральной столицы, Агруппасьон Графика и нескольких провинций Буэнос-Айреса, Санта-Фе и Кордовы. Делегатами стали около 750 активистов, представлявших 22 центра. То есть лишь небольшая часть тех, кто поддержал левых в ходе дебатов о войне, сопровождала сейчас интернационалистов: девять месяцев назад, на конгрессе в театре Верди, они получили 4000 голосов в свою пользу. В новой партии преобладала молодежь. В одной из немногих национальных газет, осветивших данное мероприятие, говорилось: «в этом конгрессе обращает на себя внимание тот факт, что в нем доминирует молодое поколение» [32]. Многие из них лишь недавно вступили в СП и не имели такого общественного значения как официалисты. Исключением было присутствие группы ветеранов немецкой рабочей силы, среди них Аугусто Кюн, Гильермо Шульце, Гюммель и братья Херман и Энрике Мюллер.

Новая организация была названа Интернациональной социалистической партией (ИСП) после обсуждения в рамках других вариантов (например, революционной социалистической партии). Среди ее членов было большинство рабочих, преподавателей и студентов, а

также несколько специалистов и других представителей среднего класса. В целом, социальный характер коллектива был более значимым чем тот факт, что эти силы возглавлялись Хусто. Первоначально ИСП пыталась полностью оспорить историческую законность в отношении СП, прежде всего, в отношении ее названия, а также изложения социалистических идеалов. На I Конгрессе в январе 1918 была принята Декларация принципов (которая была возвращена Декларация 1896), программа минимум и Устав партии. Была установлена обязательная для всех членов партии профсоюзная активность. И был выпущен манифест о создании новой силы, гласивший: «Социалистическая партия преднамеренно и сознательно отказалась от социализма. Мы больше не принадлежим к Социалистической партии, но и Социалистическая партия не относится больше к социализму» [33]. *Ла Вангардия* откликнулась на отколовшуюся от нее группу: «никто подобно нам не знает, что недостаточно называться социалистом, ни выгладеть как социалист, чтобы быть им на самом деле. Разве мы не стали свидетелями печального фарса кучки людей, которые намереваются заставить максимализм оклеветать СП и пытаются обессилить ее, к большей славе и большей выгоде буржуазной, клерикальной и милитаристской реакции, которые представляет фракция, именуемая радикальной?» [34].

В своем учредительном манифесте ИСП поставила вопрос об отношении к войне как решающему аспекту, объясняющему раскол, и четко заложила свою приверженность интернационализму, который получил импульс в 1915-1916, благодаря деятельности Ленина, Троцкого и Розы Люксембург: «Социалистическая партия, утверждая войну с капитализмом, полностью разделяет свою солидарность с социалистами, которые, в сложнейшей обстановке, неустанно трудятся во всей Европе и Соединенных Штатах в целях установления мира и социализма согласно резолюциям Копенгагенского и Штутгартского социалистических конгрессов и Базельских решений, подтвержденных недавними конгрессами Зиммервалда и Киентала» [35].

Какое место заняла Российская революция в процессе создания ИСП? Очевидно, что длительный цикл развития левого течения, который в конечном итоге привел к появлению ИСП, зарождается еще до взятия Зимнего дворца, и начинается с появлением *Ла Интернасьональ* в качестве глобального альтернативного пространства, всего лишь за три месяца штурма Зимнего. Но в процессе окончательного раскола между официализмом и диссидентством, формы приложения русского революционного процесса уже отличались: не было длительного переходного периода, в котором могла бы проявиться эта неравноправная позиция. Таким образом, в своем учреди-

тельном манифесте января 1918 г., ИСП рассмотрела положение СП относительно событий в Петрограде и фактов, имеющих решающее значение для возведения барьера между двумя сторонами: «чтобы яснее продемонстрировать разрыв социалистической партии с социализмом, достаточно привести оценку официального органа партии, которую они дают максималистам, названным «худшими врагами российской революции», как будто бы приход к власти первого в мире социалистического правительства стало позором». В связи с этим было ясно, что, хотя СП сослалась на неудачный переворот, в рамках ИСП была представлена задача «народа, который твердо предлагает заключить мир во всем мире, свергнуть буржуазию и установить долгожданное царство социалистического пролетариата». Наконец, когда ИСП готовила свой манифест и стремилась дополнить свою общественную идентичность, она выбрала русскую революцию в качестве своего стремления:

Пламенное и стремительное дыхание революции прокатилось по всей планете. Оно появилось в России и добралось во все уголки мира. Его движущая сила: создание социализма. С взглядом, устремленным на столь высокие идеалы, в этом регионе Америки мы хотим быть эффективными, активными агентами этого глубочайшего революционно-преобразования [36].

Эти формулировки имели место, когда советский режим едва был в процессе создания. В ходе прогрессирующего строительства ИСП одобрение российской революции достигло особой важности. Партия выиграла общественное пространство в акциях солидарности с советским процессом. 7 ноября 1918, наряду с другими организациями трудящихся и левых организаций, ИСП содействовала проведению в Буэнос-Айресе марша в честь годовщины октябрьских событий, в котором участвовало около 10000 человек, а затем этот марш стал своего рода ежегодным ритуалом. Анализ международной обстановки, проведенный партией, выявил динамику движения, инициированного большевиками. После подписания соглашения, которое положило конец мировой войне, спустя несколько дней, ИСП призвала: «выразить свою солидарность правительству СССР» и «приветствовать движения, которые в Болгарии, Австрии, Венгрии и Германии намереваются установить положение вещей подобное тому, что в новой России, и предполагают распространиться на всю Вселенную» [37]. В последующем манифесте, который совпал с кульминацией воинственного пожара революции, содержалась: «слава российским максималистам!» Благодаря их действиям в течение нескольких лет, была прекращена самая ужасная бойня в мире, в результате которой погибло несколько

миллионов человек, и Октябрьская революция распространила «семена социальной революции» и привела к краху старых империй. Манифест завершился так:

Русские максималисты, героический Авангард интернационального социализма, заложили основы нового гуманизма, искупительного человечества будущего, без кастовых или социальных привилегий, без войн и без деспотов. Твердо придерживаясь наших миролюбивых и интернационалистских принципов, давайте работать в наших рядах для наступления такого счастливого часа. (...) И давайте подготовим революционное преобразование американского общества [38].

В конце 1918 ИСП опубликовала Конституцию РСФСР [39]. И начала кампанию за его признание Аргентиной, используя эти лозунги в газетах и в программах заявлениях, Ферлини, который был избран первым членом Совета, в июле 1920 попросил в связи с этим слова в совещательном Совете Федеральной столицы, с тем чтобы обратиться с просьбой к национальному конгрессу. В области пропаганды это была весьма обширная работа. В 1919 были опубликованы работы Ленина и Зиновьева о социализме, войне и российской революции [40]. ИСП также рассмотрела публикацию в Буэнос-Айресе *Документов о прогрессе*, журнала, который отражал реальность советского режима, публиковались труды его лидеров. Под руководством Симона Шеймбергера и Альдо Пекини, были опубликованы 45 номеров с августа 1919 по июнь 1921. На основе этой публикации были выпущены несколько брошюр и книг Ленина, Троцкого, Зиновьева и Радека.

Русская революция как отрицание и как принцип «левой» идентичности: от социализма до коммунизма

Подводя итоги, рассмотрим некоторые из описанных событий. После падения царизма аргентинская СП обратилась с призывом к пониманию событий в рамках общего диагноза: до начала «социалистической революции» (эра трансформации в пользу рабочих) в глобальном масштабе. Какова была концепция партии революции как в России, так и в Аргентине? До тех пор, пока не был свергнут деспотичный режим, он был исторически легитимен. Поэтому СП сослалась на демократическую революцию, которая открыла путь к завоеванию индивидуальных, гражданских и политических свобод. Однако в то же время она предполагала борьбу за социальную справедливость и осуществление реформ в пользу трудящихся, и именно здесь СП улавливала расплывчатое понятие социализма, без направления, временных рамок, задач, предметов или четко установленных процессов. Эта революция не ограничивалась коротким моментом собственно революции, она была названа длительным процессом, постепенно расширяю-

щим ценности и материальные достижения свободы и равенства, завоеванные на пути реформ. Таким образом, реформа и революция были объединены, а не разделены.

Партия Хусто признала участие масс в русской революции (хотя и предупреждала о стихийных «перехлестах»), но она концентрировалась преимущественно на политических столкновениях, не осознавая в полной мере роль народных масс. Это было выражением институционалистской ориентации СП, которая, как правило, не находит позитивного отклика у широких масс. Хотя и понималось, что социальным субъектом является рабочий класс в борьбе за свои права, а не народ с «активной гражданской позицией». Только иногда рабочий класс рассматривался в несколько более неопределенном свете с учетом крестьян и других угнетенных слоев. То есть, это объяснялось в терминах реформизма и институционализма, но с точки зрения классової теории.

Для СП то, что произошло в октябре, было государственным переворотом, главную роль в котором сыграли агитаторы, не имеющие широкой народной поддержки, но сумевшие направить ход строительства открытой для демократических реформ и верной своим союзническим обязательствам республики по ложному пути превратив ее в эксперимент экстремистского правительства, которое несло с собой голод, беспорядки, гражданскую войну, авторитаризм и позорный мир с Германией. С этой точки зрения, авантюра начавшая свой ход в Петрограде, утратила национальный компонент и историческую судьбу, попав в ловушку социальной конфронтации и насильственной политики. Они признавали положение до восстания Корнилова: до этого периода вся информация по этому вопросу в *Ла Вангуардия* выходил под названием «Русская революция». После этого она была названа «ситуацией в России». Подлинная революция состоялась в феврале, а затем наступила анархия, немыслимая борьба за власть между советами, правительством и партиями и, наконец, государственный переворот. За этой идеей «отклонения» — разве это не отсутствие подлинной теории революции в аргентинском социализме и в определенном смысле некоторые пределы ее теоретического и программного инструментария? Партия не смогла в полной мере определить динамику революционного процесса, стратегии, этапы, движущие силы, союзников и противников каждого направления. Как и в случае с большинством во II Интернационале, местным социалистическим течениям было трудно оценить противоречия и дилеммы, с которыми сталкивалось временное правительство, которые укрепляли автономию советов, способствовали появлению большевиков. Обвинение в отношении последнего было симптоматичным, но выходило за рамки социалисти-

ческой традиции. Для СП не могло существовать революционного социализма: они находили здесь терминологическое противоречие. Поэтому процесс раскола и изгнания левых социалистов являлся неизбежным.

Вскоре после этого курс Советского правительства стал более определенным, СП расширила глобальное противодействие революции, движимой большевиками, утверждавших диктатуру пролетариата в качестве подлинного демократического социалистического пути. В 1919 де Томасо принял участие в конгрессе Бернского интернационального социалистического общества, имея возможность встретиться с Павлом Аксельродом, Эдуардом Бернштейном и Александром Керенским. Его Европейский тур был реконструирован в хрониках, опубликованных в *Ла Вангуардии*, и, наконец, издан в книге *«Интернационал и Революция»*. «Демократическая практика в политическом и экономическом порядке не случайна, она не может быть заменена на диктатуру любого меньшинства, какой бы просвещенной она ни была» [41]. Также ключевое значение имеет и метод: «Насилие свыше не может изменить сознание массы. И его культ, практикуемый в ходе русских и германских революций частью революционеров, стремящихся заменить штыки, пулеметы и бронированные машины на учредительные собрания, являются еще одним из следствий войны». Для лидера СП «такая диктатура пролетариата» была неудачным опытом, «проходом, затерянным на страницах теоретического социализма, состоящего из более или менее расплывчатых постулатов», стал предлогом для осуществления государственного переворота и подмены демократии.

С другой стороны, даже в тот момент, когда ИСП поддерживала формирующуюся диктатуру пролетариата в России, ей было сложно определить свою политическую идентичность. Она была найдена в том напряжении и внутреннем поиске, в контексте которого партия существовала на протяжении трех лет. Вначале она притворилась, что оспаривает сущность самой СП, представляя себя в качестве подлинного представителя социалистического проекта, который официализм мог ослабить. Однако эта партия революционеров, враждебная к парламентаризму и ориентированная на классовую борьбу, которая должна соответствовать, а не просто вписываться в рамки, унаследованные от II Интернационала

Наконец, они познакомились с резолюциями II Коммунистического интернационала, проходившего 7 августа 1920 в Москве. Среди них было 21 условие — «Циркуляра Зиновьева», предусматривавший требования, которым должны соответствовать организации-члены, включая утверждение собственного наименования. По этой причине ИСП

созвала свой Чрезвычайный Конгресс, состоявшийся 25 и 26 декабря в салоне Сирколо Мандолинистик, Буэнос-Айрес (Аргентина), на сцене, украшенной двумя огромными красными флагами и щитом советской России. На встрече был представлен проект исполнения вышеупомянутого циркуляра. Это подразумевало окончательное и решительное преобразование ИСП в дисциплинированную организацию, ориентированную на революционный заговор и подпольные действия, процесс, который сопровождался определенными неудачами, как покажут последующие годы [42]. С этого момента она стала известна как Коммунистическая партия Аргентины, Аргентинская Секция Коммунистического интернационала. В учредительном манифесте ссылка на 1917 была неизбежна: «... Русская революция — это наш Факел». Она заключает огромный поток революционного опыта. Русская революция имеет универсальную ценность. Ее принципы являются уникальными и могут служить основой для последующих революций пролетарских революций в любых странах» [43]. Создание КПА и приверженность политическим, программным, организационным принципам, проистекающим из Коммунистического Интернационала — это скачок в стандартизации, что требует тщательного анализа. Пример Октябрьской революции, стал важным историческим опытом, стимулировавшим развитие левой мысли, отличавшейся собственной идентичностью, дифференцировавшей ее ото всех прочих левых течений.

Список литературы:

1. Para un abordaje de las influencias de la Revolución rusa en la Argentina: Doeswijk, 2013; Pittaluga, 2015; Camarero, 2017.
2. Sobre el socialismo en el período: Walter, 1977; Aricó, 1999; Adelman, 2000; Camarero y Herrera, 2005; Martínez Mazzola, 2015.
3. *La Vanguardia*, 16/03/17.
4. *La Vanguardia*, 18/03/17.
5. *La Vanguardia*, 22/03/17.
6. *La Vanguardia*, 25/03/17.
7. *La Vanguardia*, 01/04/17
8. *La Vanguardia*, 18/04/17
9. Corbière, 1984: 35-36
10. *La Vanguardia*, 02-03/05/17
11. *La Vanguardia*, 07/05/17
12. *La Vanguardia*, 19/05/17.
13. *La Vanguardia*, 06/06/17.
14. *La Vanguardia*, 30/07/17.
15. *La Vanguardia*, 05/09/17.
16. *La Vanguardia*, 06/09/17.

17. *La Vanguardia*, 09/09/17.
18. *La Vanguardia*, 12/09/17.
19. *La Vanguardia*, 05/10/17.
20. *La Internacional*, 05/08/17. Las críticas al bernstenianismo en el PS ya se habían manifestado en *Palabra Socialista*, el periódico impulsado por el ala izquierda entre 1912-1914 (Díaz, 2015).
21. *La Internacional*, septiembre 1917.
22. Campione, 2005: 25-51.
23. *La Internacional*, 27/10/17.
- A. Mantecón, *El Partido Socialista y la cuestión internacional*, Buenos Aires, Imprenta Sarandí 374, 1917, p.
24. *La Vanguardia*, 08/11/17.
25. *La Vanguardia*, 09/11/17.
26. *La Vanguardia*, 15/11/17.
27. *La Vanguardia*, 17/11/17.
28. *La Vanguardia*, 19/11/17.
29. *La Vanguardia*, 23/11/17.
30. La convocatoria apareció en *La Internacional*, 06/12/17.
31. *La Razón*, 05/01/18.
32. PSI, *Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional*, Buenos Aires, 1919, p. 56.
33. *La Vanguardia*, 14/02/18.
34. *Historia del socialismo marxista...*, cit., p. 57.
35. *Historia del socialismo marxista...*, cit., p. 58.
36. *Historia del socialismo marxista...*, cit., p. 64.
37. *Historia del socialismo marxista...*, cit., pp. 65-66.
38. *Constitución de la República Rusa Socialista Federal de los Soviets*, Buenos Aires, Ed. Marxista, 1918.
39. G. Zinoviev y N. Lenine, *De la Revolución Rusa*, Buenos Aires, PSI, 1919.
40. Antonio de Tomaso, *La Internacional y la revolución*, Buenos Aires, *La Vanguardia*, 1919, p. 122. Agradezco a D. Ceruso el acceso a esta fuente.
41. Las nuevas disposiciones fueron rápidamente editadas: PC, Sección Argentina de la III Internacional, *Estatutos. 21 condiciones de la Internacional Comunista. Tesis sobre la Sindical Roja y Declaración de Principios*, *La Internacional*, 1921.
42. Partido Comunista, Comisión del Comité Central, *Esbozo de Historia del Partido Comunista de la Argentina*. Buenos Aires: Anteo, 1947, p. 44.

В. П. Калининченко

*Вятская государственная сельскохозяйственная академия
(г. Киров, Россия)*

«ВЯТКА ИЗВЕСТНА ВСЕЙ ЕВРОПЕ» — ВЯТСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ

4 января 1923 г. Вятский губком РКП (б) первым в стране принял решение о создании в губернии отделения Международной организации помощи борцам революции. 15 января отделение общества было открыто в Котельниче, затем в Яранском, Нолинском, Малмыжском и других уездах. К осени 1923 года мопровские ячейки работали во всех уездных городах, поселках и волостях. К началу 1924 г. число членов МОПР в губернии достигло 30 тыс., в мае 1925 г. — 68,6 тыс., а в 1931 г. — свыше 100 тыс. человек.

Письма вятчан и зарубежных революционных борцов — ценнейшие документы эпохи, документы пролетарской солидарности.

МОПРовская работа была ярким проявлением интернационального сознания трудящихся нашей области. МОПР повысил общественно-политическую активность советских людей, был заметным фактором жизни страны.

Ключевые слова: Вятка, Международная организация помощи борцам революции, гуманизм, солидарность.

Проблемы сегодняшнего дня неразрывно связаны с прошлым. Нелучайно, о чем бы мы сейчас ни заговорили, приходим к истории, опоре самосознания. Сейчас мы переживаем период возрождения научного интереса к прошлому. Явления современности можно рассматривать только в контексте истории. Когда лучше знаешь свою историю, тогда лучше будешь ценить дружбу между народами нашей и других стран. Историческая беспамятливость рождает людей поверхностных, с легкостью относящихся ко всем проблемам жизни, в том числе межнациональным и интернациональным. Составной частью интернационализма является солидарность. В целях развития пролетарской солидарности советских людей в начале 20-ых г.. XX в. была создана на основе инициативы масс специальная организация помощи борцам революции — МОПР. Деятельность МОПР была ярким проявлением пролетарского интернационализма.

Почему именно трудящиеся глухой, провинциальной, преимущественно крестьянской губернии стали «зачинателями» массового мопровского движения? Возникновение в Вятке первого в стране организованного отряда мопровцев, солидарность вятчан с революционной

борьбой трудящихся других стран не были случайным явлением, а имели давние корни. Этому способствовали богатые революционным традициям губернии, которая давно была местом ссылки политических деятелей. Здесь отбывали ссылку представители всех поколений революционных борцов: дворянские революционеры, революционеры-разночинцы и социал-демократы. Ссылные, образованнейшие люди того времени, общались с местными рабочими, крестьянами, интеллигентами, студентами, вели среди них революционную пропаганду, оказывали идейное воздействие. Не одно поколение трудящихся губернии было в контакте с политическими ссылными, видело их страдания. Все это и подготовило почву для восприятия мопровских идей.

Подъем интернациональной солидарности советских людей был вызван объективными условиями. Мощный толчок интернационализму трудящихся России дала Октябрьская социалистическая революция 1917 г. Движение международной солидарности после октября 1917 года возглавлялось коммунистическими партиями, возникшими во многих странах под влиянием социалистической революции в России. Был создан международный центр революционного рабочего движения — Коммунистический Интернационал. Возросла сила классового единения. После октября 1917 года пролетарский интернационализм получил качественно новое содержание, проявлявшееся во взаимоотношениях рабочего класса капиталистических стран и первой пролетарской республики. Рабочий класс капиталистических стран считал своим интернациональным долгом поддержку Советской республики, защиту завоеваний Октября, оказание помощи советскому народу в строительстве социализма. В свою очередь советский народ оказывал международному пролетариату всестороннюю помощь в его борьбе за политические права. Пролетарский интернационализм был поднят Страной Советов на уровень государственной политики, стал основой ее взаимоотношений с международным рабочим движением.

Э. Тельман говорил, что своей активной работой по поддержанию революционного движения на Западе «Вятка стала известна всей Европе». Бескорыстная, по-детски чистосердечная солидарность Кировчан в период деятельности МОПР является предметом гордости, яркой страницей истории вятского края.

Наступление реакции и фашизма на революционные завоевания рабочего класса, огромное количество жертв белого террора и массовый характер преследования революционных борцов привели к необходимости создания специальной Международной организации помощи политическим заключенным и их семьям. Идея создания такой организации появилась среди старых большевиков, бывших политка-

торжан. Их предложение 24 ноября 1922г. было одобрено ЦК РКП (б) и Президиумом Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. 30 ноября «Правда» сообщила о создании Международной организации помощи борцам революции. В этот же день резолюция о создании Международной организации помощи борцам революции (МОПР), была принята IV конгрессом Коминтерна. Так было положено начало международной организации борьбы против белого террора и оказания помощи революционерам. Во главе Международной организации помощи борцам революции стояли выдающиеся деятели международного рабочего и коммунистического движения — К. Цеткин, Е. Стасова, П. Лепешинский, А. Марти, В Пик и др.

Создание МОПР встретило в Стране Советов самый широкий отклик. 9 января 1923 года ЦК РКП (б) принял постановление «О содействии Международной организации помощи борцам революции», основные положения которого были опубликованы 28 января 1923 года в «Правде». Первым на призыв ЦК РКП (б) о создании МОПР отозвался Вятский губком партии, который еще 4 января 1923 года принял решение бюро о создании в губернии отделения МОПР и утвердил положение о нем. Коммунисты первыми вступили в МОПР и вели за собой беспартийных. 15 января отделение общества было открыто в Котельниче, затем в Яранском, Нолинском, Малмыжском и других уездах. В июле в МОПР вступила одновременно тысяча рабочих железнодорожной станции Зуевка. Влияние МОПРа распространилось на крестьян, интеллигенцию, молодежь. К осени 1923 года мопровские ячейки работали во всех уездных городах, поселках и волостях. К началу 1924 года число членов МОПРа в губернии достигло 30 тыс. [1], в мае 1925 года — 68,6 тыс., а в 1931 году — свыше 100 тыс.

В апреле 1926 г. работа Вятской организации МОПРа изучалась комиссией ЦК ВКП (б). Она отметила, что Вятская губерния по мопровской работе стоит высоко, в мопровских организациях губернии имеются интересные и разнообразные формы деятельности. Центральное бюро МОПР призвало рабочих и крестьян Страны Советов последовать примеру вятчан. П. Н. Лепешинский, председатель ЦК МОПР, выступая на губернской конференции мопровцев в 1927 г., говорил, что только в Вятке ему удалось натолкнуться на такое, особенно живое, красочное, нешаблонное лицо мопровского коллектива.

Вслед за Вяткой, с учетом ее опыта мопровские организации стали создаваться по всей стране. В короткие сроки МОПР получил широкую популярность среди всех слоев населения губернии. Это явилось следствием близкого и понятного советскому народу чувства солидарности с трудящимися капиталистических стран, борьба которых про-

тив буржуазии и реакции воспринималась ими как их личное, кровное дело. Многие из советских людей рассматривали вступление в МОПР делом, причастным к мировой пролетарской революции. Она стала самой массовой общественной организацией после профсоюзов. Это имело большое значение в деле развития демократии в стране. Через МОПР партийные организации получили возможность воздействовать на все классы и социальные группы, что повысило их роль как политических руководителей. Центральный Комитет партии держал работу МОПР под неослабным вниманием.

Однако, в 30-е годы в руководстве партии МОПРом, как и другими массовыми организациями трудящихся, стали преобладать административно-командные методы. Это в свою очередь сказалось и на деятельности МОПР. Многогранная бурлящая деятельность масс была сведена до уровня такой инициативы, проявлять которую чаще всего дозволялось лишь в рамках выполнения указаний центра. Революционное, критическое мышление советских людей стало утрачивать свой творческий, открытый ко всему новому и прогрессивному в мире характер. Они стали делать лишь то, что спускалось «сверху» и не подлежало критическому обсуждению. Одновременно с формализацией деятельности МОПР началось выхолащивание его главной роли. В его деятельности все большее место стало занимать участие в решениях политических и хозяйственных задач индустриализации, коллективизации, борьба за выполнение пятилетних планов.

Большой ущерб мопровскому движению нанесли сталинские репрессии. Г. Кровицкий, председатель президиума Кировского областного совета МОПР, многие другие талантливые руководители мопровского движения были репрессированы. Все это ослабило деятельность МОПР. Но, несмотря на деформации, Кировская организация МОПР оставалась массовой. На 1 июня 1938г. она объединяла 80,6 тыс. человек.

Интернациональным долгом Страны Советов являлось оказание разнообразной практической помощи революционному движению в других странах: пропагандой, сочувствием, материальной поддержкой. ЦК РКП (б) 9 января 1923г. призвал всех членов партии активно включиться в дело помощи борцам за социальную революцию всех стран, вовлекая своим примером беспартийных рабочих и крестьян. Первостепенное значение имела материальная поддержка политзаключенных капиталистических тюрем и их семей. Движение помощи жертвам террора, начало которому положили мопровские организации Вятки, вскоре охватило трудящихся всей губернии и приобрело систематический целеустремленный характер. Стало главным направлением дея-

тельности МОПР и представляет одну из ярчайших страниц в истории пролетарского интернационализма.

К 1923г. в губернии уже сложились богатые традиции поддержки революционной борьбы трудящихся в других странах. С 22 января 1923г. началась кампания по сбору средств в фонд МОПРа. В городе не было предприятия, коллектив которого оказался бы глух к призыву поддержать революционеров. Вскоре из Вятки в ЦК МОПР было отправлено 1330 червонцев, 190 руб. облигациями золотого выигрышного займа и 15 794 руб. денежными знаками того времени [2].

Одновременно с Вяткой сбор средств в помощь жертвам белого террора проводилось в Котельниче. Трудящиеся города на первых же собраниях решили жертвовать для помощи борцам революции свой однодневный заработок. Кроме того, в течение первой недели существования МОПРа в городе собрано драгоценными вещами (из серебра и золота) 7,5 фунтов. Уездное бюро и его уполномоченные организовали воскресники на предприятиях, сбор пожертвований среди крестьян. От дома к дому ходили мопровские активисты, собирая продукты и деньги. Крестьяне дружно отзывались на призыв помощи. Из Котельничского уезда в ЦК МОПР послан первый в стране крестьянский взнос в 3 тыс. руб. золотом [3]. К 1 июня мопровцами Котельнича было собрано свыше 12 тыс. золотых руб. [4].

Продолжавшееся в последующее время вступление трудящихся в МОПР повсеместно сопровождалось оказанием помощи революционному пролетариату Запада. Вятская губерния пережила два тяжелых голодных года. И несмотря на это, трудящиеся откликнулись на призыв помощи. Рабочие делали денежные взносы, кустари жертвовали изделия, крестьяне давали хлеб. Вот, например, какое решение принял в сентябре 1923г. съезд Советов Халтуринской волости: «Мы протягиваем руку братской помощи угнетенным пролетариям Запада: решили ограничить свои потребности и собрать им в качестве материальной помощи 100 пудов ржи» [5]. Вятские крестьяне первыми начали засеивать «мопровские полоски». Семенной материал для них собирали в порядке пожертвований, а урожай реализовали в фонд МОПРа. Позже эта инициатива получила массовое распространение и в других губерниях. Для изыскания средств мопровцы Вятки 2 апреля 1923г. на общегородском собрании решили работать в дни Пасхи (8 и 9 апреля), а заработанные деньги отдать в пользу МОПРа [6]. Их решение поддерживали рабочие и служащие. Они работали также и в другие религиозные праздники [7]. Инициатива нашла одобрение Исполкома Коминтерна и ЦК МОПР [8]. В письме на имя губернского правления МОПР О. В. Куусинен писал: «Мы приветствуем проявленную Вами между-

народную солидарность и считаем, что своим трудом в эти дни вы кровными узами связали себя с теми, кто в борьбе за освобождение рабочего класса испытывает тяжкие муки в казематах буржуазии» [9].

13 мая 1923г. «Вятская правда» опубликовала письмо ЦК германской Красной помощи, адресованное губкому РКП (б). В нем сообщалось о получении от МОПРа Вятки 250 долларов, которые были переданы политзаключенным в тюрьмах Штраубинг и Нидершененфельд. ЦК Красной помощи выражал искреннюю благодарность вятским мопровцам [10]. Вести из Германии еще больше вдохновили вятчан на помощь зарубежным братьям. За период с января 1923г. по 1 апреля 1924г. в Вятское отделение МОПРа поступило деньгами 47963 руб., 905 облигаций золотого займа и облигаций хлебного займа на сумму 936 пудов, большое количество золотых и серебряных вещей, одежды и других подарков, которые были отосланы в ЦК МОПР [11]. Для материальной помощи революционным рабочим Запада проводились отчисления от заработной платы, работы в дни религиозных праздников, субботники, концерты, кружечные сборы и т. д., средства от которых поступали в мопровские кассы.

Вслед за Вяткой сбор средств начался и в других губерниях и областях страны по мере развертывания там мопровской работы. Средства, передаваемые в фонд помощи революционерам, добывались трудящимися Советской России нелегким трудом. Вот типичный для того времени отчет о сборах, проведенных в Котельниче 18 марта 1924г.: «Рабочие спичечной фабрики и крестьяне собрали 7300 руб. золотом. Кроме того, были собраны серебряные и золотые ложки, часы, медальоны, портсигары, солонки и другие ценные вещи» [12]. Фонд помощи революционерам все возрастал. Если в феврале 1923г. в ЦК МОПРа поступило с мест 2600 руб., то уже в июне того же года — 30 тыс., а в декабре — 53 тыс. Всего в 1923г. мопровцы СССР собрали 282.352 руб., а в 1924г. — 2.151.256, а в 1925г. — 2.955.121 руб. [13]. За период с 1923г. до середины 1932г. трудящиеся СССР передачи в фонд МОПРа 36.439.408 руб. [14]. Расширению материальной помощи, безусловно, содействовали успехи нэпа, которые начали явственно ощущаться уже в 1923-1924 года. Н. И. Рыков на V конгрессе Коминтерна летом 1924г. с гордостью сообщал, что Советская Россия после страшного голода 1921г. благодаря нэпу не только накормила народ, но и сумела продать за границу 180 млн. пудов зерна и (без ущерба для питания) поставить как реальную задачу вывоз 400-500 млн. пудов в год [15].

Средства мопровцев передавались Исполкому МОПР. Несмотря на то, что сборы были успешными, средств для всех узников не хватало.

Поэтому они направлялись прежде всего на помощь жертвам капитала тех стран, где свирепствовал террор, где труднее всего было собирать средства на помощь политзаключенным. ЦК МОПР установил нормы месячной поддержки узников тюрем, их жен и детей, политэмигрантов. Они определялись общим уровнем зарплаты в стране, зависели от сбора средств и составляли для узников тюрем от 1 до 9 долларов [16]. В 1923г. почти все собранные средства пошли на оказание помощи политзаключенным и их семьям, в последующие годы определенная их часть, приблизительно 1/3, оставалась в распоряжении ЦК МОПР СССР для нужд политэмигрантов, расходов на издательскую деятельность и агитационно-массовую работу.

Денежная помощь, оказываемая мопровским организациям, являлась существенной поддержкой для тысяч политзаключенных. Питание тысяч политзаключенных обеспечивалось главным образом благодаря работе МОПРа, небудь его, многие погибли бы от истощения и чахотки. Количество жертв белого террора росло с каждым годом, и МОПР не имел возможности оказывать помощь каждому заключенному, но значительная часть их получала ее. Кампаниями помощи борцам мировой революции отмечались все революционные праздники — День Парижской Коммуны, 1 Мая, 8 Марта, годовщины Октябрьской революции и «Недели МОПРа». В 30-е годы добровольные пожертвования, отчисления и отработки в пользу МОПР были запрещены Советским правительством, так как систематические сборы обременяли бюджет трудящихся. Своевременная уплата членских взносов и приток в МОПР новых членов стали основным резервом увеличения материальной базы секции МОПР СССР. Одним из источников пополнения средств было приобретение членами МОПР облигаций государственных займов, выигрыши от которых шли в фонд поддержки узников тюрем.

Революционный порыв, рожденный революцией 1917г. в трудящихся Советской России, не ослабевал. Но в его силе была и слабость.

9 июня 1923г. в Болгарии произошел фашистский переворот. Болгарские коммунисты не сразу оценили его опасность. Коминтерн помог подготовить вооруженное выступление против фашизма. Оно началось в ночь на 23 сентября. Движение сопротивления фашистам охватило $\frac{3}{4}$ страны, в нем участвовало 100 тыс. чел. Но восстание потерпело поражение.

На страну обрушился фашистский террор. 7 ноября 1923г. Г. Димитров писал: «5 тыс. коммунистов, земледельцев и других доблестных сынов народа зверски убиты, 15 тыс. рабочих, крестьян, учителей, священников ... арестованы и подвергнуты бесчеловечным ис-

тязаниям и изувечены; тысячи семей разорены и ввергнуты в траур ..., множество сел и городов опустошено; вся страна ... залита кровью и слезами ...» [17]. Восстание вызвало мощную волну международной пролетарской солидарности. Коммунистические партии в соседних с Болгарией и западных странах развернули широкую кампанию моральной и материальной поддержки пострадавших от фашистской расправы. По призыву Коминтерна были созданы комитеты по сбору помощи для семейств убитых и заключенных. Во главе этой международной кампании стоял Советский Союз, где нашла убежище большая часть болгарских эмигрантов.

11 октября председатель ЦК МОПР П. Н. Лепешинский призвал советских мопровцев оказать помощь болгарским революционерам. Мопровцы СССР откликнулись на призыв ЦК МОПР. В кампании помощи активно участвовали мопровцы Вятки [18] и других городов страны. В 1923г. МОПР СССР направил в Болгарию 51130 руб. и в 1924г. — 164387 руб. [19]. Материальная и моральная поддержка участников сентябрьского восстания укрепляла их дух.

Весной 1923г. советский народ оказывал помощь рабочим Германии. Необходимость в ней была вызвана оккупацией Рура французскими и бельгийскими войсками, расстрелом немецкой полицией рабочих Рура, Тюрингии и других областей Германии. Не стояли в стороне от этого и трудящиеся Вятской губернии. Металлисты Вятки, железнодорожники Котельнича и Свечи выделили из своего из без того очень скромного пайка по 4 фунта хлеба, а рабочие строительных предприятий — по 5 фунтов [20]. Рабочим Рура отослали свой однодневный паек и суточное жалование работники партийных и профсоюзных органов, ГПУ и других учреждений [21]. Из губернии было отправлено пролетариату Рура 3500 пудов зерна [22]. Кампания охватила и другие районы страны. Всего трудящиеся Советского Союза передали рабочим Рура 800 тонн хлеба. Этот дар поддержал в течение двух месяцев более 2 млн. человек.

Большое внимание руководство Коминтерна уделяло рабочему движению в Германии, где в 1923г. пролетарская революция казалась близкой. Исполком Коминтерна вместе с руководителями германских коммунистов разработал план пролетарской революции. Ее очагами должны были стать Саксония и Тюрингия, в которых коммунисты сотрудничали с частью социал-демократов. Но конференция саксонского правительства с представителями заводских советов и профсоюзов с участием коммунистов и социал-демократов не поддержала предложение коммунистов о всеобщей стачке и вооруженном восстании. Между тем руководители компартии, уверенные в обратном, уже успели

направить в Гамбург гонца с указанием начать борьбу и дать сигнал к всеобщему выступлению. Остановить гонца не удалось. Выступление нескольких сот гамбургских рабочих под руководством Тельмана оказалось напрасным, и больше нигде в Германии выступлений не было [23]. И пусть выступление пролетариев Гамбурга не дало конкретных положительных результатов, было преждевременным, трудящиеся СССР следили за событиями в Германии и продолжали оказывать поддержку немецкому пролетариату.

X съезд Советов Вятского уезда 11 октября 1923г. решил: «В знак солидарности с германскими рабочими, борющимися против капитализма, для их помощи отпустить из ресурсов уезда 100 пудов ржи» [24]. Беспартийная конференция граждан Спасской волости Котельничского уезда 18 октября 1923г. приняла постановление о сборе подарков для революционных рабочих Германии по 2 фунта ржи с каждого двора [25]. Решение о сборе подарков для немецкого пролетариата приняли граждане Тороповской волости этого уезда. «Хлеб, выращенный нашими руками, будет лучшим подарком немецким братьям», — отмечали они в протоколе собрания [26]. «Хлеба немецким рабочим!» — под таким лозунгом в городах и волостях прошли митинги и собрания. Собрание актива МОПР Слободского уезда, обсудив доклад о положении в Германии, приняло приветственное письмо немецким рабочим. После собрания члены МОПР сразу же приступили к сбору пожертвований. В скором времени специально для рабочих Гамбурга было собрано 17035 руб. деньгами, 187 пудов муки, 26 пудов проса [27]. Солидарность с рабочими Гамбурга была проявлена мопровцами других городов и сел губернии.

Мопровцы Котельнича решили в знак солидарности с рабочими Гамбурга передать им Красное знамя, а более видных борцов германского народа принять в почетные члены своей организации [28]. 7 ноября 1923г. делегация Котельнича прибыла в Москву. Здесь на торжественном заседании представителей трудящихся столицы, посвященном годовщине Октября, состоялась передача подарков. Кроме красного знамени, мопровских билетов и хлеба, делегаты передали для политзаключенных Германии 3 тыс. золотых руб., много теплых вещей и других подаркой. Присутствовавшая на заседании К. Цеткин поблагодарила товарищей из Котельнича [29]. Среди подарков котельничских мопровцев были валенки, предназначенные Эрнсту Тельману. Спустя некоторое время, он написал им письмо, полное сердечной благодарности за внимание к нему и солидарность с гамбургскими рабочими.

«Дорогие товарищи! — писал он — В МОПРе (в Москве) мне сообщили, что, узнав из газет о моем аресте (сообщение не соответствует

действительности), вы, котельничские рабочие и крестьяне, тотчас же обнаружили свое ко мне внимание, послав пару валенок. Так как ЦК Германской Компартии поручил мне принять участие в конференции, созванной Исполкомом Коминтерна о положении Германии в октябре, то я оказался в Москве .... Валенки, переданные мне МОПРОм, я уже отдал одному бежавшему из Гамбурга товарищу, который сейчас находится в Москве, чем доставил ему величайшую радость. Вам же выражаю искреннюю благодарность...

С братским коммунистическим приветом Тельман.
Москва, 27 января 1924г.» [30].

Особую заботу трудящиеся Вятки проявляли о семьях немецких пролетариев, погибших или посаженных в тюрьмы, их детей. Вятский горсовет 20 декабря 1923г. принял решение «о взносе со всех граждан города по 25 коп. золотом в пользу немецких детей» [31]. В целом в 1923г. только крестьяне Вятской губернии отправили трудящимся Германии 30.000 пудов хлеба. Распределение советского продовольствия вылилось в яркую демонстрацию братской солидарности.

В 1929году партийные организации привлекли мопровцев к оказанию помощи Французской компартии, когда правительство Франции предъявило центральному органу ФКП — газете «Юманите» — штраф, грозясь закрыть газету в случае невыплаты его. За несколько дней мопровцы Вятки собрали 2300 рублей для поддержки французских коммунистов [32].

Вятчане рассматривали дело помощи как выполнение своего интернационального долга перед зарубежным пролетариатом. Мопровская помощь свидетельствовала об их готовности всеми имеющимися у них средствами поддерживать дело мировой революции. В мире не было сколько-нибудь значительной классовой борьбы или выступления угнетенного народа, которые не вызвали бы живейшего отклика и активной поддержки трудящихся нашего края. К январю 1940г. за 18 лет своего существования, МОПР СССР собрал узникам капитала 180 млн. рублей [33].

В материальной помощи проявился энтузиазм советских людей, бескорыстно отдававших свои средства борцам революции. Все сборы пожертвований и отчисления от заработной платы были сугубо добровольными, продиктованными чувством интернационализма. Материальная помощь, оказываемая преследуемым участникам классовых битв, спасла от голодной смерти тысячи рабочих и их семей, наиболее революционную часть рабочего класса — коммунистов, социал-демократов и беспартийных.

Интернационалисты, сочувствующие Советской России, нуждались в помощи не только материальной, но и моральной. Организации МОПР нашли форму моральной поддержки — это шефство над узниками буржуазных тюрем. Движение шефства также возникло по почину трудящихся Вятки. Они взяли шефство над политзаключенными тюрем: Нидершененфельдской (Бавария), Бреславльской (Саксония) и Ковенской (Литва) [34]. Позднее вятские мопровцы установили шефство над узниками еще двух тюрем — Паневежисской (Литва) и Штраубинг (Германия). Принимая шефство, они писали заключенные: «Обещаем вам полную поддержку в вашей трудной борьбе за идеалы коммунизма» [35]. По поводу данной инициативы «Правда» 8 марта 1923г. в статье «Вятка — шеф пленников буржуазии» писала: «Вятчи, все время идущие впереди в деле помощи борцам революции, и тут оказались на первом месте». Реализуя свое решение о шефстве, президиум Вятского отделения МОПР и губернский совет профсоюзов постановили ежемесячно за счет пожертвований рабочих и крестьян посылать подшефным по 15000 руб. и в качестве подарков направлять посылки. Вскоре повсюду прошли субботники, деньги от которых были посланы подшефным. Коллективы рабочих и служащих послали заключенным белье. Кустари изготовили портсигары, детдомовцы сшили кисеты, крестьянки связали носки, революционными лозунгами расшили полотенца и платки. И все это также послали заключенным. Вместе с изделиями послали мыло, табак, спички [36].

Пересылка подарков была делом чрезвычайно сложным, и тем не менее они доходили до заключенных. Вскоре из-за рубежа в Вятку стали поступать письма. Центральный Комитет Компартии Литвы, узнав о шефстве, выразил рабочим, крестьянам и красноармейцам Вятки от имени политзаключенных и всех революционных рабочих и крестьян Литвы сердечную благодарность. «ЦК КП Литвы уверен, что шефство над политзаключенными придаст им бодрость, увеличит энергию, облегчит их тяжелое положение, ибо они еще нагляднее увидят, что они не одни, что они не забыты, что их товарищи из далекой Вятки вместе с ними борются за общее дело ...» [37]. Писали и заключенные: «С чувством глубокой благодарности приняли мы весть о взятии вами шефства над Ковенским централом». К концу 1923г. 82 мопровские организации СССР шефствовали над политзаключенными 30 тюрем капиталистических стран [38].

Принятие шефства над политзаключенными каждой тюрьмы проходило в торжественной обстановке — на конференциях МОПР или многолюдных профсоюзных собраниях — и вызывало всеобщий интерес. Взяв шефство, мопровцы старались направить политзаключенным

прежде всего подарки и деньги. В 1928г. буржуазия ухудшила условия политзаключенных, и тогда ячейки МОПР Вятской губернии в целях усиления помощи собрали для подшефных 13400 рублей пожертвованных [39]. Однако, шефство не сводилось только к посылке денег и подарков, а имело разнообразные формы. Основу его составила переписка с политзаключенными. С первых же месяцев шефства в тюрьмы и лагеря политзаключенным пошли десятки писем, полных сердечной теплоты и сочувствия революционным борцам. «Дорогие германские товарищи! — писали в 1923г. служащие Слободского. — Через ЦК МОПРа мы ... узнали о вашей тяжелой жизни в сырых казематах, суровом тюремном режиме. Мы разделяем ваши страдания. В знак братской солидарности отчисляем вам в подарок ... от 3 до 6 фунтов муки каждый, желаем, чтобы наш подарок улучшил ваше питание, укрепил силу и стойкость в неравной борьбе с буржуазией» [40]. Приведем еще одно письмо. «Дорогие товарищи, находящиеся в подшефной нам тюрьме Германии! — писали курсантки Вятской губсовпартшколы. — Мы следим за событиями в Германии, за жизнью рабочего класса вашей страны и видим, что ... экономическое и политическое положение ваших семей и всего рабочего класса Германии ухудшается. В этот трудный для вас момент нужна вам помощь ..., и мы стремимся ее дать всеми способами: делаем отчисления от стипендии, проводим сборы среди населения. Хотим поддержать вас и морально: верим, что рабочий класс Германии победит» [41] ...

Знакомясь с письмами мопровцев (переписка велась только через ЦК МОПР), убеждаешься, что они не были сердобольным и благотворительным актом, а являлись выражением товарищеского сочувствия борцам революции, стремлением морально облегчить участь заключенных братьев по классу, поддержать в них бодрость и готовность к дальнейшей борьбе. Советские люди информировали зарубежных друзей о жизни в нашей стране. Нелегко было доставлять их письма в тюремные камеры. Но, несмотря на трудности, они попадали по назначению, вызвали у заключенных радостные чувства, прилив сил, уверенность в победе.

Вскоре из-за рубежа в Вятку стали поступать письма. Центральный Комитет Компартии Литвы писал, что, узнав о шефстве, он «на своем заседании 9 марта постановил выразить рабочим, крестьянам и красноармейцам г. Вятки и Вятской губернии свою сердечную благодарность как от имени политзаключенных ..., так и от всех революционных рабочих и крестьян Литвы ... ЦК КП Литвы уверен, что шефство над политзаключенными придаст им бодрость, увеличит их энергию, облегчит их тяжелое положение, ибо они еще нагляднее увидят, что

они не одни, что они не забыты, что их товарищи из далекой Вятки вместе с ними борются за общее дело ...» [42].

Через некоторое время и заключенные писали ответ. Писали на обрывках папиросной бумаги, на полях газет, на клочках от рубахи. Тайком от надзирателей письма попадали на волю. Товарищи заключенных их направляли в Советский Союз.

Заключенные благодарили мопровцев за заботу и внимание, в них звучала радость по поводу того, что революционных борцов не забыли, об их семьях помнят, им помогают. «Как приятно чувствовать, что где-то далеко есть незнакомые, но близкие люди и товарищи, с которыми сходятся твои мысли, идеи, стремления и интересы ... Ваше письмо вызвало сильнейшее чувство радости и прилив бодрости в мрачных застенках тюрьмы ...», — писали 31 марта 1925г. вятским студентам узники Паневежисской тюрьмы [43].

Кроме шефства над тюрьмами, партийные организации ориентировали мопровцев шефствовать над отдельными выдающимися революционерами. Инициатива индивидуального шефства родилась тоже в Вятке. В 1923г. в период классовых боев пролетариата Германии по всей Вятской губернии пронесся клич: «Надо взять под защиту Макса Гельца и Эриха Мюзама!». Макс Гельц — коммунист, руководитель восстания в Средней Германии, в 1921г. был осужден к пожизненной каторге.

О жизни и революционной борьбе М. Гельца трудящиеся губернии были осведомлены хорошо. С согласия губкома партии он был зачислен почетным красноармейцем Вятского гарнизона, почетным милиционером, членом Вятского городского Совета [44]. Вятские мопровцы внимательно следили за его жизнью и в заключении, писали письма, проводили митинги протеста, требовали освобождения. Шестилетние заботы мопровцев о своем далеком друге не пропали даром. Под давлением трудящихся всех стран мужественный революционер в 1928г. был освобожден. На следующий год приехал в нашу страну, был награжден орденом Красного Знамени. Трудящиеся Вятской губернии держали с М. Гельцем связь и после освобождения. Когда он 10 октября 1930г. во время выступления на собрании коммунистов одной из организаций компартии Германии был тяжело ранен фашистами, то по всему Вятскому округу прошли митинги протеста. С большой тревогой вятчане следили за состоянием его здоровья [45], а затем послали лечиться.

В 1925г., узнав об усилении белого террора в Болгарии, вятские мопровцы по рекомендации губкома РКП (б) принимают решение о шефстве над болгарским революционером, членом Политбюро Ком-

мунистической партии Болгарии, активным деятелем Коммунистического Интернационала Христо Кабакчиевым, приговоренным в 1923г. к 12 годам тюремного заключения. Они посылают ему письма, подарки, деньги, проводят митинги протеста, требуют от болгарских властей освобождения. Члены МОПР воинских частей Вятского гарнизона избирают его почетным красноармейцем. В феврале 1926г. Х. Кабакчиев освобождается из тюрьмы, но в июне того же года его вновь арестовывают. Снова проходит волна митингов протеста рабочих и крестьян Вятки с требованием помешать болгарским властям «совершить новое преступление над революционным борцом Болгарии» [46]. Призыв мопровцев был услышен. Дружным выступлением трудящихся всех стран удалось сохранить жизнь Кабакчиеву. В 1927г. он и 40 его товарищей были освобождены из тюрьмы.

Шефство не сводилось только к посылке денег и подарков, а имело разнообразные формы. Основу составляла переписка с политзаключенными. Письма политзаключенных свидетельствуют об огромном мужестве и стойкости, об их решимости продолжать борьбу за революционные идеи.

Переписка с политзаключенными, мопровскими и другими организациями зарубежных стран была делом большой политической важности и сыграла значительную роль в укреплении солидарности советских людей с трудящимися других стран. Письма вятских мопровцев и революционных борцов из капиталистических стран — ценнейшие документы эпохи, свидетельство интернационализма и патриотизма их авторов, важнейшие источники исследования как революционной борьбы пролетариата капиталистических стран, так и солидарности советских людей с этой борьбой.

Кроме шефства над тюрьмами, партийные организации ориентировали мопровцев шефствовать над отдельными выдающимися революционерами. Инициатива индивидуального шефства родилась также в Вятке. Вятские мопровцы шефствовали над германскими революционерами — М. Гельцом и Э. Мюзамом, болгарским революционером Х. Кабакчиевым, польским революционером С. Ланьцюзским, руководителем французской компартии М. Кашеном и др.

Шефская работа способствовала сохранению духовных сил и моральной стойкости революционеров в их будущей борьбе. Тысячи рабочих, членов их семей с благодарностью вспоминали помощь мопровцев.

Помощь революционерам и их семьям способствовала укреплению интернациональных связей трудящихся СССР и зарубежных стран. На примере мопровской помощи пролетариат на практике убеждался в пользе и необходимости взаимной поддержки.

В конце 30-х годов, в обстановке слежки, шпионажа, доносов шепство над политзаключенными, переписка с ними стала практически невозможной, стала опасным делом для каждой мопровской организации, опасным для свободы каждого мопровца. К тому же советские мопровцы стали все чаще задумываться над тем, как помочь своим бывшим товарищам, попавшим за свои взгляды и убеждения в сталинские лагеря и испытывающим там такие же муки и унижения, что и в буржуазных тюрьмах.

ВКП (б) придавала большое значение кампаниям в защиту революции, против белого террора и фашизма. Непосредственное проведение их поручалось МОПРу.

Участие советских людей в кампаниях солидарности с узниками капитала рассматривалось выражением политической поддержки борьбы пролетариата капиталистических стран, а также способом вовлечения широких масс трудящихся в активную политическую жизнь, средством развития советской демократии.

Как только партийные организации узнавали о новых судебных процессах над революционными борцами, новых проявлениях жестокого тюремного режима, об угрозе жизни выдающимся революционерам, они привлекали МОПР и с помощью его поднимали массы на борьбу против террора и фашизма. Эти кампании являлись мощным рупором, при помощи которого советские люди выражали свой протест против террора и угнетения народных масс. Нередко кампании возникали стихийно. Стихийно возникшие демонстрации при руководстве со стороны МОПР приобретали целенаправленный характер.

Вятские мопровцы участвовали во всех международных кампаниях. Не оставляли без внимания ни одного крупного проявления белого террора и фашизма, ни одного революционного выступления пролетариата без поддержки его акциями солидарности. В 1923г. они провели демонстрации и митинги в защиту жертв фашистского террора в Болгарии. В этот же год выступали против оккупации франко-бельгийскими войсками Рура и участвовали в международной кампании солидарности с революционным пролетариатом Германии. Позже они участвовали в кампании помощи участникам классовых боев в Англии.

В течение многих лет мопровцы боролись в защиту жертв террора польской буржуазии: коммунистов, беспартийных. В 20-30-е годы большое внимание мопровцы уделили разоблачению террора в США, особенно борьбе за освобождение американских рабочих Н. Сакко и Б. Ванцетти. Активное участие принимали вятские мопровцы в борьбе против фашистского террора, за освобождение вождя коммунистов

Германии Э. Тельмана, выступали в поддержку испанского народа. Солидарность советского народа с рабочим классом капиталистических стран придавала революционному движению силу и энергию для дальнейшей борьбы. Результатом кампаний были спасенные революционеры от грозящей им казни.

Приход фашистов к власти в Германии, нависшая над миром угроза фашистской агрессии поставили в повестку дня задачу создания единого антифашистского фронта. Основные принципы этого фронта были изложены в докладе Г. Димитрова на VII Конгрессе Коминтерна. Объединению людей, борющихся против войны, созданию широкого фронта мира, укреплению рядов международного рабочего движения способствовали мопровские международные кампании. Внешнеполитический курс Сталина накануне Великой Отечественной войны привел к изоляции СССР в мире накануне войны с Германией. В таких условиях успешная работа МОПР становилась невозможной.

Основной из форм укрепления международной солидарности пролетариата являлся приезд в нашу страну иностранных рабочих делегаций. Идея этой важной формы интернационального сотрудничества принадлежала В. И. Ленину.

Приезд рабочих делегаций использовался, прежде всего, для правдивой информации о нашей стране. Непосредственное знакомство зарубежных рабочих с делами и жизнью советских людей рассеивало ложь и клевету, поднимавшуюся со страниц буржуазной прессы. Постоянно росло стремление рабочих капиталистических стран побывать в СССР.

Посещение первого в истории государства рабочих делегациями трудящихся капиталистических стран началось с первых же лет советской власти. Особенно много делегации посещало Вятку. Вятка считалась городом МОПР и стала известна своей мопровской работой во всех странах. В 1924г. в Вятку и Котельнич приезжали представители болгарского пролетариата. В 1925г. Вятку посетила первая делегация германских рабочих. Немало иностранных гостей побывало в Вятке в 1927г. В частности, сюда приезжал бывший узник болгарской тюрьмы, подшефный вятских мопровцев Христо Кабакчиев. Приезд его был подлинным праздником для мопровской Вятки. В этот год побывали в Вятке английские горняки, американские студенты, германские рабочие, французская делегация во главе с участником Парижской коммуны Ф. Ноэлем.

Приезд иностранных делегаций в СССР особенно возрос в годы первой пятилетки. В сентябре 1928г. Вятку посетила делегация VI Конгресса Коминтерна. 28 сентября 1929г. Вятка встретила одного из

вождей польского пролетариата Станислава Ланьцуцкого. Большой радостью для трудящихся Вятки был приезд 16 января 1930г. Макса Гельца, их давнего друга, подшефного, пламенного немецкого революционера-коммуниста. В 1931г. в Вятку приезжала делегация Германской Красной помощи, в 1932г. — делегация I Всемирного конгресса МОПР. Кроме рабочих делегаций в Вятку приезжали прогрессивные зарубежные деятели литературы и искусства, спортивные организации.

Мопровские организации Вятки использовали приезд иностранных делегаций для улучшения мопровской работы, усиления интернационального воспитания трудящихся, оживления всей идеологической работы. Иностранные рабочие, рассказывая советским людям о положении в своей стране, героической борьбе коммунистов, содействовали воспитанию у них чувства пролетарского интернационализма, готовности помочь трудящемуся народу зарубежных стран.

С другой стороны, поездки рабочих делегаций в нашу страну давали сильнейший импульс движению в поддержку Страны Советов. Непосредственное знакомство с советской действительностью производило на зарубежных трудящихся огромное впечатление. Вернувшись из СССР, они рассказывали правду о СССР, усиливали симпатии зарубежных трудящихся к Стране Советов, становились инициаторами материальной помощи Советскому Союзу.

Так было в 20-е годы. В 30-е годы, особенно в середине их, положение меняется. Рабочие капиталистических стран, приезжая в СССР, видели, что в советском государстве человек труда перестал чувствовать себя подлинным хозяином общества, все более отчуждался от него, становился ничем в сравнении со всемогущим государством. Интерес к нашей стране у рабочих зарубежных стран ослабевал, приезд делегаций в СССР в конце 30-х годов прекратился. Этому способствовало и установление Сталиным «железного занавеса».

Мопровская работа была ярким проявлением интернационального сознания трудящихся нашей области. МОПР повысил общественно-политическую активность советских людей, был заметным фактором жизни страны в 20-30-е годы XX века.

Список литературы

1. Кировское областное государственное казенное учреждение «Государственный архив социально-политической истории Кировской области» (далее: КОГКУ «ГАСПИКО»). Ф. 1. Оп. 11. Д. 11. Л. 2.
2. МОПР, 1923, 7 ноября. С. 32-33.
3. Там же. С. 33.
4. Ударник (Котельнич), 1958, 25 мая.

5. Кировское областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Кировской области» (далее КОГКУ «ГАКО»). Ф. 881. Д. 129. Л. 49.
6. Вятская правда, 1923, 17 апреля.
7. КОГКУ «ГАСПИКО». Ф. 1. Оп. 11. Д. 10. Л. 36; Вятская правда, 1923, 9 апреля.
8. Вятская правда, 1923, 9 апреля.
9. Кровицкий Г. Первая организация МОПР (По воспоминаниям и документам), — М., 1933, С. 23-24.
10. Вятская правда, 1923, 22 мая.
11. КОГКУ «ГАСПИКО». Ф. 1. Оп. 12, Д. 5. Л. 569.
12. Движение международной солидарности трудящихся. 1924—1932. — Киев: Наукова Думка, 1980. С. 101.
13. Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти. Ф. 8265. Оп. 3, Д. 20, Л. 11.
14. Отчет секции МОПР СССР Всемирному конгрессу МОПР. — М. 1932, С. 78, 81.
15. Известия, 1989, 11 марта.
16. Движение международной солидарности трудящихся. 1924-1932. С. 106.
17. Димитров Г. Избранные произведения. Т.1. 1910-1937. М.: Политиздат, 1957. С. 130-131.
18. КОГКУ «ГАКО». Ф. 489. Оп. 1-б. Д. 82. Л. 17-б. Д. 65. Л. 14. Вятская правда, 1923, 1 мая.
19. Павленко В. В. Солидарность трудящихся Украинской ССР с революционной борьбой рабочих и крестьян Болгарии. 1923-1934 гг. — Киев, 1977. С. 57.
20. КОГКУ «ГАКО». Ф. 489. Оп. 1. Д. 64. Л. 9; Д. 582. Лл. 55, 57; Д. 549. Л. 18.
21. Вятская правда, 1923, 1 февраля, 17 апреля.
22. КОГКУ «ГАКО». Ф. 489. Оп. 1. Д. 538. Л. 25.
23. Коминтерн: во главе мировой революции. — Аргументы и факты, 1989, № 38. С. 6.
24. КОГКУ «ГАКО». Ф. 879. Оп. 1. Д. 17. Лл. 5, 6.
25. Там же. Ф. 881. Оп. 1. Д. 126. Л. 67.
26. Там же. Д. 127. Л. 87.
27. КОГКУ «ГАСПИКО». Ф. 11. Оп. 6. Д. 49. Лл. 79- 80.
28. КОГКУ «ГАКО». Ф. 881. Оп. 1. Д. 126. Л. 67; Кировская правда, 1960, 9 марта.
29. Кровицкий Г. Вятка — город МОПРа. Вятка, 1925. С. 28.

30. Вятская правда, 1924, 19 февраля.
31. КОГКУ «ГАКО». Ф. 897. Оп. 1. Д. 170. Л. 34.
32. Под знаменем МОПРа, 1929, 18 декабря; 1930, 16 января; Вятская правда, 1930, 18 марта.
33. КОГКУ «ГАКО». Ф. 1968. Оп.1. Д.1. Л.5.
34. МОПР, 1923, 15 августа. С. 25.
35. Вятская правда, 1923, 25 февраля.
36. См. Вятская правда, 1923, 8, 9 апреля.
37. Вятская правда, 1923, 28 марта.
38. МОПР, 1924, № 1, С. 30.
39. Вятская правда, 1929, 29 января.
40. КОГКУ «ГАСПИКО». Ф. 11. Оп. 6. Д. 49. Л. 82.
41. КОГКУ «ГАСПИКО». Ф. 3. Оп. 4. Д. 39. Лл. 7-10.
42. Г. Кровицкий Г. Первая организация МОПР. С. 15.
43. КОГКУ «ГАСПИКО». Ф. 4. Оп. 4. Д. 57. Л. 77.
44. МОПР. 1923, 15 августа. С. 5.
45. См. Вятская правда, 1930, 14, 16, 17 октября.
46. Вятская правда, 1927, 1 июля.

А. Л. Коданина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия)*

ПРЕССА, РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ: ИЗ ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ ВОЛЖСКИХ ВОДНИКОВ

В статье рассказывается о газете волжских водников, появившейся на свет в результате революционных преобразований в России. В этом печатном органе, издававшемся с 1917 года в соответствии с руководящей ролью партии, нашли отражение важнейшие исторические события XX века. Газета не только информировала, но и воспитывала, вдохновляла на трудовой и гражданский подвиг многие поколения волжских речников. Это печатное издание, отметившее в текущем году столетний юбилей, до сих пор издается в Нижнем Новгороде.

Ключевые слова: история печати, речной транспорт, нижегородская журналистика, издательское дело, корпоративная пресса.

Октябрьская революция 1917 года имела колоссальные последствия не только для общественно-политической, но и культурной, интеллектуальной жизни молодого государства, важной частью которого становится новая пресса, отражавшая вектор общественного развития, вносящая весомый вклад в идеологическое воспитание народа.

Установление большевистской власти предопределило утверждение однопартийной системы в стране. Важнейшим идеологическим и организационным институтом ее становится советская журналистика, взявшая на вооружение главные принципы и традиции большевистской печати. В постреволюционный период отечественная пресса формировалась как разветвленная система средств массовой информации, создаваемая по единой идейно-организационной модели. Выполняя политический и социальный заказ правящей партии, пресса принимала активное идеологическое участие в строительстве нового государства, боролась за осуществление планов и внедрение в жизнь конкретных решений партии. И это можно легко проследить в истории газеты волжских водников, служащей предметом нашего рассмотрения.

Описывая контекст появления этого печатного органа, заметим, что идея свободной, независимой печати, провозглашенная Временным правительством, упразднившим 9 марта 1917 года цензуру и ее орган — Главный комитет по делам печати, оказалась окончательно забытой после опубликованного В. И. Лениным 27 октября «Декрета о

печати». В нем указывалось, что закрытию подлежат все печатные органы, призывающие к неповиновению правительству народных комиссаров и сеющие смуту. При этом характерно то, что полиграфическая база закрытых изданий передавалась большевистской прессе. Всего с октября 1917 года по июнь 1918 года в стране было ликвидировано свыше 470 оппозиционных газет [5].

Большевизированная провинция во всем подражала центру. В губернских городах издавались свои декреты о печати, закрывались авторитетные газеты. В Нижнем Новгороде первым был закрыт еженедельник «Голос нижегородца», ликвидированный по постановлению военревкома 23 декабря. На ее полиграфической базе возник другой печатный орган — рупор большевиков «Рабочий нижегородский листок».

Не прошло и месяца, как большевики закрыли газету «Волгарь», издававшуюся с 1892 года и посвященную политико-общественной, литературной и экономической информации. Вскоре та же участь постигла газету «Судоходец», издававшуюся с 1906 года как «еженедельная, профессиональная, политическая, общественная и литературная газета» на средства судовладельцев.

Надо сказать, что на всем протяжении существования газеты редакционная политика «Судоходца» состояла в критической оценке деятельности городских властей. Так, в № 1124 от 20.11.16 было высказано несогласие по поводу неоправданно дорогостоящего проекта переустройства трамвайных путей. На страницах «Судоходца» большое внимание уделялось и культурной жизни города: в № 44 за 1906 год в статье «Нижегородский театр» представлен критический обзор репертуара драматического театра, дана оценка постановке «Бесприданницы» А. Н. Островского, «Иванова» А. П. Чехова [2]. Но, безусловно, главное место на страницах издания занимала хроника приволжской общественной и судоходной жизни.

Заметим, что накануне Октябрьской революции 1917 года в Нижнем Новгороде издавалось две конкурировавшие газеты, посвященные судоходству. Кроме «Судоходца», финансировавшегося за счет средств судовладельцев и отражавшего их интересы, 17 июля 1917 года вышел в свет первый номер газеты «БурлакЪ», созданной с целью защиты интересов трудящихся на флоте и борьбы с гнетом судовладельцев. «БурлакЪ» провозгласил себя еженедельным изданием «союзов судоходных служащих и рабочих Волжского бассейна» и название выбрал весьма символическое.

«В исключительное время вышел на Волгу «БурлакЪ» — собственная газета судоходных служащих и рабочих. С одной стороны,

перед нами война и вызванная ею разруха народного хозяйства, с другой — открытый революцией широкий путь к лучшему устройству жизни народа, его трудовых классов... Нам надлежит показать судовладельцам, что мы сильны, что с нами нельзя не считаться, но для этого мы должны быть крепко спаяны в одну дисциплинированную, мощную армию, готовую в нужный момент ударить по врагу и способную выдержать его удар», — так объясняла необходимость появления «Бурлака» редакция газеты.

Первый номер газеты «БурлакЪ» открывался призывом: «Волгари! Поддерживайте нашу газету. Жертвуйте в фонд газеты. Основная задача газеты — всеми мерами способствовать усилению боеспособности волжской трудовой армии путем развития в широких массах волгарей рабочего чувства и рабочей мысли». Газета выпускалась исключительно на пожертвования, собранные матросами, шкиперами, коچهгарами, бакенщиками, грузчиками. В архивных документах по истории Муромского затона сохранились протоколы рабочих собраний, где решался вопрос о сборе денег на издание собственной газеты [6].

Сразу же после победы Октябрьской революции газета активно выступила в поддержку действий Советской власти по проведению в жизнь ленинского декрета о национализации флота. 8 февраля 1918 года декрет Совнаркома объявил общенациональной неделимой собственностью Советской республики судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам, и предложил советской власти на местах совместно с профессиональными рабочими судоходными организациями немедленно принять меры к охране судов и всего имущества. В мае 1918 года газета писала: «Товарищи волгари! Напрягайте все силы для сохранения и правильной работы водного транспорта! Ваша обязанность — удержать в своих руках национализированный флот и преодолеть все трудности!»

Таким образом, видим, что молодая газета всемерно демонстрировала свою приверженность власти большевиков, подчеркивала важность и значимость развернутых в стране экономических и политических реформ. Свою поддержку правящей партии оказала она и в период контрреволюции, призвав волгарей сплотиться и дать отпор меньшевикам. 25 августа 1918 года в «Бурлаке» было опубликовано воззвание будущего командира «Волгаря-добровольца» большевика А. С. Леонтьева с призывом записываться в Первый социалистический отряд волгарей.

Газета с течением времени становилась все более политизированной, и 19 ноября 1918 года «Бурлак» меняет свое название на «Бурлак-коммунист». В ноябре 1918 года «Бурлак-коммунист» в передовой

статье так сформулировал свою главную задачу: «Сеять на ниве бурлацкого волжского простора коммунистическое семя. Мы больше чем уверены, что не засохнет оно, а даст ростки молодых побегов — волжские коммуны». Огромная по тем временам сумма — 2 тысячи рублей — на издание газеты была собрана из пожертвований речников Волжского бассейна. «Бурлак-коммунист» продолжил традиции своего предшественника, он вдохновлял волгарей на борьбу с врагами революции в годы гражданской войны и к восстановлению народного хозяйства в первые послевоенные годы.

Почти в каждом номере «Бурлака-коммуниста» на первой полосе печатались патриотические стихи — призывы поэтов-волгарей Крылова (под псевдонимом «Бурлак») и С. Шмонина (главного редактора газеты):

Как всех врагов сметем мы голод,
Борьбой, упорством и трудом.
Мы победим болезни, холод,
Смелей, вперед и напролом!

В газете была постоянная рубрика «По области Волжского бассейна», в которой подробно освещалось не только состояние дел на речном транспорте в разных поволжских городах, но обсуждались и такие животрепещущие темы, как выдача водникам керосина, покупка по «вольным» ценам валеной обуви, снабжение продуктами судоходных компаний.

Увлеченные романтикой новой жизни, речники ввели новый почин — бороться за искоренение взяток на водном транспорте. «Пусть каждый знает: к ответственности привлекаются не только берущие или дающие взятки, но и лица, осведомленные о всяком случае взятки», — писал «Бурлак-коммунист». Таким образом, видим, что газета с энтузиазмом подхватила призыв строить новую жизнь, задействовав в полной мере свой агитационный, идеологический ресурс. При этом ставилась задача воспитания разносторонне развитой личности, не чуждой культурной жизни. Не случайно культурно-просветительный отдел издания помещал объявления, приглашающие в театр и на концерты.

В феврале 1924 года «Бурлак-коммунист» вошел в состав центральной водничьей газеты «На вахте». Однако уже в 1929 году газета вновь стала самостоятельной, и 3 октября вышел первый номер еженедельной газеты Нижегородского Крайкомвода и РИПа Нижрайкома ВКП (б) — «Нижегородский рейд».

Итоги первой пятилетки вдохновляли речников на новые трудовые свершения. Показательны газетные заголовки того времени: «Мы требуем от промышленности скорейшего выполнения заказов Волж-

ского флота и обеспечения его необходимым материалом!», «Искореним оппортунистов в горьковском порту!», «В ответ вредителям — интервентам подписываюсь дополнительно на заем «Пятилетка в четыре года», «За халатность — рогожное знамя с надписью «Позор!», «Под суд глушителей рабкоровского творчества!», «Зимний ремонт начался — началось и головотяпство!», «Сокрушить бездумное отношение к письмам трудящихся!», «Надо создать такую обстановку, чтобы рабочие могли во весь голос критиковать, невзирая на лица и положение!».

Характерно то, что профессиональное издание, стремясь наиболее полно выражать интересы трудящихся, призывало их к активному участию в создании газеты. Как результат этого — огромное количество заметок от рабочих корреспондентов с предложениями, идеями, замечаниями, и даже с критикой в адрес руководителей. Особенно интересными были авторские подписи: Водник, Гайка, Вира, Бурлак, Масовик, Полундра, Наблюдающий, Подтабак, Посторонний, Свои люди, Взятчик, Гвоздь, Заклепка, Приемосдатчик и другие.

Практически в каждом номере комсомольцы и даже женщины-домохозяйки принимали обязательства выполнить пятилетку в четыре года, принять участие в борьбе за переходящее красное знамя, собрать деньги на строительство отечественного дирижабля в пику немецкому «Цепелину» [6]. Такие призывы и лозунги должны были вдохновлять на трудовые и гражданские подвиги, вселять надежду в скорое наступление светлого будущего. Это было как раз то, в чем нуждалась читательская аудитория профессионального издания, которая постоянно росла. Только за 1931 год тираж газеты вырос с 2500 до 3000 экземпляров.

Дальнейшая история издания содержит немало страниц, в которых, как в зеркале, отразилась эпоха. 20 октября 1932 года постановлением Горьковского краевого комитета ВКП (б) в связи с изменением названия города «Нижегородский рейд» получил статус районной газеты и был переименован в «Горьковский рейд». Газета стала выходить через каждые три дня. Она издавалась одним листом (на двух полосах) и писала почти исключительно о проблемах флота. Бывали и четырехполосные выпуски, но они, как правило, посвящались решениям очередного партийного съезда или результатам соцсоревнования речников. Последняя страница газеты называлась «Наш подзатыльник», а выпускавший ее автор, печатавшийся под псевдонимом Клещ, в стихотворной форме критиковал бюрократические распоряжения, непродуманные приказы, забавные пояснительные записки.

В 1934 году «Горьковский рейд» был переименован в «Горьковский водник» и стал «органом Верхне-Волжского Райкомвода и Верхне-Волжского пароходства», а уже к июлю газета перешла в ведомство политотдела Верхне-Волжского пароходства. В том же 1934 году на первой полосе газеты был опубликован приказ начальника политотдела Верхне-Волжского пароходства: «В связи с тем, что газета — орган политотдела Волжского пароходства, включающего в себя ряд других областей, кроме Горьковского края, приказываю со следующего номера присвоить газете название «На вахте». Под старым названием газета продолжала еще выходить несколько месяцев до 29 июля вплоть до № 425, а 6 августа под тем же 425-м номером она появилась уже с новым названием «На вахте».

Газета становилась все более политизированной. Она «доводила до сведения» и «разъясняла» все знаковые выступления деятелей партии и правительства. На страницах издания появились новые рубрики: «Чистка партии», «Опыт политработы», «На Волге». Вместе с тем, большое внимание уделялось тогда и вопросам культуры, библиотекам, стенным газетам, а рабкоры даже собирались на слеты. Кроме того, у газеты появилось приложение — научно-техническая страничка — издание Верхне-Волжского отделения научного инженерно-технического общества водного транспорта, посвященная рационализаторской и изобретательской работе на речном транспорте. Таким образом, не только воспитательная, но и образовательная задача решалась с помощью профессиональной газеты.

Самым активным участником коммунистической стройки во всей стране, и на флоте в частности, была молодежь. Поэтому неудивительно, что издание волжских речников уделяло достаточно внимания этой аудиторной группе, вдохновляло ее на честный самоотверженный труд, а также на борьбу со взяточничеством и разгильдяйством. Так, под призывом «Искореним жульничество в советской торговле!» комсомольцы организовывали рейды по буфетам и ресторанам пароходов, по магазинам затонов и пристаней.

Уделялось внимание и международным новостям, которые освещались сквозь призму коммунистического интернационала. Осенью 1934 года «На вахте» опубликовала призыв исполнительного комитета коммунистического интернационала «Все на борьбу против фашизма и войны!». В это время рубрика «За рубежом» стала в газете постоянной.

С 1 января 1936 года волжская газета стала выходить уже под заголовком «Большевицкая вахта». У нее появилось приложение — газета форматом А4, но на четырех полосах. Она называлась «Шки-

пер» и была адресована «командам непаровых судов». Некоторые номера печатались с добавлением красного цвета.

На развороте первого номера «Большевистской вахты» была размещена знаменитая фраза Иосифа Сталина: «Жить стало лучше, жить стало веселее». И еще одна революционная цитата: «На самом деле уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим можно добиться только на базе подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда». Все это свидетельствовало о четко выверенном политическом и идеологическом курсе издания, о преданности идеям коммунистической партии.

Немаловажно и то, что газета становилась открытой площадкой для выявления нарушений и злоупотреблений руководства на флоте. На страницах издания многочисленные корреспонденты критиковали своих начальников и сослуживцев, если они замечали в их работе бездействие или самоуспокоенность. Примечательны заголовки газет того времени: «Вытащить кооперацию порта из трясины оппортунистического самотека», «Каленым железом выжечь оппортунистическое отношение к лесосплаву!», «Сокрушить бездушное отношение к письмам трудящихся», «Ротозейство, бездействие, самоуспокоенность», «Канцелярщина, бюрократизм вместо руководства пристанями», «О ликвидации последствий вредительства в области организации и оплаты труда».

Газета постоянно расширяла информационные горизонты, стремясь рассказывать своему читателю не только о том, что происходило в волжском бассейне. Была введена постоянная рубрика «По страницам водничьих газет», в которой печатались материалы из газет «Большевик Каспия», «Пограничный водник», «Ударная вахта», «За ударный судоремонт», «За большевистский стиль» и многих других.

Годы первых пятилеток, 30-е годы, озаменовались на Волге, как и по всей стране, развертыванием борьбы за дисциплину, четкое планирование и учет. В последнем году первой пятилетки был впервые объявлен всесоюзный конкурс на лучшее судно, порт и пристань. Первые места завоевали экипажи буксира «Степан Разин» и пассажирских судов «III Интернационал» и «Володарский». В конкурсе участвовало 840 судов и 97 пристаней Волги, Камы, Северо-Запада и Днепра. А 26 октября 1935 года в Москве провели первый Всесоюзный слет стахановцев водного транспорта. Стахановское движение росло и бурно развивалось. В 1936 году на речном транспорте насчитывалось уже 25 тысяч стахановцев, а к середине 1937 года — 40 тысяч [6]. Информировав об этом читателя, газета решала важные стратегические задачи по наращиванию

производительности труда, популяризации идей его интенсификации, воспитанию добросовестных профессиональных кадров.

В этих традициях газета издавалась вплоть до начала Великой Отечественной войны, когда на первое место выдвинулись другие ключевые задачи. В годы Великой Отечественной войны газета волжских речников приняла на себя важные мобилизующие функции, повышая патриотическое самосознание своих читателей. «Все для фронта, все для победы над врагом!» — под таким девизом жили волгари во время войны. Газета печатала на первой полосе призывы к своим читателям:

«Речники Верхней Волги! Родина требует от нас досрочно выполнять заказы фронта, отлично подготовить флот и пристани к навигации!»

«Речники бассейна, закрепим успехи, будем еще лучше помогать фронту, докажем свою преданность родине, свою готовность отстаивать ее честь и свободу!»

«Четкой самоотверженной работой помогайте Красной Армии громить гитлеровских разбойников!»

«Судоремонтники, будьте фронтовиками тыла, ремонтируйте флот высококачественно, экономно, досрочно!»

«Женщины бассейна! Родина зовет вас к новым трудовым подвигам! Идите работать на речной транспорт! Вас ждут у штурвала, в машинном отделении судна, в бригадах грузчиц, у пристанских механизмов».

Очевидно, что немалую лепту внесла газета и в популяризацию идей гендерного равенства, что в военных условиях имело особую актуальность и остроту. 13 мая 1943 года на морском и речном транспорте было введено военное положение. Война требовала железной дисциплины. Жены, матери и сестры ушедших на фронт речников по призыву Родины пришли на суда, чтобы овладеть навигационными специальностями. За короткое время они не только сами осваивали мужские профессии, но и обучали им вновь пришедших девушек и подростков. В скором времени на судах их насчитывалось уже до 60—70 % [6].

В навигацию 1942 года впервые на речном флоте был создан женский экипаж на пароходу «Краснознаменец». Возглавила его выпускница Горьковского речного училища Мария Попова. Ей, капитану, было в то время 22 года, а самому молодому члену экипажа — кочегару — всего 15 лет. Газетные полосы того времени запечатлели беспримерные подвиги речников, прославивших себя в боях и в труде.

На первой полосе газеты была организована «Бассейновая доска почета», на которую под девизом: «Хочешь врага победить на войне — план выполняй вдвойне и втройне!» заносились лучшие люди Верхне-Волжского бассейна за достигнутые ими успехи в работе по выполнению спецзаказов оборонного значения, судоремонту и подго-

товке к навигации. Все это способствовало росту патриотического самосознания, побуждало к новым трудовым свершениям.

Патриотизм и сознательность проявлялись повсеместно, для журналистов не было мелких, незначительных тем. Газета сообщала о начавшемся в стране движении по сбору теплых вещей для бойцов Красной армии, об инициативе сотрудников бассейнового управления пути отчислять из их зарплаты ежемесячно, вплоть до окончания войны, пятидневного заработка в фонд обороны Родины.

Неоценим вклад Волжской военной флотилии в сражении за Сталинград. Только в первый месяц боевых действий бронекатера провели по Волге более ста караванов судов с боеприпасами и ранеными, отразив при этом 1150 налетов вражеской авиации. Газетные полосы того времени запечатлели подвиги волжан, прославивших себя в боях и труде (экипажи судов «Ласточка», «Гаситель», «Абхазец», пассажирских теплоходов «Парижская коммуна», «Иосиф Сталин» и многих других).

По грузообороту Волга заменяла более 10 железнодорожных линий. По ней шло снабжение нефтью и нефтепродуктами войск Красной армии. По мере приближения линии фронта к Волге, по ней увеличивались воинские перевозки. Сотни судов с экипажами приняли участие в перевозках на сталинградских переправах [6].

По окончании Великой Отечественной войны газета продолжила решать информационные и идеологические задачи, свойственные ведомственному изданию, посвятив свои материалы таким злободневным темам, как восстановление разрушенного хозяйства, создание единой глубоководной системы европейской территории Советского Союза, строительство самоходных грузовых судов, увеличение мощности и количества механизированных причалов и кранов.

Восьмого января 1953 года «Большевицкая вахта» была переименована в «Волжскую вахту», однако информационный вектор остался прежним — основное внимание в ней по-прежнему уделялось решению идеологических задач и политической пропаганде. Газета много писала о безработице, несправедливости и нищете трудящихся в капиталистических странах, о борьбе за свободу и независимость народов Индокитая.

Вместе с тем, было немало и позитивно настроенных материалов, отражавших экономические успехи советского государства. Газета рассказывала о новом дизель-электроходе «Россия», о годовщине со дня открытия Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, о начале перевозок пассажиров на крылатых судах, о присуждении экипажу теплохода «Руслан» (капитан П. С. Букаев) за

внедрение прогрессивных методов эксплуатации флота Государственной премии, о состоявшейся 12 июня 1954 года в городе Горьком второй (ставшей впоследствии традиционной) спартакиаде средних учебных заведений Министерства морского и речного флота.

В «Волжской вахте» регулярно выходила литературная страница, которая называлась «На конференциях читателей». Речники живо обсуждали появившиеся в печати литературные новинки и перечитывали заново классиков. В 1954 году, когда исполнилось полвека со дня смерти Антона Павловича Чехова, газета посвятила целую полосу воспоминаниям и отзывам о любимом писателе.

Уважение к печатному органу волжских водников внушает тот факт, что на протяжении практически всей его истории газета находилась в диалоге с читателем, всемерно укрепляя с ним «обратную связь». Речники охотно писали в газету письма, звонили и рассказывали о проблемах, делились наболевшим. В частности, читатели просили расширить столовую, улучшить хранение грузов, жаловались на плохую работу справочного бюро, на то, что в доме, принадлежащем порту, нет воды и света. Очевидно, что эти жалобы всегда рассматривались компетентными органами, и по ним принимались адекватные решения.

30 декабря 1962 года вышел последний номер «Волжской вахты». Она, как и многие другие малотиражные издания, была закрыта. Однако уже 23 марта 1963 года газета стала выходить снова, но уже под названием «Большая Волга». Ее учредителями стали партийный комитет, трудовые коллективы Волжского объединенного речного пароходства (ВОРПа), госпредприятий «Водные пути Волжского бассейна» и Волжский баскомфлот. «Большая Волга» решала важные коммуникативные задачи по налаживанию диалога с общественностью этих организаций — речниками и путейцами, а также играла существенную организационную, идеологическую, производственную и воспитательную роль.

С конца 60-х годов «Большая Волга» стала выходить на четырех листах три раза в неделю: по средам, пятницам и воскресеньям. Ее главным редактором был Юрий Евгеньевич Курганов. Он сумел создать газету, которую было интересно читать всем: руководству ВОРПа, плавсоставу, членам семей речников, пассажирам и просто жителям Поволжья. Он организовал соревнование волжских комсомольско-молодежных экипажей, шефствовал над судовыми музеями, положил начало многим достойным флотским традициям. Со времен Курганова в газете стали обязательными проблемные материалы. Порой они были резко критическими, с последующим обсуждением в

соответствующих инстанциях, с публикацией ответов в газете. Юрий Евгеньевич заложил в редакционную политику регулярную публикацию материалов о людях и об истории Волги: «Пусть в каждом номере на читателей смотрит хорошо узнаваемое ими лицо, — говорил он. — Каждый человек рядом с нами — это кладезь интересов, редчайших фактов, не скупитесь на добрые слова о настоящих волгарях».

Принципиальные, хорошо аргументированные публикации выходили также из-под пера работников управления пароходства. Большой резонанс у читателей вызывали обстоятельные, подкрепленные фактами материалы заслуженного капитана из Астрахани Василия Григорьевича Москалева, а также Василия Григорьевича Пирогова из Звениговского затона, Николая Петровича Семахина из Ульяновского порта, Карима Николаевича Ахметова из Астраханского завода им. Урицкого.

Под названием «Большая Волга» газета волжских речников просуществовала вплоть до 2005 года. В последние годы своего существования «Большая Волга» приобрела статус регионального общественно-политического издания, распространяемого по всему Приволжскому федеральному округу. Она стала двухцветной, а каждый четвертый выпуск печатался в полноцвете, ее тираж дошел до 20 тыс. экземпляров. К тому же на сайте Волжского пароходства [www. volgafлот.com](http://www.volgafлот.com) появилась электронная версия газеты.

Вслед за образовавшимся крупным транспортным холдингом «Волго-Балтийская компания» возникла необходимость создания корпоративной газеты, призванной объединить информационные ресурсы предприятий, входящих в холдинг. Так в 2005 году появилась газета «Волго-Невский ПроспектЪ» — это издание пришло на смену двум газетам — изданию волжских водников «Большая Волга» и печатному органу Северо-Западного пароходства «Водник Северо-Запада».

Сегодня наследник газеты волжских водников, отметившей в этом году свое столетие, — «Волго-Невский ПроспектЪ» — является корпоративным периодическим изданием Международной транспортной группы UCL Holding, консолидирующей ряд российских судоходных, судостроительных, железнодорожных, стивидорных и логистических компаний. Старейшее в стране периодическое издание речников, как видим, за свою историю не раз меняло название и учредителей, однако высокое качество выпускаемых материалов, направленное на достижение главной цели — служение интересам работников флота — остается неизменным. Таким образом, пресса, рожденная революцией, продолжает жить и развиваться — в соответствии с новыми экономическими и социальными реалиями.

Список литературы

1. Виноградова Т. П. Нижегородская интеллигенция. — Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1992. — 320 с.
2. Курбакова Е. В. История нижегородской прессы (1838—2007). — Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2008. — 169 с.
3. Нижегородская журналистика: история и современность. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2009. — 139 с.
4. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 208 с.
5. Смирнов С. А. Нижегородская пресса от А до Я. — Н. Новгород: Поволжье, 2010. — 320 с.
6. Страниц история за 90 лет / Под ред. Песина М. Д. — Н. Новгород: Пресс-Контур, 2007. — 360 с.

В. А. Липатов

*Уральский федеральный университет имен первого президента
России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)*

**УРАЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ:
1917 ГОД — ТОЧКА НЕВОЗВРАТА**

Кто жил в провинции, тот хорошо знает,
каких невероятных трудов
стоит здесь всякое новое начинание
Д. Н. Мамин-Сибиряк

В статье рассказывается о тесном взаимодействии одной из известнейших научно-просветительских организаций дореволюционной России с процессами, происходившими в стране в последней трети XIX и первой трети следующего XX столетий, об объективных и искусственно создаваемых причинах прекращения многообразной и плодотворной деятельности этого просветительского центра Уральского региона. Однако став фактом истории не только уральской, но и российской науки общество естествоиспытателей оставило богатое наследие, составной частью которого стали архивные фонды, которые и были использованы при подготовке данной статьи.

Ключевые слова: УОЛЕ, земские учреждения, благотворительность, самоуправление, советская централизация

Уверен, сибирским коллегам известна аббревиатура УОЛЕ, которую употребляли чаще, чем официальное название — Уральское общество любителей естествознания. Ведь мы, сибиряки и уральцы, вместе блестяще провели в 1887 г. Урало-Сибирскую научно-промыш-ленную выставку, показавшую не только России, но и миру, какой огромный не только сырьевой потенциал скрывается за восточными отрогами Уральского хребта. Кроме того, рождение Уральского общества, его развитие, расцвет и тихая незаметная кончина самым тесным образом оказались связаны с историей нашей страны и края в переломную эпоху нашей национальной истории. УОЛЕ пережило все, и взлет, когда в пору зрелости и расцвета его численность немногим уступала Императорскому Русскому географическому обществу, и постепенное угасание. Но даже в эти критические годы любительская научная организация готовила почву и кадры для развития на Среднем Урале профессиональной науки. Впрочем, я хочу рассказать не о научно-педагогических успехах УОЛЕ, а о том общественном контексте, который сопровождал многогранную деятельность организации на протяжении всей его истории.

Следует признать, что предложение организовать в Екатеринбурге любительское научное общество первоначально широкой поддержки у обывателей не встретило. «Приглашенные лица из числа 10 — 12 врачей, инженеров и учителей, признавали в принципе такое предприятие полезным, но высказывали убеждение, что оно неосуществимо здесь, подкрепляя его многочисленными доводами. <...> Некоторые другие были не прочь приняться за дело, если такие-то изъявят также желание, а верующих в возможность осуществления проекта было очень мало, если на самом деле были» [1]. Так горный инженер Н. Н. Новокрещеных, один из будущих активистов УОЛЕ, а в дальнейшем и сам организатор Пермской комиссии Общества, в год формирования называл еще не родившуюся организацию «Обществом мухоловов» [2].

Дело в том, что в крае уже «...были попытки основать отделения других обществ, <> но эти попытки заканчивались печально: возникавшие общества так и гибли в непосильной борьбе с равнодушием собственных членов» [3]. Чтобы сдвинуть уже дискредитировавшую себя инициативу, необходимы были либо харизматичная личность, либо пассивариий. На первую роль в те годы лучшим кандидатом был Н. К. Чупин, известный не только на Урале историк, краевед, этнограф, автор до сих пор не утратившего своей научной ценности «Географического и статистического словаря Пермской губернии» (Пермь, 1873). Но одобрив саму идею, стать отцом-основателем Общества Н. К. Чупин не захотел. Однако смог переломить ситуацию двадцатипятилетний преподаватель Екатеринбургской гимназии Онезим Клер. Несмотря на молодость, у него уже был опыт организации подобных сообществ: в Невшателе (Швейцария), где он учился, и в Ярославле, где работал учителем прежде, чем навсегда переехал на Урал. Словом, благодаря вере и энергии молодого энтузиаста, 29 декабря 1870 г. (или по новому стилю 10 января 1871 г.), в период рождественских каникул, когда оказалось свободным здание Екатеринбургской мужской гимназии, там прошло первое заседание Уральского научного общества.

Но организации, провозгласившей целью своей работы «улучшение быта народа посредством правильного пользования природными богатствами края» [4], необходима была финансовая поддержка, однако ни от Горного правления, ни от известных богатых спонсоров, УОЛЕ ее так и не получило. «К стыду их, — вспоминал трудное рождение Уральского общества М. О. Клер, — я должен сказать, что все наши старания заинтересовать их оказались напрасными и даже оскорбительными. Демидов, князь Сан-Донато, прислал 100 рублей, то же сделал Асташев, номинальный хозяин богатейших золотых приисков [5],

а в большинстве даже не отвечали. При этих условиях мы десять лет бились как рыба об лед»[6].

И здесь руку помощи уральским ученым протянули организованные в том же 1970 году местные органы самоуправления. Пермские земские учреждения, куда за помощью обратился Комитет УОЛЕ, выгодно отличались от аналогичных органов самоуправления центральных и южных губерний России. Благодаря проводимой этими местными представительскими учреждениями политике в Пермской губернии, как ни в одной другой губернии центральной России, со времени проведения земской реформы произошли сдвиги и в сфере народного образования, и в области медицинского обслуживания населения, вызванные потребностями капиталистического развития экономики края [7]. Поэтому «второе очередное Пермское губернское земское собрание... ассигновало УОЛЕ пособие в размере 200 рублей...» [8]. В дальнейшем эти выплаты станут постоянными. Но сейчас небольшая сумма позволила выпустить в свет первый том «Записок Уральского общества любителей естествознания», который, во-первых, представил молодое Общество жителям края, а, во-вторых, систематически выходившие в свет тома «Записок УОЛЕ» со временем сделались предметом обмена с изданиями научных обществ как в России, так и в мире.

Замечательным событием не только в жизни Общества, но и края стало проведение в Екатеринбурге в 1887 г. Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, в которой приняли участие представители 32 губерний России, ряда европейских стран и США. «Устроив с такую поразительную энергией и замечательным по новизне делу знанием Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, — сказал на ее закрытии председатель комиссии экспертов П. Н. Глуховский, — УОЛЕ обратило на себя внимание не только всей России, но и всего образованного мира» [9].

Действительно, активную научно-просветительскую деятельность уральской интеллигенции заметила не только общественность [10], но и власть, которая постаралась поставить деятельность УОЛЕ в зависимое положение, назначив Обществу ежегодную государственную субсидию, ряд других правительственных льгот и покровителя из членов царствующей семьи.

Однако успех амбициозного проекта не изменил изначально господствовавшего в УОЛЕ духа демократизма, «куда могли придти все, у кого были руки для того, чтобы исследовать Урал. Сюда приходили малограмотные и художники, и ботаники — все стекались в УОЛЕ» [11]. Уже через сорок лет работы представители демократических слоев населения края составили 36 % от общего числа членов УОЛЕ [12],

и это были не только служащие метеорологических станций, снимавшие показания приборов, но, например, замечательный фольклорист из рабочих Билимбаевского завода (Екатеринбургский уезд) П. А. Шилков, преподаватели народных училищ В. Н. Серебренников (Аргентов), И. Я. Стяжкин и многие другие, кого по праву можно назвать словами Д. Н. Мамина-Сибиряка «созданиями Общества» [13]. Деятельное участие в работе этой организации принимали и женщины.

К сожалению, сложившиеся в российской империи традиции иногда препятствовали полезным начинаниям. Так пришлось свернуть работу организованной в 1896 году Комиссии по распространению на Урале естественнонаучных знаний, поскольку на проведение всякой публичной лекции требовалось особое разрешение начальника Казанского учебного округа. Зато нашла свое реальное воплощение и со временем стала важным источником пополнения бюджета организации мастерская по изготовлению минералогических коллекций, которую долгие годы возглавлял сын О. Е. Клера [14]. С 1699 г. экспонаты из Мастерской стали выдаваться во временное пользование учебным заведениям Екатеринбурга, безусловно, положительно влияя на качество учебного процесса.

События Первой русской революции заставили Комитет УОЛЕ еще более обратить внимание коллег на недостаточную просветительскую работу среди «самого желанного элемента» — уральских крестьян и рабочих [15].

Первая мировая война, безусловно, отрицательным образом сказалась как на состоянии научных исследований, так и на экономическом положении УОЛЕ. «Все пророчат расцвет промышленности на научных основаниях до окончания войны, — писал в 1916 г. О. Е. Клер, — дай Бог, чтобы это сбылось, но пока видим в качестве прапорщиков и простых рядовых тех людей, которые учились 8 лет в институте и действительно могли бы двигать вперед науку, а за нею и промышленность...» [16]

Февральская революция, обстановка экономической и политической дестабилизации внесли разочарования и раскол даже по определению О. Е. Клера в ряды «людей, привыкших уважать законы» [17]. Может быть, поэтому к Октябрьской революции оставшиеся в городе и верные демократическим принципам члены УОЛЕ отнеслись достаточно лояльно. Под влиянием этих настроений в 1920 г. рождается проект «О реорганизации Уральского общества любителей естествознания», где УОЛЕ отводилась роль лидера новой уральской науки [18].

Казалось бы, основания для подобного амбициозного проекта были. Перед войной УОЛЕ насчитывало в своих рядах около 600 человек

[19], рядом с любителями трудились уже высококвалифицированные специалисты. Обществу удалось сохранить музей, коллекция которого могла сравниться с собраниями лучших столичных музеев [20], а фонды его научной библиотеки превышали 80 тыс. томов. В рамках УОЛЕ работали Передвижной музей, минералогическая мастерская, ряд специальных научных комиссий. Велась активная просветительская работа среди населения [21].

Однако шестое десятилетие стало последним в истории Общества уральских естествоиспытателей, и для этого были как объективные, так и субъективные причины. В 1920 г. умирает О. Е. Клер, настоящая душа Уральского общества. И хотя он оставил достойного преемника, своего сына Модеста, условия существования автономной организации при новой власти существенно изменились.

В крае были открыты учебные и научные организации, концентрировавшие в своем составе специалистов и тем особенно привлекательные для молодежи. К Горному институту (1914) и Пермскому университету (1917) в 1920 прибавился Уральский университет в Екатеринбурге. Кроме них в крае появились Уральское отделение геологического комитета (Геолоком), Уральское отделение Высшего геодезического управления, Уральское отделение прикладной минералогии и петрографии, Гидрологический институт, Биологический научно-исследовательский институт при Пермском университете, Уральское статистическое бюро, Уральский областной архив и т. д.

Конечно, среди этих вновь созданных институтов нашлась бы ниша и для «Уральской академии наук», как совсем недавно называли УОЛЕ, но децентрализация, начатая реформами Александра II, породившая, как следствие этих преобразований, и Общество уральских естествоиспытателей, в советском государстве сменилась жесткой централизацией и контролем. В результате УОЛЕ буквально замучили организационные и финансовые проверки и отчеты, реорганизации и переподчинения. В этом бюрократическом водовороте Общество утратило остатки финансовой самостоятельности и вынуждено было отказаться от прав собственности на музей и библиотеку, ликвидировать минералогическую мастерскую. Под прессом «оптимизации» стал сокращаться состав членов УОЛЕ [22] и, судя по документам, в мае 1930 г. любительская научная организация уральских естествоиспытателей перестала существовать [23].

Список литературы

1. Клер О. Е. Уральское общество любителей естествознания. Исторический очерк (1870—1888). Екатеринбург, 1889. — С. 4.
2. СОКМ, ф.571 б/ 161—168, л.16 об.

3. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк. — Собр. соч.: В 12-и т. — Свердловск, 1951, т. 12. — С. 285.
4. Зап. Урал. о-ва любителей естествознания, 1873, т.1, вып.1. — С. 2.
5. Имеется ввиду наследник основателя золотодобывающего бизнеса в Сибири В. И. Асташев (1836—1889)
6. ГАСО, ф.101, оп.3, ед. хр.11, л.25 об.)
7. Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959
8. Зап. Урал. о-ва любителей естествознания, 1873, т. 1, вып. 1. — С. 18.
9. Зап. Урал. о-ва любителей естествознания, т.10, вып.4. — С. 274—275
10. «Крайне интересен этот город, — писал об Екатеринбурге известный публицист Вас. И. Немирович-Данченко, — где рядом с плезиозаврами и строфокамилами, чудесно сохранившимися в лице купцов и заводчиков или хозяев приисков, живет довольно многочисленная и дельно работающая интеллигенция» (Немирович-Данченко Вас. И. Кама и Урал. Очерки и впечатления. СПб, 1890. — С.589.
11. 75 лет уральского краеведения. Материалы конференции. СОКМ, ф.571 б / 122—123. — Л.75.
12. Зотова В. В. УОЛЕ. — СОКМ, 571 б/295.
13. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург, с.281.
14. О работе мастерской учебных коллекций см.: Зап. Урал. о-ва любителей естествознания, 1913, т.32, вып.2. — С.227.
15. Зап. Урал. о-ва любителей естествознания, 1908, т.27 — С. XXXVIII; там же, т.1909, т.29. — С. XXXVIII.
16. ГАСО, ф.140, ед. хр.13, л.162.
17. Там же, ф.140, оп.1, ед. хр.8, л.456
18. ГАСО, ф.101, оп.1, ед. хр.875, л.237.
19. Для сравнения в Русском географическом обществе примерно в те же годы состояло около 850 членов.
20. ГАСО, ф.101, оп.3, ед. хр.83а, л.67 об.
21. СОКМ, ф.571 б/125 — 126, л.5 — 21.
22. На 1 октября 1924 г. в УОЛЕ оставалось 235 человек (ГАСО, ф.101, оп.3, ед. хр.83, л.125 — 125 об.), а к октябрю 1928 г. число членов Общества сократилось до 130.
23. ГАСО, ф.101, оп.1, ед. хр.912, л.69 — 91; там же, ед. хр.883, л.16 — 17.

В. А. Маруев

Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

**ГЕНЕЗИС ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО БОРЬБА
ЗА УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА
НА БАЗЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ
ЗАБАЙКАЛЬЯ (1832—1917 ГГ.)**

В статье раскрывается процесс становления пролетариата на базе золото-промышленного комплекса Забайкалья в XIX — начале XX вв. Отмечается, что именно в золотодобывающей отрасли в регионе появились первые кадровые рабочие. На основании документальных источников Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) показано тяжелое положение рабочих на государственных и частных предприятиях золотодобычи. Проанализировано состояние бытовых условий, медицинского обеспечения, организации охраны труда на частных приисках, отражен уровень заработной платы рабочих. Систематизируются разрозненные данные по рабочему вопросу более ранних исследований.

На основании имеющихся данных делается вывод, что удаленность приисков друг от друга и от торговых и культурных центров, небольшой процент постоянных рабочих, вследствие распространения практики золотничных работ и использования иностранной рабочей силы, снижали революционную активность пролетариата и не способствовали его консолидации. Тем не менее, в золотодобыче Забайкалья за период с 1861 по 1916 гг. зафиксировано более 50 выступлений рабочих. Выступления проходят под экономическими требованиями, постепенно возрастает активность и организация рабочих.

Отмечается, что золотодобыча являлась основным местом приложения труда политических каторжников и ссыльнопоселенцев. Их высокая концентрация и длительность пребывания в Забайкалье, совмещение работы с кадровыми рабочими способствовали распространению среди последних революционных идей и активному участию местного пролетариата в Первой русской революции и в событиях октября 1917 г.

Ключевые слова: золотодобыча, Забайкалье, пролетариат, каторга, ссыльнопоселенцы, классовая борьба, социальная сфера, Транссибирская железная дорога, документальные материалы.

Золотопромышленность являлась в XIX — начале XX вв. ведущей отраслью экономики Сибири. До строительства Транссибирской железнодорожной магистрали добыча золота была основой промышленности Забайкалья и в значительной мере определяла развитие региона. В золотопромышленном комплексе были заняты значительная часть местного населения. Впервые в регионе на базе добычи драгоценного

металла появляется высокая концентрация постоянных промышленных рабочих. Представляется важным поэтому определить динамику процесса формирования в отрасли класса пролетариата, выявить его особенности. Кроме того, поскольку с самого начала становления золотодобычи Забайкалья в ней эксплуатировался несвободный труд, важно обозначить его влияние на события октября 1917 г.

Первое золото России было получено из Забайкалья. Оно было выплавлено в 1714 г. из серебра, доставленного из Нерчинского завода [30]. Добыча драгоценных металлов являлась монополией казны и Кабинета Его Императорского Величества (КЕИВ). Официальный подсчет добытого в Забайкалье драгоценного металла начали вести с 1832 г.

Процесс формирования рабочих кадров в золотопромышленности Забайкалья сохранял в себе генеалогию местного серебряно-свинцового производства [23]. С 1708 г. основным способом формирования рабочих кадров Нерчинского завода становятся рекрутские наборы, которым подлежали крестьяне всей Сибири, а также ссыльные [14]. Тенденция к прямому и внеэкономическому принуждению работников была реализована впоследствии на золотодобывающих приисках.

В 1843 г. была разрешена частная золотодобыча в Западном Забайкалье. В 1844 г. вышел в свет «Указ», на основании которого государство предоставило возможность 54 частным лицам искать и разрабатывать в Нерчинском округе частные россыпи. Высочайше утвержденное «Положение» от 3 ноября 1863 года разрешало частную золотодобычу в юго-западной части Нерчинского округа [24]. 18 мая 1864 г. и 24 декабря 1866 г. было даровано избранным лицам право на добычу золота на месторождениях, принадлежащих Кабинету [13].

Первый опыт введения вольностарательских работ на предприятии КЕИВ в Забайкалье датируется исследователем А. Г. Патроновой 1853 г. На Верхне-Карийском промысле данная инициатива позволила уменьшить затраты на добычу золотника золота на $26 \frac{3}{4}$ копейки по отношению к золоту, добытому несвободными рабочими [26]. Источниками вольнонаемного труда служили ссыльно-поселенцы и государственные крестьяне жившие в Успенской, Татауровской и Читинской волостях [26].

Частная золотопромышленность Забайкалья с начала ее зарождения носила капиталистический характер и развивалась на основе вольнонаемного труда. Во второй половине XIX в. преобладала система контрактов, заключаемых между работниками и золотопромышленниками [5].

Доля переселенцев из Европейской России в Забайкалье было крайне мало и они не оказывали существенного влияния на формирование рынка труда. Рынок труда для частной золотодобычи Забайкалья ограничивался местным населением, для кабинетской — каторжниками и. приписными. В Забайкалье формирование масштабного рынка вольнонаемного труда и появление пролетариата связано с необходимостью развития золотодобычи. Это осознавалось частью местной администрации (генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский, генерал-майор М. С. Корсаков) [21]. Инициированная генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским отмена в 1851 г. приписного положения горнозаводских крестьян к приискам, способствовала формированию свободного рынка труда.

С ростом капиталистических отношений в Забайкалье увеличивается и количество рабочих частных приисков, достигая к 1861 г. 43,6 % всех рабочих золотопромышленности Забайкалья. Из данных А. Г. Патроновой следует, что на частных приисках Забайкалья к 1861 г. работало 11,6 % рабочих Восточной Сибири и 10,4 % всех рабочих частных приисков Сибири. Увеличивается количество приисков, возрастает концентрация на них рабочих. После реформ 1861 г. частный сектор золотодобычи мало отличается от кабинетской [26].

В 1900-1916 гг. наблюдается новый рост общего числа рабочих промыслов КЕИВ и достижение их максимальной концентрации на одном прииске. Предположительно это было связано с наймом иностранной рабочей силы. Имеются данные, которые позволяют приблизительно определить количество постоянных рабочих на приисках в 50 %. Такой процент постоянных рабочих объяснялся сезонностью работ. К числу постоянных рабочих на приисках относились квалифицированные рабочие: кочегары, плотники, слесари, забойщики, административно-хозяйственный и медицинский штат [26]. Таким образом, рабочие-сезонники исследователем А. Г. Патроновой определяются полупролетариями.

В XX в. процент малопроизводительных компаний в золотодобыче Забайкалья увеличивается до 42 %. Больше их было в Западном Забайкалье. Что касается Восточного Забайкалья, то там процент малопроизводительных компаний в начале XX в. возрастает. Кабинет в 90-е гг. XIX в. имел в своем распоряжении около 8 % общего числа приисков, а добыча золота составила 41 % [27].

К этому можно добавить, что частных приисков было значительное количество, и они были чрезмерно дробны и разобщены. Отсутствие централизации, использование старой схемы организации добычи золота и выработка множества рудников на рубеже XIX—XX вв.

создали условия для массового перехода к практике золотничных работ и кризисе в золотодобыче.

В начале XX столетия выплата задатков в больших объемах прекращается [7]. Отношения между предпринимателем и рабочим теперь регулирует «полюбовная сделка». Определенная часть рабочих не желала связывать себя с владельцем какими бы то ни было юридическими обязательствами [7].

Рабочие приходили на прииск из соседних населенных пунктов и городов, в большинстве своем это были крестьяне, которые устраивались на временную работу. Основная часть их деятельности была посвящена сельскохозяйственным работам, и они занимались в большинстве на срок не более 15 рабочих дней [7].

На частных приисках Забайкалья с 1861 по 1911 гг. находилось от 7,8 % до 24,2 % общего числа рабочих частной золотопромышленности Восточной Сибири. С конца 1880-начала 1890 гг. концентрация рабочих на одном прииске падает и составляет 44,2—55 % к среднему количеству рабочих на одном прииске Восточной Сибири. Тенденция объясняется развитием в Забайкалье золотничного способа добычи [26].

Забайкальский участок Транссибирской магистрали от станции Мысовая до станции Сретенск был построен в 1895-1900 гг., от Сретенска начинался водный путь по Шилке и Амуру до Хабаровска. В 1901 г. была построена ветка от разъезда Тарского около станции Карымская до станции Борзя и далее до китайской границы [20]. С проведением Транссибирской железной дороги усиливается процесс разложения крестьянства и казачества, увеличивается процент постоянных рабочих на приисках [26]. В связи с уходом части рабочих на строительство железной дороги золотопромышленникам пришлось повысить заработную плату во второй половине 1890 гг. приблизительно с 90 копеек до 1 рубля 10 копеек в сутки [26].

Особенностью золотодобычи Забайкалья рубежа XIX—XX вв. было практически полное отсутствие рабочих кадров с фабричной генеалогией [19]. Строительство Транссиба способствовало формированию новой, железнодорожной составляющей в экономике региона. По данным А. А. Недешева на строительстве Забайкальской железной дороги работало от 5 до 34 тыс. рабочих [20]. По подсчетам исследователя А. А. Мухина «численность рабочих Забайкальской области возросла с 21 тыс. чел. в 1897 г. до 56 тыс. чел. в 1914 г. [16]. В то же время имеются данные, в соответствии с которыми «в 1910 г. в области число золотопромышленных рабочих составляло $\frac{3}{4}$ всех занятых в промышленности» [16].

Необходимо отметить, что переселенцы были чаще крестьянами, чем пролетариями. «В 90 г. прошлого столетия появились рабочие из Европейской России, главным образом: крестьяне Тобольской, Пермской и Симбирской губернии», еще и не адаптированными к местным погодным условиям [29].

Таким образом, строительство железной дороги изменило экономическую структуру региона. С проведением Транссибирской железнодорожной магистрали в Забайкалье появляются кадровые рабочие. Значительная часть их была представлена металлистами из Западной России. По данным, представленным в сборнике документов «Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье», данные они «стали ядром марксистских групп в Забайкалье». В то время как «Дарасунские, Казаковские, Хорогочинские, Шахтаминские и другие золотодобывающие прииски и рудники являлись тогда небольшими пролетарскими форпостами [4]. Более подробно влияние строительства железной дороги на золотодобычу отражено в работе автора «Дорожный вопрос в истории золотодобычи Забайкалья начала XX столетия» [17].

Во второй половине XIX в. Забайкалье становится одним из крупнейших центров китайской миграции на территории Российской империи. [1]. Надо отметить, что договора с китайскими рабочими заключаются редко и нельзя отследить количество реально работающих инородцев. Отмечалась крайне высокая степень хищничества среди китайцев. Корейские рабочие характеризовались как мирный, трудолюбивый, желательный элемент [10]. Документы свидетельствуют, что на хозяйские работы золотопромышленники предпочитали нанимать русских рабочих, а на старательские — китайцев [7].

В годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) изменился состав рабочих Забайкальской золотодобычи. На многих предприятиях стал шире применяться труд ссыльных, солдат, иностранцев. Имеются данные, которые позволяют утверждать, что в 1917 г. применение труда военнопленных достигло максимальных масштабов. В 1916 г. на горных предприятиях Сибири работало 4,5 тысячи военнопленных, то есть 5,8 % от числа горнорабочих [3]. По сведениям И. Г. Мосиной на июнь 1916 г. в Сибири насчитывалось 106166 беженцев. Учет не был полным. На 1 февраля 1917 г. количество беженцев в Сибири сократилось до 86664 человек [3].

Положение рабочих золотодобычи было тяжелым. Рабочий день в среднем на приисках устанавливался в 14-15 час. летом и 10—12 час. зимой. В ряде предприятий золотопромышленности Нерчинского горного округа были введены правила внутреннего распорядка, где устанавливалась продолжительность рабочего дня [2]. В 1914 г. статисти-

ческое управление Забайкальской области проводило обследование рабочего вопроса, по результатам средняя продолжительность рабочего времени в золотопромышленности составила 12 час. 49 мин., а самая большая продолжительность рабочего дня до 16 час. [2].

На приисках не были установлены единые тарифы оплаты труда. Для представления о заработной плате рабочих представляется нужным предоставить данные о среднем заработке одного рабочего за операцию на прииске Шилкинско-Аргунского округа в 1908 г.: всего заработано — 218,78 руб., из них: прожито на приисках — 158,88 руб.; задатки, уплата податей и отсылка семьям — 20,1 руб.; на руки — 39,89 руб. Сумма примерна, поскольку одиночкам и семьям, где было более одного работника выдали больше средств на руки, а вот семьи с одним работником могли остаться еще и должны [7].

В 1911 г. рабочие золотых приисков за операцию в 5-6 месяцев получали плату в среднем размере 200-220 руб. На промыслах Кабинета средний годовой заработок рабочего составлял 224 руб. [2]. Продовольствие рабочие приобретали за свой счет. Могли приносить его из своих населенных пунктов, либо же приобретать в приисковом амбаре в счет заработной платы по ценам, утвержденным окружным инженером [8]. К видам провизии, отпускаемой рабочим, относились различные виды муки, чая, сахара, выдавалась крупа ячменная, хлеб, соль, перец, мясо. Рабочим отпускались также товары первой необходимости: ткани, ложки, чашки, мыло, табак спички, одежда (рукавицы, шубы, полушубки, подошвы, шапки, шаровары, кушаки, рубахи), котлы, иголки [9].

Самую большую плату среди рабочих золотопромышленности получали лица с квалификацией: кузнецы, плотники и т. д. Появление технически сложных устройств требовало появления новых квалификаций: машиниста, слесаря, которые получали относительно постоянную заработную плату [2]. Надо отметить, что квалифицированные рабочие являлись уже постоянными работниками прииска и формировали пролетариат.

Надо отметить, что помещения для рабочего контингента на всех частных приисках были одинаково убоги [6]. Например, на приисках Шилкинско-Аргунского округа в зимнее время рабочим давались в пользование избушки и землянки, летом — шалаши. Отдельное преимущественно жилье предоставлялось семейным рабочим. Жилье это было: ветхим, сырым, с земляными полами и холодным. В казармах и бараках «семейные» размещались по углам [7].

12 июня 1908 г. было издано обязательное постановление Присутствия по горно-заводским делам при Иркутском Горном Управлении

«о мерах к охранению жизни и здоровья рабочих». На его основании помещения для рабочих, не удовлетворяющие постановлению, должны были быть в течение трех лет перестроены и приспособлены в соответствии с требованиями данного документа. В 1909 г. для приведения в исполнение обязательного постановления, со стороны горного надзора и полиции, было решено принять меры принуждения по отношению к владельцам приисков и «заведывающими оными» [7].

Необходимо отметить, что законы государства об ограничении применения детского и женского труда, о максимальной продолжительности рабочего дня в 10-11,5 часов, о выплатах пострадавшим рабочим, а также «Временное правило о стачках», «Временные правила о профессиональных обществах», законы о страховании не выполнялись, поскольку контроль за их реализацией лежал на администрации, а она на территории Забайкалья не обладала должными ресурсами и возможностями. Справочная информация по данному вопросу представлена в работе «Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835—1917 гг.» [15]. Во второй половине XIX в. в Забайкалье начала работать фабричная инспекция. Был назначен один инспектор.

Исследуя социальную сферу золотодобычи в Забайкалье, необходимо отдельно затронуть вопрос медицинского обеспечения приисков. 6-12 июля 1912 г. проходил I съезд врачей Забайкальской области, где было замечено плохое состояние медицины региона. 30 ноября этого же года особая комиссия рассматривала проект правил по медицинской и амбулаторной части промыслах Нерчинского округа, в журнале заседаний которой содержится следующий факт: «Медицинский инспектор Нерчинского округа, доктор медицины Бек доложил комиссии, что в Нерчинском округе (...) дело охраны здоровья промышленного населения находится в крайне неудовлетворительном состоянии» [2].

Имеется информация по вопросам низкого уровня медицинского дела на частных рудниках. Особенно плохо было на Владимиро-Успенском прииске коллежского асессора Г. Пермикина в Баргузинском округе [5]. Рабочие и местное население массово практиковали народную медицину. Оказанием официальных медицинских услуг занимались в основном фельдшеры. Ряд приисков вообще не имел постоянных медицинских работников и они приглашались от одного экстренного случая к другому [7]. Больниц было мало, а основная масса приисковых «приемных покоев» являли собой небольшие комнатухи, содержащиеся на случай проверок. Вопрос алкоголизма рабочих на приисках отражен в работе автора «Влияние производства и распространения алкоголя на золотодобычу Забайкалья второй половины XIX — начала XX в.» [18].

Рассматривая вопросы забайкальской золотопромышленности нельзя обойти вниманием каторжные хозяйства. Все прииски в верховьях Кары и Усть-Каре имели каторжные тюрьмы [28]. В 60-х гг. XIX в. уголовная каторга дополняется политическими ссыльными. К середине XIX в. политических вообще в Сибири насчитывалось 28,9 % от всех ссыльных [12]. Отмечается, что ссыльнопоселенцам разрешались отлучки на прииски для заработка [11], в этом случае необходимо было поручительство администрации прииска.

Первыми политическими каторжанами на Карийских золотых промыслах были поляки — участники восстания 1863 г., которые прибыли на Кару в июле 1865 г. партией в 20 человек. В 1873 г. прибыли нечаевцы А. К. Кузнецов и Н. Н. Николаев, в 1875 г. — каракозовец Н. А. Ишутин и нечаевец П. Г. Успенский и другие. Среди политических каторжан было немало женщин, для которых строились специальные тюрьмы. На Каре отбывали каторгу и руководители первых рабочих кружков Петр Алексеев и Виктор Обнорский.

Во второй половине XIX в. численность и роль политических ссыльных в Сибири усиливается [33]. Труд ссыльнокаторжных в Забайкалье являлся малопродуктивным и заменялся чаще вольнонаемным, который стал преобладать с начала 60-х гг. XIX в. Источниками вольнонаемного труда являлись крестьянство, казачество, ссыльнопоселенцы и мещане [23].

В 90-е гг. происходит вытеснение ссыльнокаторжных новой волной рабочих из западной России [31]. Проведение аграрной реформы Столыпина вытолкнуло из Европейской России на Восток массу сельской бедноты. Разрушение традиционного уклада жизни и необходимость сезонной тяжелой работы [32], в том числе и на предприятиях золотодобычи, способствовала озлоблению этой категории крестьян.

В начале XX в. ссыльно-каторжные составляли 27 % общего числа рабочих. Среди них были и политические, которые работали на Казаковском, Новотроицком и Газимуро-Борзинских приисках и являлись в основном эсерами. Из видных большевиков здесь работал М. Губельман. В Казаковской тюрьме размещался Г. И. Котовский [26].

Представляется нужным определить динамику выступлений рабочих в ходе борьбы за улучшение условий труда. Интересны данные ученого А. Г. Патроновой относительно беспорядков, которые устраивали рабочие на приисках, приводимые в статье «Хроника рабочего движения в частной золотопромышленности Забайкалья (1861-1900 гг.)». Нельзя утверждать, что в этом плане выделяются конкретные прииски — периодически на различных предприятиях возникает конфликт. Причинами таких конфликтов являлись: недовольство ра-

бочих нарушением условий контракта со стороны администрации приисков, отсутствие приемлемых цен на продукты питания, а иногда и отсутствие самих продуктов, запрет старательских работ, невыдача администрацией денег и паспортов рабочих, сокращение количества выходных дней, штрафы, обсчитывание и обвешивание рабочих, взыскания, тяжелые условия труда, увеличение администрацией продолжительности рабочего дня [25].

До реформ 1861 г. рабочее движение в золотодобыче Забайкалья практиковало в качестве форм борьбы: на кабинетских приисках — побеги, на частных — неявки на работы. После 1861 г. ситуация меняется. С 1861 по 1916 гг. зафиксировано 51 выступление рабочих. 11 из них классифицируются как волнения без прекращения работы, 40 — как стачки. Рабочие выдвигали исключительно экономические требования [26].

Количество стачечников увеличивается. Мероприятия становятся более продолжительными. Среди рабочих появляются организаторы. Происходят столкновения рабочих с полицией. Известны результаты 40 выступлений рабочих — только в 14 случаях золотопромышленники пошли на уступки, 8 выступлений были подавлены войсками [26]. Стачки создавали почву для консолидации рабочих золотопромышленности и предоставляли опыт борьбы. Исследователем С. Ф. Хроленком была составлена хроника рабочего движения на золотых приисках Восточной Сибири за период с 1861 по 1917 гг. На основании данных ученого можно сделать вывод, что за означенный период произошло 270 выступлений рабочих, из них подавляющая часть являлась стачками [31].

Первые стачки на золотых приисках были стихийными, кратковременными. Борьба рабочих не шла дальше требований выделения золотоносных площадей для старательских работ и окончания приисковой операции в середине сентября. Но уже со всей определенностью можно сделать вывод о начале стачечного движения в золотопромышленности Сибири.

В рабочем движении зарождались первые ростки чувства солидарности. Как правило, в выступлениях принимали участие все рабочие прииска или артели, иногда они находили поддержку со стороны рабочих соседних приисков. Глубокий отпечаток на рабочее движение этого периода наложили ссыльнопоселенцы, являвшиеся наиболее зрелой частью приискового пролетариата, попавшие в Сибирь вследствие протеста против существовавшего социального строя и прошедшие каторгу. Для них вольная или казенная каторга большой разницы не представляла [31].

Исходя из имеющихся данных представляется возможным сделать ряд выводов. В золотопромышленности Сибири в эпоху промышленного капитализма сложилась прослойка кадровых рабочих. Это характерно прежде всего для старых золотопромышленных районов Томской и Енисейской губернии и Забайкальской- области.

Золотодобыча явилась новой отраслью хозяйства, основанной на наемных рабочих, а золотодобывающие прииски стали основой промышленных предприятий региона. Золотодобыча также играла первостепенную роль в формировании сибирского рынка рабочей силы. Комплектация рабочими частных промыслов изначально была основана на вольнонаемном труде. Однако и золотопромышленники эпизодически использовали труд ссыльнопоселенцев. До реформ 60-х гг. основой рабочей силы было местное население и ссыльные, а также рекрутированные со всей России крестьяне. Социальная база работников золотодобычи КЕИВ была также ограничена возможностями государства поставлять преступников и приписных. С этим связано и разрешение на использование ссыльнопоселенцев частным золотодобытчиком. Вольный найм был ограничен местным рынком труда и миграционным потоком из Европейской России.

В пореформенный период социальная база золотодобычи была усилена переселенцами с Европейской России. В 1880-1890 гг. XIX в. процесс переселения усилился вследствие малоземелья в центре. Доля поселенцев из Европейской России на приисках Забайкалья была незначительной. На приисках Западного Забайкалья от 1,7 % до 5,2 %, Восточного от 0,3 % до 3,2 % [26]. Столыпинская реформа также не привела к существенному росту количества приисковых рабочих. Проведение Транссиба снизило поток русских рабочих на прииски, а участие России в Русско-японской и Первой мировой войнах привело к резкому повышению процента китайских рабочих.

Положение рабочих на приисках было тяжелым. Однако, учитывая недостаток капиталов в золотодобыче, оторванность приисков от культурных и торговых центров Забайкалья, несовершенство дорожной инфраструктуры — повысить социальный уровень жизни рабочих возможно было только в процессе технической модернизации золотодобычи, повышения механизации, общей выработки золота и с привлечением крупного капитала.

Интересно в этом контексте мнение современного историка К. У. О-Ун-Дара, который утверждает, что частный капитал мог эффективно действовать только в начальной стадии открытия и разработки месторождений, а организовать постоянное производство на основе систематической разведки оказался невозможен. Делается вывод, что только

государство способно организовать стабильную, надежную и правильную золотодобычу [22].

Формирование в золотопромышленности Забайкалья класса пролетариата было связано с техническим развитием отрасли. Значительная часть рабочих относилась к полупролетариям-сезонникам. Необходимо отметить, что рабочий класс золотопромышленности Забайкалья на 1917 г. не был единым. Он был разрознен по удаленным друг от друга и от крупных торгово-промышленных и населенных пунктов приискам. Дробление приисков на рубеже веков привело к падению концентрации рабочих, а практика золотничных работ снижала количество рабочих, постоянно прибывающих на прииске. В этом было отличие золотодобывающего сектора от железнодорожной промышленности, где пролетариат был более активен, а его концентрация выше.

Опыт борьбы у рабочих золотодобычи имелся, однако организационной работы не проводилось. Имеются материалы, в соответствии с которыми на первом съезде углекопов Забайкалья в начале июля 1917 г. была принята резолюция, в которой говорилось, что съезд требует установления одинаковых условий труда и размеров заработной платы для всех рабочих «без различия национальности» [4]. Резолюция была инициирована низкой нормой оплаты труда иностранной рабочей силы и свидетельствует об интернациональной составляющей в борьбе рабочих за улучшение условий труда.

Подводя итоги борьбы приискового пролетариата следует отметить, что рабочее движение на золотых приисках Забайкалья существенно отставало от борьбы пролетариата центральных промышленных районов России. Рост рабочего движения в эпоху промышленного капитализма находит свое отражение и в государственной политике: появляется рабочее законодательство. Новыми чертами рабочего движения является рост классовой солидарности среди рабочей массы, накопление элементов организованности и сознательности, выделение из среды рабочих организаторов стачек. Вместе с тем стачки и волнения носили стихийный характер [31].

Высокая и продолжительная по времени концентрация каторжников, ссыльнопоселенцев усиливала революционные настроения в регионе. Данные категории рабочих являлись долгое время основой трудовой силы промыслов КЕИВ. В целом, тяжелое положение рабочих, кризисное состояние золотопромышленного комплекса Забайкалья определили высокую степень революционных настроений рабочих. Этим объясняется высокая активность рабочих региона в участии в событиях Первой русской революции. В то же время, специфика золотодобычи Забайкалья, раздробленность предприятий, их удаленность

снижали степень консолидации групп приисковых рабочих. Значительную революционную активность проявляли работники железнодорожного транспорта, определенная часть которых ранее являлась квалифицированными работниками золотодобывающих предприятий. Представляется, что процессы, происходившие в частной и кабинетской золотодобыче Забайкалья в XIX-начале XX вв., оказали существенное влияние на формирование революционного пролетариата региона и обеспечили его существенное участие в событиях октября 1917 г.

Список литературы

1. Башкуева Е. Ю. Китайский труд в Забайкальской области: производство, ремесло и сфера обслуживания (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск: БГУЭП. — 2012. — С. 99—103.

2. Берсенева Л. Ф. К вопросу об экономическом положении рабочих Забайкалья в период между двумя революциями 1907—1917 гг. // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX-XX вв.). — Новосибирск: Наука — 1989. — С. 57—80.

3. Большаков В. Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы Первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. — Новосибирск: Наука. — 1980. — С. 151—172.

4. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье: сборник документов. / Сост. В. И. Василевский, Г. В. Грунин, В. Г. Изгачев, Г. Е. Рейхберг, Б. М. Шерешевский. — Чита: тип-я Читинского управления по печати, ул. Анохина 48, 1967. — 365 с.

5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Ф. 19, Оп. 1, Д. 38

6. ГАЗК, Ф. 19, Оп. 1, Д. 123

7. ГАЗК, Ф. 19, Оп. 1, Д. 137

8. ГАЗК, Ф. 19, Оп. 1, Д. 154

9. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ), Ф. 107, Оп. 1, Д. 278

10. ГАРБ, Ф. 107, Оп. 1, Д. 1211

11. ГАРБ, Ф. 123, Оп. 1, Д. 468

12. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами Российской империи в XVIII — первой половине XIX в. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — Улан-Уде: изд-во БНЦ СО РАН. — 2014. — № 3 (15). — С. 85-100.

13. Игнаткин Ю. А. Очерки золота Забайкалья / Ю. А. Игнаткин. — Чита: АНО ЦНОП, 2004. — 100 с.

14. Изгачев В. Г. Формирование рабочих кадров Нерчинских заводов // Сборник статей по истории дальнего востока. — М.: Изд. АН СССР, 1958. — С. 233—250.

15. Кирьянов Ю. И. Перечень фабрично-заводских законодательных актов о труде (1835—1917гг.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB4/kirian.htm> (Дата обращения 05.11.17)

16. Маруев В. А. Золотодобыча Забайкалья в годы Великой войны // Молодежь Забайкалья: здоровая нация — устойчивое развитие региона. Материалы XVII Международной молодежной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. — Чита: РИЦ ЧГМА, 2015. — С. 78—79.

17. Маруев В. А. Дорожный вопрос в истории золотодобычи Забайкалья начала XX столетия / В. А. Маруев // Гуманитарный вектор. — Чита: ЗаБГУ — 2016. — Т. II. — № 4 (43). — С. 71—77.

18. Маруев В. А. Влияние производства и распространении алкоголя на золотодобычу Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2017. — № 1 (75). — С. 146—149.

19. Мухин А. А. Формирование промышленных рабочих кадров в Забайкалье в конце XIX — начале XX столетия // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1980. С. 151—172.

20. Недешев А. А. Забайкалье: экономика, ресурсы, достижения, проблемы. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. — 160 с.

21. Нерчинский Завод / Гл. ред. К. К. Ильковский. — Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. — 520 с. — (Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья»).

22. О-Ун-Дар К. У. Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О-Ун-Дар Константин Ундарович. — Красноярск, 2003. — 284 с.

23. Патронова А. Г. К истории формирования рабочих кадров в кабинетской золотой промышленности Восточного Забайкалья // Вопросы истории советского Дальнего Востока. — Владивосток: тип-я № 1 Приморского краевого управления по печати. — 1965. — Выпуск 2. — С. 31-33.

24. Патронова А. Г. Зарождение частной золотопромышленности Забайкалья // Материалы XX научной конференции (тезисы докладов). — Чита: ЧГПИ, 1968. — С. 35—37. 24.

25. Патронова А. Г. Хроника рабочего движения в частной золотопромышленности Забайкалья (1861—1900 гг.) // Забайкальский краеведческий ежегодник. — Чита. — 1969. — № 3. — С. 84—91.

26. Патронова А. Г. История развития золотодобывающей промышленности Забайкалья в 1832—1916 гг. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / Патронова Александра Георгиевна. — Чита, 1971. — 293 с.

27. Патронова А. Г. Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX — начале XX века // Забайкальский краеведческий ежегодник. — Чита, 1972. — № 6. — С. 57—75.

28. Патронова А. Г. 150 лет со времени начала разработок Карийского золотоносного месторождения // Библиографический указатель к знаменательным и памятным датам по Читинской области на 1988 г. — Чита: Филиал Чит. Областной типографии управления издательств, полиграфии и книжной торговли Читинского облисполкома, 1988. — С. 86—88.

29. Розенфарб А. М. Золотопромышленность и ее нужды в Восточно-Забайкальском Горном Округе / А. М. Розенфарб. — Чита: тип. Забайкальского областного правления, 1917. — 30 с.

30. Фосс Г. В. Золото (типы месторождений, история добычи, сырьевые базы) / Г. В. Фосс. — М.: ГОСГЕОЛТЕХИЗДАТ, 1963. — 174 с.

31. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917 гг.). Историко-экономический очерк / С. Ф. Хроленок. — Иркутск, изд-во ИГУ, 1990. — 312 с.

32. Трофимов И. П. Рабочие золотодобывающей промышленности Дальнего Востока в 1860-1917 гг. // Вопросы истории советского Дальнего Востока. — Владивосток: типография № 1 Приморского краевого управления по печати. — 1965. — Выпуск 2. — С. 38—40.

33. Шостакович Б. С. Поляки в сибирской ссылке // Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII—XXI вв. / Гл. ред. проф. Л. М. Дамешек. — Иркутск: Востсибкнига, 2012. — С. 344—355.

У. Моралес Морено¹*Автономный университет (г. Пуэбла, Мексика)***МЕКСИКА И РОССИЯ: 1917
(ЛУИС КАБРЕРА И В. И. ЛЕНИН)²**

В статье рассматриваются некоторые политические и идеологические параллели между двумя революциями 1917 года. Луис Кабрера, мексиканский адвокат, написал сборник текстов под названием «Революция — это революция между 1911 и 1913». Ленин написал известный труд «Государство и революция», между августом и сентябрем 1917 года, в ссылке в Финляндии. Мы пытаемся проанализировать оригинальное теоретическое предложение Кабреры, сделанное за несколько лет до Русской революции, о строительстве нового государства в качестве центрального авторитарного инструмента для создания государственной социальной и производственной системы в Мексике, в то время как в Советской России Ленин использует феномен насилия для реализации радикальной пролетарской революции, чтобы положить конец государственным проектам правящего класса.

Ключевые слова: Революция в Мексике, идеи Ленина в 1917 г., Луис Кабрера, государственная социальная система в Мексике.

Идеолог вооруженного этапа Мексиканской революции

Луис Кабрера Лобато был продуктивным мексиканским деятелем, автором теории, которую мы бы определили, как «Государство и Революция», используя аллюзию к известному труду русского революционера Владимира Ленина³. Только Ленин написал свое знаменитое произведение, находясь в ссылке в Финляндии, в период между августом и сентябрем 1917 г., в то время как, мексиканский революционный мыслитель писал свои первые воззвания в период 1896—1912 гг. Все они были посвящены политике, идее конструирования нового государства, которое была призвана создать Мексиканская революция. Неко-

---

¹ Профессор / научный сотрудник факультета философии и гуманитарных наук Автономного университета Пуэбла, Мексика.

Ученый секретарь Лагиноамериканского института истории права и координатор Исследовательского центра экономической и социальной истории того университета.

² Доклад является актуальной адаптацией книги автора Luis Cabrera Lobato 1876—1954. (*Ideólogo del Estado y la Revolución en México*), Las Ánimas, México, 2012.

³ См.: Lenin, V. I. *El Estado y la revolución*. Barcelona, 2001. (цитаты из глав данного труда приводятся по мадридскому изданию 2006 г.)

торые из его биографов полагают, что основная траектория философии Луиса Кабрера заключается в его стремлении построить критическое сознание новой Мексики XX в.¹

Фигура Ленина не нуждается в представлении. А Луис Висенте Кабрера Лобато родился 17 июля 1876 г. в городе Сакатлан — административном центре окружного муниципалитета — в центральной части Мексики, штат Пуэбла. Он современник эпохи порфириата — периода, характеризуемого правлением генерала Порфирио Диаса, героя войны против Второй империи во Франции и главы Мексики в 1876—1911 гг. Будучи с юности горячим сторонником либеральных идеалов, Луис Кабрера быстро стал критиком злоупотреблений диктатуры Диаса. Сын скромного пекаря, Сесарео Кабреры и его супруги, Хертрудис Лобато, он рос вместе со своими братьями в гористой местности, известной своими консервативными взглядами, в отличие от повстанческой и либеральной сьерры, взрастившей Хуана Франциско Лукаса, де Хочьяпулько (Hochiapulco) и Тетелу (Tetela). Эухения Мейер отмечает:

«<...> во время ежедневного труда по распределению хлеба, испеченного его отцом, он начинает изучать нахуатль, язык, который спустя много лет поможет ему при подготовке Словаря ацтекизмов»².

В биографии Кабреры, составленной Габриэлой де Беер³ указывается, что начальное образование Луис Кабрера получил в частной школе Сакатлана в период 1882—1888 гг. Его учителем был Хосе Долорес Перес. Затем в 13-летнем возрасте он отправился в Мехико для поступления в Национальную подготовительную школу. Биографы Луиса Кабреры сходятся в том, что по экономическим соображениям, а также по причинам, связанным со здоровьем, ему пришлось прервать образование по направлению юриспруденция. Некоторое время спустя, он работал школьным учителем в г. Текомалука, штат Тласкала, а затем, наконец, поступил в Национальную школу юриспруденции в 1896г. Чтобы иметь возможность продолжать образование, он обра-

---

¹ См.: пролог Eugenia Meyer, *Obra Política, Luis Cabrera*, (estudio preliminar y edición de...), UNAM, México, 1992. Vol. I.

² Мейер упоминает, что Кабрера не считал свою цель достигнутой. «Это был Х. Инасио Давила Гариби, кто привел в порядок и выверил материалы для публикации». См. Eugenia Meyer, *Obra Literaria en Luis Cabrera, Obras Completas*, México, Ediciones Oasis, S.A., 1974 Vol II. P. 420-580.

³ См.: Gabriella de Beer, *Luis Cabrera. Un intelectual de la Revolución Mexicana*, FCE, México, 1984. Достоинством данной работы является обширная источниковая база, на которой основано исследование. Автор использует материалы семьи Луиса Кабреры, в частности документы, предоставленные его сыном Гильермо Кабрера Невраumont (1910—1983).

тился к журналистике, работал колумнистом под псевдонимом ZIP в газете *El Noticioso*, освещая театральные события и результаты корриды. Вероятно, в период 1896—1898 гг. он помогал с воему дяде, Даниэлю Кабрере, в его известной оппозиционной газете *El Hijo del Ahuizote*. «Затем в 1898 г. в силу романтизма эпохи в *Crisantema* появились его первые стихи «Ausencia» и «Zacatlán»»¹ Этот этап 1896—1901 гг., ознаменовавшийся идеями романтизма и критики диктатуры, подготовил почву для раскрытия его таланта революционного мыслителя в последующие годы.

Адвокат

В 1951 г. по случаю юбилея собственной юридической практики Луис Кабрера признался, что в период 1913—1922 он посвятил себя «...служению стране...» и не практиковал в качестве адвоката². В 1901 г. он получил диплом и возможность заниматься адвокатской практикой в Мехико. В соответствии с требованиями времени, его вступительное испытание было озаглавлено «Страхование жизни в Мексике». В 1901—1904 гг. Кабрера сотрудничал с офисом Родольфо Рейеса³. В период 1909—1912 работал в юридической фирме Уильяма А. МакЛарена и Рафаэля Эрнандеса. Некоторое время спустя Луис Кабрера открыл собственную практику на улице Кордованес. В 1923 г. он переехал на авеню Хуарес, 40, где работал совместно с адвокатом, Гильермо Ордорико, а позднее, объединившись с Элисео Арредондо, они открыли офис на авеню Хуарес, 88, чтобы окончательно обосноваться на улице 5 мая, 32. Все биографы Кабреры единодушны в том, что к 1911 г. он начинает давать лекции по гражданскому праву на юридическом факультете (*clases de Derecho Civil en la Facultad de Leyes*), а в 1912 г. назначается первым директором Школы юриспруденции (*Escuela de Jurisprudencia*), образованной после революции в рамках Национального университета Мексики. Он занимал эту долж-

---

¹ Meyer, op. cit., также см. издание Oasis, 1972.

² См.: De Beer, op. cit., pág. 14 у Meyer, Obras completas, Vol. I.

³ Родольфо, брат известного писателя и дипломата Альфонсо Рейеса. Его фигуру для истории мексиканской юриспруденции вновь открыл дон Андрес Лира. Известно, что его разочарование новым курсом, взятым после революции в Мексике, побудило его присоединиться к режиму Франко, когда он был сослан в Испанию, где он стал свидетелем установления Второй республики в 1931 г. См. Andrés Lira, Rodolfo y Alfonso Reyes, dos visiones del Derecho, en: Leticia Pérez Puente y Enrique González González, Permanencias y Cambios, universidades hispánicas, 1551-2001, México, UNAM, 2006 Tomo II, pág. 341-355.

ность до января 1913 г., когда начал активную работу в поддержку каррансизма¹.

Противник порфириата

В 1908 г. Кабрера начинает свою политическую деятельность. Уже в период диктатуры Диаса, с кризисом 1907 г., обнажились общественные противоречия и «распри между элитами». Кризис, столкновения, забастовки в Кананеа и в Рио Бланко, вместе с созданием Мексиканской либеральной партии (Partido Liberal Mexicano) братьев Флорес Магон и провозглашением Плана и Программы 1906 г., поставили под вопрос политику «хлеба и палки». Лозунг «меньше политики, больше управления», повторяемый на протяжении трех десятилетий, пробудил оппозицию, питавшуюся энергией поколения, поскольку прошлый «героический» дискурс Независимости, Реформации и Французского интервенционизма был исчерпан. Новое поколение, выросшее в «триумфальном либерализме» отвоевывало свое время и свое место в политической жизни Мексики; к этому поколению в 1908 г. принадлежал и Луис Кабрера. Эухения Мейер удивалась, что он:

«(...) необоснованно или необъяснимо, не упоминает и не признает работу Рикардо Флореса Маргона и Мексиканской либеральной партии. Ему было очевидно и понятно, что революционный процесс зародился в 1908 г., когда затем вышло интервью Диаса — Крильмана, где 1908 год определялся как «отправная точка мексиканского демократического возрождения,» жажда свободы и социальной справедливости вырвалась наружу».

Используя один из своих псевдонимов-анаграмм *Lic. Blas Urrea*, воодушевленный заявлениями, прозвучавшими в интервью Диаса — Крильмана, он пишет для газет *El Partido Democrático*, *El Dictamen* и *El Diario del Hogar*. Он со своими братьями (Федерико, в Чьяпасе, Альфонсо, в Веракрусе, и Лусио, в Пуэбле) вступает в Партию против переизбрания (Partido Antirreleccionista), но в действительности является сторонником Бернарда Рейеса. Он всегда сомневался в способности Мадеро стать лидером национального движения, и именно эта политическая черта с самого начала отвратила его от анархического пути Акилеса Сердана в Пуэбле. Напомним, что в Пуэбле идеи Мадеро вызвали политические изменения, направленные на реконфигурацию

---

¹ Так называется период, в который экс-губернатор штата Коауила, Венустиано Карранса, поднял восстание в марте 1913 г. в ответ на убийство президента Франсиско Мадеро и осуществлял политическую деятельность соответствии с планом Гваделупы, известный также как конституционалистская революция, завершившаяся принятием Конституции Керетаро 1917 года.

избирательной и демократической системы страны, которые были возможны только после ухода как самого Диаса, так и его сторонников, из исполнительной власти.

Все указывает на то, что если положение не изменится, то генерал Диас, либо по собственному усмотрению, либо по согласованию со своим окружением, назначит одного из них своим преемником, он выберет того, кто наилучшим образом сможет продолжить его политический курс и, тем самым, окончательно утвердить режим абсолютной власти.

(...)

Единственный способ предотвратить гибель Республики — сплотить усилия всех добрых мексиканцев, чтобы организовать политические партии, имеющие своей целью должным образом представить народную волю в ходе следующих выборов¹.

Воззвания, подобные этому воодушевляли жителей Пуэблы, выражавших недовольство антидемократической атмосферой, царившей в стране. Люди более образованные, как говорили тогда, или те, кто был вовлечен в полититику на местном уровне, оказались более восприимчивы к такого рода призывам, они знали, что сама идея формирования политической оппозиции возможна и что поддержку масс можно обеспечить за счет достижения объединяющего дискурса, направленного на выявление и разрешение проблем, среднего класса и класса трудящихся.

В контексте продвижения либертарианского анархизма (*anarquismo libertario*) в центральных регионах Мексики (самый яркий представитель — Акилес Сердан в Пуэбле, 1908—1910) Луис Кабрера сначала взаимодействует с Бернардо Рейесом, одним из возможных претендентов на должность вицепрезидента, затем он узнает о мобилизации, которую начал Акилес Сердан в Пуэбле, что, по мнению Кабреры, может стать одним из вариантов развития политического процесса. Самуэль Эспиноса де лос Монтерос, друг Кабреры, приглашает Сердана присоединиться к движению Рейеса. Сердан отказывается от этого предложения, по-видимому, ввиду несогласия с провозглашенной рейистами идеологией.

В 1909 г. В Мехико Акилес встречается с Мадеро и обменивается с ним соображениями относительно политической ситуации в стране, а также делится амбициозной, но достижимой идеей формирования политической оппозиции правительству Диаса. Часть бесед, состоявшихся между Мадеро и Серданом, воспроизводятся в его обувной мастерской

---

¹ Madero, Sucesión, 1987, p. 359

в Пуэбле, откуда фактически начинается его наступление на идеологию против переизбрания¹. Затем начинается пропаганда в пользу Мадеро. И вот на сцене появляются повстанцы, которые поддержат Сердана в революционных событиях 18 ноября 1910 г.

Судя по всему, более склонный к умеренному либерализму Луис Кабрера видел в будущем лидере демократической революции, Франсиско И. Мадеро, скорее добродетель честности, нежели способности возглавить государство. Мадеро, напротив, признавал талант молодого журналиста, хотя и подверг сомнению его критику в адрес *сьентификос* и Министра финансов, Хосе И. Лимантоура, которая стала первым опытом политической критики Кабреры. Его эссе никогда не были опубликованы в *El Antirreleccionista*, и его биографы полагают, что Кабрера стал критиковать директора газеты, оппортуниста, дона Феликса Ф. Палавичини.

Позднее, повинуюсь своим романтическим устремлениям, Кабрера создал другой псевдоним-анаграмму, *Lucas Ribera*, под которым писал поэзию и делал переводы важных трудов. В нашем распоряжении имеется его перевод произведения *Песнь песней Соломона*². А в любопытной испаноязычной версии *Дневника Президента Полка (1845—1849)*³ он раскрывает свою националистическую концепцию, в соответствии с которой Ленин мог быть охарактеризован как социал-шовенист в 1913 г.⁴

Либеральный аграрист по своим убеждениям, возможно по причине своего радикального каррансизма, Кабрера был антисапатистом и антивильистом. После поражения Диаса и подписания в мае 1911 г. соглашения Сьюдад-Хуарес, Франсиско Леон де ла Барра занял пост временного президента и предложил Луису Кабрере занять должность заместителя министра внутренних дел, под руководством министра Эмилио Васкеса Гомеса. Кабрера предложения не принял и решил участвовать в качестве независимого кандидата от 11-го избирательно-

---

¹ Ross, Stanley, Francisco, 1955, p. 121-122.

² Lucas Ribera, *El Cantar de los Cantares del glorioso Salomón*, México, 1918.

³ Luis Cabrera, *El Diario del Presidente Polk (1845-1849)*, Reproducción de todos los asuntos relativos a México, tomados de la edición completa de M. M. Quaife, con numerosos documentos anexos relacionados con la guerra entre México y Estados Unidos. Recopilación, traducción, prólogo y notas de Luis Cabrera, México, Antigua Librería de Robredo, 1948 (2 volúmenes).

⁴ См.: Lenin, *El estado y la Revolución*, op. cit, в частности в главе, посвященной социал-шовинизму в России и Германии, как оппортунистическо-го реформизма буржуазного государства, Cap. I, *La sociedad de clases y el estado*, págs.. 27-45.

го округа в XXVI Федеральное законодательное собрание в качестве представителя Тлалпана, Мильпы Алта, Сан-Анхеля и Койоакана. Интересно, что Кабрера, будучи противником сапатизма, большую часть своих трудов, написанных в период 1911—1913 гг., посвятил тому, чтобы напомнить Мадеро, что «Революция есть революция» («la Revolución es Revolución») ¹, что аграрная программа не исполняется и что аномалия революционного процесса завершается демонтажем «старого режима» и осуществлением реформ авторитарным, милитаристским и централизованным методами, чтобы после этого вернуться к демократической норме. Ленин вновь обратился к этой идее, но в более радикальном ключе. В своем знаменитом труде он скажет об *отмирании государства* в момент установления диктатуры пролетариата. По опыту французской модели «La Terreur» Робеспьера, концепция централизации и растворения авторитаризма старого режима кажется прекрасным прочтением Кабреры ². Национальная демократическая партия (El Partido Nacional Democrático) выступила не против генерала Диаса, а против кандидатуры Рамона Коррала на пост вице-президента, предлагая на эту должность генерала Бернардо Рейеса. Источники этой идеи обнаруживаются в клубах рейистов, создававшихся после 1908 г. К этому органу также присоединились Национальная рабочая партия (Partido Nacional Obrero), а также рабочие с фабрик Сан-Антонио Абад в Мехико. И, наконец, Партия против переизбрания (Partido Anti-releccionista) с ее лозунгом «эффективное голосование без пере-выборов» оставила свой отпечаток на политической жизни Мексики. Управляющий совет партии в составе: председателя, Эмилио Васкеса, Гомеса, заместителя председателя, Франсиско И. Мадеро, второго заместителя председателя, Торибио Эскивеля Обрегона, секретарей — Феломено Мата, Феликса Фульхенсио Палавичини, Хосе Васконселоса и Паулино Мартинеса, членов собрания с правом голоса — Луисом Кабрерой, Октавио Берtrandом, Бонифасио Х. Гийена и Фелипе Ксо-

---

¹ См. интервью, опубликованное в El Tiempo, el 19 de julio de 1911.

² См. Панельную дискуссию «Первые социальные революции двадцатого века», Мексика и Россия. «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность», Санкт-Петербургский Университет и конференцию под эгидой Французского альянса Пуэблы, Посольства Франции в Мексике и Автономного университета Пуэблы, 22 августа 2017 г. Революционный авторитаризм Кабреры исходит из концепции отмены старого мексиканского режима каудильо и камарильи с централизованными социальными выгодами для революционной буржуазии, используя язык Маркса. Ленин — это битва против врагов пролетариата, оправдывающая насилие как орудие уничтожения буржуазного государства.

чиуа. И Пуэбла вошла в новый этап развития, когда Эмилио Васкес Гомес назначил представителем партии в Пуэбле Акилеса Сердана Алатристе. Газета данного объединения называлась *El Antirreleccionista*, в ее редакционном совете были Феликс Ф. Палавичи, Хосе Васконселос, Луис Кабрера и Федерико Гонсалес Гарса, при экономической поддержке Мерседес и Анхелес Мадеро.

Именно в этом устойчивом контексте привлечения внимания к тому, что Аквиль Сердан «принес жертву», сам Луис Кабрера вскользь отметил в своей памятной речи, 24 ноября 1912 г., перед памятником Акилеса Сердана в Мехико. Таким образом между «наивной» жертвой, наступившего «несчастливого случая», и выступлением горстки заговорщиков, серданизм поблек и свелся в историографии к одному из выступлений в рамках мадеристской революции в Пуэбле, и не стал самостоятельным движением, уступив эту роль Мадеро, хотя его собственная революция почти не имела никакого отношения к Мадеро, кроме идеологии против перевыборов. «Тень Акилеса Сердана», аллюзию к которой использует Луис Кабрера по случаю чествования и открытия бюста народного героя 24 ноября 1912¹, предрекла несчастье режиму Мадеро спустя 2 года после восстания, когда он сказал:

«Но если однажды мы собьемся с пути, будем участвовать в кровавых междоусобицах или вновь попадем в рабство, мы поднимем глаза на этот монумент (...) мы увидим, как до судорог сжимаются его твердые пальцы в кулак, в этом яростном жесте; (...) Поколение, неверное и порочное, сколько я пробуду с тобой?»»²

Аграрист

В ходе своей революционной деятельности Кабрера стал апологетом аграрного характера Мексики, впитав лучшее из уроков своего учителя дона Андреса Молина Энрикеса, он обогатил историческое видение проблемы и еще в 1912 г. предложил решение застарелого аграрного вопроса. Его идея нашла выражение в декрете от 12 декабря 1914 г. и в знаменитом законе от 6 января 1915 г., который в определенной степени лег в основу новой статьи 27 Конституции 1917 г.

«Революции — всегда болезненные операции на теле общества, но хирург обязан устранить опухоль прежде, чем закрывать рану... вскрыв рану, вы обязаны ее залечить; но горе вам, если вы, испугавшись вида крови или дрогнув от стонов вашей агонизирующей родины,

---

¹ См.: Luis Cabrera, “La sombra de Aquiles Serdán”, en: Obras políticas del Lic. Blas Urrea, México, 1921. Apud en: En torno a la democracia, México, INEHRM, 2004, pp. 283-301.

² “La Sombra...” p. 301.

поспешите закрыть рану... эта жертва станет напрасной... иными словами, говоря без метафор: вы, разбудившие революцию, обязаны ее потушить... Революция должна завершиться; важно, чтобы она завершилась быстро, и вы должны помочь этому свершиться; но затушить ее следует решительно и бесповоротно, чтобы не оставлять тлеющие угли (...) Ваша ответственность в этом вопросе настолько велика, что если вам не удастся отчетливо постичь, каких политических и экономических реформ требует ваше государство, вы рискуете заронить семена будущих беспорядков и воспрепятствовать установлению благоденствия вашей страны»¹.

И это предупреждение для Мадеро помогло Кабрере не ошибиться в своем прогнозе, не замечать оппортунизма президента Франсиско Леона де ла Барра, а также, едва его встретив, разглядеть талант Венустиано Каррансы в 1911 г., чьим политическим идеологом и самым решительным сторонником он станет с течением времени.

Кабрера многие свои сочинения посвятил определению революции, выявлению ее отличий от реформ и переворотов. Несомненно, он лучший мексиканский теоретик *Государства и Революции*, появивший прежде, чем возник Ленин на сцене большевизма. Известный своими емкими фразами «революция есть революция» и «земля должна быть взята, где бы она ни была», он определил основные национальные проблемы с очевидной преемственностью в отношении работы его знаменитого учителя Молины Энрикеса, вышедшей под названием «Великие национальные проблемы» (*Los grandes problemas nacionales*):

«Касикизм: иными словами, деспотическое давление, которое оказывается местными властями, находящимися в контакте с пролетарским классом, которое реализуется посредством квотирования, произвольного тюремного заключения, закона о побеге и других форм враждебности и ограничения свободы на труд.

Пеонизм: иными словами, де-факто рабство или феодальное рабство, в котором находится рабочий, в первую очередь, переселенный или депортированный с юго-востока страны, существующее в силу экономических, политических и судебных привилегий, которыми пользуется помещик.

Фабрицизм: иными словами, личное и экономическое рабство, которому фактически подвергается рабочий фабрики из-за привилегированного положения предприятий в политической и экономической сферах, которым наделена промышленность.

---

¹ Idem

Асьендизм: иными словами, экономическое давление и выгодная конкуренция, которую испытывает крупная земельная собственность по отношению к мелкой, под вывеской налогового неравенства, а также множество политических и экономических привилегий, которые имеет крупная земельная собственность, осуществляя постоянное поглaщение мелкой аграрной собственности.

Съентифизм: иными словами, торговое и финансовое накопление, выгодная конкуренция, которую испытывает крупный бизнес по отношению к малому в результате государственного протекционизма и политического влияния, которое способны оказать руководители крупных предприятий на работу государственных органов.

Экстранхеризм: иными словами, доминирование и выгодная конкуренция иностранцев по отношению к гражданам во всех видах деятельности, причиной чему служит привилегированное положение, предполагающее чрезмерную защиту, созданную для иностранцев властями при поддержке и контроле иностранными дипломатическими представителями.

Кабрера был убежден в высокой демократической миссии Мадеро, но это убеждение сочеталось в нем с революционной энергией, требующей радикальных перемен. Он призывал применять избирательные законы и разные избирательные системы для избрания муниципальных, районных, ведомственных и федеральных должностных лиц. Так обозначился подход, которого будет придерживаться конституционализм в том, что касается подавления политического руководства и защиты принципа свободы муниципалитетов.

Что касается судебной власти, то она будет защищать собственную независимость и автономию. Было необходимо изменить законодательство в области военной мобилизации, чтобы освободить пролетариат от принудительных кровавых налогов, которые до сих пор были известны под названием «вербовка» или «контингентирование». Аграрные реформы не будут иметь успеха без создания и защиты мелкой земельной собственности и создания крестьянских общин, гарантирующих неотчуждаемость земель:

«Приобретая земли необходимые для этого из окружающих крупных владений либо посредством покупки, либо посредством экспроприации для общественной пользы с выплатой компенсации, либо посредством добровольной или принудительной аренды».

Органический интеллект новой революции не забывал о своих корнях. Как и Сердан, что было показано в недавних исследованиях¹, Мадеро не понимал логики, на которой Кабрера основывал свой принцип брать «земли, где бы они ни были». В действительно все было достаточно закономерно. Только таким образом было возможно умиротворить мятежных крестьян-сапатистов в регионах, где невозможность обрабатывать землю заставляла их брать в руки винтовку вместо мотыги, лопаты или кирки, чтобы заявить свои права на земли. Это заставляет Кабрера определять революционный процесс как «аномальный», но необходимый. Обеспокоенный этой нетипичной ситуацией, он вновь обратился к идеям Морелоса и настаивал на необходимости создания юридического корпуса требований и завоеваний революции. Следовательно, он стремился стать законодателем². Он утверждал, «часто полагают, что принятие законов способно решить политические проблемы (...), когда то, что действительно нужно, это новые люди». Он нанес множество поражений своим пером, и при всем при этом формально не был приглашен стать частью мадеристской революции. Первым предупреждением стало:

«... стремление к свободе и мечты об искупление многих поколений мексиканцев, которые говорили моими устами. Единственное качество, которое способно меня тронуть — это умение истолковать и смелость выразить то, что многие чувствовали, о чем смутно вздыхали, пока я писал (...). Я не претендую на то, чтобы изменить мир своими идеями; я знаю, что они истинны; я знаю, что многие патриоты сражались за них и умирали, но не потому, что они были моими, а потому, что они были их»³.

В период правления Мадеро Кабрера с сожалением отмечал различные кризисы на уровне министерств. По-видимому, ему был предложен пост министра развития (*cartera de Fomento*), который остался вакантным после отставки Хесуса Флореса Магона, но окружение Мадеро (Рафаэль Эрнандес, Педро Ласкурайн, Эрнесто Мадеро и, в особенности, его отец, дон Франсиско Мадеро) отговорили его от этой затеи, аргументировав это «чрезмерным радикализмом» Кабрера.

---

¹ См.: Humberto Morales Moreno, *De la conjura a la rebelión*. Puebla: 1909—1911, México, Conaculta/Gob. Del Estado, 2010.

² Кабрера вел активную законодательную работу как в XXVI, так и в XXVII Законодательных собраниях, в *Obra Política*, en 4 vols. приведены все его речи.

³ Parte del “Discurso pronunciado ante la Soberana Convención Revolucionaria de la ciudad de México el 5 de octubre de 1914”

Его видение революции дало четкое представление о том, при каких обстоятельствах и в каких сферах должны произойти изменения, временами без осознания их переходности. Кабрера заставлял осознать, что мексиканцы одновременно пережили целую совокупность исторических обстоятельств; что в течение длительного периода национальные проблемы были сосредоточены в руках четырех великих тиранов: правительства, духовенства, банковского сектора и латифундистов. Народ стал жертвой непрерывной диктатуры, нашедшей поддержку у армии; и она, вечно чуждая и оппортунистская, в 30-е гг. XX в. превратится в привилегированную бюрократическую касту. Кабрера, с присущей ему объективностью и самокритикой, анализирует мексиканское общество, с точки зрения коррупции, невежества, праздности, апатии и неповиновения. Он подмечает нечто очень близкое современности: воспитательную особенность мексиканцев забывать произошедшее. И если даже события предаются забвению так легко, что уж говорить об официальных документах, которые никто не читает с должной тщательностью и которые всегда забываются еще быстрее, особенно в моменты трагедий или безграничного энтузиазма. Мы продолжаем, говорил он, оставаться «нацией, настолько наивной, что верит в демократию и свободу». Да, Конституция, принятая с поспешностью, несовершенно и не соответствует действительности, но она остается нашей целью, нашим ориентиром, сводом наших демократических идеалов, несмотря на многочисленные поправки, которые были сделаны больше для удобства конъюнктурной политики, чем в силу реальной потребности. Воспринимайте Мексику как нацию, которая испытывает слабость к формам (*amante de las formas*), которая ищет в законах некую модель, некое правило, чтобы контролировать очевидные злоупотребления.

Кабрера, судя по всему, осознал социальную потребность в решении аграрного вопроса, но не мог отрицать права частной собственности. В данном контексте он выступает в качестве антипода Ленина. Он утверждал, что аграрный вопрос заключает в себе множество трудностей, для решения которых необходимы соответствующие законы. Создание и защита мелкой аграрной собственности являлась центральной задачей, решение которой было необходимо для освобождения народов из экономической и социальной тюрьмы, установленной крупными землевладельцами; отсюда следует его предложение, сделанное в 1912 г., — восстановить крестьянские общины, обеспечивая неотчуждаемость земель и отыскивая в крупных владениях земли, которые можно передать народу «либо посредством покупки, либо посредством экспроприации для общественной пользы с выплатой компенсации».

Кабрера повторял снова и снова, что, если весь спектр дисбалансов в мексиканском сельском хозяйстве не будет исправлен, крестьянин променяет плуг, лопату и кирку на винтовку. Перераспределение частной собственности на землю, происходящее под управлением государства. Какой проект! Который вдохновит на создание колхозов в Советском Союзе после смерти Ленина¹.

Кабрера настаивал, что предреволюционные политические деятели² указывали на аграрный вопрос, и Мадеро также указывал на эту проблему в Плане Сан-Луиса. Но в 1912 г., когда Мадеро был уже законным и легитимным президентом, аграрная проблема осталась в стороне. Не существовало согласованного плана распределения или реституции земель. Кабрера понимал, что сапатисты правы, хотя он никогда не сочувствовал их делу. Наконец, после Конвенции Агуаскальентес, необходимость разработки аграрной политики стала неотложной. В декабре 1914 г. Карранса будет оглашать поправки к Плану Гваделупе, отразившие взгляды Кабреры³.

Возможно по совету Кабреры, Карранса позволяет ему в рамках конституционной модели разработать суть аграрного закона 6 января 1915 г., призванного пресечь лозунги сапатистов, определяемые измененным Планом Аяяла. Вынужденный закон, принятый в разгар Революции, мог быть доверен только военным лидерам конституционалистских сил (*Ejército Constitucionalista*).

---

¹ Русское словосочетание «коллективное хозяйство» отсылает нас к сельскохозяйственным кооперативам, учрежденным в СССР в 1928 г. Сталиным. Данная модель очень похожа на мексиканских коллективные крестьянские общины, созданные в результате аграрной реформы и предусмотренные ст. 27 Конституции 1917 г. Русский неологизм «советское хозяйство» (совхоз) 1929 г. относится к земле, контролируемой непосредственно государством, где крестьяне технически являются наемными работниками. Эта модель является оригинальным изобретением СССР.

² Статьи 34, 35, 36 и 37 Программы Мексиканской либеральной партии, провозглашенные в Сент-Луисе Миссури, США, 10 июля 1906 года. Apud en: Graziella Altamirano y Guadalupe Villa, *La Revolución Mexicana. Textos de su historia*, compiladoras, México, Secretaría de Educación Pública, Instituto de Investigaciones, Dr. José María Luis Mora, 1986, vol. I. p. 333.

³ См.: *Adiciones al Plan de Guadalupe* (Por las que se establece el compromiso de expedir, durante la lucha, las bases que satisfagan las necesidades económicas, sociales y políticas del país), Veracruz, 12 de diciembre de 1914. Apud en, *La Revolución Mexicana, Textos de su historia*, op. cit., vol. III, p. 439.

Верный союзник конституционалистской революции (Буржуазно-демократическая республика по-мексикански)¹

Биографы Кабреро согласны в оценке его скрупулезности, с которой тот подготавливает процесс мадеристской революции; как определяет и дает юридическое толкование движению каррансистов; он определяет цивилизм, предвосхищая проблемы присущие милитаристским позициям; осуждает вмешательство США и интервенционистские проекты различных американских правительств. Еще в 1914 г. у истоков событий, связанных с государственным переворотом Викторiano Уэрты, он предлагает новую политическую конституцию. Он особенно настаивал на невозможности переизбрания и сочувствовал идее ограничения привилегий, особенно иностранного капитала; Кабреро много рассуждал о преобразовании законодательства по гражданским и уголовным делам, о модификации судебного приказа о защите, вдохновленный своим учителем Родольфо Рейесом, с которым был согласен по вопросу признания ответственности государственных должностных лиц, о предоставлении свободы печати, а также о необходимости улучшить условия поденщиков и фабричных рабочих.

Наблюдая за невозможность Мадеро воплотить проект Революции, в начале 1913 г. Кабрера вместе с другими членами «блока обновления» Bloque Renovador просил президента продолжить путь трансформирования, поскольку контрреволюция набирала силу. Однако эти предупреждения не достигли своей цели. Именно тогда Кабрера направился в США; оттуда он отправляет свою семью в Испанию, а сам едет в Гавану, надеясь возвратиться домой. Когда Кабрере не удается попасть на корабль в Мексику, ему не остается ничего кроме как

---

¹ Эрик Хобсбаум ввел марксистский термин в европейскую историографическую дискуссию в своем знаменитом труде «Буржуазные революции», Мадрид, Гвадаррама, 1979. В СССР первопроходцами данного анализа в контексте интересов американских империалистов были М.С. Альперович и Б.Т. Руденко. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. Fondo de Cultura Popular, México, 1960. Оригинальное издание данной работы вышло в Издательстве социально-экономической литературы, в Москве в 1958 г. Эта коцепция в значительной мере соотносится с анализом Ленина, проведенным в отношении Русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Экспансивная волна этих процессов пришла в Китай, Иран, Турцию, как зависимые общества, и преследовалась английским империализмом. Неясно, была ли в случае с Мексикой некая связь между русской буржуазией 1907 г. и «распрями между элитами» общества порфириата 1907 г. Для советских историков Мексика представляла собой совершенно особый случай как по своему содержанию, так и по своему исходу. См.: V. I. LENIN. Obras completas, en ruso, T. XVIII, p. 546.

отправиться в Нью-Йорк, где его и застало известие о *трагической декаде*¹. В своем знаменитом письме, опубликованном в *El Imparcial* 5 марта 1913 г., он заявляет, что не участвовал в политической деятельности за границей, и солидаризируется с группами новаторов (*elementos renovadores*), «которые никогда не навязывали своего мнения»; он обнаружил эти факты для того, чтобы обеспечить свою «будущую работу в рамках конституционного поля, добиваясь скорейшего восстановления свобод, но воздерживаясь от конкретных шагов до того, как ему станут известны политические программы новых официальных лиц по вопросам отправления правосудия, муниципальной автономии, военной мобилизации, аграрной реформы и других идеалов новаторов».

Эти обращения были направлены на поддержку конституционализма Венустиано Каррансы, противодействующего Викторiano Уэрте. Кабрера задумал революцию против Уэрты, которая должна была стать продолжением революционной борьбы Мадеро. На этом новом этапе борьбы Сонора присоединится к процессам в декабре 1913 г., уступив тем самым место самой важной политической ассоциации: союзу с Каррансой, главнокомандующим объединенных сил конституционалистов.

Чтобы понять контекст, в котором Луис Кабрера будет поддерживать Каррансу, необходимо пояснить содержание политической программы и плана действий конституционалистов, во главе с Каррансой, а также характер советов, которые давал ему «*Blas Urrea*». Он посетил Конвент революционных сил в Мехико, где 5 октября 1913 г. защищал так называемого верховного главнокомандующего и отстаивал его военный и моральный авторитет. Он защищал цивилизм от тех, кто добился высокой степени мобилизации общества, поднятого на вооруженную борьбу. Он служил секретарем Казначейства в 1914 и 1916 гг. Следовательно, он отвечал за финансирование вооруженной борьбы и за сбор финансовой помощи политике революционного режима.

Если обратиться к публикациям, исследующим каррансизм после смерти верховного главнокомандующего, можно обнаружить, что в ее основе военные действия, народная мобилизация, политические и социальные трансформации, вызванные различными вооруженными движениями. В нашем распоряжении «Мексиканский Милитаризм»

---

¹ Так назван период 13—23 февраля 1913 г., в ходе которого президент Мадеро оказывается смещен со своего поста в результате государственной измены в Мехико.

Винсенте Бласко Ибанеса («*El Militarismo Mejicano*²⁹» de Vicente Blasco Ibañez)¹, «Орел и змея» Мартина Луиса Гусмана («*El águila y la serpiente*» de Martín Luis Guzmán)²; «Карранса: Человек, Политик, Вождь, Патриот» Франсиско Л. Уркисо («*Carranza: El Hombre, El Político, El Caudillo, El Patriota*» de Francisco L. Urquizo)³; «Путь в Тласкалтонго» Рамона Бететы («*Camino a Tlaxcalantongo*» de Ramón Beteta)⁴; «Краткая биография, опубликованная в газете CROMOS, Богота (Колумбия)» Хуана Таблады («*Semblanza Publicada en el Periódico CROMOS, de Bogotá*» de José Juan Tablada)⁵; «Карранса: создатель современной Мексики. Его жизнь и его смерть» подполковника Игнасио Суареса («*Carranza forjador del México actual, su vida y su muerte*» del Tte. Coronel, Ignacio Suárez)⁶; «Старый король» Фернандо Бенитеса («*El Rey Viejo*» de Fernando Benítez)⁷. Но без сомнения, прежде, чем данная тема осталась неустребованной на период продолжительности более 10 лет, вплоть до выхода нашей работы, труд Кабреры «Наследие Каррансы», был отмечен идеей «Восстановить Мексику на основе подлинной автономии: автономии военной, экономической, финансовой и международной»⁸.

Кабрера не сомневался в патриотизме Каррансы. В военной сфере проблема производства оружия и боезапасов не имела международной цели. Та автономия, которую Карранса стремился установить в военной сфере, походила на его так называемую доктрину международной автономии, то есть никакая иностранная нация не должна вмешиваться или оказывать влияние на внутренние дела. Политика экономического развития и укрепления благосостояния страны должна исходить из

---

¹ Vicente Blasco Ibañez, *El Militarismo Mejicano*, Estudios Publicados en los Principales Diarios de los Estados Unidos, Prometeo Sociedad Editorial, Valencia, 1920, 449 p.

² Martín Luis Guzmán, “El Águila y la Serpiente” Colección Ideas, Letras y Vida; CIA. General de Ediciones, S.A. México; 14ª Edición; México 1972; pp. 180-181.

³ Francisco L. Urquizo, “Carranza”, *El Hombre, El Político, El Caudillo, El Patriota*. 9ª Edición, México 1970, 79 p.

⁴ Ramón Beteta, *Camino a Tlaxcalantongo*, Colección vida y Pensamiento de México, 1era edición, FCE, México 1961, 127 p.

⁵ <http://www.tablada.unam.mx/archivo/fotograf/notas/i119-30.html>

⁶ Ignacio Suárez G., *Carranza forjador del México actual, su vida - su muerte*; B. COSTA - AMIC Editor, México DF 1965, 226 p.

⁷ Fernando Benítez, *El Rey Viejo*, Colección Popular, FCE, 2ª Edición, México 1959, 208 p.

⁸ Blas Urrea, *La Herencia de Carranza*, Imprenta Nacional S.A., México 1920, pp. 34-35.

того, что природные богатства Мексики должны приносить пользу мексиканцам или тем иностранцам, которые в силу своего проживания или проживания своих семей инвестируют в развитие Мексики.

Существующие исследования демонстрируют, что Кабрера в значительной степени повлиял на формирования автономистических идей Каррансы по вопросу эксплуатации и охраны природных ресурсов. Отныне, уважая уже приобретенные права, получение различного вида концессий всегда должно рассматриваться в пользу мексиканцев. Эта стратегия, в ходе ее применения, встретила большое сопротивление, однако Карранса неизменно ее придерживался посредством деятельности Министерства развития и промышленности, в духе статьи 27 Конституции 1917 г. Финансово-экономическая политика Каррансы достигла своей цели — ему удалось установить государственное регулирование экономики, подчинив эксплуатацию природных ресурсов своему контролю. Он также смог остановить инфляцию и сбалансировать бюджет, основываясь на модели, унаследованной от Лимантоура. Парадоксально, если вспомнить, что Кабрера начал свою публицистическую деятельность с осуждения Лимантоура как «*сьентифико*» «офранцузенного» происхождения, чтобы не допустить его кандидатуру на пост президента Республики в 1910 г. Кабрера стал автором текстов, осуждающих тайную сделку группы *сьентификос*, требующих от Лимантоура «конкретных обязательств» «*cargos concretos*». Он обвинял их в незаконном обогащении, получении государственных или общественных должностей, бенефиций, проистекающих из возможности занимать вышеуказанные места, в осуществлении влияния на торговлю в частных интересах. Порицая Лимантоура, что беспокоило даже Мадеро, Кабрера утверждал, что в конце марта 1911 г. положение в стране требовало отставки Диаса. Он был противником соглашения между Мадеро и Диасом.

Что касается компаний, занимающихся общественными услугами, Карранса считал, что они должны принадлежать и управляться на муниципальном, государственном или федеральном уровне, в зависимости от обстоятельств. Как и в прочих сферах, страна должна быть самодостаточной, поэтому он был строг и решителен, в отношении валютных ресурсов, он никогда не использовал ничего кроме национальных источников. Налоговая политика Каррансы основывалась на принципах равенства и справедливости.

Создание единого банка-эмитента и национализация банковской системы *la incautación de la banca* — два важных вопроса, тесно связанных с политикой каррансизма по формированию правительства в качестве независимого субъекта. Идея создания указанного банка,

первоначально представленная в тексте новой Конституции, была следствием политической необходимости обеспечить автономию банковской системы. Однако политические препятствия, проистекаемые из президентской кампании, были многочисленны, и, как следствие, соответствующий законопроект был отозван, а ликвидация осуществлялась по частным соглашениям с национализированными банками, чтобы обеспечить соответствующие правовые основания¹. Вот почему значительную поддержку получила Валютная Комиссия *Comisión Monetaria*, которая станет предшественницей будущего Банка Мексики, созданного в 1925 г.

С другой стороны, Конституция 1917 г. вынудила Каррансу построить сильное государство, основанное на социальной справедливости для широких масс трудящихся, как на фабриках, так и в сельской местности. Карранса в определенной степени подчинился, но продолжал настаивать на существовании прочной исполнительной власти. Кроме того, он чувствовал необходимость ограничить аграрные и трудовые реформы для обеспечения внутреннего порядка в стране, в случае войны в США. Средний класс, составлявший наиболее важную часть в рамках его коалиции, также настаивал на мире, без продолжительных простоев на фабриках и без конфискации земель. Разрыв Каррансы с Домом мировых трудящихся (*Casa del Obrero Mundial*) и Региональной конфедерацией мексиканских рабочих (*la Confederación Regional Obrera Mexicana, CROM*) продемонстрировал, что его патерналистского популизма оказалось недостаточно для удовлетворения требований лидеров рабочих групп. Карранса и его националистические сторонники, (социал-шовинисты Ленин dixit) Кабрера, наиболее заметный среди них, ловко защищали свой новый проект государства от радикальных революционеров, а также против реакционеров-порфиристов. Задача внедрения социальных реформ стала серьезной проблемой для правительства Каррансы. Он упорно стремился к ее достижению, но результаты не всегда были удовлетворительны.

Что касается международной геополитики, то здесь стало ощущаться внешнее вмешательство, с 1912 г. посольство США стало центром заговора². Позиция Генри Лейна Уилсона в течении трагической

---

¹ См.: “*Blas Urrea*” en Op. Cit., p. 54.

² Заговор, в котором Генри Лейн Уилсон, Посол США в Мексике, стал главной опорой и сообщником Феликса Диаса после его вооруженного восстания в Веракрусе в 1912 г.; кроме косвенного зачинщика «городских казарм» («*cuartelazo de la ciudadela*»), на протяжении трагической декады самым важным фактором сговора между Уэртой и Диасом, приведшим к предательству и государственному перевороту, стал Уилсон. Данный сговор известен под

декады продемонстрировала, как мало уважения он питал к суверенитету Мексики и как далеко он мог зайти. Чтобы сохранить необходимую в международных делах автономию, Карранса решительно поддержал нейтралитет Мексики в Первой мировой войне¹. Вместо того, чтобы соглашаться с победителями, Карранса обрушился на Лигу наций. Статья 21 Устава Лиги наций была особенно спорной, поскольку здесь признавалась Доктрина Монро и утверждалась гегемония США в Латинской Америке. Карранса заявил, что Доктрина Монро не будет им признана в силу того, что никаких предварительных консультаций по этому решению с Латинской Америкой не проводилось. Он подчеркнул, что ее признание ведет к «принудительной опеке». Для Каррансы Доктрина Монро и Лига наций представляли собой опасный фактор укрепления гегемонии США и новой Европы. Он утверждал, что Мексика не войдет в Лигу наций до тех пор, пока не будет создано «... всеобъемлющее равенство для всех наций и рас». Его мнение было сформулировано в так называемой Доктрине Каррансы — страстном националистическом заявлении, которое опередило свою эпоху и предвосхитило современные подходы «третьего мира», несколько позже получившего такое наименование; обращаясь к Доктрине Кальво², он попросил, чтобы вооруженные силы и высокомерная диплома-

---

названием «Посольский пакт» (“Pacto de la Embajada”). Луис Кабрера с большим сожалением повествует об этих фактах в *La Herencia de Carranza*, p. 59.

¹ Douglas W. Richmond, *La Lucha Nacionalista de Venustiano Carranza 1893 - 1920*, FCE, 1^a ed., México 1986, p. 263.

² Это элемент международного права, который иногда используют страны Латинской Америки в публичных соглашениях, заключенных с иностранцами, в качестве условия, предполагающего, что в случае возникновения спора, иностранец обязан исчерпать все ресурсы национального законодательства прежде, чем прибегать к защите собственного правительства. В Мексике этот пункт закреплен в Федеральной Конституции, раздел I, статья 27: «Государство может предоставлять такое же право иностранцам при условии, что они заявят в Министерство иностранных дел о своем согласии считать их в отношении соответствующего имущества в качестве мексиканцев и что они возьмут на себя обязательство не обращаться к своим правительствам за помощью по делам, связанным с этим имуществом». Более подробная информация по этому вопросу: *Cláusula Calvo véase*, Lic. Armando R. Campo, www.mexicolegal.com.mx а также сочинение Humberto Morales Moreno, “America Latina en la Segunda Guerra Mundial.” (*La Historiografía del populismo en la región*), en: *Historia de América*, IPGH, San José de Costa Rica, Vol. 140, 2009, pp. 50-75.

тия (*Diplomacia arrogante*) не использовались для защиты иностранных инвестиций и граждан за счет граждан слабых стран.

В правовых вопросах Карранса утверждал, что национальный суверенитет имеет преимущество над законом (*presencia sobre la ley*). Доктрина Каррансы, имевшая своей целью защиту его реформ посредством Конституции 1917 г., была удобным инструментом¹. Противостояние в отношении мексиканских ресурсов продолжало оставаться основным источником разногласий между Мексикой и США. Это заставило Каррансу искать другие способы привлечения инвестиций для реализации его плана по снижению зависимости Мексики от США.

Годы спустя после убийства Каррансы Луис Кабрера отрицал какие-либо заслуги, заявляя, что занимал государственную должность в течении двух лет и двух месяцев, а когда порядок был восстановлен — в течении еще одного цикла, продолжительностью год и месяц. Но очевидно, что во время его работы с Каррансой, он активно добивался патерналистского законодательства для мексиканских крестьян, и, несмотря на то, что всегда отрицал какое-либо влияние на него, Кабреру признают «теоретиком каррансийской модели».

Кабрере было поручено совершить поездку на полуостров Юкатан, в Табаско и Чьяпас. Затем он побывал в США и Европе, чтобы способствовать формированию объективного представления о революционном процессе, опороченный интервенционистскими атаками американцев и предвзятым отношением некоторых государств Старого Света. Он утверждал, что «лишь немногие были готовы к тому, что мы проявили силу и верность»².

Вернувшись, он принял участие в работе XXVII Законодательного собрания; во второй раз он занимал пост в течение четырех месяцев. Наконец, в 1920 г. по дороге в Веракрус, он сопровождал Каррансу в его трагическом путешествии. Только по счастливому случаю, ему повезло не погибнуть вместе со своим Президентом в Тлакскалантонго. Ему удалось избежать гибели, спрятавшись в другой хижине. Плоды его размышлений, труд «Наследие Каррансы» увидел свет в тот самый чудовищный 1920г. Некоторое время спустя он опубликовал свои «Политические труды» под именем *Lic. Blas Urrea* и начал свое знаменательное дело по защите Барона де Куатро Сьенегаса. Биографы Кабреры согласны с тем, что его уход из «прежней политики», не по-

---

¹ Douglas W. Richmond, *La Lucha Nacionalista de Venustiano Carranza 1893 - 1920*, FCE, 1ª ed. México 1986, p. 264.

² См.: Frederich Katz, *La guerra secreta en México*, México, ediciones Era, 1982.

мешал ему воспользоваться преимуществами журналистской деятельности, чтобы осуждать то, что он всегда считал неудачей революции, начатой Мадеро, — поколение президентов, родом из Соноры (sonorenses), соглашение Букарели с США (Bucareli), а также стратегии самого генерала Карденаса во власти.

Революция есть революция. Наследие Кабрера

Луис Кабрера на ранних этапах своей политической деятельности и государственной службы обнаружил, что Мексика была разорвана между существованием и необходимостью соответствовать закону. *que México se debatía entre el ser y el deber ser del Derecho*. К этому также относится его критическая позиция, согласно которой мексиканцы все время с усердием искали универсальную политическую формулу; несмотря на то что мексиканские законы хороши в теории и относительно прогрессивны, на практике они никогда не становятся эффективны, создавая значительное правовое и экономическое неравенство. Основная политическая проблема Мексики коренится в стремлении уничтожить политическое притворство (*radicaba lograr abolir la ficción política*), унаследованную от старого режима (Ф. Х. Герра). Огромные национальные экономические и социальные проблемы не могут быть решены без обращения к корням политического притворства (*sin acudir a las raíces de la ficción*).

Мексиканский народ склонен путать концепцию революции с восстанием и государственным переворотом. Все движения в Мексике определяются как революция, поэтому сама концепция революции оказалась изношенной (*ha sido banalizado*)¹. Ведется речь о Революции Нории, Революции Тустепека, однако История, этот верховный судья, квалифицирует эти события как попытки захвата власти. Согласно Кабрере, в полном смысле этого слова в Мексике было лишь 3 революции. А именно: Революция за независимость (1810—1821), которая должна пониматься как борьба народа против угнетения. Затем Революция (*Revolución de Reforma*) 1854, которая по сути не заканчивалась до 1867 г. И, наконец, революция, которая определяется как революция за ревернтво, начавшаяся в 1910 г. и не могла завершиться успешно. Революции возникали случайно. Мигель Идальго не

---

¹ См. Недавнюю дискуссию о концепции переворота (*pronunciamiento*) en Will Fowler, “El pronunciamiento mexicano del siglo XIX. Hacia una nueva tipología,” *Estudios de Historia Moderna y Contemporánea de México* 38 (julio-diciembre 2009), pp. 5-34. Y el libro bajo su coordinación: Will Fowler (ed.), *Forceful Negotiations: The Origins of the Pronunciamiento in Nineteenth-Century Mexico* (Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2010).

помышлял о независимости Мексики, тем более о республиканской реформе нового правительства; Хуан Альварес не думал о разделении церкви и государства; наконец, Мадеро не верил в существование научной олигархии, оказывающая влияние на положение дел в Мексике, он не знал, что мексиканскому обществу требуется аграрная реформа, чтобы добыть себе свободу.

Он определяет революции как кризис исторического развития народов, поскольку трансцендентные реформы на национальном уровне никогда не достигаются посредством *правовых и конституционных процедур*. По этой причине революции коротки, и их непродолжительность позволяет им не признавать старые правовые системы и создавать новые. Революции не должны становиться хроническими, но должны быть преобразованы в правительство, укрепляя их собственные правовые принципы, чтобы обеспечить их действие.

Революция подразумевает применение силы для разрушения системы, а затем требует огромного мастерства, чтобы установить новый политический режим. С точки зрения социологии политики, революционный акт интерпретируется как восстание против системы, которая считается устаревшей. Однако, подчеркивает он, любая социальная система воплощается в совокупности законов и политической организации. Следовательно, каждая Революция проявляется как нарушение существующих законов и как молчаливое незнание правительства. Вот почему революции представляют собой аспект анархических атак, которые стремятся уничтожить общество, и возможно именно поэтому, предупреждает автор, многие восстания путают с революциями. Таким образом нарушается законность, чтобы обрести новую легитимность¹.

Кабрера разрабатывает периодизацию революционного процесса. «Революция за равенство» (La «Revolución de la Igualdad») началась 20 ноября 1910 г. и завершилась 13 февраля 1913 г. Данный период характеризовался попыткой про-диктаторских элементов, военных и съентификос, составлявших основную силу генерала Диаса, обмануть Революцию и остаться доминирующей силой в стране. Тогда признавалось, что Революция Мадеро имела минимальные намерения по социальной реформе и большие по политической модификации, которые не создавали угрозу ни олигархии, ни привилегированным классам. К сожалению, движение 1910 г. атаковало преимущественно самодержавный, функционирующий механизм диктатуры, попытавшись спра-

---

¹ Humberto Morales Moreno, *Las tribulaciones de la SCJN entre la legalidad y la legitimidad: 1912-1917*. SCJN, México, Comisión BYC-PJF. (Col. La Justicia durante el Porfiriato y la Revolución, 1898-1914. No. 6) 2010.

виться с ним простой заменой людей в составе той же системы, а главное — ее плутократического ядра, которое являлось основой порфириата. Высокой миссии Мадеро оказалось недостаточно, чтобы устранить «старый режим». Второй период начинается 19 февраля 1913 г. и достигает своей кульминации в октябре 1914 г., когда в Мехико собирается Конвент революционных сил; разрушенная власть или по меньшей мере власть, которую пытались разрушить, была силой военных и составляла основу диктаторского режима. Третий период с 1 ноября 1914 г. стремится к искоренению экономических и плутократических элементов порфириата. Согласно Кабрере, это был «реформаторский период» — темная глава, в представлении Кабреры, связанная с его отказом признать роль Вильи и Сапаты в народной мобилизации против Уэрты. Возможно враждебность Кабреры берет свое начало в давних контактах с Каррасой, который сам испытывал неприязнь к народным движениям.

«...Каждая революция начинается со слепого бунта против невыносимого положения, без предварительного плана, без набора принципов. Недовольство перерастает в восстание, а затем рождаются принципы».

Очевидно, что Кабрере гражданская война в Мексике представлялась тремя периодами, подчиненными разной логике. Необходимо определить различия между войнами и революциями; в первом случае в основе лежат социальные причины, которые ими движут, хотя они могут совпасть с революциями в том, что касается развязывания кровавой и непримиримой борьбы. Революции являются патологическими и критическими состояниями обществ, поэтому характеризуются как аномальные ситуации в жизни народов. Они почти всегда бессознательны, разве что вырисовываются их тенденции, указывая на их разрушительные цели, в частности Мексиканская революция не включает отчетливой идеологической полемики.

Важная мысль его теоретического подхода заключается в том, чтобы ясно продемонстрировать, что успех революции зависит от того, насколько их идеологические достижения находят отражение в законодательной базе. С этой точки зрения можно согласиться с Арнальдо Кордова, когда в своем труде «Идеологический процесс Мексиканской революции» он приходит к выводу, что совокупность восстаний, гражданских войн и переворотов, происходивших в период 1910—1938 гг. завершилась успешным идеологическим процессом, воплотившимся в

новом Partido del Estado и в законодательной базе, отличной по своей сути от старого режима порфириата¹.

Его «реакционная» критика Революции 1930-х гг., по-видимому, также концептуально ориентирована на ее институциональную логику, которая по его суровому представлению является совокупностью бессмысленных процессов. Он следит за стагнацией реформ и за разворотами от милитаристского «статус кво» периода порфириата. *Avizora el anquilosamiento de las reformas y la vuelta de tuerca del «status quo» militarista del porfiriato.* Он вопрошает: кто делает революции? Обездоленные, рабы, изгнанники. Это всегда восстание народного большинства против социальной или экономической несправедливости режима. Поэтому революции свершаются народами, чтобы вырваться из состояния рабства или неудовлетворительного положения, которым они обязаны режиму. Даже если внешне революция проявляется в попытке свергнуть режим, в действительности ее целью является замена законов и обычаев на более справедливые. Кроме того, не вызывает сомнений, что революция никогда не проистекает из властных структур, она возникает в среде чуждой правительству и поэтому противостоит общему порядку, поскольку ей придется оспаривать как действующий режим, так и законы, на основе которых он существует. Поэтому революция — это радикальное действие со стороны угнетенного социального класса, против давления, оказываемого на него привилегированным классом. Средством борьбы будет сила и насилие. Когда же восстание происходит от самой олигархии, оно не должно рассматриваться как революция, а просто как восстание, мятеж или переворот.

Кабрера выделял в каждой революции два этапа: первый, являющийся по существу деструктивной фазой, можно назвать собственно революцией, а второй — реконструктивный этап, который обычно диктует что должно стать правительством, чтобы консолидировать свои принципы, придать им легитимность и практическую силу. Очень важно, чтобы деструктивная фаза проходила с максимальной скоростью. Кроме того, нет никаких сомнений в том, что все революции — это болезненные операции на социальном теле народа, поэтому социальная агония не должна быть продолжительной. И хотя в принципе это не оправдывает насилие (то, что совершенно точно отличается в бланкистско-ленинистской модели (*blanquista-leninista*), он признает, что исторически великие достижения человеческой свободы редко можно было добыть без крови и многочисленных жертв. В революции неизбежно присутствует значительный эле-

---

¹ См.: Arnaldo Córdova, *La ideología de la Revolución Mexicana*, México, Era, 1973.

мент беззакония, необходимый для того, чтобы обеспечить господство лидеров над неблагоприятными обстоятельствами, следовательно, неизбежна и неравномерность последствий.

Выше мы упоминали о том, что революции являются реакцией на кризис развития нации, кризис, который открывает путь сильному правительству, но нельзя забывать, однако о том, что пока оно не появится, революция считается незавершенной, или ее поражение неминуемо. И этого возможно достичь только тремя конкретными способами: полным уничтожением, полной победой или трансформацией, сохраняющей идеи, что столетие назад выразил Морелос «Революция, которая идет на сделку — потерянная революция»: por el completo aniquilamiento, el total triunfo y por transición y rescatando las ideas que un siglo antes esgrimiera Morelos, «Revolución que transa es revolución perdida».

Произведения Луиса Кабреры, имеющие доктринальный характер:

1. *La reconstitución de los ejidos de los pueblos como medio de suprimir la esclavitud del jornalero mexicano*, México, Tip. de F. S. Soria, 1913.

2. *El Cantar de los Cantares del glorioso Salomón*, trad., México, Talleres Gráficos del Gobierno Nacional, 1919.

3. *La herencia de Carranza*, México, Imprenta Nacional, 1920.

4. *Obras políticas del Lic. Blas Urrea: recopilación de escritos publicados durante los años de 1909, 1910, 1911 y 1912, con numerosas notas históricas y explicativas y un apéndice con los documentos políticos principales de esa misma época*, México, Imprenta Nacional, 1921.

5. *El balance de la Revolución: conferencia sostenida por el Lic. Luis Cabrera en la Biblioteca Nacional de México la noche del día 30 de enero de 1931, con una introducción explicativa*, México, 1931.

6. *Observaciones a la reforma del artículo 10 de la Ley de 6 de enero de 1915*, México,

A. Mijares, 1932. *Un ensayo comunista en México*, México, Editorial Polis, 1937.

7. *Veinte años después; el balance de la Revolución; la campaña presidencial de 1934; las dos revoluciones*, 3ª ed., México, Ediciones Botas, 1938. *El Evangelio de la Revolución: discurso pronunciado por el Lic. Luis Cabrera en la velada que se verificó en el Palacio de Bellas Artes, de la ciudad de México, la noche del día 5 de febrero de 1942, en celebración del 25º aniversario de la Constitución de 1917*, México, 1942.

8. *Diario del Presidente Polk*, 2 vols., trad., México, Antigua Librería Robredo, 1948.

9. *Una opinión mexicana sobre el conflicto mundial*, México, Nuevo Mundo, 1951.

10. *Obras completas*, 4 vols., México, Ediciones Oasis, 1972-1975.
  11. *La solución del conflicto y Carta abierta a don Francisco I. Madero*, México, Centro de Documentación Política, 1977.
  12. *La Revolución es la Revolución*, Prólogo de Francisco Martínez de la Vega, México, Ediciones del Gobierno del Estado de Guanajuato, 1977.
  13. *La Revolución es la Revolución*, Prólogo de Rocío García Olmedo y comentario final de Miguel González Avelar. Redición de la LVII Legislatura del H. Congreso del Estado de Puebla, 2010.
- Некоторая библиография, посвященная Луису Кабрере:**
1. Alba, Víctor. «Luis Cabrera, Blas Urrea y Lucas Ribera, una sola persona que ha sacudido a México con su talento y pasión, dice su hijo», *Hoy*, 7 de julio de 1951.
  2. Azuela Salvador, comp. *Luis Cabrera: semblanzas y opiniones*, México, Biblioteca del Instituto Nacional de Estudios Históricos de la Revolución Mexicana, 1976.
  3. Azuela, Salvador. «Científicos y tecnócratas: de la tecnocracia», *Novedades*, 8 de marzo de 1976.
  4. Barba González, Silvano. *La lucha por la tierra: Ponciano Arriaga, Andrés Molina Enríquez, Luis Cabrera, Pastor Rouaix*, México, Editorial del Magisterio, 1963.
  5. Beer, Gabriella de, *Luis Cabrera, un intelectual de la revolución mexicana*. México: Fondo de Cultura Económica, 1984.
  6. Beer, Gabriella de, «Los cien años de Luis Cabrera: actualidad de su pensamiento revolucionario», *Cuadernos Americanos*, 209, núm. 6 (1976), pp. 80-91.
  7. Beer, Gabriella de, «Luis Cabrera, Intellectual Activist of the Mexican Revolution», en *Homenaje a Andrés Iduarte*, Jaime Alazraki, Roland Grass y Russell O. Salomon, comps., Clear Creek, Ind., The American Hispanist, 1976, pp. 85-98.
  8. Beer, Gabriella de, «Luis Cabrera, ensayista y teórico de la Revolución mexicana»,
  9. *Cuadernos Americanos*, 202, núm. 5 (1975), pp. 155-160.
  10. Cabrera Nevraumont, Guillermo. «Carta», *Novedades*, 12 de abril de 1974.
  11. Cabrera, Mercedes. *Luis Cabrera. Bibliografía. Aspectos de su vida. Páginas escogidas*, México, Editorial Cultura, 1951.
  12. Cabrera, Luis, *Obra Política*, (Estudio preliminar y edición de Eugenia Meyer), UNAM, México, 4 vols. 1992.
  13. Carrancá y Rivas, Raúl. «Luis Cabrera, jurista», *El Gallo Ilustrado (El Día)*, 22 de abril de 1979.

14. Córdova, Arnaldo, *La ideología de la Revolución Mexicana*, Era, México, 1973. García Cantú, Gastón. «Cabrera ante Zapata», *Siempre*, 16 de agosto de 1979.
15. González Martínez, Enrique. «El caso Luis Cabrera», *Lectura*, 106, núm. 3 (1955), pp. 83-92.
16. Laborde, Hernán. *Luis Cabrera, traidor a Yucatán y a México*, Mérida, 1936. Menéndez, Miguel Ángel, *Respuesta a Luis Cabrera*. México, Nuevo México, 1938.
17. Meyer, Eugenia, (Comp. y estudio introductorio) *Revolución e historia en la obra de Luis Cabrera (antología)*. México: FCE, 1994.
18. Meyer, Eugenia. *Luis Cabrera: teórico y crítico de la Revolución*, México, Sep- Setentas, 1972.
19. Meyer, Eugenia. «Cabrera: el revolucionario de entonces... ¿El de ahora?», *Revista Mexicana de Cultura (El Nacional)*, 20 de junio de 1976.
20. Morales Moreno, Humberto. *Luis Cabrera Lobato 1876-1954*. (Ideólogo del Estado y la Revolución en México), Las Ánimas, México, 2012.
21. Picato, Pablo, «La política y los intereses extranjeros. Un artículo de Luis Cabrera» en *Relaciones*, vol. 22. Número 85, El colegio de Michoacán, Zamora, 2001. Págs.161-190.
22. Suárez Molina, José Luis. «El pensamiento agrario de Ponciano Arriaga y de Luis Cabrera: su influencia en el derecho agrario», tesis, Universidad Nacional Autónoma de México, 1963.

А. И. Мороз

Забайкальский государственный университет (г. Чита, Россия)

**СОВЕТСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В ОТНОШЕНИИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ
В УСЛОВИЯХ ДВР (1920—1922 ГГ.)**

Статья посвящена анализу советской образовательной политики в отношении взрослого населения, основу которой составляла ликвидация азбучной неграмотности и коммунистическое воспитание. На основе широкого круга опубликованных документов, таких как статьи и речи лидеров Октябрьской революции, решения форумов партии большевиков, работы видных представителей образования взрослых, проанализированы цели и содержание, основные формы ее реализации. Поднята проблема о начале и становлении такой политики в Восточном Забайкалье, территория которого до присоединения к Советской России входила в состав «буферной» Дальневосточной республики. Выделены характерные черты работы со взрослым населением в условиях этого государства. На основе неопубликованных архивных материалов из фондов Государственного архива Забайкальского края рассмотрена роль членов местных ячеек РКП (б) в ней. Установлено, что в условиях существования Дальневосточной республики политико-просветительная работа со взрослым населением не была развернута в полной мере. Этому мешали как конституционные особенности государства, так и отсутствие материальных ресурсов и подготовленных кадров. Условия для начала такой работы в регионе сложились только после ликвидации Дальневосточной республики и присоединения ее территорий к РСФСР.

Ключевые слова: история, Дальневосточная республика, Восточное Забайкалье, внешкольное образование, политико-просветительная работа.

Октябрьская революция 1917 г. стала одним из самых крупных социальных потрясений в истории России XX века. Ее события положили начало изменениям во всех сферах жизни нашего общества и государства. Изменения коснулись и сферы образования. В частности, большевистским руководством страны впервые была разработана на государственном уровне программа преодоления неграмотности значительной части взрослого населения страны и сделаны первые шаги по ее реализации [11].

Проведение данной работы, носившей название «внешкольного образования», было вызвано целым рядом причин. Среди них, прежде всего, необходимо отметить подготовку квалифицированных кадров для участия в процессе социалистической модернизации экономики.

Второй, не менее важной причиной, являлась необходимость формирования нового общества и нового человека. Для того чтобы оценить актуальность этой идеи, достаточно обратиться к трудам лидеров РКП (б). Так, В. И. Ленин в 1918 г. в своей статье «Очередные задачи Советской власти» писал: «Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: экспроприировать экспроприаторов и подавить их сопротивление, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада». Необходимым условием для достижения этой цели, был «образовательный и культурный подъем массы населения» [5]. Аналогичная мысль высказывалась и в работе Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского «Азбука коммунизма» в 1919 г.: «В области умственной, в психологии людей коммунистическая школа должна произвести такое же разрушение буржуазного общества и его экспроприацию, какую в области экономической Советская власть произвела национализацией орудий производства... Трудно строить коммунистическое общество массам, которые во многих областях духовной жизни обеими ногами продолжают стоять на почве буржуазного общества и его предрассудков. Задача новой школы состоит в том, чтобы подогнать сознание взрослых к изменившимся общественным отношениям, а главное — в том, чтобы воспитать молодое поколение, которое будет всей своей психологией стоять на почве нового коммунистического общества» [1].

В связи с этим в программе РКП (б) в марте 1919 г. была поставлена задача создания в стране системы бесплатного, обязательного, светского обучения для лиц обоего пола и всех возрастов. Особо авторы программы подчеркивали, что «...в области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца, начатое с Октябрьской революции 1917 г., дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие разрушения этого господства... В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [2].

Подобный подход обусловил высокую политизированность работы в области образования взрослого населения страны. Образовательный процесс, помимо сообщения элементарных знаний, должен был

воспитывать в учащих новые, особые качества личности, которых требовала от них современная политическая и экономическая ситуация — революционность, материалистическое видение мира, сознательное отношение к труду, коллективизм и т. д. Связь образования и политики признавалась важнейшим условием закрепления успехов революции, что ярко прослеживается в теоретических работах видных деятелей образования взрослых В. А. Зеленко, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Е. Н. Медынского, а также в учебной и учебно-методической литературе рассматриваемого периода.

В 1919 г. Народным комиссариатом по просвещению РСФСР был издан декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В соответствии с ним, все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте в государственных школах по плану Народного комиссариата по просвещению. В дополнение к нему были также разработаны инструкции и планы, которые конкретизировали организационные вопросы предстоящей работы. Так, 21 января 1920 г. Народный комиссариат по просвещению издал инструкцию по открытию специальных учреждений для обучения взрослых — пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов) и школ малограмотных. Такие учреждения должны были открываться на базе общеобразовательных школ I и II ступени, просветительных учреждений, в помещениях партийных и комсомольских организаций и на предприятиях всех населенных пунктов, где проживало не менее 15 неграмотных и малограмотных взрослых [7].

О содержательной стороне деятельности таких учреждений могут свидетельствовать разработанные состоявшимся в 1919 г. Всероссийским съездом по внешкольному образованию программы по русскому языку, математической грамоте, экономической географии. В соответствии с ними, обучение должно было выстраиваться в соответствии с запросами и потребностями контингента и могло вестись на основе материалов, взятых из жизни и актуальных для взрослого населения. Так, в процессе обучения чтению рекомендовалось использовать лозунги и плакаты, газеты, журналы и популярные брошюры. При обучении письму учащиеся должны были приобрести практические навыки путем заполнения анкет, заявлений, составления деловых писем или описаний событий из окружающей жизни. Закрепление навыков математических вычислений должно было достигаться выполнением задач на вычисление сумм налогов, счет отчислений в пользу голодающих Поволжья. На занятиях по экономической географии учащимся предлагалось знакомство с картами и изучение названий государств и городов, основных занятий их жителей. Кроме того, в программы работы

ликпунктов и школ малограмотных был введен особый курс под названием «Беседы по вопросам строительства Советской России» со следующими разделами: «Причины массовой неграмотности населения России. Декрет о ликвидации неграмотности», «Власть рабочих и крестьян. Участие трудящихся в управлении государством. Советы и их отделы», «Наша хозяйственная разруха и ее причины. Война царская, как ее начало. Война гражданская», «Борьба с разрухой. Революция, как освобождение от экономического рабства: фабрики, заводы, земля — достояние трудящихся», «Лучшие способы ведения хозяйства (увеличение плодородности почвы, поднятие скотоводства). Голод, причины голода и меры борьбы с ним», «Помощь деревни городу и города деревне. Союз рабочих и крестьян. Советское государство, как переход к коммунистическому обществу» [7].

В условиях политической цензуры и почти полной монополии большевиков на средства массовой информации, обучение на ликпунктах и в школах малограмотных становилось не только способом распространения знаний и разъяснения новых явлений, но и средством политического воспитания взрослого населения, пропаганды в его среде коммунистических идей. Эту работу гармонично дополняла деятельность просветительных учреждений для взрослых. Библиотеки, клубы, избы-читальни и т. д. путем устройства громких чтений газет и журналов, бесед по поводу прочитанного, докладов и общих собраний вели аналогичную работу по политическому просвещению своих посетителей.

Важность поставленной задачи потребовала централизации и увеличения доли участия государства в образовании и просвещении взрослого населения. Результатом этого стала реорганизация Народного комиссариата по просвещению, в структуре которого произошли существенные изменения. Систему отделов заменила система центров и управлений. Деятельность среди взрослых была передана из ведения упраздненного внешкольного отдела Главному политико-просветительному управлению РСФСР. Непосредственно при подготовке реорганизации в партийных кругах была поднята дискуссия о роли и месте этого органа в системе государственных и партийных органов республики. Так, В. И. Ленин, выступая на I Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 года, подчеркивал: «Мы по всей линии своей просветительной работы не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой», «Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвеще-

ния — осуществить переделку массы». Результатом такого подхода он видел создание условий и всесторонней помощи «воспитанию и образованию трудящихся масс, чтобы преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследие от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс». Исходя из важности стоящих перед Главным политико-просветительным управлением задач, в своем выступлении В. И. Ленин также особо остановился на вопросе о взаимоотношениях нового органа с РКП (б). «Прежде всего, в работе этого органа должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии» [6]. Аналогичная точка зрения была высказана Н. К. Крупской, назначенной на должность руководителя управления, которая в 1920 г. в статье «Очередной план работы Главполитпросвета» отмечала, что вся работа этого органа «должна быть поставлена под руководство ЦК РКП (б), а работа политпросветов — под руководство местных парткомов» [4]. Теперь «внешкольное образование» утрачивало свою актуальность, начиналось становление «политико-просветительной работы».

Интересен опыт становления такой работы в Восточном Забайкалье. В 1920—1922 гг. эти территории входили в состав так называемого «буферного» государства — Дальневосточной республики. Инициатива его создания принадлежала Советской России, а основной задачей было предотвращение войны с Японией. Сложности международной и военно-политической обстановки, непосредственное участие большевиков в строительстве «буфера», а также зафиксированная в «Кратких тезисах по Дальневосточной республике» руководящая роль коммунистической партии в жизни создаваемого государства обусловили преемственность направлений внутренней и внешней политики Советской и Дальневосточной республик.

В 1920 г. было создано Министерство народного просвещения ДВР во главе с большевиком М. П. Малышевым. В одном из первых интервью газете «Дальневосточная республика» от 25 декабря 1920 г. он отмечал: «...Нами заимствован весь педагогический опыт Советской России, накопленный в процессе общего государственного строительства. Все реформы Советской России в деле народного образования будут проводиться нами в ДВР» [9]. Аналогичную точку зрения высказывал в 1921 г. на страницах популярной брошюры «Реформа» следующий министр народного образования народный социалист К. С. Шрейбер, который подчеркивал: «Если в области политико-экономической и социальной мы силою международных отношений были вынуждены оторваться от единой России и создать здесь свою государственность, то в области культурно-просветительной... работы

мы можем и должны равняться на Россию, ибо культурные достижения ее, рисующие новую психику, новые способы мышления, несомненно огромны и всенародны» [8]. В целом подобные заявления свидетельствуют о преемственности в образовательной политике двух государств, в том числе и в отношении взрослого населения. Так, с учетом опыта РСФСР, в Дальневосточной республике была проведена мобилизация учительства, а также началась работа по ликвидации неграмотности взрослых [10].

Однако более глубокое изучение вопроса показывает, что деятельность Министерства народного просвещения характеризовалась рядом отличий. Важнейшим из них была децентрализация дела народного образования. В условиях Гражданской войны, первоочередной необходимости преодоления хозяйственной разрухи, руководство прибегало к помощи мест. Так, в 1921 г. был подписан закон «О передаче дела народного просвещения местным органам власти». Проведение основных статей закона в жизнь проходило в обстановке острой дискуссии. Ее участники с одной стороны заявляли, что государство «отмахнулось от школ», а с другой — что новый закон является переходом к «индивидуализации, самостоятельности, творчеству и инициативе» [8].

Подобный подход способствовал активному участию населения в жизни образовательных и просветительных учреждений. На практике это выразилось в том, что сохранились и продолжали свою работу в основном те учреждения, которые пользовались поддержкой со стороны заинтересованных граждан республики. При этом организационные формы и содержательная сторона их работы ничем не регламентировались и зависели от возможностей, потребностей и личных склонностей организаторов. Примером этого может служить деятельность деятелей науки и искусства — профессора М. М. Рубинштейна, краеведа А. К. Белявского, скульптора И. Н. Жукова, художника В. Н. Пальмова, пианиста Г. Б. Секержинского.

В этих условиях создание системы массовой политико-просветительной работы со взрослым населением представляло собой сложную задачу. Поэтому накануне выборов в Учредительное собрание в нее включились члены местных ячеек РКП (б). Так, в январе 1921 г. инструкторами агитационно-пропагандистского отдела Забайкальского областного комитета партии было организовано обследование сельских школ и культурно-просветительных учреждений региона. Отчеты о проделанной ими работе показывают, что основу контингента, с которым имели дело инструктора, были взрослые трудоспособные крестьяне и казаки.

Интерес представляет отчет С. Новикова о его поездке в поселки Домна, Амодово и Сивяково. Как следует из текста отчета, целью поездки было создание культурно-просветительных кружков или партийных ячеек в перечисленных населенных пунктах. В поселке Домна кружок организовать не удалось, по причине весьма настороженного и даже враждебного отношения местных жителей к коммунистической партии. Как отметил автор отчета: «Здесь было соорганизован кружок, в который вошло одиннадцать человек, но разнесся слух что, кто записался в кружок у того через два месяца отберется все имущество и поставят на фунтовую пайку. Конечно после этого выписались все кроме двоих над которыми все смеются... Некоторые не хотят выписаться, но их родители припугнули. На проведенной сходке ни одного не смог втащить в кружок все отговариваются что неграмотные да нет времени». Вместе с тем, устроенный инструктором доклад вызвал интерес у слушателей: «много говорили о комунии, которой запуганы крестьяне сложными слухами, разносимыми различными проезжающими людьми». В поселке Амодово имелся свой культурно-просветительный кружок, работа которого заключалась в устройстве спектаклей, чтений и бесед. В рамках этого кружка была проведена беседа, которая «затянулась до 12 часов ночи и все о комуне». В поселке Сивяково действовал один из самых активных культурно-просветительных кружков, из числа обследованных, который систематически проводил работу с местным населением в виде лекций, бесед, спектаклей, воскресников и т. д. Важную роль в деятельности кружка играл местный учитель, который «воспитывает в коммунистическом духе под видом культурно-просветительного». Однако даже здесь автору отчета не удалось организовать партийной ячейки: «если организовать комячейку то из кружка выедет большая половина» [3].

Аналогичную информацию содержит отчет П. Калашникова, который побывал в поселках Титово, Засопчное и Еремино. В первом населенном пункте он обследовал работу культурно-просветительного кружка и библиотеки, которая была признана неудовлетворительной: «работа в кружке была только в постановках спектаклей, политической же работы не было, объясняется, конечно, тем, что учительница из вынесенного мною разговора с нею по убеждениям правая эсерка». Поэтому на проведенном общем собрании членов кружка автором отчета была прочитана лекция о важности просвещения и чтения политических брошюр. В поселке Засопчное инструктором был организован культурно-просветительный кружок, в котором были прочитаны лекции «большой частью о политике, как например кто такие коммунисты, из кого они состоят, за что борятся, о капитализме и о просве-

щении... о кооперации». В поселке Еремино был обследован культурно-просветительный кружок, возглавляемый местной учительницей, которая периодически устраивала для местных жителей громкие чтения и беседы [3].

Анализ рассмотренных отчетов позволяет сделать ряд умозаключений о реализации советской образовательной политики в отношении взрослого населения в ДВР. Прежде всего, необходимо отметить, что члены местных ячеек РКП (б), также как и в центральных районах страны, относились к образованию, как к средству распространения коммунистических идей среди взрослых. В условиях подготовки к выборам в Учредительное собрание республики эта работа признавалась очень важной. Справедливо полагая, что крестьяне заинтересованы в просвещении, выказывают интерес к происходящим вокруг них событиям, через организацию культурно-просветительных учреждений местные большевики стремились увеличить численность своих сторонников. Однако результаты такой работы не всегда были успешными. Однако большую проблему представляло недоверчивое отношение населения к коммунистической партии. Неоднократно упоминавшийся в отчетах страх перед «комунной», «коммунией» являлся, по всей видимости, довольно распространенным явлением.

Таким образом, реализация советской образовательной политики в отношении взрослого населения, которая заключалась в организации элементарной азбучной и политической неграмотности, в Восточном Забайкалье проходила в очень сложных условиях. Ее становлению существенно препятствовали как конституционные особенности Дальневосточной республики, такие как многопартийность, отсутствие политической цензуры, свобода слова, собраний, средств массовой информации, так и отсутствие достаточных материальных ресурсов и подготовленных кадров. Попытка организации такой работы была предпринята членами местных ячеек РКП (б), однако не всегда она давала желаемые результаты. В целом условия для реализации такой политики в регионе сложились только после ликвидации Дальневосточной республики и присоединения ее территорий к РСФСР.

Список литературы

1. Бухарин, Н. И., Преображенский, Е. А. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков [Текст] / Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский. — Пб.: Государственное изд-во, 1920. — 321 с.
2. Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 г. Протоколы [Текст] — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959. — 602 с.

3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. П-81. — Оп. 1. — Д. 325. — 10 л.

4. Крупская, Н. К. Очередной план работы Главполитпросвета [Текст] / Н. К. Крупская // Педагогические сочинения: в 10 т. — Т. 7: Основы политико-просветительной работы. — М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1959. — С. 63-68.

5. Ленин, В. И. Очередные задачи советской власти [Текст] / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. — Т. 36: март-июль 1918. — М.: Изд-во политической литературы, 1974. — С. 165-208.

6. Ленин, В. И. Речь на I Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования [Текст] / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. — Т. 41: май-ноябрь 1920. — М.: Изд-во политической литературы, 1979. — С. 398-408.

7. Медынский, Е. Н. Энциклопедия внешкольного образования: лекции, читанные на педагогическом факультете Уральского университета в 1920-1922: в 2 т. [Текст] / Е. Н. Медынский. — Т. 1-2. — М-Пг.: [Б. и.], 1923. — 171 с.

8. Реформа [Текст] Чита: Электротипография ДВСПС, 1921. 86 с.

9. Реформы в Сов. России [Текст] // Дальневосточная республика. 1920. — 25 дек. — С. 2.

10. Сажина, А. И. Ликвидация неграмотности в Забайкалье в условиях ДВР (1920-1922 гг.) [Текст] / А. И. Сажина // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012. № 10. С. 12-16.

11. Сартикова, Е. В. Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты [Текст] / Е. В. Сартикова // Культурная жизнь Юга России. — 2008. — № 4 (29). — С. 71-76.

Р. Нетцауалькойотц¹, А. Фурлонг²

¹*Программа международных отношений, ВУАР (г. Пуэбла, Мексика),*

²*Экономический факультет ВУАР (г. Пуэбла, Мексика)*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УТОПИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕКСИКЕ

Опыт русской революции принес миру большие перемены. Многие государства попытались воспроизвести практику строительства социализма. Мексика была первой латиноамериканской страной, которая признала триумф этого исторического проекта русского пролетариата в 1917 году, ликвидировавшего абсолютизм. Русская революция, наряду с войной в Мексике в 1910 году, совпала с периодом зарождения капитализма и необходимостью преобразования политических и социальных структур. Ориентация на противостояние доминирующей теологии духовенства, а также антиимпериалистическая идеология Лазаро Карденаса позволили сделать третью статью Конституции Мексики социалистической, чтобы бороться с фанатизмом и предрассудками посредством рациональной концепции, противопоставленной структурному авторитаризму. Существование классового антагонизма позволило мелкой буржуазии присвоить завоевания революции и пресечь эту педагогическую практику до 1941 года, ограничивая прогрессивные и демократические реформы карденизма. Однако, чтобы продолжать достижения, в этот период в качестве альтернативного проекта в Мексике была создана Крестьянская федерация студентов-социалистов, которая организовала преимущественно в сельских районах с преобладающим коренным населением специальные образовательные учреждения для подготовки учителей. Данная инициатива стала популярным демократическим образовательным проектом, пронизанным социалистической идеологией.

Ключевые слова: социализм, третья статья, социалистическое образование, карденизм, студенты-нормалисты.

Влияние Русской революции на Мексику

Первая революция в XX веке в Мексике произошла в период 1910—1917 гг. и завершилась подписанием политической конституции. Следуя демократической традиции и принципам народной дипломатии, наша страна стала первой в Латинской Америке, признавшей в 1924 г. триумф исторического проекта пролетариата — Русской революции. Первым послом СССР в Мексике был назначен Станислав Пестковский. Позднее, в 1926 г., его сменила Александра Колонтай — первая женщина-посол в мире, сыгравшая исключительную роль в сближении двух государств в области культуры.

Если рассматривать проблему с региональной перспективы, то для Ойкьона [62], чтобы опрокинуть зеркало истории, можно было усилить суперпозицию Коммунистическая партия Мексики (КПМ), которую она приобрела после своего основания в 1919 г. сразу же получив широкую поддержку среди общественных движений по всей стране; особенно велико число сторонников партии было в таких регионах как Веракрус, Юкатан, Мичуакан. С этой точки зрения расширяются возможности для исследования через открытие новых положений в обосновании схожих черт и разногласий между коммунистами и местными радикализированными процессами социальной, рабочей, крестьянской мобилизации и того, как они отвечали директивам и приглашениям III Коммунистического интернационала (КИ), выступавшего орудием мирового масштаба в разрушении капитализма. После сужения возможностей осуществления общеевропейской революции, этот орган был со временем преобразован СССР в инструмент поощрения коммунистического влияния по всему миру.

Согласно Ойкьону, Михаил Бородин, эмиссар Ленина, прибывший в Мексику в октябре того же года в качестве представителя Бюро КИ, охарактеризовал КПМ, как «единственную в Мексике пролетарскую и революционную партию», которая обязательно будет признана КИ.

В ходе учредительного собрания в Мехико, которое проходило с 25 августа по 4 сентября 1919 г. была сформирована Социалистическая партия Мексики (СПМ), включившая в свой состав социалистов, анархистов и коммунистов. Среди последних был также индус Манабендра Нэт Рой, приехавший в Мексику с целью продвижения идеи независимости Индии, находящейся под властью Великобритании, отмечает Ойкьон [68].

Известный как «отец индийского коммунизма», Манабендра Нат Рой родился в семье брахманов и носил имя Нарендранатх Бхаттачария. В раннем возрасте Рой начал свой политический путь как националистический активист. С сердцем полным националистического жара, политики и боли за поражение Индии в ее борьбе против колониализма, он стал вольнодумцем, полагающим, что единственным способом действительно освободить Индию является вооруженный мятеж против англичан, занятых в тот момент мировыми проблемами. В поисках оружия он по поддельному паспорту на вымышленное имя отправился на о. Ява.

Став беглым мятежником, он путешествует из страны в страну по всей Восточной и Юго-восточной Азии, предпринимая попытки найти оружие для индийского националистического движения. Приблизительно в июле 1916 г. Рой прибывает в Сан-Франциско, США. Чув-

ствуя себя побежденным и лишенным своей национальной идентичности, он осмысливает собственную роль в политической борьбе своей родины. В США он встречается Лалу Раджапат Рая и других американских радикалов, с которыми проводит время, участвуя в публичных собраниях, и читая в нью-йоркской библиотеке; именно здесь он впервые знакомится с идеями социализма.

Рой учился, писал и говорил по-испански. Он был убежденным сторонником социалистического государства, но поворотным моментом его пребывания в Мексике стало знакомство с Михаилом Бородиным — выдающимся эмиссаром КИ, известного также как Коминтерн — международная организация, работающая над углублением коммунистических идей по всему миру.

Рой так отзывался о Бородине: «Он посвятил меня в сложности гегелевской диалектики и ее материалистическую версию в качестве ключа к марксизму». И это преодолело его неприятие материализма марксистской мысли. Его философское мышление стало материалистическим.

КПМ стала первой коммунистической партией официально созданной за пределами России. Приблизительно в сентябре 1919 г. Ленин пригласил Роя и КПМ принять участие в работе Второго конгресса Коммунистического Интернационала в Москве. «В конце 1926 г. Рой был избран членом четырех руководящих органов Коминтерна: президиума, секретариата, исполнительного комитета и Всемирного конгресса».

Социалистическое образование в период правления Ласаро Карденаса

Как отмечает Франсиско Сикстос, в области образования и педагогики Ласаро Карденас, с тех пор как занимал пост губернатора Мичоакана (1928—1932), придерживался мнения о «...[важной] роли образования и, следовательно, сельских учителей, которые помимо чтения, письма и преподавания элементарных математических операций, должны организовывать крестьянские комитеты» с целью мобилизации крестьян на поддержку аграрной реформы и искоренения религиозного фанатизма.

В Мичоакане одной из первых попыток реализовать принципы социалистического образования в среде коренных народов в июне 1932 г. стал проект Карапан, реализуемый в зоне проживания Пурепеча, на северо-западе штата, в ущелье Онсе-Пуэблос.

В период правления генерала Карденаса (1934—1940) была внесена поправка в ст.3 Конституции, указывавшая на очевидное влияние социализма, направленная в первую очередь на крестьянское население.

ние, которое было преобладающим в тот период. Кроме реализации различных мероприятий по повышению уровня грамотности среди кроенного населения, признать школу частью национального производственного процесса, направленного на формирование эгалитарного общества. А с другой стороны, обеспечить перераспределение ресурсов, которыми природа одарила человечество (в том числе земли, воды, нефти, минералов флоры и фауны).

Реализация социалистической системы образования оказалась серьезным вызовом, возникшим не на этапе разработки Шестилетнего плана, но заимствованным из революционных идей, высказанных политиками, экспертами и руководителями общественной жизни регионов. Шестилетний план стал способом или инструментом включения поправки в ст. 3 Конституции. Поэтому, говоря о периоде карденизма, можно упомянуть следующее: «В период правления генерала Карденаса была внесена поправка в ст.3 Конституции, чтобы обеспечить социалистическое образование и впервые обязать частные школы преподавать в соответствии с установленными образовательными программами. Эта новая ориентация способствовала повышению качества образования на всех уровнях, в рамках начальной образовательной ступени были созданы муниципальные интернаты, столовые и введены субсидии; школы стали взаимодействовать с производственными центрами с целью стимулирования технического образования и создания специализированных учебных заведений для подготовки сельских учителей».

Модифицированная ст. 3 Конституции гласила: «Образование, которое будет внедрять государство, является социалистическим, и, помимо исключения всякой религиозной доктрины, оно будет бороться против фанатизма и религиозных предрассудков. Для этого школа будет придерживаться в своей деятельности и системе обучения таких методов, которые позволят молодежи выработать рациональные и ясные взгляды на Вселенную и жизнь общества».

«Будучи избранным, Лазаро Карденас подтвердил свою приверженность идее социалистического образования, поскольку считал его инструментом, способствующим упразднению индивидуалистического экономического режима и созданию коллективистской экономики на благо городских и сельских рабочих». 1 декабря 1934.

Федерация социалистических студентов-крестьян Мексики

Сельские педагогические школы (нормали) сыграли значимую роль, как в сфере образования, так и в процессах социального строительства начала XXI века.

Нормали имели важное значение для социального строительства с начала XX века, как в образовательном, так и в политическом и культурном аспекте. Они были созданы как основа мексиканской общеобразовательной системы. В стране существовало 36 таких школ, основанных для воспитания и обучения грамоте мексиканского крестьянства, в настоящее время функционируют только 17, и именно правительство несет ответственность за их внезапное или поэтапное закрытие без каких-либо объяснений.

Между 1922 г., — когда в Такабаро, штат Мичоакан, была основана первая сельская школа, — и 1934 г. было создано всего 36 таких школ. В том же году ученики сельской школы в Таматане (Тамаулипас) обратились ко всем сельским школам страны с призывом создать студенческую организацию, защищавшую их права как детей крестьян. На первой встрече в школе Санта-Люсии, Дуранго, присутствовали представители 4 заведений. Этого оказалось слишком мало для создания студенческую организацию. В следующем году, 1935, призыв прозвучал вновь. Вторая встреча собралась в школе Эль-Рохе, Гуанохуато. Здесь было представлено большинство педагогических школ и в результате произошло создание старейшей студенческой организации в стране — Федерации социалистических студентов-крестьян Мексики.

Создание сельских педагогических школ стало решением потребностей мексиканского общества, особенно его сельской части, — потребностей во всеобщем образовании. Тогда, как и сегодня, жители сельских районов также, как и коренное население, были преимущественно безграмотными. В годы президентства Ласаро Карденаса дель Рио развитие сельских школ продолжилось и получило новый импульс, когда на них была возложена задача по ликвидации безграмотности и обеспечению образовательных возможностей по всей стране.

В самом начале сельские школы являлись сельскохозяйственными учебными заведениями. После объединения с другими проектами, такими как аграрные центры, возник новый тип образовательных заведений — региональные крестьянские школы. С этих пор подготовка студентов в этих учреждениях значительно стала отличаться от других, как частных, так и государственных, своей всеобъемлющей программой, основанной на пяти ключевых направлениях. У каждого высшего образовательного учреждения есть нечто уникальное, отличающее его от других. То, что отличает сельские педагогические школы от всех прочих высших образовательных учреждений, включая университеты и институты, — это интегральный характер образовательной программы, включающий пять ключевых модулей: политический, академический, культурный, производственный и спортивный.

Цель нормалей заключается не только в подготовке учителей начальных классов, но и в удовлетворении потребностей сельской общины. Оскорбительным образом и на основе слабой аргументации некоторые желали вычеркнуть выпускников сельских педагогических школ из числа универсальных специалистов, то есть тех, кто осведомлен обо все сразу и ни о чем, в частности.

В рамках политического направления стоит задача сформировать у студентов способность анализировать, размышлять и мыслить критически, осведомленных о событиях, которые происходят в стране, о причинах бедности и о материальных условиях, в которых живут сельские общины. Также политический модуль способствует развитию навыков коммуникации, управления и организации учеников.

Академический модуль разработан в соответствии с официальной учебной программой, утвержденной федеральными органами образования.

Интеграция в учебный процесс клубов, посвящённых рисованию, музыке, танцам, клоунаде, театру, среди прочего, отражает культурный модуль подготовки. Клубы занимаются проведением праздников в общинах, где расположены школы.

Направление подготовки, соответствующее производственному модулю, воплощает сельский и крестьянский характер учащихся, как по их происхождению, так и в смысле профессиональной подготовки. Задача этого модуля состоит в том, чтобы научить студентам земледелию и животноводству. Как и в случае с культурным направлением, производственный модуль обеспечивает тесную связь школы с окружающими общинами.

Еще в 1933 г. Национальная революционная партия назначила комиссию по рассмотрению статьи 3 Конституции, и 20 декабря 1933 г. упомянуто «...Образование, которое будет внедрять государство, является социалистическим по своей ориентации и стремлению, направленным на борьбу с предрассудками и религиозными догмами, на создание подлинной человеческой солидарности на основе прогрессивной социализации средств производства». С этого момента было решено бороться с проявлениями религиозного фанатизма, но социалистическое сектантство также было признано опасным.

В 1934 г. в Палате депутатов была одобрена реформа статьи 3 и 73 раздела XXV, утверждавшая следующий текст: «Образование, которое будет внедрять государство, является социалистическим, и, помимо исключения всякой религиозной доктрины, оно будет бороться против фанатизма и религиозных предрассудков. Для этого школа будет придерживаться в своей деятельности и системе обучения таких

методов, которые позволят молодежи выработать рациональные и ясные взгляды на Вселенную и жизнь общества».

Хотя Карденас поддерживал принципы социалистического образования, полагая, что оно «... сделает людей сильнее, поможет осознать свои обязанности и обеспечит необходимым пониманием того, как действовать в рамках справедливой социальной организации и экономической среды в условиях ускоренной эволюции», в 1936 г. Плутарко Элиас Кальес отметил «...я не поддерживаю коммунистических тенденций в Мексике», а Мануэль Гомес, ректор Национального Университета, высказался против социалистического образования, защищая академические свободы.

В период президентства Мануэля Авила Камачо идеология реакционизма проявилась в кампании против социалистического образования, требующей отмены ст. 3 Конституции. Поскольку Карденас уже не был у власти, текст Конституции был изменен. Новый подход к проблемам образования сформировался в годы президентства Мигеля Алемана, признавшего приоритет частных школ и поддерживающего тесные отношения с церковью.

В годы правления Руиса Кортинеса, женщины впервые надеются избирательными правами, а также получают право быть избранными (1953). Ведется речь о плановом образовании в рамках экономической системы.

В период президентства Адольфо Лопеса Матеоса создается Национальная комиссия бесплатных учебников для начального образования, вводятся школьные завтраки, а также создаются другие образовательные учреждения.

В годы правления Густаво Диаса Ордаса правом голоса наделяются молодые люди в возрасте 18 лет. Но его вооруженная акция, направленная на разгон протестующих в 1968 г. закончилась убийством сотен студентов на площади Трех Культур в районе Тлателолко. Однако на данном этапе образовательному проекту уделялось незначительное внимание, и можно говорить об определенном историческом регрессе в данной области.

Мало что можно сказать о влиянии социализма в более поздний период, поскольку он ознаменовался тенденцией к приватизации и регрессии, иными словами традиционный образовательный продукт лишился капиталистической идеологии; бюджет, выделяемый на сельские педагогические школы, характеризовался как один из самых низких, преподавание вдали от городских центров, расизм, запустение сельской местности не способствовали повышению эффективности

работы, даже на уровне официальных заявлений стало очевидно, что исчезновение сельских школ противоречит государственной политике.

Мы полагаем, что влияние социалистической революции в Мексике стало определяющим для некоторых секторов, среди которых сельское педагогическое образование, поскольку молодые выпускники получают более четкое представление о социальном контексте, в котором им придется работать, сталкиваясь с условиями нищеты и маргинализации, в которых пребывают самые бедные общины в стране.

Учителя-нормалисты работают с детьми и молодежью, преимущественно представителями коренного населения, в большинстве своем вытесняющих рабников-мигрантов из этой среды, они сталкиваются с повседневной реальностью, когда дети и молодые люди посещают школу, не имея доступа к базовым продуктам питания, кроме того, условия проживания самих учителей крайне скромны, они почти не располагают ресурсами для осуществления нормальной преподавательской деятельности — в школах нет стульев, в качестве самих школ часто выступают импровизированные пространства, нет досок и дидактических материалов. Такого рода проявление государственной политики способствовало появлению структурного насилия в разные периоды, противостоящему социалистическим идеям, который некогда предлагались не только для образовательной сферы, но также и для решения экономических задач национального правительства.

Тем не менее, эти учителя и общественные институты, вдохновляемые идеями социализма, сохраняют критическое мышление в отношении целей образования, направленного на трансформацию, то есть на содействие изменению сознания этих народов, угнетаемых ошибочной политикой капитализма, насаждаемой образование, основанное на ложных ценностях, которое реализуется практически во всех школах, внушающих, что ты стоишь тем больше, чем большим количеством материальных объектов ты обладаешь.

Угнетение и насилие не могут способствовать изменению сознания обучающихся, они отражают интересы групп власти; а образование в социализме выступает в качестве механизма гуманизации, является практикой свободы, направленной на достижение равенства и эмансипации.

Путь угнетенного класса — это путь к освобождению, он отвечает за самосознание, и именно социалистическое образование формирует у учащихся навыки осознанного мышления, рефлексии, критического осмысления и преобразования. Это позволит им посредством рефлексии осознать себя, сплотиться, институироваться и использовать угнетенное положение в пользу их трансформации как индивидуумов и

субъектов, иными словами осознать «класс-в-себе» и «класс-для-себя» (Маркс).

Социалистическое образование постулирует педагогику угнетенных, а не для угнетенных. В данном случае «педагогика угнетенных» (П. Фрейре) предполагает, что истина угнетателя становится сознанием угнетенных в гегелевском понимании.

Социалистическое образование, борьба с невежеством — формой угнетения и насилия в отношении беднейших слоев населения, — таким образом, начиная с эпохи карденизма, функционирование сельских педагогических школ стимулирует преобразования, которые сегодня стали ключевым моментом конфронтации с правительством.

Нормалисты утверждают, что посредством интегрального образования они обращаются к марксизму-ленинизму отвергают любые догмы или суеверия в объяснении социальной среды. Мы присоединяемся к студентам, поддерживающим пролетариат в его борьбе за социальную трансформацию; еще и потому, что мы также пролетарии. Вот почему мы уверены, что роль ученика не ограничивается стенами класса и что недостаточно читать книги, чтобы понять ситуацию в мире: нужно *читать* мир посредством окружающей действительности, сталкиваться с проблемами, которые затрагивают общество и пытаться их преодолеть.

То есть социалистическое образование дает ученику знание через познание мира; в рамках данного типа образования активизируется и формируется представление на основе диалога. Они диалектически воплощаются в одной и той же динамике, в одном повествовании, пвырываясь за рамки диктата («анти-диалога»), который является продуктом отношений власти, ограничивающей возможность бедных в самовыражении, это доминирования одного сообщения над другим, то есть вертикальный диалог, где воспроизводится классовое образование и материалистические ценности, отражающие идеологию класса, владеющего средствами производства.

В соответствии с этой моделью диалог не поощряется как форма согласия и взаимодействия между рациональными существами, поскольку группы, обладающие властью, не считают его жизнеспособным или ценным, а для пролетариев не существует возможности осознать эту перспективу. «Анти-диалог» не допускает социальных отношений гармонии или солидарности, не допускает сосуществования между людьми, это антидиалектические отношения, которые выражены в отношениях преподавателя-ученика, соответствующих форме преподавания в капиталистической среде.

Антидиалектика ограничивает права, достоинства граждан и демократию, оправдываясь антиисторическими, фальсифицированными

аргументами, эпистемологическими уловками, даже прибегая к насилию, в рамках которого нетерпимость полностью регламентируется.

Сегодня педагогические учебные заведения подверглись различным радикальным преобразованиям. Правительства, которые пришли к власти после Лазаро Карденаса, сосредоточились на подготовке студентов в духе меркантилизма, способных подчиняться власти, не имеющих критического и аналитического сознания, не владеющих навыками рефлексии. Сейчас, когда обострились нападки на критическое и народное образование, угроза исчезновения нормалей возрастает, в том числе на уровне нарушения прав студентов и учителей.

Сельские педагогические школы появились для подготовки учителей, способных преподавать в самых маргинализированных местах, преимущественно в крестьянских общинах; миссия всех нормалистов, заключается в борьбе с невежеством, неграмотностью, а также в содействии достижению социальных и культурных трансформаций. Поэтому, пока бедность существует, а эксплуатация продолжается, у сельских педагогических школ будет причина функционировать и играть ведущую роль в развитии учащихся и изменении их жизни к лучшему.

Обучение в сельских педагогических школах стало альтернативой для детей малообеспеченных крестьян, иными словами сельских учителей. Поскольку в нашей стране существует бедность, пока эти условия не изменятся, работа сельского учителя будет оставаться актуальной и необходимой.

Каждый выпускник сельской школы связан обязательствами с обществом, оплатившим его образование, и готов осуществить благороднейшую работу человечества: нести знания в самые отдаленные сельские общины в стране; и выполнить трудную задачу, потому что он убежден в том, что завтра человечество станет лучше.

Спустя 3 года после насильственного исчезновения 43 нормалистов из г. Игуала, мы хотим, чтобы они вернулись в свои классы.

Список использованных источников и литературы

1. Freire Paulo, (1980) *Pedagogía del oprimido.*, Ed. Siglo XXI, Pág. 6—175.

2. Las razones y la lucha de los normalistas, en: <http://www.contralinea.com.mx/archivo-revista/2013/07/21/las-razones-la-lucha-de-las-normales-rurales>

3. Francisco Sixtos Niniz, 15/FEB/2010, en Revista: http://vinculando.org/educacion/lazaro_cardenas_y_su_legado_en_la_educacion.html

4. Oikión Solano, Verónica, De la revolución mexicana a la Revolución mundial. Actores políticos michoacanos y la Internacional Comunista en México, en: *Signos Históricos*, núm. 21, enero-junio, 2009, 60—103.

А. В. Никонов*Сибирский государственный университет геосистем и технологий
(г. Новосибирск, Россия)***О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Статья посвящена актуальной проблеме отечественной истории — рассмотрению основных причин Великой Октябрьской революции 1917 г. Выполнен анализ работ некоторых исследователей и мыслителей, размышления которых направлены на установление ключевых причин Октябрьской революции. Установлено, что оценки историков по данному вопросу весьма противоречивы. Если в советской историографии прослеживается героизация событий Октября, революция рассматривается как нечто неизбежное, обусловленное естественной сменой общественно-экономических формаций, то для сегодняшнего дня характерны мнения об отсутствии реальных предпосылок для участия в революционных событиях крестьян и рабочих, а также более позитивно оценивается аграрная реформа П. А. Столыпина. Несмотря на определенные успехи современных исторических поисков, встречаются и рассуждения, имеющие яркий политический окрас и недостаточную доказательную базу. Обилие противоречивых оценок революционных событий и мифологизация истории создают в общественном мышлении разные образы революции, затрудняют преодоление раскола в обществе, но стоит надеяться, что столетний юбилей Октября, как сказал В. В. Путин, станет «символом взаимного прощения и принятия отечественной истории такой, какая она есть».

Ключевые слова: Октябрьская революция, Великий Октябрь, большевизм, причины революции, рабочее движение, крестьянство, социализм

Несмотря на то, что со времени событий Великой Октябрьской революции прошло ровно 100 лет, как в обществе, так и в среде историков до сих пор не сформировалась однозначная оценка революционных событий. Впрочем, такой оценки сформироваться и не может, так как революция и последующая гражданская война с одной стороны явились величайшей катастрофой для России, в ходе которой были обрушены общественные институты и отношения, сломлена отжившая свое государственная машина, погибло много наших сограждан, в том числе искренних патриотов своего Отечества, хотя и имевших разные взгляды на его государственное устройство. С другой стороны революция явилась инструментом свержения эксплуататорских классов и привела к переходу власти в руки трудящихся и созданию первого в

мире социалистического государства, основанного на принципах всеобщего равенства и справедливости.

Одной из проблем изучения истории революции является не только субъективность исследователей, которые являются приверженцами тех или иных политических течений или взглядов, но и отсутствие консенсуса по отношению к достоверности тех или иных событий, переплетение фактов и мифов. Например, некоторые из историков считают, что Германское правительство через А. Л. Парвуса (представителя российской и германской социал-демократии) оказывало финансовую поддержку большевикам, а автором работы [6] «немецкие деньги» отвергаются, как банальный миф.

Еще одной темой для споров является уровень развития экономики и жизни народа в царской России начала XX века. Так, М. А. Давыдов в своей книге «Двадцать лет до Великой войны» пишет о несостоятельности основного постулата советской историографии, что революции 1905 и 1917 годов были неизбежны из-за обнищания народа в результате «грабительской» реформы 1861 года, «малоземелья» и пр. Более того, автор не скрывает, что одной из главных задач его работы является доказательство того, что революция 1917 года не была результатом обнищания народа [5]. В то же время, А. А. Тимофеева [6] считает, что одним из главных противоречий, которое необходимо было преодолеть России, является опасное отставание страны по многим показателям от индустриально развитых стран. Тимофеева прямо утверждает, что «Благостная картина состояния хозяйства дореволюционной России, нарисованная некоторыми авторами, не соответствовала действительности». В статье [2] отмечается, что опубликованные межпартийной Лигой аграрных реформ статистические данные свидетельствовали об отставании России по урожайности зерновых от всех европейских стран, увеличении разрыва между темпами роста населения и производительностью сельскохозяйственного труда, исчерпанию возможности экстенсивного развития сельского хозяйства в центральной части страны и т. д.

В советский период, в условиях жесткой цензуры и государственной идеологии было принято идеализировать революционные события. Например, был создан образ штурма Зимнего дворца, захват которого состоялся при менее героических обстоятельствах [1]. Кроме того, чаще говорилось о благородных целях революции, и не акцентировалось внимание на неустойчивом положении большевиков сразу после Октябрьской революции, на жестких методах ведения ими борьбы со своими оппонентами, на не самых оптимистичных результатах вы-

боров в Учредительное собрание, на которых большевики получили голоса всего 23,9 % избирателей.

В эпоху гласности, а особенно после распада Советского союза, оказались доступными и активно публиковались материалы, вскрывающие конкретные нелицеприятные факты событий эпохи Русской революции, например, о «красном терроре» (хотя впервые книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России» была издана в 1923 г. в Берлине). С одной стороны, появившиеся материалы активно впитывались обществом, которое испытывало явный информационный голод, давали пищу для переосмысления многих событий прошлого, а с другой стороны эти публикации нередко были политически ангажированными, что играло на руку антисоветски настроенным кругам внутри страны, и русофобским представителям зарубежья.

В год 90-го юбилея Октября в стране прошел ряд научных конференций, на которых были сделаны попытки взглянуть на причины революции с не совсем привычных позиций. Например, Ю. М. Антонян пытался интерпретировать события 1917 г. опираясь на неофрейдистские представления: «В моменты крупных общественных потрясений «тень коллективного бессознательного» вторгается в общественную жизнь, отбрасывая людей в отдаленное прошлое». Автор считает, что в 1917 г. под воздействием тягот мировой войны и деятельности большевиков Россия поддалась власти своей Тени [8]. В дискуссии посвященной 90-летию революции, которая проходила в Институте российской истории РАН, преобладали эмоциональные оценки без необходимой доказательной базы [9]. М. А. Фельдман, анализируя публикации и обсуждения историков первого десятилетия XXI в. констатирует, что сделан шаг вперед в понимании хронологии и этапов революции, предпосылок и причин социальных потрясений, отмечает также, что вопрос о типе, содержании, целях и результатах Октябрьской революции следует считать малоизученным [9].

В той же работе [9] М. А. Фельдман проводит анализ статистики стачечного и забастовочного движения в 1917 г. В частности представлены данные фабричной инспекции, из которых следует, что полной или частичной победой рабочих России закончились 86 % забастовок в мае и 82 % — в июне 1917 г. С 19 апреля по 6 июля 1917 г. в забастовках приняло участие менее 15 % рабочих промышленности России, при этом в марте—сентября 1917 г. число бастующих рабочих и потерянных рабочих дней было снижено в разы даже в сравнении с дореволюционным 1916 г. Отмечается доминирование протестных акций экономического характера. На основании статистики автор приходит к выводу, что рабочие и предприниматели находили реальный

компромисс, а пролетарии были в значительной мере самостоятельны и независимы от политических влияний. И наконец, ключевой вывод М. А. Фельдмана: «Ни масштаб, ни содержание забастовочного движения рабочих России не позволяют говорить о стремлении рабочего класса страны к революции» [9].

В то же время в советском справочнике [3] указывается, что в сентябре—октябре 1917 г. участвовало в массовых забастовках 2,4 млн. рабочих. Удельный вес стачечной борьбы за этот период среди других форм рабочего движения составлял 66 %. Подчеркивается, что характерной особенностью борьбы рабочих была высокая политическая целеустремленность.

Таким образом, прослеживается четкая тенденция современных авторов считать такие причины революции, как угнетенность крестьянства («малоземелье», непосильные платежи, нерешенный крестьянский вопрос) и выступления многочисленного рабочего класса (стачки, забастовки, тяжелые условия жизни) абсолютно надуманными советскими историками, которые де пытаются выдать желаемое за действительное.

Наблюдаются также терминологические нападки современников на события октября 1917 г., которые закрепились в советской историографии второй половины XX века, как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Новое наименование «Октябрьский переворот» хотя и активно использовалось наиболее критически настроенными историками, тем не менее, не прижилось, поскольку оно не отражает тех коренных изменений, произошедших в обществе. В этом отношении компромиссной является точка зрения М. А. Фельдмана, который Петроградские события 25 октября 1917 г. допускает возможным именовать как «переворот», являющийся лишь проявлением грандиозного, переломного процесса, каким стала революция в России [9]. Используются и такие названия как «Великая российская революция 1917 года», включающая процесс с 1917 до 1921 года (в комплекс событий органически входят Февральская и Октябрьская революции). В современных школьных учебниках рассматриваемый период также именуют как «Великая Российская революция», которая охватывает период 1917 г. и Гражданскую войну [6]. На наш взгляд не следует в терминологии принципиально уходить от сложившихся традиций, в связи с чем, вполне идеологически нейтрально и одновременно понятно наименование «Великая Октябрьская революция».

Объективной причиной революционных событий, является Первая мировая война, породившая глубокий кризис во всех сферах общественной жизни. Неудачи на театрах военных действий, людские поте-

ри, длительность войны, оторванность миллионов крестьян ставших солдатами от дома, безусловно, подрывали боевой настрой солдатских масс, которые кроме того стали более восприимчивыми к политической агитации. Произошли негативные изменения в экономике: перебои в работе промышленности, ее ориентированность на выполнение военных заказов, проблемы с транспортом, дефицит продовольствия и товаров широкого потребления, обесценивание денежных средств, дезорганизация управления и т. д.

Также событиям октября 1917 г. в значительной мере способствовала непопулярная политика Временного правительства, которое пыталось отложить решение весьма актуальных вопросов (особенно крестьянского) до созыва Учредительного собрания, продолжало ведение войны и по-видимому не понимало сути происходящих в стране процессов.

Сыграла свою роль и безграмотность подавляющего числа населения царской России, благодаря которой агитационная работа различных партий, использовавших понятные для народа лозунги, имела успех. В свое время М. А. Горький вспоминал слова В. И. Ленина, сказанные осенью 1918 г.: «Русской массе надо показать очень простое, очень доступное ее разуму. Советы и коммунизм — просто... [6]. Не стоит недооценивать и роль большевистской партии, во главе с В. И. Лениным — идеологом революции. К осени 1917 г. большевистская партия превратилась в самую влиятельную партию страны: к октябрю РСДРП (б) насчитывала в своих рядах около 350 тыс. членов, большинство которых составляли передовые рабочие.

Причины революции могут быть объективными и субъективными, главными и второстепенными, но не следует забывать и о той «почве», на которой они взращиваются. Здесь будет уместно затронуть «русскую идентичность». С позиции особенного пути развития России имеются рассуждения русского философа И. А. Ильина, который писал в сборнике «Наши задачи»: «Самобытность народа выражается в его особливом и своеобразном духовном акте. Под «актом» надо разуметь внутренний строй и уклад человека: его способность чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать... Русский национальный акт сложился под влиянием четырёх великих факторов: природа (континентальность, равнина, климат, почва), славянская душа, особливая вера и историческое развитие (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура)...» [7]. Главной, базисной причиной крушения русской государственности и всего уклада русской жизни И. А. Ильин считал духовное крушение, связанное с разрушением православия. Философ

подчеркивает, что одной из главных причин русской революции стало отсутствие у всего русского народа, интеллигенции, чиновничества, крестьянства, глубинного духовного чувства, «царственного» осознания собственной ответственности за судьбу России, в котором и доверие, и ответственность, и действующая воля, и дисциплина, и характер, и религиозная вера [7]. Помимо религиозного оскудения общества и его духовной, организационной, волевой слабости Ильин отмечает и такие свойства русской идентичности как:

— недостатки русского национального характера (тяга к анархии, памятозлобие крепостного права, стремление к мести и личному обогащению, низкий уровень государственного, правового и политического самосознания);

— отсутствие сильной организованной политической партии, поддерживающие монархический строй и духовно сильной национальной элиты;

— особое место Запада и Европы в раскачивании ситуации в России, которые являются «поставщиками» войн и революций [7].

Весьма глубока мысль Ильина на счет успешного развития России только при наличии сильной центральной власти: «История как бы вслух произнесла некий закон: в России возможны или единовластие, или хаос». Вообще размышления Ильина о причинах русской революции, некоторые результаты которых представлены в работе [7], весьма убедительны. Даже если не все из выделенных Ильиным причин революции были главенствующими, то уж во всяком случае, имели свое значение.

В рамках статьи мы затронули некоторые причины Октябрьской революции, не отдавая преобладающую роль каким-либо из них, и даже наоборот, отметили наличие в среде историков совершенно различных взглядов на этот сложный вопрос. Такая ситуация возникла из-за предвзятости некоторых авторов, неучета ими «семантической инфляции» при изучении дореволюционных документов [4], некорректной интерпретации статистических данных, идеологического следа исторических исследований советского периода, мифологизации событий прошлого. Пожалуй и сегодня актуальны слова В. И. Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов».

Проблема оценок революционных событий и по сути всего советского строя кроется в ее неразрывной связи с современными принципами государственного устройства и проводимой политикой. Давая

преимущественно позитивные оценки советскому прошлому, мы автоматически приходим к выводу о том, что не Советский союз является «тупиковой ветвью исторического развития»[8], а что именно мы сейчас находимся в тупике. Очевидно, подобная риторика будет нагнетать в обществе пораженческие настроения и ощущение безнадежности. Одновременно, стремления оклеветать идеалы Октября, переписать историю, могут породить в обществе появление мнения о «закономерности» распада Советского союза, и даже положительных оценок этого распада, якобы вернувшего Россию на рельсы традиционного, исторического развития. При второй точке зрения, как бы вуалируется антагонизм между современными рабочими и собственниками, между наемными работниками и руководством частных фирм с хищническими интересами и т. д. Попытки скрыть существующие общественные противоречия, построенные на однобокой критике исторического прошлого, могут лишь обострить социальную напряженность.

Очевидно, нет необходимости придавать событиям столетней давности политическую окраску, задача историков заключается в выявлении ключевых причин революции на основе беспристрастного изучения событий, исключении из оборота явно не состоятельных позиций и извлечении уроков. Показательна позиция президента России В. В. Путина, которая прозвучала на заседании клуба «Валдай» 19 октября 2017 г.: «Революция — это всегда следствие дефицита ответственности, как тех, кто хотел бы законсервировать, заморозить отживший, явно требующий переустройства порядок вещей, так и тех, кто стремится подстегнуть перемены, не останавливаясь перед гражданскими конфликтами и разрушительным противостоянием... Сегодня, обращаясь к урокам столетней давности, к русской революции 1917 года, мы видим, какими неоднозначными были её результаты, как тесно переплетены негативные и, надо признать, позитивные последствия тех событий».

Вместо того, чтобы попытаться сформировать у общества объективный взгляд на события прошлого, в новостных программах центральных телеканалов страны день Октябрьской революции упорно пытаются подменить «днем проведения военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 г.» принципиально замалчивая, по какому поводу проводился знаменитый парад. Игнорировать событие, которое оказало без преувеличения величайшее влияние на ход российской и мировой истории на наш взгляд не допустимо. Вызывает оптимизм тот факт, что тема Великой Октябрьской революции активно обсуждается на конференциях, появляются новые публикации, в дискуссиях применяются различные подходы, а в споре, как известно, рождается истина.

В настоящее время в обществе живут несколько образов Октябрьской революции. В риторике лидера российских коммунистов прослеживаются советские историографические штампы, которые привыкла слышать наиболее возрастная часть страны, воспитанная не просто в условиях существования «единственно правильной» версии хода истории, но и активной советской пропаганды, которая была весьма эффективна и в определенные периоды сыграла положительную роль. Постоянная ориентированность лидеров современных коммунистов на успехи прошлого, сравнение нового дня с достижениями социализма, явно приелось многим. Рискнем предположить, что у поколений, родившихся после распада Советского союза, образ Октябрьской революции формируется под влиянием высказываний современников и новых продуктов культуры, которые в основном имеют критический характер.

В ходе заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 30 октября 2017 г., президент России В. В. Путин заявил: «Рассчитываю, что эта дата (*столетие революции*) будет воспринята нашим обществом как подведение черты под драматическими событиями, которые разделили страну и народ, станет символом преодоления этого раскола, символом взаимного прощения и принятия отечественной истории такой, какая она есть — с ее великими победами и трагическими страницами». Остается надеяться, что результаты последующих исторических исследований будут способствовать преодолению указанного раскола, а события в России будут развиваться по эволюционному сценарию.

Список литературы

1. Булдаков, В. Октябрь 1917-го: революция или переворот, восстание или бунт? [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.znanie-sila.ru/?issue=articles/issue_5120.html&r=1 / Дата обращения: 10.11.2017 г.

2. Булдаков, В. Путь к Октябрю [Электронный ресурс] Режим доступа: https://scepis.net/library/id_1538.html / Дата обращения: 10.11.2017.

3. Великий Октябрь: Краткий историко-революционный справочник [Текст] / Гапоненко Л. С., Гусев К. В., Жигунов Е. К. и др.; Под общ. ред. К. В. Гусева. — М.: Политиздат, 1987. — 360 с.

4. Давыдов, М. А. Голод и ГОЛОД. Семантическая инфляция [Текст] / М. А. Давыдов // Знание-сила. — 2017. — № 6. — С. 33—38.

5. Давыдов, М. А. Забегая вперед [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.znanie-sila.ru/?issue=articles/issue_4947.html&r=1 / Дата обращения: 10.11.2017.

6. Тимофеева, А. А. Октябрь 1917: предпосылки, сущность, оценки [Текст] / А. А. Тимофеева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5, № 4(17). — С. 417—420.

7. Тимошин, А. С. Русская идентичность как причина Октябрьской революции 1917 г. (к 100-летию Октябрьской революции) [Текст] / А. С. Тимошин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филос. науки. — 2017. — Вып. 43, № 1 (397). — С. 78—81.

8. 1917 год в свете научных конференций [Текст] / В. П. Булдаков, М. А. Емельянов-Лукияничков, С. Ю. Разин, Ф. Х. Соколова // Российская история. — 2008. — № 6. — С. 212—215.

9. Фельдман, М. А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии) [Текст] / М. А. Фельдман // Общественные науки и современность. — 2012. — № 5. — С. 112—120.

А. П. Носков

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС (1917—1922 ГГ.)

Массы, участвующие в революции, руководствуются убеждениями на обыденном уровне; в основе которых лежат положения революционной идеологии, воспринятые в форме лозунгов. Лозунги принимаются на основе повседневного опыта, а также доверия рабочим-большевикам.

Ключевые слова: революционные убеждения, политическое сознание, нравственное сознание, обыденное сознание, личность

100-летие Октябрьской революции требует переосмысления многих аспектов этого события.

Достаточно долго в советской научной литературе господствовал тезис: угнетенные трудящиеся массы России усвоили марксистскую идеологию и воодушевленные ей совершили Октябрьскую революцию и победили в гражданской войне.

Возникает вопрос, как могли неграмотные и полуграмотные миллионы угнетенных усвоить сложную политическую идеологию, которой является марксистское учение?

Ф. Энгельс отмечал: «Всё, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову, но какой вид принимает оно в этой голове, в очень большой мере зависит от обстоятельств» [9]. Действительно, этими обстоятельствами является уровень грамотности, жизненный опыт, предрассудки, традиции и т. п.

Как известно, общественное сознание (духовная жизнь общества) делится по горизонтали на формы сознания, по вертикали на уровни сознания и в зависимости от носителя может быть индивидуальным, групповым и общественным.

Человек в своей деятельности руководствуется убеждениями.

Убеждение — это форма сознания, включающая в себя знания об окружающем мире, признание их истинными и готовность действовать на основе этих убеждений. Убеждения могут быть политическими, нравственными и т. п.

Убеждения могут возникать на основе глубоких теоретических знаний на основе житейского опыта и на основе эмоций.

Наше сообщение касается политических убеждений (причем в данном случае мы не затрагиваем вопрос об истинности идеологических концепций, лежащих в основе убеждений).

Т. е. убеждения могут быть научно-теоретическими, обыденными и эмоциональными.

Всякая политическая партия, стремящаяся захватить власть, кровно заинтересована, чтобы под её знамена стали как можно больше сторонников «Политика без масс есть авантюристическая политика» [6], «Современное социалистическое сознание — утверждает В. И. Ленин может возникнуть только на основании глубокого научного знания» [6]. Но как дать это научное знание?

По мнению А. Грамши, массы включившиеся в революционную деятельность и получившие первоначальные сведения о теоретических основах этого движения не могут усваивать философию иначе как веру» [4].

На раннем этапе деятельности коммунистической партии передовая часть рабочих усвоит основные положения марксизма и становится проводником революционной идеологии в массы, среди которых обладает авторитетом наиболее сознательных, опытных, передовых борцов за интересы рабочих. Этот авторитет обуславливает доверие масс своему авангарду и принятие ими лозунгов партии. Авангард рабочих имеет революционные убеждения достаточно близкие к научно-теоретическим. Основная же масса в лучшем случае формирует убеждения на обыденном уровне.

Но ведь надо ещё суметь донести эту теорию до обыденного сознания (как говорится «на пальцах»).

И здесь острой становятся проблемы сложности (простоты) теории, популяризации идеологии (но не вульгаризации последней).

В современной философской и естественно-научной литературе достаточно давно вопрос о простоте (сложности) теории является дискуссионным. Так великий физик XX в. В. Гейзенберг считал, что всякая завершённая теория должна быть простой и красивой [3].

В отечественной философской литературе простоту определяют так: «Принципиальная простота теории состоит в её способности, исходя из сравнительно немногих оснований и не прибегая к произвольным допущениям, объяснить возможно широкий круг явлений. Сложность теории, свидетельствующая против неё, состоит в наличии многих несущественных и произвольных допущений, никак не связанных с основными её положениями и превращающими теорию в целом в вычурное и крайне громоздкое сооружение» [1].

Поставим вопрос: марксизм как теория прост или сложен? Если касаться сущности материалистического понимания истории (по Марксу, то марксизм вполне соответствует указанным выше критериям простоты; он — прост. Но если рассматривать «относительную самостоятельность» надстроечных явлений, то марксизм — сложен.

В воспоминаниях многих русских революционных рабочих упоминается что при изучении марксистской теории тяжело давался «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, очень тяжело было изучать «Капитал» К. Маркса [11,12].

Многие революционеры знакомились с марксизмом по популярным брошюрам типа: В. Либкнехта «Пауки и мухи».

«Мухи — это угнетённые, порабощённые, эксплуатируемые, а пауки — это гнусные дельцы и спекулянты, произвол и деспотизм, в каком бы виде они не попадались на пути первых» [7].

В конце брошюры призыв: «Ах, мухи, мухи!.. Если бы вы объединились, вы одним взмахом крыльев разорвали бы все нити, разрушили бы все сети, которые вас тяжко окутывают... Нужда и рабство исчезли бы навсегда, если бы только вы захотели. Так научитесь же хотеть!» [7].

К сожалению у классиков марксизма популярных работ очень немного. Весьма интересно популярное изложение 1-го тома Капитала К. Маркса, выполненное русским народовольцем А. Н. Бахом. А. Н. Бах назвал свою работу «Царь-голод» и всё содержание «Капитала» уместил в небольшой по объему брошюре. В работе А. Н. Баха есть, впрочем, ошибки.

Во «Введении», А. Н. Бах пишет, что Царь-голод заставляет одних людей эксплуатировать других. По мере анализа автор вводит термины «продукт», «разделение труда», «товар» и т. д. Приводя иноязычный термин «эксплуататор», А. Н. Бах поясняет — это грабитель чужого труда. Вообще А. Н. Бах пользуется простонародным языком.

Вот как автор пересказывает мысль К. Маркса о стоимости товара: «Сапожник хочет обменять у ткача пару сапог на холст. Если сапожник запросит за свои сапоги чересчур много холста, например, 40 аршин, то ткач, наверное, скажет ему: «Ишь ты! Сапоги сработали в два дня, а с меня 40 аршин загнул! Того не понимает неразумная башка, что я над холстом-то четыре дня работал!»

Если же, наоборот, ткач предложит сапожнику за его сапоги всего лишь 10 аршин холста, то и сапожник скажет: «Тоже ведь мастак! Я над этими сапогами два дня спину гнул, а ты свои 10 аршин холста за один день скатал! Нет, брат, жирно будет получить сапоги за 10 аршин холста. Пропорция не выходит...» Затем следует вывод: «ткач и сапожник должны были ценить товар по тому времени, какое каждый из них затратил на производство товаров» [2].

Резюме К. Маркса по данной проблеме выглядит так: «величина стоимости данной потребительской стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления» [8].

Ознакомившись с азами марксистской идеологии (пусть даже по популярной литературе, прокламациях большевиков) убедившись, что собственный политический опыт рабочих подтверждает те теоретические положения, о которых говорят революционеры, рабочие обретают доверие к большевикам и активно включаются в революционную борьбу.

Конечно, лишь относительно небольшая часть рабочих более-менее чётко усваивает основные положения марксизма. Широкие же массы трудящихся приобщаются к революционной идеологии через лозунги: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», «Вперед, к победе социалистической революции!», «Да здравствует социализм — светлое будущее человечества».

Если первые два лозунга были ясно осознаны, то о 3-м лозунге этого сказать нельзя: социализм понимался как общественный строй, основанный на всеобщем труде, отсутствием всяческих форм подавления личности, словом — это строй, где, наконец восторжествует справедливость, где все люди — свободные граждане.

Очень интересны документы 1917-1922 г. г. (особенно письма трудящихся в редакции газет). В письмах авторы их подчёркивают, что с царизмом покончено, имеется очень много просьб о помощи революционной литературой, к сожалению проскальзывают негативные моменты, например, мотивы мести свергнутым эксплуататорам, националистические идеи. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, теоретики народников подчёркивали, что революция будет тем менее жестокой и кровавой, чем просвещеннее будут революционные массы.

К сожалению в России так не получилось.

Прочитируем некоторые письма:

Письмо № 3. «Нам война не нужна, нужна толстым карманам. Товарищи рабочие, давайте... пузанов нам в окопы. Мы им покажем войну, они скоро запросят мира». С окопов. Апрель 1917 г.

Письмо № 9. «Никто не хочет завоевать нашу свободу, кроме нашей буржуазии. Вот наш враг, к которому мы должны поспешить с оружием вырванной из их рук нами свободой». Май 1917 г.

Письмо № 118.

«Мир хижинам!
Война дворцам!
Смерть капитализму!
Долой палачей!»
Октябрь 1917 г.

№ 3. «Прошу зачислить меня членом РСДРП. Даю честное слово, что я буду распространять учение партии. Наш лозунг с холодных северных окопов дальнего юга: мир без аннексий и контрибуций. Большинство политических слов непонятно, прошу, не будет ли возможным выслать словарь. 24.04.1917 г» [10].

В очень многих документах того времени отмечается, что революция превратила бывших рабов в граждан новой свободной России — вчерашний эксплуатируемый человек осознал себя свободной личностью.

Знаменитый революционер П. Заломов (послуживший прообразом Павла Власова в романе М. Горького «Мать») 25.01.1924 г. пишет Н. К. Крупской: «Мы схоронили всех старых богов и никогда, никогда не создадим себе новых! Мы заслужили такого вождя и он, достойный нас, вправе гордиться нами... Мы не можем найти у него ни одной фальшивой ноты — он наш вполне» [5].

В заключение отметим, что большинство участников российского рабочего движения усваивали идеологические концепции марксизма в виде простых суждений, следующих из центральных положений идеологии.

Убедившись на собственном опыте, что лозунги большевиков соответствуют интересам трудящихся, личность на основе доверия к своим товарищам по социальной группе (классу), усвоившим пусть и в упрощённой форме идеологию большевиков, включается в активную политическую деятельность по преобразованию общества.

Сегодня, в переломный момент жизни российского общества задача формирования политического, правового, нравственного сознания у нашей молодежи по-прежнему актуальна.

Конечно, время другое, молодежь другая, социальные отношения во многом изменились, но задача требует неусыпного внимания и постоянной работы.

Список литературы

1. Баженов Л. Б. Строение и функции естественно-научной теории. — М., 1978. С. 128.
2. Бах А. Н. Царь-голод. Ростов на /Д (б. п.) с. 9-10.
3. Гейзенберг В., Шаги за горизонт. — М., 1977. — с. 186.
4. Грамши А. Избранные произведения в 3 т. — М., 1959. — т.3 — с. 29.
5. Заломов П. Запрещённые люди. М., 1985. С. 385.
6. Ленин В. И., Полн. собр. соч. т.25, с. 220.
7. Либкнехт Пауки и мухи // Никаких компромиссов. — М., 1958 — с. 107.

8. Маркс К., Энгельс Ф. — т. 23. — с. 48.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд-ие 2-ое т.21, с. 308.
10. Солдатские письма 1917 года (предисловие М. Н. Покровского) М-Л.: Гос. Изд-во, 1927. — с. 323.
11. Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1934. Фишер Г. Подполье, ссылка, эмиграция. М., 1935 и др.
12. Шелгунов В. А. Рабочие на пути к марксизму // Авангард: воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х годов. — Л., 1990. — с. 60.

И. В. Олейников

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Россия)*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КВЖД В ПЕРИОД РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

Статья посвящена характеристике особенностей проявления революционной ситуации 1917 года на примере полосы отчуждения КВЖД. Показывается роль и значение периферийных районов в российской истории. Дается характеристика восприятия российской политической ситуации в Китае. Проводится исследование на основе исторического, историографического и политологического материала. Делаются предположения о направлении развития данных феноменов.

Ключевые слова: Российские революции, Китайская восточная железная дорога, политическая ситуация, Советская власть, полоса отчуждения.

03 Марта 1917 г. в Харбин пришла весть о победе Февральской революции. Одновременно с мартовскими событиями в России, аналогичное движение началось и на территории КВЖД. Оно выразилось в образовании в Харбине и наиболее крупных линейных поселках множества различных общественных и политических организаций: Совет рабочих депутатов, Совет солдатских депутатов [27], Союз служащих КВЖД. 04 марта 1917 г. образовался Харбинский исполнительный комитет уполномоченных «из представителей разных общественных учреждений и групп населения Харбина, председателем комитета избран уполномоченный В. И. Александров»[14]. «Исполнительные комитеты образовывались революционным порядком, путем делегирования различными общественными организациями своих представителей.»[14] В апреле 1917 года были созданы профсоюзы, точнее, союзы по профессиям: мастеровых и рабочих, паровозных бригад, движущих, дорожных мастеров и артельных старост, телеграфистов и др. Союзы устанавливали связи с родственными организациями в России и других странах. Каждый профсоюз принимал устав, в котором фиксировались цели союза и регламентировалась вся его деятельность. Например, временный устав союза паровозных бригад гласил: «Союз в данное время имеет целью поддержку Временного Правительства..., борьбу за улучшение материального и правового положения своих членов на демократических началах...»[20] Помимо этого, в апреле в Харбине был созван съезд железнодорожников, который провозгласил

создание союза служащих, мастеровых и рабочих КВЖД. На съезде был избран рабочий орган союза: Главный исполнительный комитет (ГЛИК).

Ввиду отсутствия организационно оформленных политических партий, представляется весьма проблематичным определение не только партийного состава, но и политического лица любой общественной организации в полосе отчуждения КВЖД. Также необходимо учесть то, что политические взгляды представителей выше названных организаций очень сильно менялись в зависимости от осмысления ими социальных и политических процессов.

В марте 1917 г. революция была радостно встречена всеми без исключения категориями и группами населения полосы отчуждения КВЖД, о чем свидетельствуют многочисленные телеграммы: 03 марта 1917 г. от Собрания уполномоченных — Председателю Государственной Думы Родзянко, Председателю Кабинета Министров Кн. Львову, а также Великобританскому и Французскому послам: «... мы всей душой рады приветствовать освободителей русского народа и выражаем полное доверие выразителям народной воли...»[20]; 08 марта 1917 г. от Харбинского исполкома министрам финансов и внутренних дел Временного Правительства: «Население Харбина восторженно приветствует народившуюся свободу, низко склоняет головы перед гигантами, сломившими гнет и несправие и открывшими народу путь к свободе... Комитет будет принимать все меры к неуклонному проведению в жизнь начал нового государственного устройства»[2].

На первом собрании исполнительного комитета (04 марта) начались революционные преобразования. Сразу же был поднят вопрос об изменении системы городских выборов в соответствии с программой нового Кабинета Министров — на началах всеобщего, равного и тайного голосования. Решение этого первого вопроса сразу же вызвало осложнение «в связи с особенностью положения русских граждан в полосе отчуждения КВЖД»[18]. 07 марта был поднят вопрос о реформе полиции и замене её милицией, что и было претворено в жизнь 13 марта 1917г.[24]

В работе Г. И. Андреева [10] делается попытка определить политическое лицо Харбинского исполкома, причём автор основывается на содержании резолюции от 11 марта 1917 г.: «Политическое лицо исполкома определилось на заседании 11 марта. Из решения, опубликованного в официальном органе КВЖД, явствует, что созданный исполком является по существу местным органом государственной власти.

Содержание резолюции... эсеро-меньшевистского исполкома не оставляет никаких сомнений относительно его политической ориентации..."[10]

На самом деле в принятом решении подчеркивалось, что основными задачами исполкома являются: «сохранение порядка и спокойствия в городе, немедленное и неуклонное проведение в жизнь программы и распоряжения Временного правительства: принятие мер против контрреволюции; немедленная организация выборов в городское самоуправление на основе всеобщего, прямого и тайного голосования; подготовка к выборам в Учредительное собрание; снабжение армии и населения России продовольствием, организация транспорта»[9].

Однако оценка, данная в советской исторической литературе проблеме определения политических взглядов Харбинского исполкома в марте 1917 г., является некоторым идеологическим упрощением политической ситуации, сложившейся в полосе отчуждения КВЖД после Февральской революции. Найденные документы свидетельствуют о более сложном процессе. «В Харбине по примеру других городов происходят манифестации и многочисленные митинги. Население организовало исполнительный комитет, функции которого ещё не достаточно определились, но исполком ратует за присвоение этому органу административного права. Прошу указаний. Хорват»[20].

Приведенная телеграмма за подписью управляющего Китайской Восточной железной дорогой от 13 марта и резолюция самого исполкома от 11 марта в первую очередь свидетельствуют о политической неопределенности членов исполкома, которые на подъеме революционного энтузиазма пытались решить все задачи не с точки зрения удовлетворения политических амбиций той или иной политической партии, политического течения, а с точки зрения революционного подхода. «Это время, когда все захотели выглядеть революционерами»[28].

«Прошу... указание министерства финансов. Для поддержания порядка в полосе отчуждения необходима телеграмма министра финансов на мое имя, подтверждающая определенную мою власть в отношении управления населением территории дороги. 14 марта 1917 г. Хорват»[10].

Таким образом, революционный подъем был настолько силен, что Дмитрий Леонидович Хорват всерьез был обеспокоен ситуацией, которая могла выйти из-под контроля. Для чего ему и требовалось подтверждение его полномочий. Едва ли можно считать основным мотивом для него личная боязнь «лишиться кресла», а тем более «боязнь рабочего класса». Но революционные преобразования в полосе отчуж-

дения были бы необычайно опасны. Согласно договорам 1896 и 1909 гг., китайское правительство в первую очередь этого бы не допустило. Китайское правительство, но серьезные осложнения в отношениях с Китаем (как в 1911, 1913, 1914 гг.) последовали бы неминуемо. Поэтому вопрос о том, кому должна принадлежать административная власть: какой-либо общественной организации или генералу Хорвату, — для последнего вовсе не являлся основным в связи с тем, что возникала угроза оккупации полосы отчуждения КВЖД китайской, японской или американской армией. Дело в том, что еще в 1905 г. США выдвинули план захвата КВЖД путем ее интернационализации и установления над ней международного контроля. В январе Президент США в беседе с японским посланником говорил о желательности возвратить Маньчжурию Китаю «под руководством держав», а в начале марта 1917 г. посланник США в Пекине Конгер обосновал перед своим правительством проект передачи маньчжурских железных дорог Китаю «под международной гарантией»[19].

Атмосфера на КВЖД продолжала накаляться. Политизация масс и, как следствие, активизация рабочего движения привели к новому направлению в их деятельности. Начиная с марта, массовый характер стали носить обвинения в контрреволюционности, которые пока касались исключительно высших агентов дороги. «На предъявленное требование местного комитета общественной безопасности провести день 10 марта — согласно железнодорожных положений праздничного времени, инженер Котляров Г. М. ответил, что все распоряжения, касающиеся дороги, получаются им от управляющего дорогой, в результате чего был арестован 9 марта 1917 г. с обвинением: «за контрреволюционную деятельность»[11]. «10 марта в моей квартире был произведен обыск чинами милиции, ничего компрометирующего не нашли. 20 марта без ведома правления дороги, комитет общественной безопасности без указания причин отстранил от службы. 20 апреля арестовали, предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности, выразившейся в отправлении двух ледников с кетовой икрой по наряду управления дорогой. 11 мая от ареста освободили... Начальник станции Н. Фомин»[15].

Проявлялась и личная инициатива в деле обеспечения общественной безопасности, что видно из телеграммы на имя военного министра от войскового подрядчика Гайды «Узнав из газет, что управляющий КВЖД генерал Хорват остается на своем месте, следовательно, и вся высшая администрация Маньчжурии. Прожив 15 лет в Маньчжурии, считаю своим гражданским долгом донести Вам, что в Харбине давно существует очаг немецкого шпионства в лице Российского Генераль-

ного Консула Траутшольда, помощника управляющего Гинца, врачей Красного Креста Рапях, Рени, санитарного врача Будберса, ярого русофоба полицмейстера фон Арнольда, члена Русско-Азиатского Банка Рихтера, многих других, собиравших деньги на германский фронт, при взятии немцами Варшавы, получающих громадные оклады от русского правительства за свое предательство. Обращаю внимание на дегенерата прокурора Сульжикова, выдвинувшего десятками повешенных 1905 году массу офицеров, состоявших полицейской службе..."[20]

В ночь с 14 на 15 марта по постановлению Совета солдатских депутатов были арестованы: начальник Заамурской железнодорожной бригады генерал Дориан, полковник Гаргопа, полицмейстер фон Арнольд, заведующий хозяйством второго Заамурского железнодорожного полка Шах-Перемов; с требованием выслать всех в Грузию «... Шах-Перумов арестован гауптвахте солдатскими депутатами, до сего времени обвинение не предъявлено... В связи с чем освобожден 22 апреля»[10].

Управляющий КВЖД генерал Хорват был, безусловно, поставлен в очень сложное положение. В своем докладе в Петербург он отмечал: «... в силу требований новых общественных организаций я был вынужден отстранить от исполнения служебных обязанностей некоторых служащих на дороге, например: помощника управляющего дорогой генерала Афанасьева, начальника телеграфа Затепиского, начальника депо инженера Отта, редактора «Харбинского Вестника» Тищенко, 26 человек, причем возможно, что число таких лиц будет увеличиваться.

Приказов об увольнении сих лиц от службы на дороге не последовало, так как равным образом не последовало распоряжений об устранинии их от служебных обязанностей на предмет предания суду».

Видимо, вся эта компания всеобщего доноительства, несанкционированных со стороны административных органов, обысков и арестов, без сколько-нибудь обоснованных обвинений, происходила по причине: желание быть революционным, когда стремление революционным порядком что-либо изменить сталкивалось с реальными проблемами, которые решались на голом субъективизме, на личном отношении к действиям того или иного должностного лица, а в крайнем случае — попытка решения своих собственных проблем путем простого административного уничтожения возможного оппонента, которое переплеталось с желанием предания тому или иному органу той или иной организации — власти согласно «законам революционного времени» и «революционными же средствами.» Это время какого-то опьянения революционными идеями всех категорий и групп населения полосы отчуждения КВЖД, когда все единой массой выступали про-

тив старого, уже свергнутого там, в России, порядка, и каждый лелеял в душе мечту о чем-то своем, новом. Но то, что это новое у каждого свое, еще слабо осознавалось, так как попыток обосновать и построить его не было. Еще только оформлялись организационно политические партии, еще не было сколько-нибудь серьезных столкновений между ними, все были озабочены мыслью о том, как бы скорее избавиться от «темного прошлого», и только потом начинали задумываться о том, как и каким создать «светлое будущее» (на данный момент никаких ни программных установок, ни даже резолюций с конструктивными предложениями не было опубликовано). В этих попытках сломать что-нибудь старое и построить что-нибудь революционное, которое потом, в будущем, сделает жизнь лучше, прошла весна 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД.

Следует еще раз напомнить о том, что политические течения в это время только начинали организационно оформляться. С этой целью проводились митинги и собрания, на которых тут же записывались в члены той или иной партии. Вот, например, сообщение об одном из таких собраний: «Социал-демократическая группа в библиотеке-читальне Главных механических мастерских 26 марта в шесть часов вечера устроила организационное заседание. Несколько ораторов разъясняли собравшейся в большом количестве публике программу социал-демократии, как политическую, так и экономическую, причем было сделано приглашение записываться в члены партии для выборов президиума и организационного бюро.

На собрании выяснено, что партия будет поддерживать войну с Германией и другими враждебными государствами»[6].

Организационное оформление партий можно считать состоявшимся только в июне 1917 г., когда отмечаются и первые всплески политической борьбы. Кстати, в июне все организации (общественные и политические) кроме Совета рабочих и солдатских депутатов отказались от производства несанкционированных обысков и арестов после получения очередной телеграммы министра путей сообщения от 12 июня 1917 г.: «Ко мне продолжают поступать сведения об отдельных случаях устранения служащих по требованию их товарищей им подчиненных, причем начальствующие иногда мотивируют свое согласие опасением насилий со стороны заявляющих требования устранения. Категорически подтверждаю свои неоднократные указания совершенной недопустимости устранения служащих без надлежащего расследования. Признаю возможным согласие начальствующим мотивом устранения правильным. Производимое насилие падает всей тяго-

стью ответственности на виновников его решаемых самоуправными действиями нарушать революционно-демократический порядок»[25].

«Совет рабочих и солдатских депутатов... продолжал свою работу: проводил собрания, митинги, демонстрации и производил обыски лиц, подозреваемых в контрреволюционной деятельности, в частности иностранцев»[17].

Таким образом, анализируя политическую ситуацию в полосе отчуждения КВЖД в 1917 г. до победы Октябрьской революции, можно согласиться с Г. И. Андреевым [10], который выделяет здесь два этапа: первый этап март-июнь, второй этап июнь-октябрь. Первый этап характеризуется отсутствием в полосе отчуждения организационно оформленных партий, всеобщим всплеском революционного энтузиазма. Второй же напротив характеризуется ростом партийного и, конечно, политического противоборства. Первым камнем преткновения стал вопрос о политических эмигрантах. 2 июня состоялось общее собрание железнодорожных служащих, на котором отмечалось, что «выступления в последние дни подозрительных ораторов, сеющих вредную агитацию в солдатских организациях, а также в железнодорожной среде, встревожило харбинское население. На это было обращено внимание ещё областным съездом всех исполнительных комитетов (12 апреля 1917г.), затем состоялись экстренные заседания советов депутатов всех местных организаций. И, наконец, в связи с выступлениями и поведением некоторых эмигрантов едущих из Америки состоялось общее собрание железнодорожников. Выступление делегатов съезда в принципе мало отличались друг от друга и сводились к ниже-следующему: «Необходимо призвать к порядку «политиков» своевластия и разнузданности, сеющих анархию... Страна жаждет спокойствия, а эмигранты едут к нам из Америки сеять анархию в стране...

Хватит ломать, давайте же что-нибудь строить».

«Постановили:

1. Задержать эмигрантов в Харбине до выяснения личности;
2. Сообщить о событиях временному правительству с подробным изложением их и просить указаний»[5].

Уже 05 июня была получена ответная телеграмма «Вследствие телеграммы от 04 июня Временное Правительство предлагает образовать особые контрольные комиссии для самой строгой проверки в местах отправления Владивостоке, Харбине, Маньчжурии, Иркутске и где признаете еще нужным. Личности прибывших эмигрантов из Америки сомнительных и уголовных задерживать, не русских подданных возвращать обратно. Министр-Председатель кн. Львов»[20].

Категорично против выступил Совет солдатских депутатов, который высказался за свободный пропуск всех политических эмигрантов.

Острая дискуссия разгоралась на экстренном заседании харбинского Исполнительного комитета, где специально рассматривался эмигрантский вопрос. Это заседание знаменательно тем, что на нем впервые обозначилось политическое противостояние между радикальной частью большевиков с одной стороны, и всеми другими политическими партиями и группировками с другой. Это противостояние оказало большое влияние на дальнейший процесс размежевания политических сил в полосе отчуждения КВЖД. Позиция общего собрания железнодорожников подверглась резкой критике в выступлении большевика Беренгейма (Бакинського), что вполне понятно, так как он являлся эмигрантом. Беренгейм в частности отметил, что это «сепаратное постановление и проведение его в жизнь есть акт насилия, так как он противоречит постановлению исполнительного комитета г. Харбина»[7].

Таким образом, оказалось, что общее собрание железнодорожных служащих может принять «сепаратное постановление», но самое интересное: общее собрание состоялось 02 июня, отчет о деятельности собрания появился в печати соответственно 03 июня, а Харбинский исполнительный комитет на экстренное заседание собрался 6 июня и отчет о его деятельности появился в печати 07 июня. Таким образом, постановление, принятое на общем собрании, едва ли могло противоречить постановлению исполнительного комитета. Также представляет интерес и тот факт, что, помимо постановления исполнительный комитет принял резолюцию, в которой выражалось «пожелание, чтобы эмигранты выехали из Харбина»[20].

Толчком, ускорившим процесс размежевания политических сил в полосе отчуждения, являлись июльские события в Петрограде. 08 июля в Харбине состоялось бурное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором с докладом о расстреле мирной демонстрации в Петрограде выступил председатель Совета прапорщик Рютин М. Н. Он в частности отметил, что «революция не носит широкого характера в Харбине, а, наоборот замечаются попытки контрреволюции, которые возможно подавить лишь путем передачи всей полноты власти Совету рабочих и солдатских депутатов»[12]. После острой дискуссии президиум Совета предложил компромиссную резолюцию, в которой указывалось: «1) Медема, как нарушившего распоряжение Временного Правительства о немедленной отправке всех жандармов на фронт, арестовать и привлечь к судебной ответственности. 2) Семмер, Геберлейн, Арнольд и пр. под конвоем должны быть отправлены на Кавказский фронт. 3) Просить г. Управляющего доро-

гой немедленно отстранить от должности Начальника гражданской части, юристконсульта Гартунга. 4) Просить распоряжения Временного Правительства об отстранении от обязанностей Комиссара генерала Хорвата, для чего немедленно послать в Петроград делегата с докладом о политическом положении в Маньчжурии. 5) Харбинский исполнительный комитет как революционную организацию мы не признаем, и вся революционная работа с сего числа должна быть перенесена в Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов»[20].

Уже при обсуждении данного проекта резолюции наиболее острую дискуссию вызвал четвертый пункт. М. Н. Рютин сразу же заметил, что социал-демократическая партия пришла к заключению, что «функции административные и дипломатические не должны находиться в руках генерала Хорвата. Генерал Хорват не опирается на общественные организации, не идет на встречу постановлениям общественных организаций»[4]. Это замечание не было поддержано членами Совета: Шахнович в своем выступлении сказал, что «никогда не слышал дурного слова о Хорвате». Не поддержали Рютина и старослужащие дороги: Ивашкевич, Позень и другие — «Хорват очень многим спас жизнь в 1905-1906 годах». В результате Д. Л. Хорвату было выражено доверие Совета рабочих и солдатских депутатов. Но так как он обладал административной, дипломатической и исполнительной властью, как управляющий КВЖД и политической, как комиссар Временного правительства, то Совет все-таки признал возможным просить Временное правительство об отстранении от обязанностей комиссара генерала Хорвата, таким образом, пытаясь лишить Хорвата официальной политической власти в полосе отчуждения КВЖД. Но в качестве признания за Дмитрием Леонидовичем всех остальных полномочий в резолюции содержится третий пункт, просьба к управляющему дорогой.

Г. И. Андреев по этому поводу пишет: «но даже эта резолюция, в которой не отрицалось Временное правительство, была встречена в штыки меньшевиками и эсерами. Требование отстранения генерала Хорвата от обязанностей комиссара Временного правительства в полосе отчуждения привело их в негодование. При голосовании они сорвали принятие резолюции»[10]. Я считаю, что это заявление является весьма спорным, так как меньшевики и эсеры не входили в Совет и узнали об этой резолюции только из сообщения в печати. Они действительно её осудили, но сорвать принятие резолюции не могли, так как резолюция была уже принята. Причем самое большое недовольство вызвало заключение резолюции, которое Андреев в своей работе не приводит. «Принимая во внимание, что такое положение вещей повлечет за собой со стороны иностранных держав, которые ни в коем

случае не примирятся с возможностью диктатуры в международном городе Совета русских солдатских и рабочих депутатов, это приведёт к энергичному протесту с их стороны... Необходимо принятие экстренных мер»[20].

Что подразумевается под «экстренными мерами»? Какая необходимость в установлении какой бы то ни было диктатуры в международном городе? Эти вопросы едва ли могли оставить кого-либо равнодушным. Очевидно, поэтому все газеты в последующие дни были заполнены телеграммами с выражением доверия генералу Хорвату от всевозможных организаций, начиная от собрания представителей всех национальностей Кавказа, проживающих в полосе отчуждения КВЖД [1], до Харбинского исполнительного комитета [8]. На наш взгляд, можно предположить, что доверие генералу Хорвату было выражено не только и не столько потому, что ему все безоговорочно доверяли, сколько из-за нежелания самой возможности установления какой бы то ни было диктатуры пролетариата.

Интересен и тот факт, что отношение Д. Л. Хорвата к Совету рабочих и солдатских депутатов не было предвзятым, что видно из телеграммы от 07 июля в правление общества КВЖД. Некоторые линейные Советы возбудили ходатайство об уплате содержания членам совета и служащим дороги, командированным на Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов.

«Так как по сему вопросу не имелось ни каких общих указаний Временного правительства, то мною разрешены означенным делегатам отпуска с сохранением содержания на тот срок, на который они выслужили право»[21].

Итак, очевидно, что Совет рабочих и солдатских депутатов предпринял попытку захватить политическую власть; также Совет пытался присвоить себе официальные функции юридического органа, обладающего исполнительной властью, несвойственные политической организации.

Как я уже упоминал, данный период характеризуется обострением борьбы между различными политическими партиями за массы, но этот период также характеризуется курсом большевиков на установление Советской власти в полосе отчуждения КВЖД.

Практически все партийные комитеты в это время организуют издание своих печатных органов. В этом аспекте я бы хотел рассмотреть кампанию по выборам делегата в Учредительное собрание.

21 октября в Харбинских газетах были опубликованы кандидатские списки:

1. Вольфович Файтель Абрамович — от эсеров;

2. Стрелков Николай Арсеньевич — от меньшевиков;
3. Рютин Мартемьян Никитич — от большевиков;
4. Хорват Дмитрий Леонидович — от Харбинского отделения партии народной свободы.

Результаты проведенных в начале ноября выборов показали, что значительная часть рабочих и низших служащих города Харбина идет за большевиками. Рютин получил в Харбине больше голосов, чем его соперники. И только подсчет голосов на линии дал перевес меньшевикам. В целом голоса избирателей распределились следующим образом:

1. Стрелков — 13139 голосов;
2. Рютин — 10612 голосов;
3. Хорват — 6327 голосов;
4. Вольфович — 5081 голосов.[3]

В голосовании принимали участие не только служащие КВЖД, но все русские подданные, которые являлись на избирательные пункты. Сводок о ходе голосования в архивных данных нет, но есть жалобы, например, со станции Маньчжурия. «Голосование началось в 12-00 вместо 10-00, как было объявлено ранее, в результате чего часть граждан в недоумении удалились, а другие стали сами организовывать это мероприятие...»[23] Кроме того, в июне Харбинский Совет рабочих и солдатских депутатов предпринял попытку регулирования цен и распределения продовольствия. В результате была проведена ревизия на складе торгового дома «Чурин и К°» и других торговых предприятий. Однако владельцы закрыли свои магазины, и это мероприятие закончилось. Но часть продовольствия осталась у Совета рабочих и солдатских депутатов, которая и была продана перед выборами. При этом, конечно же, был осуществлен классовый принцип распределения: беднота получала по карточкам муку по ценам на 30 % ниже цен в магазинах.[16] Поэтому я не считаю, что итоги выборов «наглядно демонстрируют политическое размежевание трудящихся масс»[10]. Тем не менее, большевики на выборах одержали крупную победу. Выборы показали, что большевизм как политическое течение имеет точку опоры у населения полосы отчуждения КВЖД. Большевики продемонстрировали, что они умеют прекрасно ориентироваться, а главное, использовать в своих интересах ту или иную, политическую и экономическую нестабильность, тем самым доказав, что являются серьезным политическим оппонентом для любой силы. В это связи можно отметить, что они вели себя и прямолинейно (стратегия) и гибко (тактика) одновременно. Необходимо подчеркнуть, что выборы завершились в тот же момент, когда в России большевики уже стояли у власти, но Гражданская война ещё шла полным ходом. Это период, когда боль-

шевики полосы отчуждения КВЖД находились в апогее своей политической силы, и никто не мог предположить, что ровно через три недели они поднимут мятеж, чем отпугнут от себя практически весь электорат. (Во время мятежа, как и после него, практически не было ни каких мероприятий в поддержку большевиков, исходящих от тех, кто отдал свои голоса за М. Н. Рютина).

Список литературы

1. «Новости жизни». 1917, 14 июля.
2. «Харбинский вестник» 1917, 10 марта.
3. «Харбинский Вестник» 1917, 21 октября.
4. «Харбинский Вестник», 1917, 11 июля.
5. «Харбинский вестник», 1917, 3 июня.
6. «Харбинский вестник», 1917. 29 марта.
7. «Харбинский Вестник», 1917. 7 июня.
8. «Харбинский Вестник». 1917, 13 июля.
9. «Харбинский вестник». 1917, 14 марта.
10. Андреев Г. И. Революционное движение на КВЖД в 1917-1922 гг., Новосибирск, 1983.
11. Из сводок пограничного окружного суда //См. ГАИО. ф.245, оп.1, д.1586.
12. Из секретного донесения управляющего Генеральным Консульством в Харбине от 9 июля 1917. № 218. См.: РГИА. ф.323, оп. 1, д.1074. Л.96-97.
13. Из телеграммы в министерство финансов.// См. РГИА. ф.323, оп.1, д.1074.
14. Из телеграммы Д. Л. Хорвата в министерство финансов.// См.: РГИА. ф.323, оп.1, д.1077.
15. Из телеграммы Н. Фомина в петербургское правление общества КВЖД.//См. РГИА. ф.323, оп.1, д.1735.
16. Крушанов А. И. О численности пролетариата Дальнего Востока накануне Великой Октябрьской Социалистической революции// Труды Дальневосточного филиала АН СССР, серия историческая, — Т.5, Благовещенск, 1963.
17. Кудрявцев П. Управление и суд на Китайской Восточной железной дороге в 1917 — 1918 гг. — Иркутск, 1930.
18. Нилус Е. Х. Исторический обзор. Китайская Восточная железная дорога. 1896-1923 гг. — Харбин, т.1, 1923.
19. Персиц М. А. Дальневосточная республика и Китай. Роль ДРВ в борьбе Советской власти за дружбу с Китаем в 1920-1922 гг. М., 1962.
20. РГИА. ф.323, оп. 1, д. 1074.

21. РГИА. ф.323, оп. 1, д. 1738.

22. РГИА. ф.323, оп. 4, д. 246.

23. РГИА. ф.323, оп.1, д.1073.

24. РГИА. ф.323, оп.1, д.1735.

25. РГИА. ф.323, оп.3, д.11.

26. Соломеник В. Борьба за Советскую Власть в полосе отчуждения КВЖД. (По материалам Истпарта ДВ ЦЦК 1917-1920 гг.)// Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. III. — Владивосток, 1925.

27. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири (доклад Пишона). М. — Л., 1925.

Ю. А. Соснина

*Централизованная библиотечная система им. П. П. Бажова, филиал
«Библиотека им. Н. А. Некрасова» (г. Новосибирск, Россия)*

РЕВОЛЮЦИЯ И МИФОЛОГИЯ

В статье приводятся параллели между элементами революционной символики и различными образами из национальных мифологий. Автор статьи обращается к образам преимущественно из германо-скандинавской, кельтской и шумерской мифологий и обнаруживает несколько основополагающих символов, нашедших отражение в символике 1917 года.

Целью исследования является определение истоков некоторых элементов российской революционной и впоследствии государственной символики. Исходя из цели исследования, необходимо решить следующие задачи: рассмотреть мифологические образы и мотивы и сопоставить с их трансформациями, лёгшими в основу революционной символики в России двадцатого века. Для изучения были взяты символы звезды, серпа, молота и красного цвета как обозначения «мирового пожара». В качестве методов исследования были выбраны мотивный и структурно-типологический анализ.

Результаты исследования показали, что ключевые символы российской революционной символики тесно связаны с символами из различных национальных мифологий, некоторые из которых, такой, как звезда, можно назвать архетипическими. Опора на народные традиции как на источник символов в целом и общая культурная преемственность в частности определили характер символики и выделили конкретные образы для воплощения революционных идей.

Ключевые слова: революция, символика, история России, скандинавская мифология, кельтская мифология, шумерская мифология

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года стала одним из важнейших и крупнейших политических событий двадцатого века. Её изучение не утратило своей актуальности и в наши дни, ведь её истоки непосредственно связаны с древнейшими пластами мировой культуры. Революция изменила устоявшийся порядок жизни, и этот переломный момент повсюду сопровождался новой символикой. Социалистический характер Октябрьской революции, её обращение к общественности возвращала массовое сознание к народным истокам.

Миф способен передавать представление людей об окружающем мире и человеке, происхождении всего и его прекращении. Язык любого мифа образен, в нём преобладает лексика чувственного восприятия. Миф помогает героизировать народное прошлое и воспитывает в личности дух патриотизма и любовь к Родине. Не случайно, что революционеры 1917 года обратились к древнейшим мифологическим об-

разам и включили их в собственную, новейшую мифологию переходного периода и в дальнейшем — в последующую государственную символику.

Звезда, серп и молот, а также красный цвет как цвет мирового пожара стали ключевыми символами переходного времени и новой эпохи. Рассмотрим эти символы в сравнении с их мифологическими значениями и их трансформациями в интересующем нас историческом периоде.

Звезда

Символ звезды имеет богатейшую историю и включение в многочисленные мифологии и культуры. И в современном мире изображения звёзд украшают многие флаги разных стран. Одним из таких флагов является флаг Европы, утверждённый в декабре 1955 года, на котором изображен круг из двенадцати золотых звёзд на синем поле. В данном случае звёзды символизируют единство народов, вступивших в Европейский союз. Помимо этого, флага звёзды присутствуют на флагах Сомали, Мьянмы, Новой Зеландии, КНДР, Туниса, Сирии, Кубы, Чили, Израиля, Бразилии, Венесуэлы, Камеруна, Австралии, Сенегала и др.

Символ возвышенных стремлений, звезда указывала путь революционерам и вдохновляла на победоносную борьбу. В революционной России этот символ был достаточно популярен и встречался не только на агитплакатах, униформе и знамёнах, но и в поэзии. Пять — это и пять континентов, на которых живут рабочие, и трудовая рабочая пятерня.

Особенно часто образ звезды упоминается у В. В. Маяковского, но используется и другими поэтами, не только современниками 1917-ого года, но и потомками, переосмысливающими события прошлого:

а) «Поэтом не быть мне бы, / если б / не это пел — / в звездах пятиконечных небо / безмерного свода РКП» (В. В. Маяковский, «Владимир Ильич»);

б) «В одну благодарность сливаем слова тебе, / краснозвездная лава, / Во веки веков, товарищи, / вам — / слава, слава, слава!» (он же, «Последняя страничка гражданской войны»);

в) «За мир погибнув новый, молодой, / Лежат они, сибирские крестьяне, / С крестами на груди — не под крестами, — / Под пролетарской красною звездой» (Е. А. Евтушенко, «Партизанские могилы»).

Официальное название этого элемента нового герба — «марсова звезда». Многозначность и архетипичность символа звёзды не подлежит сомнению. Не менее важна звезда в более древних культурах, например, шумерской или египетской. Так, у шумеров был клинопис-

ный знак «дингир», выглядящий как восьмилучевая звезда и обычно наделяемый значением 'божество'. Удаленность звезды, её надмирность означает её недоступность тьме: «В божестве важна не сила (как у семитов) и не способность наделять мир различными благами (как у индоиранцев), а удалённость от суеты здешней жизни, ясный свет, испускаемый с небес на землю, и обладание наглядно воспроизводимыми законами, которым должно подчиняться всё мироздание» [4].

Совсем другая ипостась у звезды была в Древнем Египте. Египетская звезда является пятилучевой, и она символизировала тело человека. Такое антропоцентрическое представление позволяет ввести фигуру субъекта, покоряющего и преобразующего окружающий мир. Человек-защитник, человек-борец, революционер, рабочий и крестьянин становятся главными действующими лицами на политической арене двадцатого века, а исходящий от звезды свет разгоняет мрачные тени печального прошлого: «Среди разных толкований этого символа отличаются и защитные его свойства, способствующие укреплению силы духа, противоборства с силами тьмы» [7].

Этот символ напрямую связан с двумя другими — серпом и молотом — главными орудиями труда человека-борца.

Серп и молот

До серпа в революционной эмблематике использовался другой артефакт — плуг, но с лета 1918 года его заменили на серп. Эмблема серпа и молота до сих пор используется как символика левых партий и движений. Чтобы ответить на вопрос, какова мифологическая основа образа серпа, следует обратиться к аграрным культам. Так, серп друида обладал сельскохозяйственным значением. В обряде жертвоприношения с помощью золотого серпа срезали ветви омелы. Однако серп был не только основным инструментом друидов, но и древнейшим орудием для сбора урожая. Аграрные культы часто связывались с женским началом и плодородием, одной из наиболее известных богинь этого направления была Деметра.

Древнегреческая богиня плодородия и покровительница земледелия Деметра имеет множество тематических эпитетов: Дарительница плодов (Карпофора), Хлебодарная (Сито), Зеленеющая (Хлоя). Деметра часто изображается как девушка в венке из колосьев, «обнимающих» её голову, и похожее положение принимают крепкие хлебные колосья на советских гербах.

В тандеме с молотом серп символизирует союз рабочих и крестьян. Однако второй элемент собирательной эмблемы не так прост в толковании и имеет обширное мифологическое употребление.

Символ молота отличается амбивалентностью: молот — «созидательно разрушительный символ мужской силы и в то же время символ крепости и активности» [7]. Вероятно, самый известный мифологический молот — элемент скандинавской мифологии, атрибут бога Тора, Мьёлльнир. Громовержец Тор выполняет защитную функцию, охраняя мир людей от мира враждебных великанов и чудовищ с помощью своего волшебного молота. «Молот — исконное оружие громовника (др. — исл. Mjöllnir имеет тот же корень, что и русское слово «молния») — первоначально мыслился каменным, но в «Младшей Эдде» в истории изготовления кузнецами — цвергами (карликами) сокровищ асов, речь идёт уже о железном молоте» [6].

В древнескандинавском раннесредневековом памятнике литературы «Старшая Эдда» упоминается сокрушительная сила этого оружия: «Тор сказал: Отплачу я тебе / за обидные речи, / пролив пере-плыв: / громче волка ты будешь / выть, коль ударю / молотом мощным!» (Песнь о Харбарде, пер. А. Корсуна) [1], или: «Тор-победитель / к борту ладьи / вытащил смело / пестрого змея, / молотом бить / стал он по мерзкой / вершине волос / родича Волка» (Песнь о Хюмире, пер. тот же) [1].

Бог Тор — не только защитник от великанов, но и покровитель земледелия. На это указывают особенности его образа. Так, в бронзовую колесницу громовержца запряжены два козла — Тангниостр (Tanngjǫstr ‘скрежещущий зубами’) и Тангриснир (Tanngrisnir ‘скрипящий зубами’), которые регулярно служат Тору пищей и возрождаются, если все их кости после пиршества остались в целости и сохранности. Золотоволосая супруга Тора, прекрасная богиня Сиф, покровительствует плодородию. Наконец, «топонимика у франков и в Англии, где имя громовника большей частью связано с обозначением поля, что указывает на функцию плодородия. [6]. И, конечно же, подобные топонимы существуют на территории современной Скандинавии — например, шведский город Торсберг. Но скандинавский Тор — единственный чудесный обладатель молота.

В Древней Греции искуснейшим владельцем молота был хромой на обе ноги Гефест, который по косвенным признакам тоже был связан с аграрным делом. В энциклопедии «Мифы народов мира» приводятся следующие источники: «У Аполлония Родосского в «Аргонавтике» (III 219-229) рассказывается о том, что Гефест вырыл для колхидского царя четыре источника, текущие из-под виноградной лозы, — молока, вина, масла и воды. Гораций рисует Вулкана-Гефеста на фоне расцветающей весенней природы (Carm. I 4, 1-8). Всё это свидетельствует о хтонической связи Гефеста с силами природы» [6].

И всё же, основная стезя хромого Гефеста — кузнечное мастерство, нашедшее применение и при создании убранства гефестова дома: «Тою порою Фетида достигла Гефестова дома, / Звездных, нетленных чертогов, / прекраснейших среди Олимпа, / Кои из меди блистательной создал себе хромоногий. / Бога, покрытого потом, находит в трудах, пред мехами / Быстро вращавшегося: двадцать треножников / вдруг он работал, / В утварь поставить к стене своего благолепного дома. / Он под подножием их золотые колеса устроил, / Сами б собою они приближались к сонму бессмертных, / Сами б собою они / возвращались, взором на диво. / В сем они виде окончены были; одних не приделал / Хитроизмышленных ручек: готовил, и гвозди ковал к ним» [1].

Тем не менее, греческий Гефест — не единственный бог-кузнец. В западноевропейских мифах встречается чудесный кузнец Вёлунд, упоминаемый в «Старшей Эдде» в «Песни о Вёлунде», князь альвов (эльфов) и супруг валькирии Хервёр, пленённый и увеченный шведским конунгом Нидудом. С подрезанными сухожилиями Вёлунд не мог сбежать и был вынужден находиться в плену, работая на конунга Нидуда, пока не прибег к хитрости. Примечательно, что кузнечному мастерству Вёлунда обучал великан Мимир и гномы с горы Каллав. Тем более примечательно, что в поэзии можно найти даже точное сравнение кузнеца-рабочего с существом, принадлежавшим к низшей мифологии: «Вот кузнец. Он весь — забота, / Черен, страшен, будто гном: / Щеки, мокрые от пота, / Красным светятся огнем. / Ломит, спинушку больную, / Очи жжет, мутится ум, / Но кормилицу мирскую — / Соху он кует: дзин! бум!» (П. Якубович, «Кузнецы») [3].

Тот же Гефест несколько звероподобен и совсем не похож на белого, сияющего олимпийского бога: «...от наковальни великан закоптелый поднялся / И, хромоногий, медленно двигал увечные ноги <...>; Губкою влажно вытер лицо и могучие руки, / Выю дебелую, жилистый тыл и косматые перси; / Ризой оделся и, толстым железом подпирался, в двери / Вышел хромая...» [1].

Искалечивание кузнецов несло чисто практические цели и применялось во многих культурах, чтобы нужный мастер не мог сбежать. В данном случае подрезанные сухожилия древних творцов — не что иное, как оковы закабалённых рабочих, которых освободила революция, ставшая поводом перековать мечи на орала, и позволившая впоследствии восторжествовать долгожданному миру, труду на благо людей и цветущему маю.

Мифические гномы по-разному относились к людям, но всегда отличались несомненным мастерством в кузнечном и ювелирном деле. В то же время специфическое место обитания роднит гномов с хтони-

ческими существами подземного мира: «Инфернальная стихия, рвущаяся из-под земной толщи, естественно увязывается как с мятежными титанами, так и, что ещё более важно, с образом Вулкана или Гефеста. Пролетарские обитатели земных недр, кадавры и «гномы», — либо, как сказано в «Шахтёрской Марсельезе», «бойцы подземного мира», — словно сливаются в исполинский образ кузнеца или сами порождают его из своей массы» [3].

Звезда, серп и молот представляют собой ключевые фигуры астральных, лунарных и солярных мифов. Однако если связь небесной звезды с астральными мифами достаточно прозрачна и не нуждается в пояснении, то сближение серпа и кузнечного молота с космической тематикой может вызвать вполне ожидаемое недоумение.

Слово «серп» является полисемантом, и благодаря этому качеству может означать не только жатвенный нож, но и называть видимую человеку фазу Луны, которая и вдохновила древних людей на создание такого сельскохозяйственного орудия. С солярными мифами молот сближает его форма. На скандинавских рунических камнях молот Тора изображается весьма схематично, даже незатейливо, как простая прямоугольная четырёхлучевая свастика, лучи которой не имеют фиксированного направления в одну сторону. Более реалистическое изображение артефакта можно видеть на руническом камне из Стенкисты, (Сёдерманланд, Швеция).

Таким образом, ведущие символы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года несут в себе мощную мифологическую основу, идущую от первых мифов древности. Итак, спустя многие века их сила воздействия не ослабла и смогла вдохновить совсем других людей, живущих в иной эпохе, на решительную борьбу.

Красный цвет и образ мирового пожара

Символика красного цвета подвергается разным толкованиям, но чаще всего в них говорится о жизненной силе, страсти, борьбе и огне: «Символ не столько борьбы, сколько новой жизни, обозначающей борьбу не на жизнь, а на смерть; он соотносится с богом войны Марсом, отсюда и эмблема Красной армии — «марсова звезда»» [7].

Красный цвет — это огонь, дотла сжигающий мир старых порядков, ведь недаром образ мирового пожара был столь популярен в революционной культуре. К данному образу не раз прибегали поэты — современники Октябрьской революции: «Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови — / Господи благослови!» (А. А. Блок, «Двенадцать») или: «Мы раздуваем пожар мировой, / Церкви и тюрьмы сравняем с землёй — / Ведь от тайги до бри-

танских морей / Красная Армия всех сильнее!» (П. Григорьев, «Белая армия, чёрный барон»).

Образ мирового пожара является знаковым и в германоскандинавской мифологии на её завершающем, эсхатологическом этапе. После того, как чудовищный волк Фенрир проглатывает солнце, начинается гибель богов, Рагнарёк, после которой возникает новый мир. В Старшей Эдде скандинавский пожар называется пламенем Сурта — враждебно настроенного огненного великана, чей главный атрибут — пламенный меч: «Я странствовал много, / беседовал много / с благими богами; / кто наследьем богов / завладеет, когда / пламя Сурта погаснет?» («Речи Вафтруднира», пер. А. Корсуна) [2].

В начальной эддической песни «Прорицание вёльвы» огонь пожара называется с помощью поэтической метафоры (кеннинга) «губящим ветви»: «Сурт едет с юга / с губящим ветви, / солнце блесит / на мечах богов; / рушатся горы, / мрут великанши; / в Хель идут люди, / расколото небо» (пер. А. Корсуна) [2].

Старый мир окончательно гибнет в глобальном пожаре: «Солнце померкло, / земля тонет в море, / срываются с неба / светлые звезды, / пламя бушует / питателя жизни, / жар нестерпимый / до неба доходит» («Прорицание вёльвы», пер. А. Корсуна) [2]. Однако после гибели старого мира и старых порядков возникает очищенный новый мир и формируется совершенно новый порядок: «Заколятся / хлеба без посева, / зло станет благом, / Бальдр вернется, / жить будет с Хёдом / у Хрофта в чертогах, / в жилище богов — / довольно ль вам этого?» («Прорицание вёльвы», пер. А. Корсуна) [2]. Так последствия пламени пожара гармонизируются нарождающимся новым космосом, представленным на революционной эмблематике, в центре которой теперь находится человек труда.

К слову, колосющиеся хлеба нового мира из «Старшей Эдды» тоже отразились в советской эмблематике, и на всех изображениях герба того времени можно увидеть окружающие центральные символы звезды, серпа и молота золотые хлебные колосья.

В последнем бою, в гибели богов участвуют не только боги и различные стихии, но и павшие воины эйнхерии. Только погибшие на поле боя, первые воины среди равных, не выпустившие из рук оружия, получают высокое право сразиться ещё раз и воплотить их стремления пожертвовать жизнью ради грядущего. Но до поры они вечно сражаются в небесных чертогах Вальгаллы, погибают и, возрождаясь, дружески пируют за общим столом, поедая точно также возрождающегося вепря Сехримнира: «Эйнхерии все / рубятся вечно / в чертоге у Одина; / в схватки вступают, / а кончив сраженье, / мирно пируют» («Речи

Вафтруднира», пер. А. Корсуна) [1]. Мотивы смерти и возрождения, пронизывающие образ умирающих и воскресающих могучих эйнхериев вновь возвращает нас к цикличности древней жизни, аграрным культам и растительности в целом, связывают с греческим богом растительности и виноградарства Дионисом и скандинавским богом весны и света Бальдром.

Мифологические символы, являясь архетипическими константами, проходят через времена и эпохи. Революционеры умирали во имя борьбы и своей победы над белым движением, древние скандинавы стремились к смерти в бою с хтоническими чудовищами и последующей вечной славе. И те, и другие видели перед собой схожие образы, вдохновлявшие их на боевые и трудовые подвиги, чтобы обеспечить достойную жизнь своим потомкам.

Поскольку революционная и советская идеология были общественно ориентированными, они помогла обществу вернуться к его исходным народным традициям, к мифологии, которая отвечала народным чаяниям. В противовес шаткому буржуазному идеализму, индивидуализму и личной добродетели вперёд выходят общественно значимые поступки, классовая добродетель и подчинение личных желаний в пользу общественного блага. Более того, классовая идеология, развившаяся в революции, идеологически очень близка языческим мифологиям: «Различие между языческими и христианскими компонентами культуры в самом общем виде заключалось в том, что для язычника важно было установить государственно (общественно) значимые поступки — преступления и подвиги, тогда как для христианина важны индивидуальные пороки и добродетели. У язычника последние подразумеваются сами собою, как функционально производные от соборных добродетелей. Таким образом, христианство привносит ориентацию на личную добродетель и выдаёт её за общечеловеческую; представление о групповой (классовой) добродетели является остатком язычества. Такое же противопоставление отмечается и для других категорий бытия. Для язычника путь к свободе лежит через осознание справедливости общественного интереса (личное подчинено общественному, «миру»), для христианина — через личную свободу от всякого угнетения» [5].

Фундамент из народных традиций и культурная преемственность закрепили в сознании будущего советского народа уже знакомые им символы, которые воплотились в ознаменование наступления новой, лучшей жизни.

Список литературы

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. — 752 с.
2. Гомер. Илиада [Текст]: Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского. Вступ. ст. С. Маркиш; Примеч. С. Ошерова. — М.: ТЕПРА, 1996. — 752 с. — (Сокровища мировой литературы). — ISBN 5-300-00144-9.
3. Вайскопф М. Я. Писатель Сталин. — М.: Новое литературное обозрение. Изд. 2-е, испр., 2002. — 384 с. — (Серия «Научная библиотека»). — ISBN 5-86793-167-6.
4. Емельянов В. В. Древний Шумер [Текст]: Очерки культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, Азбука-классика, 2001. — 368 с. — (Мир Востока). — ISBN 5-85803-161-7.
5. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» — СПб.: Златоуст, 1999. — 368 с. — (Язык и время. Вып. 2). — ISBN 5-86547-099-X.
6. Мифы народов мира [Текст]: Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Сов. Энциклопедия, 1992. — 1390 с. с ил. — ISBN 5-85270-016-9, 5-86018-015-2.
7. Соболева Н. А. Очерки истории российской символики [Текст]: От тамги до символов государственного суверенитета. — М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. — 488с.: ил. — (Studia historica).— ISBN 5-9551-0150-0.

О. Таркус

*Центр документирования и изучения культуры левых течений,
Национальный университет Сан-Мартин, Национальный совет по
научным и техническим исследованиям (г. Тарапото, Перу)*

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АРГЕНТИНЕ. 1917—1930 ГГ.

Радостная новость о Русской Революции облетела всю Латинскую Америку со скоростью телеграфной молнии. Наиболее значительные последствия это вызвало в Аргентине, где проживала многочисленная русско-еврейская диаспора, из числа которой в страну Советов отправились первые гости. Также в Аргентине на общенациональном уровне действовало организованное рабочее движение, которое состояло из анархистской и профсоюзно-революционной ветви, «FORA» (Региональная аргентинская рабочая федерация), представители которой хотели воочию увидеть практическое воплощение программы советов по социальной эмансипации. Социалистическая партия поддержала Февральскую революцию, но не одобрило захват власти большевиками. В левом крыле партии случился раскол, который привел к созданию в январе 1918 г. первой коммунистической партии в Латинской Америке, в то же самое время другие фракции требовали присоединения к Коммунистическому Интернационалу в составе Социалистической партии. Почти все писатели и художники, рожденные в 1900-х гг., а именно на это поколение наложила отпечаток Великая война, воодушевленно поддерживали реформу высшего образования и Русскую революцию в бесчисленных молодежных журналах и новых изданиях.

Радостная новость об Октябрьской революции облетела весь мир со скоростью телеграфной молнии. Даже в самых отдаленных уголках планеты публика жадно поглощала вести ежедневной прессы.

После нескольких злосчастных лет Великой войны события в России пролили свет надежды, прежде всего, в среде городских и сельских тружеников, студентов и женщин и были подхвачены художниками и писателями. Отныне революция не была отдаленным обещанием спасения, став здесь и сейчас свершившимся фактом, детерминированным в пространстве и времени. Эта революция создавала опытную базу не только для построения социального порядка экономической эмансипации, но также, устанавливала новый культурный порядок и новую мораль в отношениях полов.

Русская революция не могла не привлекать писателей и интеллектуалов. Во многом из-за того, что, в отличие от других известных в истории революций, она представлялась не полностью спонтанным явлением, но революцией «предсказанной» марксистской теорией. Ее великие творцы такие, как Ленин и Троцкий, Бухарин и Луначарский, были не только управителями масс, но и великими мыслителями. Культурное сообщество по всему земному шару жадно следило на этой первой в истории «теоретической революцией». Благодаря текстам того времени в обиход впервые вошла лексика обновленного политического языка, а именно такие слова, как «совет» и «советская система», «меньшевики» и «большевики», «народные комиссары» и «Совнарком», «Красная армия», «Белая армия», «двоевластие» и «восстание», «революционное поражение» и «самоопределение народов», «финансовый капитал» и «империализм». Вплоть до Китайской революции 1949 г. или Кубинской революции десятилетиями позже гипотетический мировой революционер был настолько завоорожен мощным магнетизмом процессов в России, что все радикальные движения, возникшие позже, оценивались сквозь призму событий и персоналий советской ветви. Правые и левые в латинской Америке ревностно искали местных Керенских и Мартовых, Лениных и Корниловых.

«Красное трехлетие»

Будучи полностью встроенный в мировую капиталистическую систему Аргентина не могла избежать превратностей становления «короткого XX века», случившегося по Хобсбауму в Первую мировую войну и Русскую революцию [1]. С 1919 по 1921 годы страна пережила «красное трехлетие» с не меньшей интенсивностью, чем Германия, и Венгрия, Италия и Россия того же времени.

Как отметил Андреаш Душвэк, печальные события тех лет такие, как Трагическая неделя и забастовки в Патагонии не могут быть поняты до конца вне контекста национальных и международных феноменов политической радикализации, социальной поляризации и революционной фантазии. Душвэк собрал документальные свидетельства того, насколько глубоко аргентинское забастовочное движение было пропитано иллюзорными представлениями о советском строе, которые не только стали гравитационным центром в среде революционных синдикалистов Аргентинской региональной Рабочей Федерации (FORA) IX Съезда (и ее приемника Аргентинского профсоюзного Объединения, USA), но и оказали влияние на FORA V Съезда (анархо-коммунистического), многих сторонников которого более ортодоксальные анархисты, буквально, клеймили как «анархо-большевиков» [2].

В коммунистической историографии, где левые социалисты усердно представляются единственной структурой, вторившей Октябрьской революции, равно как и в анархистской, из которой большевики попросту вычеркнуты, прослеживается их вклад в развитие этих событий. Кроме того, историография реформы высшего образования, очерченная в туманном облаке прогрессистской и латиноамериканистской идеологии, оставляет в тени значительное большевистское влияние на реформистов в Кордове, Буэнос-Айресе и Ла-Плате [3]. Хотя и есть частичные и примерные соображения [4], на данный момент нет исследований, которые раскрывали бы важность влияния Русской революции на различные сферы нашего интеллектуального пространства. Пока мы можем лишь нанести несколько штрихов на все еще неполную картину.

«Обновленческая горячка»

Травматическое переживание войны и утешительные ожидания в связи с Октябрем стали определяющими факторами становления целого поколения, мужчин и женщин, родившихся в 1900-е гг. Когда в ноябре 1918 г. Хосе Инхеньерос прочел в Новом театре свою лекцию «Историческое значение максималистского движения», он взывал, прежде всего, к молодой аудитории. «Тем вечером Инхеньерос, как никогда, был близок нашим сердцам», — вспоминал Анибаль Понсе, которому тогда было двадцать лет [5]. Серхио Багу, который также был среди молодых реформистов 1918 г., от имени всего поколения называл 1917 г. годом «обновленческой горячки». «Уже февральская Революция, — вспоминал Багу, — перевела центр внимания с военного вопроса и противостояния между «антантофилами» и «германофилами». Однако именно в Октябре, когда большевики совершили свою революцию, полемика усилилась и ожесточенно сконцентрировалась вокруг социального круга вопросов» [6]. Мика Фельдманн и Иполито Этсебеэре в *Insurrexit*, Хуан Антонио Солари в «*Басес*» («*Основы*»), кордовцы Деодоро Рока, Саул Таборда и Карлос Астрада в «*Менте*» (*Разум*) были первыми из множества голосов молодежи, которая немедленно высказалась в поддержку правительства Советов.

Вместе с молодежью некоторые представители старого поколения переключались с пацифизма на антимилитаризм, а далее на революционный энтузиазм. По этому же пути прошли французские мыслители, чьи книги аргентинцы истово читали в годы Великой войны, среди них Анри Барбюс «*Огонь*», Анатолий Франс «*Боги жаждут*» и Ромен Ролан «*Жан-Кристоф*», они в ту пору ходили в неисчислимом множестве народных (чтобы не сказать «пиратских») изданий. Левые французские интеллектуалы в 1919 г. выпустили журнал «*Кларте*» («*Яс-*

ность»), в котором на одной ступени стояли Просвещение и Революция. В то же самое время, когда в Москве был основан Коммунистический Интернационал, это издание с первых номеров призывало основать «Интернационал Мысли» [7]. Хосе Инхеньерос спешно перевел манифест французских интеллектуалов и предвосхитил интернационал мыслителей в своем «*Ревиста де Философия*» («Философский журнал») [8]. Эхо уже упоминавшегося «*Кларте*» ощущалось и в культурной критике Роберто Ф. Джиусти, Альфредо А. Бьянчи и работе издательства журнала «*Носотрос*» («*Мы*»).

В то время, как Хуан Б. Хусто и Антонио де Томасо дистанцировались от Октябрьской революции, сопротивлялись возникновению какой бы то ни было связи Социалистической партии с зарождающимся Коммунистическим Интернационалом, диссиденты аргентинского социализма, депутаты Альфредо Паласьос, Аугусто Бунхе и сенатора Энрике дель Валье, выражали полное несогласие с ним.

В то же время, некоторые молодые социалисты демонстрировали приверженность новому Интернационалу, а дальше всех в этом зашли «терсеристы» — такие, как Хосе П. Баррейро, Гаспар Мортильяро и многие другие. Ответом Анри Барбюсу и Ромену Ролану прокатился эхом по континенту: «терсеристы» издали в 1920 г. первый номер журнала «*Кларида*» («*Ясность*») в Буэнос-Айресе, в это же время Федерация студентов Чили выпустила «*Кларида*» в Сантьяго. Тремя годами позже молодой студент Виктор Рауль Айя де ла Торре (а после Хосе Карлос Мариятеги) стал публиковать в Лиме перуанский журнал «*Кларида*» с панлатиноамериканскими и международными амбициями. В 1922 г. испанец Антонио Самора, переехавший в Аргентину, опубликовал первые брошюры Издательства «Кларида», которое следующие полвека было культурным центром левого движения обшечконтинентального масштаба

Бум народной культуры

Война и две революции, февральская и октябрьская, совпали со всплеском народной культуры, дешевые книги и брошюры широко продавались за сущие гроши в газетных киосках. Печатник Лоренсо Раньо выпустил под заголовком «Триумф максимализма!» в 1918 г. Конституцию Советской Республики, принятую всего несколькими месяцами ранее. Издания «*Ла-Интернасьональ*» только что созданной коммунистической партии начали распространять в том же году основные тексты Ленина и Троцкого. Все перипетии Революции освещались дважды в месяц журналом «*Документос де Прогресо*» («*Документы прогресса*») который терсеристы издавали в Буэнос-Айресе с 1919 по 1921 гг. Маленькие издательства такие, как «*Аделанте!*» (*Вне-*

ред!), «Кламор» («Ропот») и «Рах» или коллекции популярных брошюр такие, как «Лас Грандес Обрас» («Великие труды»), «Лос Интеллектуалес» («Интеллектуалы»), «Лос-Пенсаторес» («Мыслители») и «Кларида» ставили творцов Русской революции в один ряд с представителями народной версии пантеона просветительской традиции, где сосуществовали Вольтер и Максим Горький, Вольней и Троцкий, Виктор Гюго и Бухарин, Ницше и Золя вместе с Плехановым. Такие наложения не должны удивлять, если учесть, что видение Русской революции в Аргентине воспринималось по большей части через Францию, а советский процесс считывался через призму революции 1789 г. В первые годы аргентинская пресса транслитерировала фамилию Ленина, как «Lenine» (по-французски). Для нас это было, если можно так выразиться, восприятием восприятия.

Общество друзей России 1925-м году начало выпускать «*Ревиста Ориенталь*» (*Восточный журнал*), где предлагалось осветить для рабочих и интеллектуалов конструктивный труд новой России, все это при участии таких персоналий, как Инхеньерос, Хосе Кардос Мариатеги, Габриэла Мистраль и Альфредо Паласьос, а также новейших авторов: признанного поэта Хакобо Фихмана, и неизвестного сочинителя Рауля Скалабрини Ортиса. Альваро Йунке, Аристокбуло Эчегарай, Сесар Тьемпо и Роберто Мариани немного времени спустя выпустят свою подборку брошюр «Эдисьонес Ой» («Издания сегодня»). Но тем не менее, наиболее крупным центром по распространению популярной культуры левого течения стало издательство «Кларида», которое с 1922 г. стало выпускать в режиме по книге в день все, что только можно было захотеть узнать об СССР, начиная с нового трудового законодательства, путеводителя по стране Советов, заканчивая «Новой моралью» Александры Коллонтай об отношениях полов.

По воспоминаниям Леонидаса Барлетты Октябрь «вызвал глубочайшее воодушевление в народном сознании, в особенности, артистов и интеллектуалов» [9]. Хуану Педро Калоу было всего пятнадцать лет, когда он поэт-анархиста, по совету прочитал «*Жана-Кристофа*» Романа Ролана тогда же, когда разразилась революция в России. Встречи в редакциях газет, издательств и портовых кафе где бывали писатели-либертарики народного происхождения (Николас Оливари, Лоренсо Станчина, Элиас Кастельнуово, Роберто Мариани, Альваро Йунке и др.) приведут к возникновению так называемой Группы Боэдо, общества писателей, которые разделяли политические и эстетические цели русской реалистической традиции. Страницы их журналов «*Динамо*», «*Экстрема искьерда*» («*Крайне левый*»), «*Искьерда*» («*Левый*») стали литературным манифестом анархо-большевизма коммунистической

партии, задолго до того, как многие из их авторов добились признания в 1930-х гг. Авангардисты *Мартина Фьерро*, которых боздисты в шутку окрестили Группой Флориды, радостно высмеивали креольских эпигонов Горького и Андреева, например, в сатирическом сонете, который называется «Федор Элиефф Кагельнуофф», который был подписан «Санта-эн-Чина» [10]. Художественным эквивалентом анархо-большевизма была группа Художников из народа (Гильермо Фасьо Эберкер, Авраам Виго, Агустин Риганелли, Хосе Арато и Адольфо Бельок), в которую входили художники и граверы, выставившие свои произведения в рабочих помещениях в знак приветствия «красной зари».

Из авангарда в авангард

Аргентинские авангардисты, художники и литераторы, в 1920-х гг. вели активный диалог с политическим авангардом, что явствует из поэм молодого Хорхе Луиса Борхеса «Россия» и «Красная гвардия», которые он написал для «*Красных псалмов*» ставших первой его книгой неизданной по решению автора. Однако эти поэмы в 1921-м году выпустил сам Борхес в журнале «*Квазимодо*», в котором просветитель анархо-большевик Хулио Р. Баркос провозглашал «революцию образования», начатую Советской России. Едва вернувшись из Испании Борхес примкнул Буэнос-Айресе к двум молодым революционным поэтам из студенческой группы *Insurrexit*: Франсиско Пиньеро и Эдуардо Гонсалесу Ланусе. Вместе они обошли все улицы города с кистями и мучным клеем, приклеивая плакаты стенгазеты «*Призма*», в которой, обрушиваясь на меркантилизацию искусства, они представляли самих себя «миллионерами жизни и идей», которые вышли «раздарить их, щедро и без остатка тратя избыток молодости, не слушая голоса скупцов своей нищеты». Также стоит заметить, что в своих аполитичных воспоминаниях как Борхес, так и Гонсалес Лануса замалчивают этот юношеский альянс ультраизма и революции [11].

Другой «инсуррекист» в 1920 г. Конрадо Нале Роксло вспоминал в последние годы жизни бесконечные дискуссии на которых ему довелось присутствовать, где «Товарищ», газетчик-анархист, спорил с «кармадом», рабочим-коммунистом [12]. Автор «Сверчка» признавал, что в группе молодежи за одним столом в излюбленном кафетерии «Мистический котел» разногласия «были невозможны, поскольку, все в той или иной мере разделяли левые взгляды» [13].

Нале описывает это общество интеллектуалов, когда припоминает: «Бодлер нас научил литературному презрению к буржуазии, мещанству и было довольно просто перенести его на с Интернационала на «буржуазных свиней». Даже Барлетта признавал, что «Октябрьская

революция настигла всех, прогрессистов или реакционеров». Кроме того, он заявлял: «Последних революция била в грудь и сделала их в полном смысле слова антибуржуями, ярыми антибуржуями со своими революционными литературными пируэтами, со своей императивной революцией» [14].

Революция также подстегнула модернистов, писателей поколения 900-х гг. По свидетельству Мигеля Гальвеса почти все были бунтарями «одни — социалисты разной степени, другие — анархисты и провокаторы» [15]. Орасио Кирога и Альфонсина Строни недолго сотрудничали с журналом *Insurrexit*, отсылая неизданные рассказы и поэмы. Некоторые воспринимали причины революции с позиций материалистической философии, в то время как другие это делали на христианских социальных основаниях антилиберального толка, или даже с определенной долей толстовского мистицизма, ориентализма в духе Кришнамурти, теософии (как хирург Лелио О. Сено, первый аргентинец, посетивший Страну Советов) [16], а также спиритуализма, как его понимал Бернабе Морера [17]. Артуро Какдевила, который позже стал признанным консервативным писателем 1929-м году, выпустил *«Апокалипсис Святого Ленина»* биографию лидера большевиков в стихах, написанную в стиле библейского «Апокалипсиса».

Консервативный поворот

Как в любом процессе международного обмена идеями, местное восприятие трактует события через призму своего собственного опыта, проецируя на Россию свои желания и надежды. Так, Хосе Инхенерос в своих лекциях о советской системе говорил об антипарламентаристской основе и меритократии. В противовес этому, наши анархисты и синдикалисты-революционеры объясняли советский процесс как совет: вместо Государства управляемого большевиками они видели или хотели видеть самоуправление рабочих, солдат и крестьян, что позволяло на страницах их изданий соседствовать Марксу и Бакунину, Толстому и Ленину, Кропоткину и Троцкому. Очевидно, некоторые анархисты предупреждали заранее об иллюзорности восприятия большевиков другими левыми силами, среди них как Эмилио Лопес Аранго в *«Ла-Протеста»* («Протест») [18], украинский анархист, изгнанный в Буэнос-Айрес, Анатолий Горелик в своих брошюрах, или будущий философ Луис Х. Герреро в своих книгах под экслибрисом издательства «Аргонаута» («Аргонавт») [19].

Те колоссальные изменения образа жизни и сознания, которые породила Русская революция не могли не испытать на прочность старые политические течения. Долгое десятилетие, с 1917 по 1930 гг., смешало все идеологические карты, раздав их так, что стали возможны

сочетания идей, которые чуть раньше или чуть позже были бы антагонистичны. Множество представителей столь враждебной русской революции идеологии, как национализм 1930-х и 1940-х гг., — Ramón Doll, Ernesto Palacio, Manuel Gálvez, Carlos Astrada, Saúl Taborda, Luis J. Guerrero, Luis E. Carulla — невозможно было бы представить без юношеского энтузиазма и последующего разочарования в советском опыте (только Астрада в 1950-х гг. вернулся к советскому опыту 1917 г. с позиции марксизма).

Как правило, трудно найти писателей поколения аргентинцев 1900-х гг. (Борхес и Арльт, Скалабрини Ортис и Либорио Хусто), которые смогли отстраниться, хотя бы через пятилетие, от воздействия этого луча надежды, который в годы «Западного декаданса», наконец дошел до востока. Таким было это героическое время революции. Несомненно, позже в тридцатых годах наступает время разочарований и возникает запрос на другую идеологию. Русская революция не ушла от судьбы других революций и, подобно богу Сатурну, поглотила своих собственных детей. Годы спустя анархо-большевики вернуться к истокам, к ортодоксальному анархизму. Лишь некоторые энтузиасты 1917 г. перейдут в ряды коммунистической партии или вдохновят троцкистские группы тридцатых годов. В глазах большинства мужчин и женщин поколения 17-го года революция не выполнила своих обещаний о спасении человечества. Энтузиазм сменился разочарованием. Консервативный поворот Борхеса или Гонсалеса Ланусы, возврат в католицизм Нале Роксло или Гальвеса, национализм Долла, Паласьо или Карульи были ничем иным, как порождением горечи обманутых надежд. Но это уже другая история.

Список литературы

1. Eric Hobsbawm, *Historia del siglo XX*, Crítica, Barcelona, 1996.
2. Andreas Doeswijk, *Los anarco-bolcheviques rioplatenses*, CeDInCI editores, Buenos Aires, 2013. Esta obra se basa en una tesis defendida en 1998. Recientemente, la misma tesis fue reescrita aunque desde un «marco teórico» benjaminiano: Roberto Pittaluga, *Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la Revolución Rusa*, Prometeo, Buenos Aires, 2015.
3. Hace casi dos décadas llamé la atención sobre el Grupo estudiantil antiparlamentario Insurrexit, espacio de tránsito de los universitarios anarquistas al comunismo de izquierdas primero y al trotskismo después, precipitado por la Revolución de Octubre. Véase Horacio Tarcus, «Historia de una pasión revolucionaria. Mika Feldmann e Hipólito Etchebehere, de la Reforma Universitaria a la Guerra Civil Española», en *El Rodaballo*, N° 11/12, Buenos Aires, primavera/verano de 2000. Por su parte, Natalia

Bustelo ha puesto de relieve en una serie de estudios recientes la densa red estudiantil izquierdista que para 1920 postulaba la alianza entre obreros y estudiantes con vistas a realizar ya no la Reforma, sino la Revolución Universitaria. Véase Natalia Bustelo, *La Reforma Universitaria desde sus grupos y revistas. Una reconstrucción de los proyectos y las disputas del movimiento estudiantil porteño de las primeras décadas del siglo XX (1914-1928)*, Tesis, Facultad de Humanidades de la Universidad Nacional de La Plata, 2014; y Natalia Bustelo y Lucas Domínguez Rubio, «Radicalizar la Reforma universitaria. La fracción revolucionaria del movimiento estudiantil argentino (1918-1922)», *Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura*, Vol. 44, N° 2, Bogotá, julio-diciembre de 2017: www.revistas.unal.edu.co/index.php/achsc.

4. Beatriz Sarlo, *Una modernidad periférica: Buenos Aires, 1920 y 1930*, Nueva Visión, Buenos Aires, 1988; Sylvia Saïtta (sel. y pról.), *Hacia la Revolución. Viajeros argentinos de izquierda*, FCE, Buenos Aires, 2007; Sylvia Saïtta, «Intelectuales argentinos en la Unión Soviética», en Ezequiel Adamovsky, Martín Baña y Pablo Fontana (comps.), *Octubre Rojo. Noventa años después*, Libros del Rojas, Buenos Aires, 2008.

5. Aníbal Ponce, *José Ingenieros. Su vida y su obra. Educación y lucha de clases*, Editor J. Héctor Matera, Buenos Aires, 1954.

6. Sergio Bagú, *Vida ejemplar de José Ingenieros*, El Ateneo, Buenos Aires, 1953.

7. Nicole Racine-Furlaud, «Du mouvement à la revue *Clarté*: jeunes intellectuels ‘révolutionnaires’ de la guerre et de l’après-guerre 1916-1925», *Cahiers de l’IHTP*, N° 6, París, noviembre de 1987; Alain Cuénot, «*Clarté* (1919-1928): du refus de la guerre à la révolution», *Cahiers d’Histoire. Revue d’histoire critique*, N° 123, París, 2014.

8. *Revista de Filosofía*, Año VI, N° I, Buenos Aires, 1920. Cuatro años después, en 1924, Ingenieros publica en su *Revista de Filosofía* «La glorificación de Lenin», en ocasión de la muerte del dirigente bolchevique, al que caracteriza como «el más grande estadista de los tiempos nuevos y del nuevo espíritu».

9. Leónidas Barletta, *Boedo y Florida. Una versión distinta*, Metrópolis, Buenos Aires, 1967.

10. Sta. En-China [seud.], «Fedor Elieff Castelnuoff», *Martín Fierro*, N° 16, Buenos Aires, mayo de 1925.

11. Horacio Tarcus, «El amigo ‘rojo’ de Borges», *Clarín*, Suplemento Zona, Buenos Aires, 25-3-01; Horacio Tarcus, «Revistas, intelectuales y formaciones culturales izquierdistas en la Argentina de los veinte», *Revista Iberoamericana*, Vol. LXX, N° 208-209, Pittsburgh, julio-diciembre de 2004.

12. Conrado Nalé Roxlo, *Borrador de memorias*, Plus Ultra, Buenos Aires, 1978.

13. *Ibid.*

14. Leónidas Barletta, *op. cit.*

15. Manuel Gálvez, *Amigos y maestros de mi juventud*, Hachette, Buenos Aires, 1958.

16. L. O. Z. [Lelio O. Zeno], *La democracia de febrero de 1918*, S. P. D. I., Buenos Aires, s/f [c. 1918].

17. Daniel Omar de Lucía, «Luz y verdad. La imagen de la revolución rusa en las corrientes espiritualistas», *El Catoblepas. Revista crítica del presente*, N° 7, septiembre 2002.

18. Andreas Doeswijk, *op. cit.*

19. Acaso la obra más notable de Argonauta fue *Hacia una sociedad de productores*, una selección de artículos de *L'Ordine Nuovo*, la revista que editaba Antonio Gramsci en Turín, en lo que constituye la primerísima difusión del pensamiento gramsciano en cualquier idioma. Véase Horacio Tarcus, «Gramsci y sus textos cautivos. A 50 años de los *Cuadernos de la cárcel*», *Clarín*, suplemento *Cultura y Nación*, 19-3-1998.

Д. А. Толкачёв

*Московский государственный педагогический университет
(г. Москва, Россия)*

ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена Ленинскому плану монументальной пропаганды и его роли в формировании советского общества. Цели и задачи данной статьи — понять, что представлял собой Ленинский план монументальной пропаганды, какую роль сыграл он в формировании советского общества, какие функции имел этот план, какие задачи ставили перед собой большевики, принимая этот план, и как отразился этот план на дальнейшем ходе истории. В результате анализа этого плана и хода его реализации становится показана его особая роль в пропаганде советского режима и становлении Советского государства. Знание условий первых лет советской власти и особенностей советского режима даёт понять тот смысл, который вкладывался в Ленинский план монументальной пропаганды при его создании. Ленинский план монументальной пропаганды примечателен своим подходом к истории и тем, что он стал фактически главной идеологической составляющей нового государства.

Ключевые слова: Ленинский план монументальной пропаганды, большевики, Советская Россия, общество, скульптура, идеология, социализм, коммунизм.

Первоочередной задачей советской власти после её утверждения стало её удержание, а также получение поддержки среди населения. Именно таким целям и служила советская пропаганда. Средства пропаганды были различные: книги, брошюры, агитационные стенды, поезда и прочее. Но наиболее эффективным средством пропаганды считались памятники. Именно они должны были отражать идеологию нового государства и символизировать господство коммунистического строя. Для того, чтобы претворить главное средство пропаганды в жизнь, был разработан т. н. «Ленинский план монументальной пропаганды».

Основными инициаторами плана были председатель СНК РСФСР В. И. Ленин и нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский. Идея плана монументальной пропаганды пришла в голову лидеру большевиков В. И. Ленину под впечатлением от произведения Томмазо Кампанеллы «Город Солнца». Стены Города Солнца были украшены фресками, «которые служат для молодежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом,

участвуют в деле образования, воспитания новых поколений»[9]. Идею плана Луначарский впервые озвучил на заседании ВЦИК 11 апреля 1918 года. Она была приурочена к приближающемуся Первомаю — впервые в Советской России этот праздник отмечался на государственном уровне. 12 апреля 1918 года Ленин, Сталин и Луначарский подписали декрет СНК «О памятниках Республики». Декрет был впервые опубликован через 2 дня в газете «Известия ВЦИК» и обозначил, какие памятники должны стоять в РСФСР, а какие — нет. Декрет предписывал в срок до 1 мая 1918 года исполнить следующие задачи:

- 1) определить список и снять памятники, не представляющие исторической и художественной ценности, воздвигнутые «в честь царей и их слуг»;

- 2) организовать конкурс на проекты памятников, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции» и установить первые модели памятников «на суд масс»;

- 3) произвести замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими «идеи и чувства революционной трудовой России»;

- 4) провести декорирование Москвы к празднованию Первого мая

Несмотря на то, что общество тогда ещё находилось в состоянии революционной эйфории, декрет не предусматривал массового сноса всех памятников, воздвигнутых в честь свергнутой династии Романовых и приближённых к ним лиц, однако, в ряде городов уже происходили их стихийные сносы. Ещё годом ранее, в марте 1917 года в Киеве был снесён памятник Столыпину. В 1917-1918 годах революционными толпами были снесены памятники Александру II в Екатеринбурге, Казани и ряде других городов. Декрет СНК фактически узаконил уничтожение этих монументов. Именно после принятия этого декрета начался массовый снос памятников российским императорам.

План, однако, к 1 мая реализован так и не был. Этому способствовали, прежде всего, бюрократические сложности, неразбериха в ведомствах, а также проблемы с финансированием. Тем не менее, в этот день в Кремле был проведён субботник, во время которого был снесён памятный крест на месте гибели великого князя Сергея Александровича. Спустя полгода, 7 ноября 1918 года у входа в Александровский сад появился памятник его убийце — революционеру Ивану Каляеву, который простоял совсем недолго.

Рассмотрение плана монументальной пропаганды началось 17 июля 1918 года на заседании СНК. Изначально предлагался список из 50 человек, однако выступавшие постоянно его дополняли. Одним

из выступавших с докладом на заседании был скульптор Сергей Тимофеевич Конёнков, занимавший в то время должность председателя Московского союза скульпторов. Ряд деятелей, в том числе историк Михаил Покровский, высказали своё мнение о докладе скульптора [5]. Выступавшие вносили свои предложения в уже существующий список. План предлагалось реализовать до наступления зимы, а скульпторы должны были предоставить проекты своих гипсовых скульптур в натуральную величину. Сам Ленин требовал исполнения плана в как можно более короткие сроки. Окончательный список был составлен 30 июля 1918 года и включил в себя 66 лиц.

I. Революционеры и общественные деятели:

1. Спартак. 2. Тиберий Грахх. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Лассаль. 9. Жорес. 10. Лафарг. 11. Вальян. 12. Марат. 13. Робеспьер. 14. Дантон. 15. Гарибальди. 16. Степан Разин. 17. Пестель. 18. Рылеев. 19. Герцен. 20. Бакунин. 21. Лавров. 22. Халтурин. 23. Плеханов. 24. Каляев. 25. Володарский. 26. Фурье. 27. Сен-Симон. 28. Роб. Оуэн. 29. Желябов. 30. Софья Перовская. 31. Кибальчич.

II. Писатели и поэты:

1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Гоголь. 6. Радищев. 7. Белинский. 8. Огарев. 9. Чернышевский. 10. Михайловский. 11. Добролюбов. 12. Писарев. 13. Глеб Успенский. 14. Салтыков-Щедрин. 15. Некрасов. 16. Шевченко. 17. Тютчев. 18. Никитин. 19. Новиков. 20. Кольцов.

III. Философы и ученые:

1. Сковорода. 2. Ломоносов. 3. Менделеев.

IV. Художники:

1. Рублев. 2. Кипренский. 3. Алекс. Иванов. 4. Врубель. 5. Шубин. 6. Козловский. 7. Казаков.

V. Композиторы:

1. Мусоргский. 2. Скрябин. 3. Шопен.

VI. Артисты:

Комиссаржевская. 2. Мочалов [11]

Подобные планы монументальной пропаганды составлялись в России и ранее. В середине XIX века скульптор Михаил Микешин разработал памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде, где также обозначены 129 наиболее выдающихся деятелей тысячелетия, а

в Санкт-Петербурге тем же скульптором планировалась установка бюстов деятелям екатерининской эпохи. Однако, последний план не был воплощён в жизнь вследствие экономических трудностей и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.[2] Но если раньше через подобные планы пытались показать всю героическую историю России, историю её побед и героических свершений, то теперь целью плана стало продемонстрировать, что вся мировая история — это история классовой борьбы, которая закономерно продолжается по сей день.

Корни классовой борьбы, по мнению Ленина, исходили ещё к древности. Неслучайно первым в этом списке стоит Спартак, предводитель восстания рабов в древнем Риме. Культ Спартака имел широкое распространение в первые годы советской власти: в восстании Спартака большевики видели пример «первой пролетарской революции». Древний Рим вообще считался в советской историографии началом классовой борьбы, поскольку в древнеримской эпохе советская власть видела обострение классовой борьбы и развитие рабовладельческих отношений. Кроме того, на актуальность аграрного вопроса в Древнем Риме указывал и Карл Маркс в своём труде «Формы, предшествующие капиталистическому производству»[3]. Именно поэтому в список был включён и народный трибун Римской Республики Тиберий Гракх, выдвинувший проект масштабной аграрной реформы, предполагавшей ограничить пользование землёй крупными арендаторами, а саму землю он предлагал разделить между крестьянами. Несмотря на то, что Гракх сумел добиться принятия такого закона, в дальнейшем, его популярность падала, а сам он был убит. Гракх тоже был объявлен советской пропагандой павшим за наделение крестьян землёй. Вместе с ними в списке оказался и Марк Юний Брут, известный своим убийством императора Юлия Цезаря. Брут первое время также считался символом «народной мести».

Далее хронология в этом списке нарушается, но тем не менее, видно, что составители плана обращают внимание на несколько эпох. Сразу после Древнего Рима начинается эпоха Великой Французской Революции. С точки зрения советской идеологии, несмотря на то, что революция носила буржуазно-демократический характер, в целом она была направлена против капиталистических порядков и рыночных отношений. Да и сам Ленин не раз высказывал своё восхищение её деятелями [7]. В список вошли ключевые деятели Французской революции: Бабёф, Марат, Робеспьер и Дантон. Несмотря на то, что Дантон был казнён по прямому указанию Робеспьера, в данном списке их имена оказались рядом.

Следом за ними классовая борьба продолжается и во времена промышленного переворота в Англии и Франции. В этот период преобладает утопическая мысль, которая создаёт предпосылки к созданию социалистического государства. В этом ряду стоят Фурье, Сен-Симон и Роберт Оуэн.

Переворот в общественном сознании происходит в XIX веке. И особняком стоят имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Именно на них обращено всё внимание в Советской России. Маркс и Энгельс признаются главными идеологами Октябрьской революции. Они первыми с научной точки зрения обосновывают теорию классовой борьбы, дают понятие научному социализму, а также дают научное объяснение тому, что раньше считалось утопией. Именно по этой причине уже в первый год в городах России появилась масса памятников Марксу и Энгельсу. Вместе с ними в список вошли и их последователи: зять Маркса Поль Лафарг и деятель Парижской коммуны Эдуар Вальян. Считалось, что Парижская коммуна стала первой в мире диктатурой пролетариата и своего рода предтечей Великого Октября. Замыкает список левых деятелей Европы французский социалист и антимилитарист Жан Жорес, убитый в 1914 году накануне начала Первой Мировой войны.

Выпадает из общего ряда итальянский полководец Джузеппе Гарибальди. Несмотря на то, что он не разделял позицию Маркса и не был сторонником полномасштабной классовой борьбы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс восхищались им как полководцем, а также ценили его борьбу против католического духовенства, но резко осуждали его политические взгляды [4]. Сам Гарибальди, при этом, одобрял открытие I Интернационала в 1864 году, но категорически отвергал революции. В отличие от других идеологов большевизма, Гарибальди не призывал к борьбе между классами, а наоборот — к мирному решению классовых противоречий.

Отдельного упоминания достойны и ключевые фигуры российской истории. Но если прежде российская историография отдавала предпочтение монархам и приближённым к ним лицам, то теперь на повестке дня оказались борцы с режимом. Поскольку Октябрьская революция рассматривалась как неизбежное и закономерное явление, вызванное общим ходом истории, то русские революционные деятели во многом способствовали приближению Великого Октября. Первые крупные проявления классовой борьбы советские историки видели в крестьянском восстании под предводительством Степана Разина, которое было крупнейшим в допетровской России. Степан Разин предстал народным героем в Советской России. В 1919 году он удостоился деревянного памятника на Красной площади на Лобном месте, где,

согласно легенде, он был казнён (на самом деле, он был казнён на Болотной площади, а с Лобного места ему оглашался приговор). Открыл был памятник во время празднования Первой при большом стечении народа. Открытие памятника «На открытии присутствовал лично Ленин, однако, простоял памятник недолго — всего 25 дней.

Но особую роль в революционном движении сыграли декабристы. Ленин характеризовал декабристов как «дворянских революционеров»[8]. Именно с декабристов Ленин начинает периодизацию русского революционного движения, закономерным итогом которого стал Великий Октябрь. Таких почестей и удостоились Пестель и Рылеев. Следом за ними идёт Герцен, на которого декабристы оказали влияние. Затем следует эпоха народничества, в которой ярко отметились Бакунин и Лавров. Они оказали влияние на революционеров-народовольцев, которые посвятили свою жизнь в борьбе с самодержавием и были за это казнены. Ими оказались Степан Халтурин, Андрей Желябов, Софья Перовская и Николай Кибальчич. Однако, альтернативу им предложил Георгий Плеханов, первый российский теоретик марксизма и основатель первой марксистской организации «Освобождение труда». Плеханов умер в конце мая 1918 года, поэтому его имя внесено в список монументальной пропаганды одним из последних. Замыкают этот ряд эсер-террорист Иван Каляев, убивший великого князя Сергея Александровича, и революционер В. Володарский, убитый в Петрограде эсером в июне 1918 года.

Вниманием не обошли и деятелей культуры: писателей, учёных, художников, композиторов. Ставилась задача пропагандировать не только революционную тематику, но и культурную. Тем самым, план монументальной пропаганды нес ещё и просветительскую функцию. Наличие монумента давало населению первые сведения о том или ином деятеле. На тот момент, в европейской части России грамотностью владело всего лишь 43 % населения, остальные 57 % оставались неграмотными. Многие не умели даже читать и писать. Поэтому памятники, расположенные на городских улицах, помогали малограмотному населению получить свои первые знания изучаемого предмета.

Но наибольшее значение придавалось пропаганде идей революции и созданию нового человека. Поэтому помимо памятников конкретным лицам, предполагалась также установка монументальных аллегорических композиций, символизирующих революцию. К работе над реализацией плана были привлечены лучшие скульпторы страны. Ленинский план монументальной пропаганды стал новой вехой в творчестве уже известных скульпторов, таких, как Сергей Конёнков, Александр Матвеев, Сергей Меркуров, Николай Андреев, а также открыл новые имена: Вера Мухина, Карл Зале, Эрнест Шталберг, Иван Шадр, Матвей Манизер и многие

другие. Все они проявят себя впоследствии как авторы лучших памятников советской эпохи. Именно в этот период скульптура получила наивысшее развитие как вид искусства. Скульпторы стали получать множество заказов на свои творения. Открытие многих памятников сопровождалось большими торжествами, а статьи об увековеченных деятелях появлялись в советской печати. Публиковались статьи под рубриками «Кому пролетариат ставит памятники», «Тени забытых предков» и пр.

Наибольший размах реализация Ленинского плана монументальной пропаганды приобрела 7 ноября 1918 года, в день празднования первой годовщины Октябрьской революции. В этот день в Москве открылось 12 памятников. На Советской площади (ранее — Скобелевская), на месте снесённого памятника генералу Скобелеву, был открыт Монумент советской конституции, в народе прозванный «статуей Свободы». В тот же день был открыт памятник Марксу и Энгельсу на площади Революции. На его открытии В. И. Ленин произнёс свою знаменитую речь: «Пусть же памятники Марксу и Энгельсу ещё и ещё раз напоминают миллионам рабочих и крестьян, что мы не одиноки в своей борьбе. Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут ещё тяжёлые битвы. В общей борьбе будет сломан гнёт капитала, будет окончательно завоеван социализм!»[9] В тот же день торжественное открытие памятника Карлу Марксу прошло в Петрограде перед зданием Смольного, где находился штаб по подготовке к восстанию большевиков, а потом и штаб-квартира большевистского правительства. Но наибольшую значимость имело открытие обновлённого обелиска в Александровском саду. Обелиск был открыт ещё в 1914 году, в честь 300-летия Дома Романовых. Поначалу на нём были высечены имена российских царей, начиная с Михаила и заканчивая Николаем II. Однако, в октябре 1918 года имена царей были заменены на деятелей социальной и коммунистической мысли. Составление перечня доверили большевику В. М. Фриче. Утверждал список лично В. И. Ленин. Переделка этого обелиска стала означать окончательное господство советского строя и сокрушительную победу над старым режимом. Памятники, открытие которых было отмечено грандиозным праздником, однако, простояли совсем недолго, поскольку были сделаны из непрочных материалов. Монумент советской конституции устоял дольше — он был взорван в ночь на 21 апреля 1941 года. Официально это объяснили «несоответствием архитектурному облику площади», однако, реальная причина демонтажа этого памятника до сих пор вызывает споры. В 1954 году на этом месте был установлен памятник Юрию Долгорукому. Дольше всех прожил обелиск в Александровском саду — в таком виде он простоял до 2013 года, когда его переделали в оригинальный вид, приурочив это к 400-летию Дома Романовых.

Рис. 1. Памятник Марксу и Энгельсу, площадь Революции (скульптор — С. А. Мезенцев)

Рис. 2. Монумент советской конституции, Советская площадь (архитектор — Д. П. Осипов, скульптор — Н. А. Андреев)

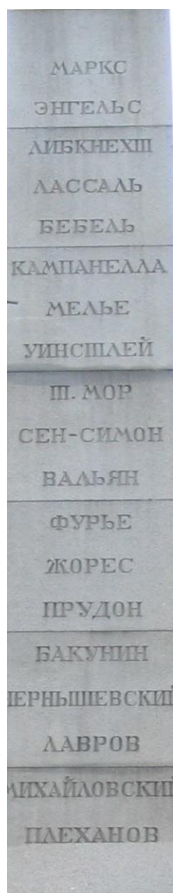

Рис. 3. Имена на обелиске в Александровском саду в 1918—2013 гг.
(скульптор — С. А. Власьев, архитектор — Н. А. Всеволожский)

Памятники открывались и накануне годовщины Октября. 3 ноября на Театральной площади у Китайгородской стены был открыт памятник поэту Ивану Никитину, а в Александровском саду в торжественной обстановке установлена скульптура деятеля Французской революции Максимилиана Робеспьера. Памятник Робеспьеру простоял всего 3 дня. Утром 7 ноября он был найден разрушенным. Статья газеты «Правда» гласила, что памятник был взорван [10], однако, эта версия не нашла подтверждения. По всей вероятности, он обрушился, как и многие другие памятники, сооружённые в то же время.

Рис. 4. Памятник Робеспьеру в Александровском саду
(скульптор — Б. Ю. Сандомирская)

В 1918-1919 годах по всей стране было открыто множество разных скульптур, барельефов, мемориальных досок, план реализовывался в кратчайшие сроки. Однако, в стране на тот момент шла гражданская война. Прочного материала не хватало. Экономическое положение оставляло желать лучшего. Памятники создавались из гипса, дерева и бетона, поэтому очень быстро разваливались. Однако, в 1920-е годы, когда война уже приближалась к своему завершению, а экономическое положение страны изменилось в лучшую сторону, памятники стали строить из более прочного и долговечного материала. В 1921 году на стене Петровского пассажа появляется знаменитая скульптура «Рабочий» работы Манизера, символизирующая новый правящий класс страны Советов. В 1922 году в Москве появляются памятники Герцену и Огарёву, которые по сей день стоят у входа в корпус МГУ на Моховой улице. В 1923 году у Никитских ворот был установлен памятник Тимирязеву, который тоже сохранился по сей день.

Рис. 5. Скульптура «Рабочий» (скульптор — М. Г. Манизер)

Рис. 6. Памятники Герцену и Огарёву, улица Моховая
(скульпторы — Н. А. Андреев и В. А. Андреев)

Рис. 7. Памятник Тимирязеву, Никитские ворота
(скульптор — С. Д. Меркуров)

После окончания войны улучшается и экономическое положение страны. Завершается тяжёлый период военного коммунизма, постепенно были преодолены тяжёлые последствия голода в Поволжье. Вместе с тем, происходит переход к нэпу, и экономика начинает выходить из затяжного кризиса. Власть по-прежнему занимается монументальной пропагандой, считая её лучшим средством для влияния на массы. Это даёт возможность ставить памятники из более прочного и надёжного материала. Однако, в 1924 году умирает лидер Советского государства В. И. Ленин. Это событие оказало влияние на дальнейший ход истории. В Москве начинают появляться бронзовые монументы, однако, их основная часть будет посвящена вождю первого в мире социалистического государства. А вскоре улицы многих советских городов украсят собой многочисленные памятники и другого вождя — И. В. Сталина. С начала 30-х годов Ленин и Сталин становятся главными объектами для увековечивания в бронзе. В идеологических установках страны происходят изменения: происходит централизация власти, усиливается культ личности, всё внимание теперь сосредоточено на двух вождях. И памятники продолжают играть важную роль в формировании идеологии государства и воспитании масс. Теперь они становятся более яркими, изящными и выразительными. Многие замыслы Ленина так и не были воплощены в жизнь. Однако, Ленинский план монументальной пропаганды так и не был официально завершён или отменён. В Большой Советской Энциклопедии утверждалось, что «в широком смысле вся история советского монументального искусства представляет собой продолжение ленинского плана монументальной пропаганды», тем самым, подчёркивалась преемственность новых советских скульптур от плана 1918 года. Об этом же писал и Сергей Конёнков в 1958 году в книге «Слово к молодым»: «И здесь мне хочется сказать молодым художникам: вы призваны в прекрасных изваяниях отобразить орлиное племя лучших советских людей. Вам продолжать начертанную Лениным «монументальную пропаганду», тем самым, давая понять, что Ленинский план монументальной пропаганды продолжает осуществляться и по сей день [5].

Значение Ленинского плана монументальной пропаганды очень велико для истории страны. Многие из монументов, сооружённых по этому плану, стали произведениями искусства. Они символизируют советское искусство во время его зарождения. Очень мало памятников сохранилось с 20-х годов по сей день, но те, что сохранились, напоминают о событиях тех далёких лет. Они не просто являются городскими достопримечательностями и украшают улицы, они также сыграли и свою просветительскую роль, а также стали символами эпохи. Памят-

ники отражают собой историю страны и историю борьбы за социальную справедливость, демонстрируют связь эпох и преемственность поколений. Да и сейчас они переносят нас в те далёкие годы и дают нынешнему поколению возможность представить себя тогда, почти 100 лет назад. И хотя полностью Ленинский план монументальной пропаганды так и не был реализован, сам факт его существования даёт понять основные приоритеты общества в тот момент и исторические ориентиры, которых советская власть ставила в пример для себя.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. Т. 16. — М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1974
2. Веснина В. Н. Сады Невского проспекта. — СПб.: Профили, 2008.
3. К. Маркс. Формы, предшествовавшие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч.1
4. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, том 15
5. Конёнков С. Т. Слово к молодым. — М.: Молодая гвардия, 1958
6. Ленин В. И. Соч., изд. 3-е. т XXI, стр. 174
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30
8. *Ленин В. И.* Полн. Собр. Соч. Т.37.
9. Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления / Сост., предисл. и примеч. Н. А. Трифонова. — М.: Советская Россия, 1968.
10. «Правда», 09.11.1918
11. Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в СНК Отделом изобразительных искусств Народного Комиссариата по просвещению // Известия ВЦИК. — 2 августа 1918 г.. — № 163 (427).

М. Т. Торибю Бриттес Лемос

*Федеральный университет Рио-де-Жанейро
(г. Рио-де-Жанейро, Бразилия)*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ

Победа революции в России в 1917 году изменила представление о революции в Латинской Америке. С 1906 года в нескольких латиноамериканских странах появилось движение солидарности с русским народом. В Бразилии прошли демонстрации в портах Сантоса и Рио-де-Жанейро. Многочисленные марши в поддержку русских революционеров прошли по улицам бразильской столицы. Большое количество политических ссыльных и иммигрантов, спасаясь от насилия, прибыли в Бразилию и другие страны Америки.

Революционные волны, которые потрясли Латинскую Америку во время Первой мировой войны, были напрямую связаны с революционным движением в России, приведшим к падению царизма и ознаменовавшим победу угнетенного населения. Латинская Америка в сложившихся исторических обстоятельствах выразила свою солидарность с русским народом.

В Бразилии, Аргентине, Перу, Боливии, Колумбии, Чили, среди прочих стран континента, по-разному нашли свое выражение противоречия между угнетенным обществом и доминирующими группами. Цель данного доклада — обсудить отголоски Русской революции, имевшие место в большинстве латиноамериканских государств, а также их политические и социальные последствия для социалистических и анархистских политических идей.

Ключевые слова: Русская революция, Социализм-Анархизм, забастовки, революции.

В начале XX века, Россия была преимущественно аграрной страной, зависившей от сельского хозяйства. Социально-экономические условия определялись политикой царизма Николая II. Сельские и городские рабочие жили в условиях крайней нищеты, платили высокие налоги и имели мало возможностей для трудоустройства.

Начиная с 1905 г. социально-политические выступления жестоко подавлялись войсками царя Николая II. В ходе политических манифестаций армия расстреляла тысячи революционеров, не считая сотен семей, которые были отправлены в тюрьмы или сосланы. Большевики начали готовить социалистическую революцию в России и падение монархии. Началось формирование Советов (организация русских рабочих) под руководством Ленина.

В разгаре Первой мировой войны в 1917 г. русские революционеры столкнулись с проблемами, в том числе с увеличением расходов и нехваткой продовольствия, вызванными военными действиями. Предрас-

судки усилили народное недовольство царем, и в контексте существующих волнений, русским революционерам удалось покончить с царизмом и установить в стране социалистический режим. По всей стране протестующие выходили на улицы, проводились забастовки и стачки городских и сельских рабочих. В 1917 г. царское правительство перестало существовать. Революция состояла из двух последовательных этапов:

В результате февральской революции царское правительство Николая II было низвергнуто и была предпринята попытка установления республики либерального толка.

Октябрьская революция — Партия большевиков, под руководством Ленина, свергла Временное правительство и установила советское социалистическое правительство.

Эта революция потрясла мир и продемонстрировала, что неравенство и концентрация власти в руках государства может спровоцировать социальную борьбу.

Глобальные последствия — Латинская Америка

Победа революции в России изменила представление о революции в Латинской Америке. Латиноамериканские страны, даже на этапе национальной консолидации, сотрясали политические разногласия между консерваторами и либералами, находящимися под экономическим и политическим влиянием арго-экспортных секторов. Большая часть населения страдала от эксплуатации, нехватки рабочих мест, отсутствия доступа к образованию и нормальных условий жизни, в дополнение к социально-экономическим проблемам, которые только ухудшились с появлением новых трудящихся, оспаривающих пространство у бывших рабов, а также у европейских мигрантов, прибывавших в регион в качестве рабочей силы для сельскохозяйственного сектора.

Русская революция 1905 г. и расстрел восставших рабочих совпали с проявлениями недовольства в разных городах Латинской Америки. С начала 1906 г. в Латинской Америке появляются движения солидарности с русским народом и русскими революционерами.

В Бразилии прошли демонстрации в портах Сантоса и Рио-де-Жанейро. Многочисленные марши в поддержку русских манифестантов и против насилия прошли по улицам бразильской столицы. Большое количество политических ссыльных и иммигрантов, спасаясь от насилия, прибыли в Бразилию и другие страны Америки.

Наряду с политическими изгнанниками, в Америку также прибыли революционные меньшинства. Взаимодействие этой группы мигрантов с недовольными рабочими привело к созданию в 1908 г. Бразильской рабочей конфедерации (БРК).

БРК объединила организации Рио-де-Жанейро, Сантоса и Сан-Паулу. Она имела отчетливую приверженность анархо-синдикализму и черпала вдохновение во французской Всеобщей конфедерации труда

(Confédération générale du travail). БРК предложила ввести празднование 1 мая и осуществляла большую работу в сфере популярной культуры (преимущественно, в искусстве, преподавании и литературе).

Начиная с 1917 г. при участии рабочих, Коммунистический интернационал присоединяется к рабочему движению, проводятся забастовки и профсоюзные собрания. Но государство сразу же применяет к протестующим меры насильственного характера.

Отголоски Русской революции также достигли Уругвая, переживавшего бурные времена. В Уругвае социальное движение рабочих, еще зарождающееся, стало оспаривать порядок, установленный элитами с момента завершения колониального периода. Некоторые группы переняли идеи Русской революции. В стране появилось два политических течения: одно сосредоточилось в газете *La Batalla* (исп. «Сражение»), а второе нашло свое выражение на страницах газеты *El Hombre* (исп. «Человек»)

В Мексике революция, направленная против Порфирио Диаса, вовлекла революционные силы городов и сельской местности, самое радикальное крыло которых также придерживалось идеологических принципов Русской революции. В 1918 г. Эмилиано Сапата подчеркнул, что «Мы и человеческая справедливость достигли бы значительных завоеваний, если бы все народы нашей Америки и все государства Старой Европы поняли, что революционное дело Мексики и России представляет собой идеал человечества и высшее благо всех угнетенных народов». В том же письме Сапата говорит о «явной аналогии, очевидном параллелизме, абсолютной тождественности между русским движением и аграрной революцией в Мексике». В то же время активист и теоретик мексиканского анархистского движения, Рикардо Флорес Магон, усмотрел в русском октябрьском перевороте начало великой мировой революции.

Коммунистический интернационал в Мексике между 1919 и 1922 гг. служил источником политических конфронтаций, особенно между анархистами и анархо-синдикалистами.

В нескольких латиноамериканских странах, таких как Бразилия, Аргентина, Колумбия, Перу, Боливия и Чили, росло движение несогласных. Начиная с 1920-х гг. идеи, распространившиеся благодаря Русской революции, были расширены за счет требований трудящихся разных категорий. В Бразилии и Мексике появились коммунистические партии. Кроме того, народные движения оказались способны противостоять доминирующим силам.

Реакция в Аргентине была незамедлительной, т. к. значительная часть населения состояла из образованных европейских мигрантов и быстрее впитывала идеи Коммунистического интернационала. Конфронтация с правительством была ожесточенной.

В Андском регионе, в Перу и Боливии, основополагающее значение имела деятельность Хосе Карлоса Мариатеги, распространившего марксизм и социализм при поддержке коренного населения, эксплуатируемого и истребляемого после европейского завоевания. Стоит также отметить роль Айя де ла Торре, основавшего в 1924 г. Американский народно-революционный альянс, направленную на преодоление латиноамериканской зависимости от американского и европейского империализма.

В Колумбии влияние Русской революции ощущалось на банановых плантациях Санта-Марты. Рабочие этой области, по большей части потомки рабов, восстали против тирании крупных землевладельцев. Черное население казнили и истребляли. Этот исторический эпизод был отражен в произведении Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества».

В Боливии и Чили горно-добывающие регионы были рассадниками эксплуатации и насилия. Шахтеры, восставшие против тирании владельцев при поддержке Боливийского рабочего центра, начали движение по политической борьбе за права трудящихся. Под влиянием успехов русского движения горняки восстали против владельцев рудников олова и гуано. Жестокость этого периода нашла отражение в произведении Домингилы Чунгара «Дайте мне говорить!»

Заключение

В начале XX века Русская революция потрясла мир, оказав значительное влияние на рабочий класс Латинской Америки; она стала парадигмой социальных завоеваний. Внедрение новых убеждений, идеологий, практик и новых политических представлений имело основополагающее значение для укрепления социальных притязаний на американском континенте.

Список литературы

1. Andrade, Everaldo de Oliveira. A revolução boliviana, São Paulo: ed. Unesp, 2007.
2. Arruda, José Jobson e PILETTI, Nelson. Toda a História, Editora Ática, São Paulo.
3. Bethell, Leslie (org.), História da América Latina, vol. 5, São Paulo: Edusp-Funag,.
4. Cruzet, Maurice. História Geral das Civilizações, São Paulo, Difusão Européia do
5. Livro. 1969.
6. Mariátegui, J. C-O marxismo na América Latina, Araraquara: Cultura acadêmica editora, 2002.
7. Werth, Nicolas. 1917: A Rússia em revolução, Lisboa: Quimera Editores, 2003.

Ю. Г. Чернышов

Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА И СТОЛКНОВЕНИЕ «ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО»

Автор ставит цель выявить роль утопических «образов будущего» в выборе путей дальнейшего развития страны после Февральской революции и рассмотреть вопрос о том, что нового принес в этом плане Октябрь 1917 года. По его мнению, масштабные социальные революции не происходят, если в обществе не назрели достаточные объективные причины и предпосылки для их свершения. События 1917 года не могут быть адекватно интерпретированы в узких рамках «теорий заговора», без учета множества объективных факторов, в том числе и той роли, которую играло тогда утопическое сознание. При изучении истории Октябрьской революции было бы полезно учитывать опыт всемирной истории, а также те наработки, которые сделаны в «утопиеведческой» научной литературе. Результатом анализа в статье является вывод о том, что после Февральской революции в общественном сознании шла своеобразная «кристаллизация» и «конкуренция» разных образов будущего, их столкновение в дискуссиях о путях дальнейшего развития страны. Большевики, опиравшиеся на жесткую организацию, наиболее эффективно использовали радикализацию эсхатологических настроений масс и предложили наиболее привлекательные в тех условиях (хотя и не совсем реалистичные) лозунги. В статье характеризуется и последующая судьба этих утопических лозунгов, постепенно трансформировавшихся в апологетику. Отмечается, кто на фоне «кризиса утопии» в современном российском обществе нет консенсуса по поводу «образа будущего». Характеризуется феномен «осуществленных утопий» XX века, связанный с новым уровнем развития индустриальной цивилизации.

Ключевые слова: 1917 год, образ будущего, идеологии, социальные утопии, пропаганда, революция.

Опыт изучения всемирной истории свидетельствует о том, что масштабные социальные революции не происходят, если в обществе не назрели достаточные объективные причины и предпосылки для их свершения. Чтобы понять во всей сложности природу таких «тектонических» сдвигов, ломающих прежние уклады, профессиональный историк должен иметь очень широкий кругозор и умение постигать то, что за какими-то поступками отдельных людей или групп людей часто стоят объективные, назревшие тенденции общественного развития. Историкам нужно «вжиться» в эпоху, постараться понять мотивации тех людей и, в частности, понять те идеи, которые становились, в соответствии с известной формулой, материальной силой, когда они овладевали массами. В частности, события 1917 года, на наш взгляд, не могут

быть правильно поняты без учета той роли, которую играло тогда утопическое сознание. И здесь историкам революции было бы полезно учесть те наработки, которые сделаны в «утопиеведческой» научной литературе. Кроме того, полезно взглянуть на события 1917 года через призму не только отечественной, но и всемирной истории. Именно на вопросе о роли утопических «образов будущего» в выборе путей дальнейшего развития страны после Февральской революции нам и хотелось бы остановиться, затронув вопрос о том, что нового принес в этом плане Октябрь 1917 года.

При анализе содержания революционных плакатов 1917-го и последующих годов бросается в глаза то, что в них особенно ярко отражены два основных мотива. Один — это давно назревшая ненависть к «угнетателям», «буржуям» и желание разрушить весь старый «мир насилия». А второй мотив — это мечта произвести очистительное обновление всего мира с помощью «мировой революции», которая принесет счастливое и справедливое состояние (коммунизм) всему миру. Очень хорошо это эсхатологическое настроение отразилось и в некоторых литературных произведениях того времени — например, в «Чевенгуре» Андрея Платонова. В народном сознании утопическая картина грядущей эпохи зачастую была довольно далека от теорий К. Маркса и скорее напоминала картины из ветхозаветных мессианских пророчеств: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, (...) и лев, как вол, будет есть солому. (...) Поглочена будет смерть навеки...» и т. д. (Исайя, 7-25). По сути, это была извечная мечта о возвращении «утраченного рая» — мечта, проходящая красной нитью через всю историю социальных утопий (подробнее эта тема освещена, например, в работах М. Элиаде, М. Финли, Е. Шацкого, В. П. Волгина, Э. Я. Баталова и др.) [9; 10; 7; 3; 1].

Утопии в нашем понимании — это «произвольно выстроенные представления об идеальном общественном состоянии, противопоставленном существующей действительности и отдаленном от нее во времени или пространстве» [6]. Внимательное изучение истории социально-утопических идей, от древности и до современности, показывает, что утопия всегда присутствовала в общественном сознании, но в разные эпохи проявляла себя по-разному. На тот факт, что утопические «образы будущего» играли подчас очень важную роль в истории разных государств, обратил внимание известный нидерландский социолог Фред Полак. Он рассматривал «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого (грядущего), и при этом он приходил к выводу, что упадку какой-либо культуры обычно предшествует и сопутствует упадок ее «образа будущего» [11].

Ф. Полак проанализировал и отдельные эпизоды всемирной истории, обратив внимание, в частности, на то, что древнеримская история вроде бы выбивается из этой схемы: «На наш взгляд, проблема Рима — это проблема не того, почему он пал, но как он смог вырасти до таких высот и почему он не пал раньше, не имея позитивного образа будущего. Двигался ли он просто под влиянием ускорения, сделанного Элладой, или здесь были задействованы иные силы?» [11]. Однако, на наш взгляд, период «римской революции» (по терминологии Р. Сайма) [12] отнюдь не является здесь исключением. Напротив, он как раз и демонстрирует яркие примеры использования в политике утопических идей. После тяжелейших гражданских войн Рим переходил к установлению имперского «мира и порядка» на более широкой, чем прежде, социальной основе. В эпоху кризиса Республики получили распространения мечтания о том, что некий посланный богами правитель принесет избавление и новый «золотой век». Пришедший к власти Октавиан Август, а затем и последующие императоры использовали это в своей пропаганде: подданным внушалась мысль, что «золотой век» теперь навсегда наступил. Это, пожалуй, был один из первых в истории примеров так называемой «официальной утопии» [6]. Население Империи, конечно, вскоре разуверилось в этой пропаганде и стало искать новые идеалы. Так из самых «низов» появилось тогда новое религиозное течение — христианство, дававшее людям новую мечту — о наступлении «тысячелетнего царства Божия». Подобные метаморфозы утопии обнаруживаются и в другие исторические эпохи.

На наш взгляд, на основе анализа исторических материалов вполне можно говорить об описанном в утопиеведческой литературе феномене «пульсации» утопии. Утопия может вспыхивать и тлеть — так это было, например, не только во время революции в России, но и ранее — например, во время Великой Французской революции и т. д. Утопическое сознание в кризисные эпохи нередко развивается по определенному циклу. Такой цикл (с известной долей схематизации) можно разделить на следующие фазы.

1. Разгорающаяся Утопия. Когда в общественно-политической системе назревает серьезный кризис, а власти не могут разрешить этот кризис и ситуация приближается к «тупиковой», в обществе начинают распространяться идеи о необходимости сокрушения старой системы и активизируются поиски тех идеалов, в соответствии с которыми должен быть выстроен «новый мир». Утопия выстраивается по схеме: «в новом мире не будет всего того, что тяготит нас в мире старом» (чаще всего «минусы» старого мира — это угнетение, насилие, несправедливость, отсталость, нищета, голод, болезни и т. д.). Применительно к отече-

ственной истории это период примерно с конца XVIII по начало XX веков. Условно говоря, это тот путь, который был пройден более чем за столетие критической общественной мыслью, от «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева до «Апрельских тезисов» В. И. Ленина. Общество выдвигало самые разные проекты общественного переустройства, однако архаичный самодержавный режим оказался не вполне способным адекватно отвечать на запросы и вызовы времени. В результате он стал препятствием для преодоления феодальных пережитков, для решения назревших социальных проблем. Революция, прежде чем произойти событийно, как правило, происходит еще до этого в сознании людей. Февраль 1917 года показал, что в обществе уже вполне вызрела идея отказа от самодержавия и перехода к республиканской форме правления, к ликвидации сословного неравенства и т. д. Именно поэтому монархию почти никто не защищал. Однако позитивные «образы будущего» у разных социальных слоев были довольно неопределенными. В это время шла своеобразная «кристаллизация» и «конкуренция» этих образов, их столкновение в дискуссиях о путях дальнейшего развития страны.

2. Побеждающая Утопия. Когда утопия проникает в подготовленное для ее восприятия массовое сознание, она приобретает огромную мобилизующую силу, направленную на сокрушение «старого мира». Не все «образы будущего» того времени в достаточной степени обладали такой силой. Например, идея установления военной диктатуры (возможно, и оправданная в условиях усиливающейся анархии) оказалась настолько непопулярной, что выступление в августе 1917 г. Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова оказалось неудачным. Лозунг «непредрешенчества» (о том, что все вопросы будущего государственного устройства должно решить Учредительное собрание) был юридически вполне корректным, но он тоже не отвечал страстному стремлению многих представителей «низов» решить все назревшие проблемы (т. е. закончить войну, распределить землю и т. д.) «здесь и сейчас». Большевики наиболее эффективно использовали в своей пропаганде радикализацию эсхатологических настроений масс и предложили наиболее привлекательные в тех условиях (хотя и не совсем реалистичные) лозунги. В результате многие уставшие от войны и бесправия солдаты и матросы повернули штыки против «угнетателей всего мира». Именно благодаря мобилизующей идеологии и жесткой организации «красные», не останавливавшиеся ни перед какими репрессиями «во имя идеи», смогли захватить власть и одержать победу в гражданской войне. Многие участники революции, охваченные эйфорией грандиозных перемен, жертвовали своими жизнями, поскольку были искренне

убеждены, что они несут освобождение и России, и всему человечеству. Это была реальная мобилизующая сила, направленная на разрушение старого уклада и построение нового.

3. Осуществленная Утопия. Как только провозглашается «осуществление» утопии, утопия начинает вырождаться, поскольку «настоящая» утопия всегда отделена от реальной действительности. Пришедшие к власти «вожди» восставших масс вскоре укрепляют свое положение и расправляются с любой оппозицией, в том числе и с бывшими товарищами по революционной борьбе. Идея «мировой революции» еще некоторое время поддерживается на официальном уровне, однако затем, по мере укрепления власти И. В. Сталина, акцент переносится на то, что социализм победил в отдельно взятой стране, и теперь его надо защищать от врагов — не только внешних, но и внутренних. Революционный энтузиазм направляют теперь на трудовые подвиги. Постепенно пропаганда переходит к идее о том, что все народные чаяния уже исполнены, и что теперь надо лишь восхвалять за это «вождя» и радоваться наступившему счастью. Для «радующихся» в СССР снимают фильмы о счастливых колхозниках, собирающих изобильные урожаи, а для «сомневающихся» и «классово чуждых» развивают сеть лагерей ГУЛАГа. «Осуществленная утопия», таким образом, вырождается в апологетику и проявляет свою обратную, репрессивную сторону. Советский строй, несомненно, принес многие прогрессивные новшества, перекликавшиеся с лозунгами о равенстве и социальной справедливости, однако не следует закрывать глаза и на те трагические страницы советской истории, о которых общество узнало правду далеко не сразу.

4. Антиутопия. Официозные лозунги «наступившего счастья» на фоне нерешенных проблем со временем (за период жизни двух-трех поколений) постепенно вызывают все большее недоверие и отторжение в обществе. Идеология «выдыхается», от энтузиазма люди устают. В обществе подспудно распространяются альтернативные идеалы, мотивирующие к реформе или замене старой системы власти. В случае с СССР эти процессы получили особенное развитие в конце 80-х — начале 90-х годов, когда огромный резонанс приобретают ранее не публиковавшиеся произведения о «темных пятнах» советской истории («Архипелаг Гулаг» А. И. Солженицына и др.). Становятся все более популярными идеи демократии, гласности, правового государства («такого, как на Западе» и т. д.). Правящий режим (как и царский режим когда-то) постепенно утрачивает своих сторонников. На этом фоне происходит распад старой системы и выстраивание новой власти, утверждающей, в свою очередь, что ею уже реализованы ценности

демократии. Однако эксплуатация политиками темы «осуществленной утопии» ведет к кризису утопии. Гораздо популярнее к концу XX века становится жанр не утопии, а антиутопии. В мировой литературе, например, становятся знаменитыми произведения Дж. Оруэлла («Скотный двор», «1984»), Олдоса Хаксли («О дивный новый мир»), Рэя Брэдбери («451 градус по Фаренгейту», Владимира Войновича «Москва 2042» и других писателей, предупреждающих человечество об опасности попыток «загнать человечество в счастье».

5. Тлеющая Утопия. Кризис утопии не означает ее смерть, поскольку утопизм (проявляющийся в той или иной форме) органически присущ человеческому мышлению. Утопия неистребима, и в какие-то исторические эпохи она может лишь отходить на «задний план», пребывая в «тлеющем» состоянии. В российском обществе в целом сейчас нет сколько-нибудь широко признанного и определенного позитивного образа будущего. Весьма характерно, что с 2005 года день 7 ноября перестал быть праздничным днем, а годовщина 100-летия Октябрьской революции в ноябре 2017 года прошла почти незамеченной. Более того, сейчас предпринимаются попытки так переинтерпретировать историю, чтобы «октябрьский переворот» предстал лишь как результат коварного иноземного заговора. Тем не менее, несмотря на подобные попытки «развенчания революции», коммунистическая идея сохраняет определенное число своих сторонников в России. В отдельных социальных группах сохраняются и другие видения будущего страны: «демократическое», «националистическое» и т. д. Утопические образы сейчас лишь «тлеют», однако со временем, по-видимому, могут наступить такие обстоятельства, при которых идея «нового дивного мира» вновь станет играть важную роль в общественном сознании.

Политика «исторической памяти», проводимая тем или иным государством, как правило, бывает тесно связанной с «образом будущего». Казалось бы, упомянутые выше попытки переинтерпретации исторического значения Октябрьской революции должны быть направлены на выстраивание нового позитивного образа будущего. Однако на самом деле многие новые интерпретации истории отвечают лишь на сиюминутный идеологический заказ и довольно примитивны. В публицистике распространилось множество конспирологических теорий — например, о том, что план продвижения перманентной революции из России еще в 1904 году придумал Парвус (Израиль Лазаревич Гельфанд), решивший для В. И. Ленина проблему финансов. В ноябре 2017 г. на телеэкраны вышел посвященный этому персонажу сериал под названием «Демон революции», в котором образ «купца от революции» подвергся явной демонизации. Один из современных киноре-

жиссеров демонстрирует в своем интервью вот такой уровень понимания революции: «Никто никогда не говорил правды об этой революции. Все организовывалось с начала XIX века крупными европейскими и английскими банками, которые финансировали революцию, чтобы утвердить англосаксонские промышленные порядки. Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев... За исключением Сталина, все лидеры были евреями или имели еврейские корни. Они были всего лишь агентами в проекте разрушения России» [5]. Настороженное отношение к разного рода революциям и попытки их дискредитации сейчас вполне понятны. Однако при этом возникает немало вопросов: если СССР возник в результате «враждебного заговора», то как быть с тем, что современная Россия является правопреемницей СССР? И как современным силовикам относиться, например, к фигуре Ф. Э. Дзержинского? И какой светлый образ будущего вытекает из такого «заговорщического» прошлого? А ведь такие значимые события, как революция, по справедливому замечанию О. Ю. Малиновой, в логике национал-социализма представляются особо ценными символическими ресурсами, поскольку они служат подтверждением «миссии нации» [4].

Это отсутствие определенного «образа будущего» и консенсуса по поводу «национальной идеи» отчетливо продемонстрировала в 90-е годы история принятия новой российской государственной символики. По сути, после ожесточенных идеологических споров, принятие символики стало итогом компромисса, уступок сторонникам разных «образов будущего». Предельно схематизируя, можно отметить, что флаг-триколор стал символом «демократической России, победившей путч и водрузившей этот флаг в 1991 году», герб с коронами, двуглавым орлом и Георгием Победоносцем вызывает ассоциации с дореволюционной формулой «православие, самодержавие, народность», а гимн со старой музыкой А. В. Александрова и обновленным текстом С. В. Михалкова явно стал уступкой сторонникам советского периода [8]. Примерно с помощью таких же приемов, как отмечают современные исследователи, выстраивается сейчас и схема российской истории: «на стержень «тысячелетнего великого государства» нанизывались события и фигуры, которые в логике других смысловых схем, конкурирующих в публичном пространстве, представлялись взаимоисключающими. Это было удобное технологическое решение, позволявшее избирательно использовать советское прошлое, исключая при этом из репертуара наиболее одиозные моменты. (...) История СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая несмотря на все трудности смогла осуществить (пусть и не вполне совершенную) модернизацию и превратиться в ведущего акто-

ра мировой политики», однако при этом тоталитарные практики и репрессии были оставлены «за скобками» [4]. Нужно признать, что в результате такого эклектичного смешения символов разных эпох был достигнут определенный тактический успех (затухание острых споров о символике), однако в стратегическом плане вектор развития страны так и остался неопределенным.

Остается ответить на вопрос: что принципиально нового принес Октябрь 1917 года по сравнению с более ранними эпизодами в истории, когда утопические идеи оказывали влияние на ход социальных движений? Довольно глубокие наблюдения на этот счет были сделаны еще Н. А. Бердяевым в его работе «Царство духа и царство кесаря». В частности, он писал: «Утопии играют огромную роль в истории (...). Утопии могут быть движущей силой и могут оказаться более реальными, чем более разумные и умеренные направления. Большевизм считали утопией, но он оказался реальнее, чем капиталистическая и либеральная демократия. Обыкновенно утопией называют неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в большинстве случаев осуществлялись. (...) Утопии всегда осуществлялись в извращенном виде. Большевики — утописты, они одержимы идеей совершенного гармонического строя. Но они также реалисты, и в качестве реалистов они в извращенной форме осуществляют свою утопию. Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения. Но от искаженной утопии всегда остается и что-нибудь положительное. (...) Утопия всегда тоталитарна, и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. С этим связан самый главный вопрос — вопрос свободы. В сущности утопия всегда враждебна свободе» [2].

Утопия в XX веке стала реализуемой благодаря новому уровню развития индустриальной цивилизации, с ее новыми технологиями управления и тотального контроля, с ее мощными средствами массовой информации и т. д. Однако при «реализации» утопии происходит, как правило, выполнение лишь части обещанного и ожидаемого. И, напротив, сама «реализация» утопии неминуемо ведет к искажению идеалов, к применению на практике таких методов удержания власти, которые дискредитируют сам идеал. Попытки реализации Утопии в XX веке, как заметил еще М. Финли, нередко приводили к постепенному перерождению ее в свою противоположность, в Дистопию [10]. Значит ли это, что утопии вредны по определению и что «утопия всегда враждебна свободе»? Мы воздержались бы от столь категоричных оценок. На наш взгляд, уроки XX столетия свидетельствуют о том, что опасность представляют не столько сами утопии, сколько попытки каких-то радикальных политических сил узурпировать власть на волне

увлечения масс каким-то одним утопическим миражом. Сами же разнообразнейшие утопические мечты, видимо, всегда будут сопровождать человечество, поскольку без них невозможен поиск путей движения к лучшей жизни.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. — М., 1989.
2. Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. — Париж, 1951.
3. Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII века. — М., 1975.
4. Малинова О. Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // Политическая наука. — 2017. — № 3.
5. Обуар С. Ленин и революция — неприятный вопрос для России // ИНОСМИ. РУ. — 09.03.2017. — URL: <http://inosmi.ru/politic/20170309/238841120.html>
6. Чернышов Ю. Древний Рим: мечта о золотом веке. — М., 2013.
7. Шацкий Е. Утопия и традиция. — М., 1990.
8. Chernyshov Y. The Adoption of State Symbols in Russia: a Compromise of Traditions // Journal of Geography, Politics and Society. — Volume 7 (2017). — Issue 3. — URL: <http://www.ejournals.eu/JGPS/Volume-7/Issue-3/art/9852/DOI:10.4467/24512249JG.17.022.7178>
9. Eliade M. The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History. — Princeton, 1971.
10. Finley M. I. Utopianism Ancient and Modern // Finley M. I. The Use and Abuse of History. — L., 1975.
11. Polak F. L. The Image of the Future. V. 1. — Leiden, 1961.
12. Syme R. The Roman Revolution. — Oxford, 1939.

А. В. Шмидт

Карасукский педагогический колледж (г. Карасук, Россия)

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ПОТряСЕНИЙ В РОССИИ

В данной статье прослеживается процесс становления религиозных основ в России. Религия была и остается на сегодня важным фактором в развитии любой цивилизации. Её место в жизни общества определяется различными обстоятельствами: исторической обстановкой, уровнем развития общества, культуры, традиций, влиянием политических образований. В статье рассматриваются ключевые этапы развития и преобразования религиозных идей в России в годы политических потрясений.

Ключевые слова: принятие христианства, церковные реформы, церковь и государство, духовная сфера и политика.

С самого начала своей жизни у человека была потребность верить в кого-нибудь или во что-нибудь сверхъестественное. Будь-то силы природы, сама природа (дерево, роща, лес, озеро, река и др.) или в великие безграничные силы высшего человека-Бога.

Поклонение было потребностью человека, его неотъемлемой частью, ведь вера в чудо давала людям надежду на доброе и счастливое будущее.

Вера, настрой и сила духа — преобладающая черта русского человека. Даже при сложных ситуациях, он, русский человек, не опустит нос, он будет верить в хорошее, творить будущее.

В дохристианское время славяне, почитали и проповедовали идолопоклонение. Главными Божествами и святынями выступали идолы. Их наделяли чудотворными силами. И вера славян была настолько крепка, что отказаться от неё не могли даже под угрозой смерти.

Судьбоносным периодом в жизни языческого славянского общества стало появление христианства. Когда в 988 году святой равноапостольный князь Владимир крестил Русь, обратив, насильственно, в христианскую веру свою страну.

Принятие христианства очень тяжелый и важный выбор для идолистической страны. В конце X века необходима была объединяющая сила для дальнейшего политического и экономического развития государства

Развивалось государство, его уклад, строй, менялась культура и жила новая религия. Русский народ стал неотделим от христианства. Он слушал, верил и доверял больше церкви, чем государству. В

этой конкурентной борьбе государство стремилось подчинить себе церковь, а значит и народ. Многим царям и императорам России удалось это сделать—сделать церковь частью политики. Например, царь Алексей Михайлович вместе с патриархом Никоном проводили церковную реформу, а император Пётр I подчинил себе духовенство, полностью политизировал его.

XX век стал переломным этапом в жизни страны. Этот век дал новые научные открытия, раскрыл новые грани возможностей человека, но проходило это процветание на фоне ломки духовной сферы общества в год Великих и переломных революций.

15 августа 1917 года в Успенском соборе Московского кремля открылся Поместный собор Православной российской церкви — первый с конца XVII века. Важнейшим его решением было восстановление 28 октября 1917 года патриаршества в Русской православной церкви, положившее конец синодальному периоду.

Собор заседал больше года, до 7 сентября 1918 года и совпал с такими важными событиями русской истории, как Первая мировая война, выступление генерала Лавра Корнилова, провозглашение в России республики, падение Временного правительства и Октябрьская революция, издание Декрета об отделении церкви от государства и Гражданская война. В свою очередь, Собор делал прямые заявления в ответ на некоторые из этих событий: прямо осуждал действия большевиков. Власть же довольно терпимо относилась к этим заявлениям и не препятствовала в проведении Собора, опасаясь недовольства масс. В тот период большевики ставили главной своей целью укрепление своего положения во власти. Ситуация стабилизировалась и Советы «взялись» за церковь, которая, по их мнению, мешала выстроить «дорогу к светлому коммунизму». Начинаются грабежи, разрушения храмов, убийства священнослужителей, искоренение христианской идеологии. Эти гонения на церковь не утихали, накал рос с каждым днём. И люди, которые раньше бы встали за веру грудью, сами же и уничтожали святость не только насущно, но и убивали её внутри себя.

Сталинские репрессии, Хрущевская «оттепель», Брежневский «застой» — отрезок времени более 40 лет, вроде бы должно было всё измениться, даже названия данных периодов правления — мягкие, ни о чём и ни к чему не принуждающие, были самыми тяжёлыми в жизни церкви.

Только с распадом Советского союза Церковь возрождается из пепла, из многолетней трясины гонения и злобы. Она обретает новую силу, как бы родившись заново. И люди пришли к ней с чистым серд-

цем и добрыми помыслами. Задача современного общества, молодого поколения учесть опыт прошлого и не повторять ошибок.

Список литературы

1. Гайда Ф. А. Русская Православная Церковь в XX веке. / Ф. А. Гайда; гл. ред.: Л. Г. Захарова. — Москва: РОССПЭН, 2003. — 428 с.

2. Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви. 1900-1927. /Г. Митрофанов. Нева, СПб., 2002 г. — 432 с.

**СЕКЦИЯ
«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ
ОКТАБРЯ 1917 ГОДА
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ»**

Н. В. Абрамчук, И. Ю. Ночников

*Новосибирский колледж автосервиса и дорожного хозяйства
(г. Новосибирск, Россия)*

СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1917 Г.: ПЕРЕВОРОТ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Статья, посвящена событиям Великой Октябрьской революции 1917г., которые коренным образом изменили политический, экономический и социальный уклады жизни государства.

В своей работе мы ставили перед собой основной задачей — донесение до своих сверстников информации о величайшем событии нашей истории, о котором забывать мы не имеем права.

26 октября 2017 года минуло сто лет с момента свершения Великой Октябрьской революции или, как нынче ее именуют современные школьные учебники «Мировой». Так или иначе Октябрьская революция тяжелейшее испытание, выпавшее на долю российского народа, который пострадал не столько от самой революции, сколько от ее последствий. Тем не менее, мы не можем просто «перелистнуть» эту страницу нашей истории.

Целью исследования явилось — изучение взглядов современной молодежи на события Октябрьской революции, была ли это революция или переворот

Для достижения цели необходимо было реализовать следующие задачи:

- провести опрос среди студентов в колледже. Выяснить уровень знаний по данной теме;
- проанализировать данные, полученные в ходе опроса;
- проанализировать литературу и источники по теме и прийти к выводам.

Нами было опрошено 55 человек и по заданным вопросам. Ответы респондентов были проанализированы, результаты отображены на рисунке.

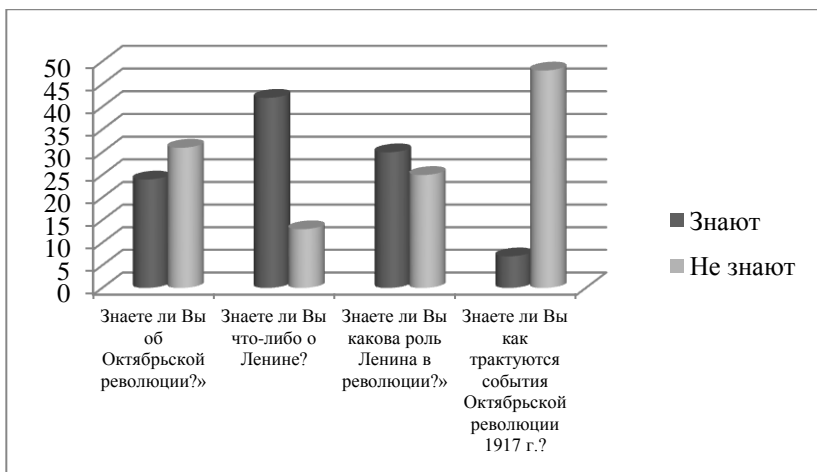

Рис. 1. Результаты опроса

Исходя из результатов опроса известно, что по первому и четвертому вопросу соотношение правильных и неправильных ответов близко к срединному, что говорит о том, что многие не интересуются основным прошлым, а по соотношению ответов по третьему вопросу, можно сказать, что итог удовлетворительный. По итогу второго вопроса становится не так страшно, так как подавляющая часть знают правильный ответ, а это значит, что Ленина еще помнят.

По четвертому вопросу почти все опрошенные не смогли ответить.

Далее мы предоставим общую информацию по тем вопросам, по которым мы проводили вопрос.

Что мы знаем про Октябрьскую Революцию?

Признаки, как революции, так и переворота и заговора имели место в дни октября. События октября представляли собой наиболее острую форму борьбы между нарождающимися новыми и отживающими старыми формами общественных отношений. Но всё-таки, выполнив работу, мы пришли к выводу, что события октября 1917 г. носят название революции».

Список литературы

1. 100-летие Октябрьской революции отметят вне политики. // Известия. — [Электронный ресурс]: URL: <http://izvestia.ru/news/654909> (дата обращения 20.04.2017).

2. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в иностранстве памяти. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 256 с. Мединский начал

подготовку к революции // Газета. Ру. — [Электронный ресурс]: URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml (дата обращения 20.04.2017).

3. Государственный Эрмитаж. — [Электронный ресурс]: URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/2017/news_15_17/?lng=ru (дата обращения 20.04.2017)

4. Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции / предисл. Ю. Н. Емельянова — М.: Айрис-пресс, 2015. — ISBN 5—8112—1311—5; 2007. — ISBN 978—5-8112—2904—8. — 640 с.

5. Мусский И. А. 100 великих заговоров и переворотов. — [Электронный ресурс]: URL: <http://fisechko.ru/100vel/zagovor/index.htm> (дата обращения 20.04.2017)

6. Обществу нужен объективный анализ событий 1917 года, считает эксперт // РИА Новости. [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/society/20170106/1485202814.html> (дата обращения 25.04.2017)

7. Путин о юбилее революции: нельзя тащить расколы в сегодняшнюю жизнь <http://izvestia.ru/news/648767> (дата обращения 25.04.2017).

8. Щербинин А. И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия времени в России. / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 2 (3). 2008. С. 52—

9. Юдина А. С. Октябрьская революция 1917 года в современном политическом дискурсе // Молодой ученый. — 2017. — № 21. — С. 377-380

М. Д. Баган

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Россия)*

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К РЕВОЛЮЦИИ 1917-ГО ГОДА СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Осознавать произошедшее в масштабе истории нашей страны очень удобно по прошествии лет. Так события октября 1917 года сегодня, сто лет спустя, представляются особенно актуальными. Нет очевидцев, нет даже той страны, однако помнить и понимать те события необходимо. Попробуем разобраться, какое отношение складывается к революции у молодежи.

В декабре прошлого года Президент РФ, Владимир Путин, подписал распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвящённых 100-летию революции 1917 года в России. Но однозначного мнения о том, как необходимо «праздновать революцию», нет.

По всему бывшему Советскому Союзу вскрывают капсулы времени — обращения из 1967 к нам, потомкам. Люди писали приветы в светлое будущее, надеясь на то, что мы, молодежь 2017-го, построили коммунизм. Но мы выросли совсем в иное время, в наших учебниках истории не славили доброго дедушку Ленина, мы не носили красных галстуков и не стремились попасть в комсомол. Поэтому сегодня мы смотрим на историю нашей страны, а события Революции для нас история — под другим углом.

Октябрьскую революцию 1917 года в нашей стране называют наиболее значимым событием начала XX века. Оно не просто случилось, а коренным образом перевернуло дальнейшую жизнь нашей страны. Революция 1917 года положила конец монархии в России, просуществовавшей сотни лет, и дала начало совершенно новому общественно-политическому строю. События революции 1917 года столетней давности повлекли за собой строительство Советского государства. После революционных событий власть была передана народу, руководящей функцией были наделены Советы, появилась возможность рабочих и крестьян управлять страной через Советы — это главный итог изменений политической системы после революции. В дальнейшем в нашей стране появилась бесплатная медицина, образование, произошло сокращение рабочего дня, процветание промышленности, а у женщин появилось право участвовать в голосовании.

С другой стороны, молодежь, не жившая при коммунистическом строе, зачастую попадает под воздействие революционной романтики, что отчасти оправдано той несправедливой социально-экономической моделью, которая, несмотря на все усилия по её реформированию, всё ещё господствует в России. Но это совершенно не значит, что сегодня молодежь также готова подняться на революцию. В большинстве она признала приход к власти большевиков нелегитимным. Это говорит о том, что молодежь является достаточно объективной в оценках исторических фактов. Кроме того, положение дел в нашей стране, не смотря на все проблемы, совершенно не похоже на то, что было сто лет назад. И молодежь сегодня готова к тому, чтобы устраивать перемены мирным путем.

Столетняя годовщина событий 1917 года вызвала множество публикаций, книг и телевизионных программ, посвященных революции, её причинам и обстоятельству. Больше людей лучше узнали о том, что творилось тогда в нашей стране, — и даже если они не до конца уяснили для себя причины революции, им стал понятней масштаб тогдашней смуты и ужас Гражданской войны, ей вызванной. И, на мой взгляд, в этом есть самый важный урок столетия Революции — показать произошедшие события, объяснить предпосылки и последствия тех или иных действий народа и представителей власти, а также оставить понимание, что Октябрьская Революция 1917 года — это не только большая победа нашей страны, но и большое её поражение.

Список литературы:

1. 100-летие Октябрьской революции отметят вне политики. // Известия. — [Электронный ресурс]: URL: <http://izvestia.ru/news/654909>
2. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 256 с. Мединский начал подготовку к революции // Газета. Ру. — [Электронный ресурс]: URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml
3. Мельгунов С. П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции / предисл. Ю. Н. Емельянова — М.: Айрис-пресс, 2005. — ISBN 5—8112—1311—5; 2007. — ISBN 978—5-8112—2904—8. — 640 с.
4. Мусский И. А. 100 великих заговоров и переворотов. — [Электронный ресурс]: URL: <http://fisechko.ru/100vel/zagovor/index.htm>
5. Путин о юбилее революции: нельзя тащить расколы в сегодняшнюю жизнь <http://izvestia.ru/news/648767>
6. Государственный Эрмитаж. — [Электронный ресурс]: URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/2017/news_15_17/?lng=ru (дата обращения 20.04.2017)

7. Щербинин А. И. «Красный день календаря»: формирование матрицы восприятия времени в России. / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 2 (3). 2008. С. 52—69.

8. Юдина А. С. Октябрьская революция 1917 года в современном политическом дискурсе // Молодой ученый. — 2017. — № 21. — С. 377-380.

З. Ю. Брагарь, М. А. Седачёв

*Новосибирский колледж электроники и вычислительной техники
(г. Новосибирск, Россия)*

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ ДЛЯ МИРА И РОССИИ

В работе сделана попытка осмыслить причины Великой Октябрьской революции, как одного из самых значимых событий 20 века, ее значение для всего цивилизованного мира и для страны.

Сформулированы основные причины этой революции, перевернувшей страну.

Сделана попытка осмыслить революционные события тех лет, а также сделать выводы из уроков истории для последующих поколений.

Ключевые слова: великая революция, причины, значение, цивилизация, уроки, выводы

«Вся наша история — продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел.

Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику, ее дело в мире есть политика рода человеческого, Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами; оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества»[1].

Цель нашей работы: изучить и осмыслить роль Великой Октябрьской революции как для нашей страны, так и для мировой цивилизации.

Перечислим самые главные события XX века, исключая войны:

— Октябрьская революция, создание СССР, построение социализма и попытка построения коммунизма;

— открытие радиоактивности, начало атомной эры: ядерное оружие (атомная бомба), атомная энергия, Чернобыль;

— космический прорыв: первый спутник, первый космонавт, выход в космос, полёты к Луне;

— распад Советского Союза и Варшавского блока;

— развитие информационных и коммуникационных технологий: телефон, радио, телевидение, Интернет.

Россия имеет непосредственно отношение ко всем этим событиям. В год столетия Великого Октября многие пытаются понять, почему стремление к свободе, великий освободительный порыв 1917 года в итоге привел к гораздо большей, чем прежде, несвободе в сталинские годы, массовым репрессиям, а затем к постепенному разложению в

1960-80 годы созданной Сталиным системы, и еще одной буржуазно-демократической революции 1991 года.

Как отметил бывший спикер Думы и глава Российского исторического общества Сергей Нарышкин, «юбилей такого события, как революция в России, необходим не для торжественных мероприятий, не для празднования, а прежде всего для глубокого осмысления событий столетней давности. И главное — для того, чтобы сформулировать самые важные уроки не только для нашей страны, но и для мира». Этими уроками являются, прежде всего, «ценность единства, гражданского согласия, умение общества находить компромиссы и не допускать крайнего раскола в обществе в форме гражданской войны».

По поводу празднования и осмысления трудно, что либо возразить, но с заменой даты Величайшего события для мировой цивилизации 20 века на другую — с этим трудно согласиться. Отмечает же Франция уже третий век дату Великой французской революции, хотя она была не менее кровавой. Нельзя забывать, что мы принадлежим к стране, в истории которой была своя Великая революция. Ею можно и нужно гордиться!

В год столетия Великого Октября многие пытаются понять, почему стремление к свободе, великий освободительный порыв 1917 года в итоге привел к гораздо большей, чем прежде, несвободе в сталинские годы, массовым репрессиям, а затем к постепенному разложению в 1960—80 годы созданной Сталиным системы, и еще одной буржуазно-демократической революции 1991 года. Через четверть века после создания новой России, проходившей уже на наших глазах и с непосредственным участием некоторых из нас, мы пытаемся понять, почему и этот великий освободительный порыв закончился лишь концентрацией собственности в руках очень узкого круга приближенных к власти людей.[2]

Достижения российской революционной культуры признаны во всем мире. Этот фрагмент нашей истории — также часть европейской и мировой.

В мировой истории Россия часто играла консолидирующую роль, спасала Европу от Наполеона, от Гитлера. Если политика не терпит сослагательного наклонения, то история его допускает. Не будь России, не будь Красной армии, что произошло бы с Европой под кровавой нацистской свастикой? Россия всегда была неотъемлемой частью мировой цивилизации и положительно влияла на нее. История мира невозможна без истории России.

Утопическая идея 1991 года состояла в соединении преимуществ социализма с преимуществами капитализма. Советские люди видели

(в основном в кино) полные витрины и прилавки капиталистических супермаркетов, хотели того же для СССР, а преимущества социализма: бесплатные медицину, образование, квартиры, гарантию занятости, воспринимали как нечто само собой разумеющееся.

Когда это соединение в начале 1990-х годов произошло, они были страшно разочарованы. В результате приватизации обогатилась небольшая группа людей, государство было распродано и оказалось в частных руках, а преимущества социализма, которыми они еще недавно пользовались, растворились в небытии. Вот все это и вызвало у большинства огромное раздражение, вылившееся в потребность в «сильной руке».

Говоря о России конца XIX — начала XX века, надо вспомнить о том, какие особенности действительно были присущи России. И про-влялось это, прежде всего в типе развития капитализма.

Капитализм принято характеризовать по трем моделям.

К первому типу развития капитализма относятся западно-европейские страны, такие как Англия, Франция, Германия, так как в этих странах капитализм начал развиваться благодаря сложившимся объективно для этого обстоятельствам. И обстоятельства эти были разного рода — и экономические, и социальные и политические, и культурные, и юридические, и возможно какие-то ещё. И вот когда все эти обстоятельства в своей совокупности создали почву для развития капитализма, тогда он и начал развиваться. Он развивался постепенно и поступательно, потому что его никто искусственно не толкал, не двигал вперед, поэтому развитие капитализма в этих странах проходило минимально конфликтно, нежели в других странах.

К странам второй модели относятся Россия, Япония, Турция, Балканские государства и другие государства. Развитие капитализма в этих странах отличало от развития капитализма в странах первой модели то, что капитализм в этих странах стал развиваться позднее. То есть предпосылки к развитию капитализма созрели значительно позднее. При всём при этом капитализм в этих странах развивался более интенсивно, чем в странах первой модели, поскольку обстоятельства и внутреннего и внешнего порядка форсировали (ускоряли) развитие капитализма.

Говоря о внешних обстоятельствах, которые влияли на быстрые темпы развития капитализма, надо иметь в виду, что здесь играли роль страны первой модели.

С одной стороны, они были замечательным образцом для подражания, но на этом их значение и влияние на страны второй модели не заканчивается. Эти страны представляли из себя реальную угрозу для

стран второй модели, и весь опыт мирового исторического развития это подтверждает.

С другой стороны, понимая это обстоятельство, правительства стран второй модели стремились укорить развитие капитализма в своих странах.

И получается, что тогда, когда капитализм ускоряется, он развивается более конфликтно, чем в странах первой модели. И опять же история это подтверждает, и в частности, российская история: наша первая русская революция.

Причем для России характерны следующие особенности.

Мы уже отмечали то обстоятельство, что в России в конце XIX века было несколько хозяйственно-экономических укладов: натуральный, мелкотоварный, капитализм (и частный, и государственный). Каждый из этих укладов имел собственные нерешенные проблемы. А на проблемы одного уклада наслаивались проблемы другого уклада — и все они со временем сплелись в клубок противоречий, который не мог однажды не взорваться.

Что касается стран третьей модели, то это страны, которые оказались на положении колоний и полукolonий великих держав. Это страны Азии, Латинской Америки и другие.

Что дала Октябрьская революция мировой цивилизации?

В истории разных стран всегда было множество выступлений трудящихся против капитализма. Но только у нас они приняли столь далеко идущий характер. Это сделало Россию XX века эпицентром мирового развития, где скрестились все основные проблемы тогдашнего мира, где решался исход основной болезни капитализма — противостояния труда и капитала. Только у русских рабочих хватило воли и решимости найти выход из этого противостояния — не только свергнуть капитализм, но и начать переход к более прогрессивной социальной системе — социализму.

Октябрьская революция вслед за Парижской коммуной подняла к власти низы общества: рабочих, крестьян и выражавшую их интересы интеллигенцию. Она утвердила Советы как наиболее демократическую форму политической власти, давшую измученному войной народу долгожданный мир, землю и возможность национального самоопределения. Подняв к социальному творчеству миллионы трудящихся, она наглядно показала, что не только элита способна быть субъектом и демиургом истории. В результате Октябрьской революции в мире появились две социально противоположные системы, во многом определившие ход последующего развития человечества. Историческое значение Октября трудно переоценить. Его положительные последствия

очевидны. Треть человечества прошла часть своего пути по проложенной им магистрали. Многие страны продолжают это движение сегодня, извлекая уроки из поражений и трагедий прошлого.

Дискуссия по «октябрьскому» вопросу далека от завершения, но следует отметить, что лет 45 назад на была просто невозможна! Но некоторые факты очевидны.

Первое. Российский порыв к справедливости оказал серьезное влияние на социальную политику стран классического капитализма. Установка на равенство, которую декларировала Октябрьская революция, быстро приобрела европейскую если не всемирную популярность. В сущности, это была попытка создания счастья для всех. Несмотря на обозначившуюся с начала XX века тенденцию некоторого смягчения ужасов капитализма, до Октябрьской революции не было ничего подобного в практике даже самых «продвинутых» государств. Так что социальность — первое благо, которое принесла Октябрьская революция. Сюда же нужно отнести установку большевистской власти на создание и развитие здравоохранения, образования, науки и культуры «для всех», что для того времени также было бесспорным достижением. 19 октября Президент РФ Владимир Путин сказал, что основные выгоды от последствий русской революции 1917 года извлек, прежде всего, Запад, развитие которого стало ответом на создание СССР.

«Что я имею в виду? Это не только геополитические победы по итогам так называемой холодной войны. Ответом на вызов со стороны СССР стали многие западные достижения XX века», — сказал Путин в ходе заседания международного дискуссионного клуба «Валдай».

Президент пояснил, что имеет в виду «повышение уровня жизни, формирование мощного среднего класса, реформы рынка труда и социальной сферы, развитие образования и гарантий прав человека, включая права нацменьшинств и женщин, преодоление расовой сегрегации, которая еще несколько десятилетий назад была постыдной практикой во многих странах, включая США».

Путин призвал задаться вопросом: «Разве нельзя было развиваться не через революцию, а по эволюционному пути, не ценой разрушения государственности и беспощадного слома миллионов человеческих судеб, а путем постепенного, последовательного движения вперед?».[5]

Второе. Подрыв и уничтожение колониальной системы — тоже результат возникновения СССР и его попыток обеспечить равноправие всех народов. В конце концов, колониализм умер благодаря существованию и борьбе против него Советского Союза и других социалистических стран.

Третье. Становление цивилизационных институтов и цивилизационных форм жизни в Центральной Азии. Практически безвозмездно СССР осуществил грандиозную цивилизационную миссию в этом ранее абсолютно отсталом регионе и превратил его в несколько экономически приличных государств с развитым для того времени образованием, здравоохранением, наукой и культурой.

Четвертое. Китай. Сегодня он все больше будет определять повестку жизни человечества в целом. В этом нет никаких сомнений. На наших глазах китайская экономика становится самой крупной в мире, что еще совсем недавно казалось невозможным. А ведь именно СССР создал практически безвозмездно материально-техническую базу экономики Китая в пятидесятые годы, заложив тем самым основу для будущего «экономического чуда».

Главными уроками революции для нашей страны.

Основной урок, вынесенный российским обществом из осмысления революции 1917 года, связан с пониманием гибельности для страны и народа перерастания существующих в каждом обществе социальных или межнациональных проблем и противоречий во внутривнутриполитический конфликт, раскол. Его эскалация чревата гражданской войной.[8]

В XX век Россия вступала с претензией на мировое лидерство, закончила его распадом СССР. В XX век Россия вступала с претензией на мировое лидерство, закончила его распадом СССР. За 70 советских лет мы потеряли 5,5 миллиона кв. км. территории — 10 Франций. Население страны в 1917 — 186 миллионов, сейчас — 143 миллиона человек.

Почти все пострадавшие от сталинских репрессий — и народы, и граждане теперь — тихо и незаметно — официально реабилитированы. Это значит, что Сталин, Ленин и их последователи совершили геноцид нашего народа. Чтобы выйти из 100-летнего тупика, необходимо проделать гигантское интеллектуальное и духовное очищение.

За 70 советских лет мы потеряли 5,5 миллиона кв. км. территории — 10 Франций. Население страны в 1917 — 186 миллионов, сейчас — 143 миллиона человек. Перед первой мировой войной по темпам роста производства Россия занимала первое место после США и первое в Европе.

История любого народа не бывает гладкой, без потрясений и войн. Октябрьскую революцию нередко называют «насильственным переворотом». Но сам «переворот» в Петрограде прошел почти без человеческих жертв. Не являясь сторонниками насилия, мы в то же время знаем его неизбежность на определенной стадии исторического разви-

тия, связанного с наличием классовых и национальных антагонизмов. Да, революции во многом сопряжены с насилием, которое, например, наглядно проявилось в буржуазных революциях Нидерландов, Англии, Франции и т. д. Как известно, отказ от рабства в Америке сопровождался самой кровопролитной в XIX веке Гражданской войной. В России закат феодализма также сопровождался войнами и революциями.

При этом подобные явления были вызваны к жизни не кознями политических интриганов, а кризисом предыдущей системы и невозможностью решить застарелые проблемы эволюционным путем. К насильственной революции прибегают в особых условиях, когда ослепленные жаждой собственного обогащения и удержанием своих привилегий господствующие классы пренебрегают благополучием народа. Тогда у неимущих классов не остается другого выхода, кроме как брать свою судьбу в собственные руки. Таков главный урок Великой русской революции XX столетия.

Вместе с тем социальная революция не сводится к насилию, тем более вооруженному: ее конечная цель — созидание нового мира, создание лучших условий для жизни всех людей, а не только верхов общества. В этом смысле такие революции действительно являются локомотивами истории, ускоряющими ее прогресс.

Другой важный урок связан с пониманием недопустимости для той или иной общественно-политической силы или движения поиска союзников за рубежом.

Любое внешнее вмешательство может лишь усугубить национальный раскол, увеличить число жертв. Мы должны изучать эти уроки, чтобы не допустить подобного раскола в будущем. Наша страна, которая пережила гражданскую войну, понесла невиданные жертвы — от 10 до 12 миллионов погибли в ходе боевых действий, от голода, бандитизма. Более 2 миллионов человек эмигрировали, а это была культурная и политическая элита страны. Не возможен экспорт демократии в любую страну. Для демократии необходимо развитие гражданского общества и определенные экономические условия. Примеры устройства стран распавшегося Советского Союза более, чем наглядны.

Еще один урок в том, что существующие противоречия в обществе должны соответствующим образом восприниматься властью. Она обязана своевременно отвечать на вызовы, стоящие перед страной, соответствовать запросам времени, чувствовать дыхание «низов» и предпринимать шаги по переустройству и модернизации общества своевременно, чтобы не доводить нарастание кризиса до революционной ситуации (последний опрос ВЦИОМ показал рост протестных выступлений в настоящее время). В свое время такую попытку сделал

Столыпин, когда он, сохраняя традиции, устои, стал проводить в жизнь реформы, отвечающие на вызовы времени, направленные на снижение социальной напряженности, предоставляющие обществу экономическую инициативу и ростки гражданственности. Его трагический конец в 1911 году оборвал этот процесс. Но и реформы Столыпина были запоздалыми. Проводить модернизацию, и не только экономическую, но и социальную, в России надо было гораздо раньше, и тогда, возможно, не пришел бы 1917 год, и Россия пошла бы по эволюционному пути развития. Но «верхи» оказались не на высоте. В быстро меняющемся мире этот фактор актуален не только для нашей страны, но и для всех государств. Проводить необходимые реформы необходимо вовремя.

Россия, действительно, идет своим путем, хотя уже не раз предпринимались попытки радикально перестроить страну в соответствии с теориями и практиками, заимствованными на Западе. Таких попыток было по меньшей мере три: Петровские реформы, марксистский эксперимент и гайдаровская шоковая терапия, опирающаяся на идеи чикагской школы. Сильное государство воспринимается подавляющим большинством населения как гарантия величия страны и поддержания внутреннего мира. Периоды ослабления государства — кстати, относительно редкие — обычно сопровождаются центробежными тенденциями, хаосом и даже войной. При исчезновении сюзерена общество, очевидно, не готово к самоорганизации и саморегулированию и после периода лихолетья с облегчением отдает власть над собой новому сильному лидеру. Поэтому ошибочно считать, что одна лишь демократизация приведет к преобразованию России в современное государство западного образца. Скорее всего, она вернет нас из фазы стабильности в хаос, который иногда обретает здесь вполне первобытные формы. Только долгий экстенсивный путь накопления частных богатств, рост веса частных компаний и частной собственности может привести со временем к формированию устойчивого гражданского общества, достаточно зрелого и ответственного для самоорганизации и саморегулирования.

Дальнейшее увеличение доли государства в экономике, напротив, не сулит ничего хорошего. Неэффективность госкомпаний — банальность, а при отсутствии здоровой конкуренции едва ли можно рассчитывать на технологический прорыв, приток инвестиций и рост производительности труда. Мы будем обречены на низкие темпы роста, коррупцию и прозябание в роли «сырьевого придатка» к развитым экономикам соседей. Более того, дальнейшее усиление государства несет и политические риски, хорошо известные по периоду, предше-

ствовавшему Октябрьской революции. Тогда значительная часть крупных предпринимателей симпатизировала идее революции и щедро поддерживала политических радикалов, прежде всего потому, что сильно страдала от конкуренции с государственными монополиями и прикормленными Петербургом компаниями. Начавшаяся революция смела и тех и других. Исторический опыт 1917 года поэтому полезен одинаково и для государства, и для частных предпринимателей, на которых лежит общая ответственность за мирное поступательное развитие страны.⁶

Разговор о революции 1917 года должен подразумевать уважение к памяти представителей обеих сторон — «красных», «белых», деятелей национально-освободительных движений, разумеется, за исключением тех, кто повинен в массовых репрессиях и военных преступлениях. И с одной, и с другой стороны были те, у кого руки по локоть в крови — Троцкий, атаман Семенов, Унгерн фон Штернберг. С обеих сторон были и настоящие герои, глубоко моральные, которые верили в свои идеалы и пытались сделать страну счастливой — так, как они это понимали.

Надо сказать о социальных корнях этого противостояния, о том, что у одних было накопленное богатство, а у других его не было. Отсутствовала элементарная справедливость при распределении национального дохода. Глубинная причина раскола страны в том, что для одних старый мир и порядок со своими ценностями, идеалами, культурой рушился, и они старались его сохранить. А другим терять было нечего, и они стремились построить новый мир, в котором жилось бы хорошо всем, и сражались за него, отрицая мир старый. Если бы реформы были проведены своевременно и оказались радикальными, возможно, потрясения 1917 года и не произошло. Но объективные факторы взрыва в 1917 году были налицо — положение рабочих, нерешенный аграрный вопрос, война. Английская и Французская революции произошли не по одной воле Cromwella или Робеспьера, сложились объективные предпосылки, процесс кипения был доведен до предела. Но можно ли было избежать революции в России? На наш взгляд, можно.^[7]

Не могут не взволновать слова, которые стали возможны только благодаря деидеологизации нашего общества: «Когда думаешь о 1917-м, то невольно оглядываешься на самого себя: что в тебе осталось от тех чувств, которые в свое время казались единственно правильными? Что в нас осталось от детской кумачовой гордости 1967-го (тогда праздновали 50-летие Октября)? Жива ли в нас та солидарность с революционерами, с комиссарами в пыльных шлемах, которой мы были искренне

захвачены в нашей комсомольской юности? А быть может, мы истово и восторженно (как бывало в горбачевскую перестройку) стоим за монархию и нами движет обида за ту, канувшую в Лету, державу? Или мы осуждаем и «белых» и «красных» и проклинаем все революции, как осуждали и проклинали в 1990-е? А может, в нас осталось лишь равнодушие и отчуждение нулевых: что нам этот 1917-й, у нас своих проблем хватает... Ничего этого в нас сегодня, кажется, нет. И нравится это политикам или нет, но на смену политизированным чувствам пришло простое человеческое сочувствие. Сопереживание ВСЕМ, кто жил на сломе эпох, кого втянуло в сатанинскую воронку противостояния и братоубийства. Похоже, мы стали понимать — нет, не скрытые пружины случившегося, не сложные исторические процессы — а просто людей мы стали понимать. [9]

Глава российского императорского дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна обратились к россиянам в связи со 100-летием революции, передает «Интерфакс». По ее словам, дискуссия вокруг оценки Октябрьской революции приобрела в последнее время особенно острый характер. «Прошлое невозможно изменить. Но в наших силах извлечь уроки из ошибок и сделать все, от нас зависящее, чтобы наш народ никогда впредь не оказался разделенным на непримиримые противоборствующие части. В первую очередь мы все, независимо от существующих различий во взглядах, должны признать, что Революция — это общая беда», — заявила глава дома Романовых. Она отметила, что главной причиной революции послужил «глубокий духовный кризис» в стране. Кроме того, по ее словам, революция была «неизбежной катастрофой» и ответом на бездействие элиты, в то время когда народ стремился к обновлению.

«Страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти. Тем более невозможно ничем оправдать: никакими высшими так называемыми благами народа, — заявил президент Владимир Путин на церемонии открытия памятника «Стена скорби», посвященного жертвам политических репрессий в СССР. — Когда речь идет о репрессиях, о гибели и страданиях миллионов людей, то достаточно то достаточно посетить Бутовский полигон, другие братские могилы жертв репрессий, которых немало в России, чтобы понять: никаких оправданий этим преступлениям быть не может». В своем выступлении Путин заявил, что последствия репрессий ощущаются до сих пор, им подверглись целые сословия и народы, рабочие, крестьяне, инженеры, военачальники, священники, государственные служащие, учёные и деятели культуры. «Репрессии не щадили ни талант, ни заслуги перед Родиной, ни искреннюю преданность ей. Каждому могли быть

предъявлены надуманные и абсолютно абсурдные обвинения», — заявил он и добавил, что сама память, четкость и однозначность позиции в отношении этих мрачных событий «служит мощным предостережением к их повторению».

В конце выступления Путин процитировал слова также пришедшей на открытие Натальи Солженицыной: «Знать, помнить, осудить и только потом простить». После чего президент заявил, что нельзя призывать к сведению счетов и «снова подталкивать общество к опасной черте противостояния». Имя Сталина президент в своем выступлении не произнес — также как и кого-либо из виновников политических репрессий. [6]

В конце работы мы хотим вернуться к Чаадаеву. В исторической науке глубоко укоренилось мнение о чаадаевской концепции России как пессимистической. Но Чаадаев смотрит на будущее России с оптимизмом. «Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы. Особенности русской истории и русского духа, их неприобщенность к всемирно-историческому процессу — не недостаток, а преимущество России, которое позволит ей быстро овладеть достоинствами и достичь уровня западно — европейской цивилизации, избежав при этом присущих ей пороков.»[1]

Вывод: Коммунистическая идея о свободе равенстве и братстве красива, и именно, поэтому привлекательна. Но, дело в том, что сама природа не предполагает равенства ни в чем, и поэтому развитое общество должно обеспечить своим устройством облегчить это неравенство для всех своих граждан.

Но никакая идеология, даже самая привлекательная, не стоит человеческих жертв!!!

«Уроки истории нужны нам для примирения», — произнес Владимир Владимирович Путин, мы присоединяемся к этому мнению.

Список литературы

1. Чаадаев П. Я. Философические письма [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.vehi.net (дата обращения: 08.11.2017)

2. Рыклин М. В чем неудача 1917 и 1991 годов? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/30/1657080.html> (дата обращения: 08.11.2017)

3. Шелин С. Почему страна большевиков не заметила своего столетия? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/11/08/1659276.html> (дата обращения: 08.11.2017)

4. Зыгарь М. Империя должна умереть. — 2017. — Издательство: Альпина Диджитал. — 1020 с.

5. Речь Путина на заседании клуба «Валдай»: основные моменты [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AwJpKWCjV6U> (дата обращения: 08.11.2017)

6. Путин открыл «Стену скорби». — Официальный сайт Газета. Ru [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/2017/10/30/a_10963844.shtml (дата обращения: 08.11.2017)

7. 100 лет Октябрьской Революции 2017 года. — Официальный сайт Российского исторического общества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rushiistory.org/proekty/100-letie-revolyuysii-1917-goda.html> (дата обращения: 08.11.2017)

8. Значение Великой Октябрьской социалистической революции [Электронный ресурс] // Режим доступа: mediagurog.ru (дата обращения: 08.11.2017)

9. Тарковский А. От юности до старости. — 1987. — М.: Советский писатель. — 112 с.

М. А. Емельянов

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Россия)*

СОБЫТИЯ, «КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ МИР», — ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

Великая Октябрьская Революция 1917 года двоякое событие в Российской истории. Революция 1917 года, повлекшая за собой гражданскую войну, смену государственного режима, голод в отдельных частях государства, смену идеалов у людей — неоднозначное событие в истории нашей страны. Сегодня молодые люди делятся на тех, кто считает, что Великая Октябрьская Революция была необходима и полезна, на тех, кто считает, что лучше бы она не случалась и на тех, кто не имеет определённой позиции по этому вопросу.

Я отношу себя другой группе. Я вижу её плюсы и минусы, но конкретного ответа о полезности этого события дать не могу. Так или иначе, революция должна досконально изучаться как с положительных, так и с отрицательных сторон.

Если начинать с плюсов, необходимо ответить на вопрос — что нам дала революция? Во-первых, ради чего собственно революция и затевалась, это попытка добиться справедливости. «Землю — крестьянам! Фабрики — рабочим!». Революция была попыткой убрать классовое неравенство. И как итог: по большей мере это было достигнуто. Не на сто процентов, но всё-таки разница была грандиозной. Во-вторых, это законодательное установление акта об обязательном школьном образовании, который не был принят в Российской империи. И как итог, почти за сто лет, страна, в которой большая часть людей была безграмотной, эта страна стала самым читающим государством на планете. И, наконец, в-третьих, что как итог вытекает из первого и из второго, это относительно поднявшийся уровень жизни через несколько лет. Каждый гражданин был обеспечен работой, медицинскими и социальными услугами. Революция создала социальное государство.

Но, как всем известно, у медали две стороны, и теперь стоит рассмотреть минусы Великой Октябрьской Революции. Во-первых, все критики революции помнят, что множество умных и талантливых людей подверглось гонениям, и они были вынуждены покинуть страну. И всё из-за того, что к власти в том числе пробилась озлобленные, необразованные люди из низших слоёв населения. Представители интелли-

генции бежали из страны, лишь бы защитить себя. Во-вторых, большевики, придя к власти, подписали сепаратный мир с Германией, и вышли из первой Мировой войны, заплатив контрибуции. Многие считают, что жертв не убавилось, ведь в скором времени началась гражданская война, а затем и Советско-Польская война. То есть Россия не получила лавров державы победительницы в Первой мировой войне и была вовлечена в две новые войны. В-третьих, неумелая внутренняя политика большевиков на первых этапах привела к голоду во многих частях страны. Военный коммунизм, который был введён во время Гражданской войны, выжимал из народа все соки. Конечно, пришедшая ему на смену Новая Экономическая Политика наладила жизнь граждан, но длившийся до этого три года Военный коммунизм нанёс непоправимый удар по экономике государства.

События 1917 года неоднозначны, мы можем только гадать, как было бы без неё.

С. В. Зубков

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Россия)*

МОЛОДЕЖЬ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье описана, важность не допущения недовольства, среди молодых людей, приведены исторические данные в доказательство того, что у истоков наиболее крупных революций стояла молодежь

Студенты — самая активная социальная группа. Молодые импульсивные люди, попавшие под влияние старших наставников или модных идей, часто направляют свою энергию в то русло, которое приводит к фатальным последствиям как для них самих, так и для всего общества.

В истории существует множество примеров, где молодежь выступала, либо как массовка, либо как непосредственный организатор революционных действий. Остановимся на некоторых моментах из истории Российской империи, а также попробуем доказать, что молодежные революционные действия, могут стать отправной точкой в государственном перевороте и революции в отдельной стране.

Вполне логично начать с Российской империи и рассмотреть такую организацию, как «Народная воля», которая возникла в далеком 1879 году. Народная воля запомнилась в истории, как террористическая организация, благодаря целой серии покушения на царя. Целями данной организации были: дезорганизацию правительства, возбуждение народных масс, свержение самодержавия и убийство Александра II. В 1880 году С. Н. Халтурин произвёл взрыв в Зимнем дворце, в результате которого император не пострадал, хотя было убито и ранено несколько десятков человек, на тот момент ему было 25 лет. И 1 марта 1881г. данной организации все-таки удалось добиться своей цели, это сделал Гриневицкий, которому на тот момент времени, было всего лишь 24 года, в ходе бомбометания был смертельно ранен Александр II и погиб сам революционер.

Бомбисты из «Народной воли» стали предшественниками молодых марксистов с красными бантами, которые вдруг решили бороться за права рабочих и не подчинялись властям в условиях войны с Германией. Решив, что бороться с самодержавием в 1917-1918 годах, необходимо коренным способом и вдохновившись убийством Александра II, большевики решили пойти по тому же сценарию и убить императо-

ра Николая II, а также всю его семью, для искоренения рода Романовых и свержения самодержавия.

После свержения царизма в феврале 1917 года большевистская партия вышла из подполья и появилась необходимость объединить вокруг партии рабоче-крестьянскую молодежь.

Социалистические союзы рабочей молодежи — это организации трудящейся молодежи, возникшие в период подготовки Октябрьской революции. Социалистические союзы рабочей молодежи под руководством большевистской партии приняли активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. В своем плане Октябрьского вооруженного восстания В. И. Ленин особо указал на роль рабочей молодежи: «Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в наибольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях...»

Также, можно привести пример того, как молодежь может стать движущей силой государственного переворота в современных реалиях. В ноябре 2013 года, начался политический кризис на Украине. И первой по призыву общественных организаций вышла молодежь. В ночь с 29 на 30 ноября проходил разгон демонстрантов и видео расправы над студентами и молодыми людьми просочилось в интернет и на телевидение и уже на следующий день, первого декабря, на майдан вышло около 500 тыс. человек.

Таким образом, можно сказать, что молодежь — это социальная группа, с которой необходимо считаться и создавать все необходимые условия для самореализации. Радикализм, романтизм свойственные молодым людям, легко становятся питательной средой для возникновения и распространения революционного потенциала во всем социуме.

С. М. Минебаева

*Новосибирский государственный педагогический университет,
(г. Новосибирск, Россия)*

**ЧТО ДЛЯ МЕНЯ ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 ГОДА?**

Для каждого историка это событие имеет разную трактовку. Кто-то считает, что это самое выдающееся событие XX века, возвестившее начало новой эры в жизни человечества. А кто-то пытается доказать, что это самый страшный поворот в истории нашего государства.

Февральская революция была стихийным проявлением недовольства масс существующим положением в стране. Организованно технически революцию не готовила ни одна партия (хотя, безусловно, социал-демократы, эсеры, анархисты, представители других левых партий давно «работали на революцию», а большевики это делали более решительно, более энергично).

В то время достаточно было небольшой искры, чтобы вспыхнуло новое революционное выступление. Такой искрой стали перебои в снабжении населения столицы хлебом, возникшие из-за нехватки горюче-смазочных материалов и перегруженности железных дорог военными перевозками.

Главной задачей революции было свержение самодержавия и установление республики. Среди прочих задач можно выделить выход России из войны и заключение сепаратного мира, а также решение аграрного и рабочего вопросов.

Сложившееся двоевластие в лице Временного правительства и Советов было ярким свидетельством сложности, противоречивости Февральской революции. Оно отражало реальный расклад социальных и политических сил, наглядно демонстрируя, что революция еще далеко не завершена, что впереди неизбежна, острая борьба за обладание всей политической властью.

Однако, победа Февральской революции превратила Россию в самую свободную страну из всех воюющих держав, обеспечив массам возможность широко пользоваться политическими правами. Вышедшая из подполья большевистская партия развернула огромную работу в массах, помогая им освободиться от мелкобуржуазных иллюзий и переходить на позиции социалистической революции. Началось массовое создание профсоюзов, возникли фабрично-заводские комитеты, ставшие опорными пунктами рабочего контроля над производством,

формировались отряды рабочей милиции. По всей стране рабочие и крестьяне создавали народные органы власти.

Я оцениваю февральскую революцию как поворотный момент в истории нашей страны. Многовековая монархия рухнула, изменилась жизнь всех слоёв российского общества. Я считаю, что события вряд ли могли развиваться иначе: механизм вызванного войной социально-экономического кризиса был типичным и не раз проявлял себя в войнах, которые вела Россия и другие страны. Масштабы войны, глубина социального раскола, финансовый кризис, породивший инфляцию и разрушение рынка, определили дальнейшее развитие событий. Продовольственный кризис неминуемо должен был дойти до Петрограда и привести к грандиозному голодному бунту. Деятельность политических партий не оказывала существенного влияния на ход событий. «Февральское восстание именуют стихийным... — писал Лев Троцкий, — в феврале никто заранее не намечал путей переворота... никто сверху не призывал к восстанию». Правительство вряд ли могло подавить эту революцию в зародыше.

З. И. Сызданова

*Новосибирский колледж электроники и вычислительной техники
(г. Новосибирск, Россия)*

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ В ЭПОХЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Цель: показать влияние Октябрьской революции на пути становления математической школы в Советском союзе.

Изменения в системе народного просвещения и образования после революции 1917 года состояли в следующем:

Государственная политика в сфере образования была направлена на решение двух задач — сделать образование доступным для рабочих и крестьян и перестроить его на новых идеологических основах. Несмотря на значительное повышение грамотности населения России не малую роль сыграло становление в области математики.

Модернизация страны, проводимая после Октябрьской революции, сопровождалась значительным расширением преподавания математики и исследований в этой области. В России появились новые университеты (Воронеж, Горький, Пермь, Свердловск, Ростов, Иркутск) и множество других научных и учебных заведений.

Кадровый вопрос частично был решён за счёт дореволюционных специалистов, однако их не хватало, тем более что немало крупных математиков эмигрировало за границу: А. М. Островский, А. С. Безикович, Н. Н. Салтыков, позже Я. Д. Тамаркин и Я. В. Успенский. Поэтому ускоренными темпами было подготовлено новое поколение российских математиков.

В 1934 году был организован Математический институт им. Стеклова, в 1936 году начался выпуск журнала «Успехи математических наук».

Советская математическая школа окончательно оформилась в 1930-е годы и вскоре стала одной из ведущих в мире.

И. О. Чижов

*Новосибирский колледж электроники и вычислительной техники
(г. Новосибирск, Россия)*

КУЛЬТУРА В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ: СОХРАНЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется как потребность науки в понятии современной культурологии, так и уделение определенного внимания проблеме исторического развития современной культуры, социальной практики, так и логикой развития культуры.

В данной статье рассматривается проблема культуры и интеллигенции в период революций. В ней показано отношение интеллигенции к революции, судьбы наших соотечественников. Революция в России наложила огромный отпечаток на культуру страны. Культурные преобразования касались широких масс населения, особенно ярко это отразилось на судьбах интеллигенции и духовенства. В 1917 году в стране изменились политическая система, общечеловеческие ценности, которые отразились на положении интеллигенции, вынужденной эмигрировать в другие страны. В условиях быстро развивающегося мира и современной консолидации российского общества возникает проблема интерпретации истории и культуры поскольку изменившиеся социально-экономические и политические основы требуют новых подходов, свободных от еще недавно господствовавших идеологических схем, происходит становление свободной индивидуальности, процесс, который протекает противоречиво и будет составлять целую историческую эру.

Необходима разработка решения проблемы динамики культуры в период радикального переустройства общественных отношений. По нашему мнению, наиболее продуктивным будет исследование, проведенное на основе анализа состояния конкретной культуры кризисного общества. И на основе такого исследования возможно создание теоретической модели динамики культуры в период социальных перемен, кардинальных преобразований общества.

Подводя итоги можно сделать ряд выводов, относящихся к истории культуры российского общества. Введенная категория ориентируется на поиск критериев системного и целостного изменения культуры. Она позволяет сгруппировать преобразования в культуре, события, в результате которых меняется общество в культуре. Общество в предшествующие исторические эпохи подчинялось сложившимся механизмам организации общественной жизни и культуры, но революция изменила эти механизмы в обществе и культуре в целом

Ключевые слова: революция, культура, модернизм, символизм, футуризм, акмеизм, пролетарская поэзия.

Годы, последовавшие за поражением первой буржуазно-демократической революции в России, представляют один из драмати-

ческих периодов в истории русской культуры прежде всего по накалу идейно-художественной борьбы. Литература и искусство предреволюционного десятилетия отличались большой сложностью и противоречивостью художественных исканий, разнообразием различных течений и групп, каждая из которых выступала со своими лозунгами и манифестами. Общественная жизнь несомненно отражалась в многообразии и сущности историко-культурного процесса этого времени.

1917 год в судьбе русской культуры, стал для России революционным. Некоторые историки, пытаясь уйти от политизированных оценок российской действительности переломного периода, характеризуют его как единый революционный цикл, исключительно сложный по своим компонентам, динамике и самореализации.

Как бы ни оценивали период революций 1917 года, невозможно отрицать их громадного влияния на судьбу России и все сферы жизни общества. В культуре это влияние проявилось не сразу. Ведь в 1917 году контуры будущего советского строя были еще едва обозначены, особый международный статус России как «осажденной крепости» только намечался, задачи формирования «нового человека коммунистического общества, свободного от пережитков прошлого» созревали пока только в головах революционных теоретиков. А именно эти факторы определяли особые условия развития отечественной культуры на протяжении многих десятилетий. [1]

Свержение монархии в феврале 1917 года вызвало громадный духовный подъем, сплотивший общество. Большинство интеллигенции с воодушевлением встретили начало революции, как очистительной бури, которая должна смести все прогнившее и омертвевшее в жизни и в искусстве и открыть путь созидательной работе. Вдохновленная идеей служения народу, интеллигенция готова была трудиться для его просвещения и блага. Но октябрьские события 1917 года многими представителями культуры были восприняты как захват власти со стороны одной партии — большевиков. Последовавший вследствие этого отказ части интеллигенции от профессионального сотрудничества с советской властью, особенно в первые месяцы ее существования, привел к тяжелым последствиям для многих отраслей культуры России.

Российская культура понесла и материальные, и духовные потери. Стихия народного бунта, разбуженная революцией, не щадила ни человеческих жизней, ни тем более ценностей культуры. Новая власть пыталась противостоять варварским проявлениям народного гнева. Чтобы спасти от разграбления книжные собрания, находившиеся в бывших помещичьих усадьбах, монастырях и буржуазных особняках, они были национализированы. К концу гражданской войны была со-

здана единая библиотечная сеть РСФСР, национализированы дворцы, музеи, художественные собрания, кинодело, объединено театральное дело.

Велики были психологические и нравственные последствия революции и войны для российского общества. Кровавая бойня первой мировой войны, сменившаяся братоубийственной гражданской войной с громадными человеческими жертвами, обесценила человеческую жизнь. Миллионы людей были вырваны из привычных условий существования, потеряли близких. Традиционные нравственные ценности, веками освящаемые религией, были поколеблены.

Новая власть взяла на себя миссию духовного лидерства и энергично взялась за восстановление отраслей культуры, разрушенных в результате революции и гражданской войны. Первые мероприятия, проведенные советской властью в области культуры, обеспечивали ей поддержку социальных низов и способствовали привлечению к содействию части интеллигенции, вдохновленной идеей служения народу.

На этой почве стали появляться новые течения в литературе, художественной культуре и других областях культуры того времени. Стал падать престиж классической культуры, как некоего общего достояния, равно приемлемого как для верхов общества, так и для его низов.

Революционные события повлияли на творчество многих русских писателей, композиторов, художников России. Тема революции, впечатления, связанные с ее восприятием, присутствуют во многих художественных произведениях этих лет. Революционный взрыв в России вызвал у русской художественной интеллигенции различные оценки, но при всей противоречивости их нельзя не признать особого влияния революции на русскую художественную культуру. Художественная культура важная страница в культурном наследии России. В ней отразилась социальная и идейная острота эпохи, возросший интерес к личности, ее духовному миру, снижение интереса к проблеме социальности в искусстве.

В русской художественной культуре конца XIX — начала XX в. получило распространение декадентство, обозначающее такие явления в искусстве как отказ от гражданских идеалов и веры в разум, погружение в сферу индивидуалистических переживаний. Декадентские настроения захватили деятелей различных художественных направлений. Чаще всего эти идеи были присущи модернистским течениям. Понятие модернизм включало в себя многие проявления литературы и искусства XX века, рожденные в его начале. В модернистских группах

и направлениях объединились писатели и поэты, разные по своему идейно-художественному облику, дальнейшей судьбе в литературе. Если для одних (А. А. Блок, В. Я. Брюсов, А. Белый, В. В. Маяковский, А. А. Ахматова) принадлежность к символизму, акмеизму, футуризму означала лишь начало их творческих исканий и впоследствии они нашли путь в литературу большого общественного звучания, то для других (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. Крученых) идеи модернистского искусства означали суть их творчества.

Так же в культуре появилось такое понятие, как Символизм. Символизм был закономерным этапом художественного развития, через который прошли и литература, и изобразительное искусство, и театр. Для всех этих областей культуры символизм стал мировоззренческой основой. Он сформировался в 90-е годы XIX века и получил преобладающее распространение в первом десятилетии XX века. Символизм получил развитие в творчестве таких поэтов, как В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, Ф. К. Соллогуб, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. Белый. В кругу символистов начался творческий путь А. А. Блока (1880-1921). Поэтов-символистов объединяли общие черты миропонимания и поэтического языка. Наряду с требованиями «чистого», «свободного» искусства символисты подчеркивали индивидуализм, доходящий до самолюбования, воспевали таинственный мир. Образы маски, маскарада постоянно мелькают в поэзии и прозе символистов. Материальный мир рисуется как нечто хаотическое, иллюзорное, как низшая реальность по сравнению с миром идей и сущностей. Символизм расширил, обогатил поэтические возможности стиха, что вызывалось стремлением поэтов передать необычность своего мироощущения «одними звуками, одними образами, одними рифмами» (В. Брюсов). Несомненен вклад поэзии символизма в развитие русского стихосложения. [2]

Происходившая в 1910 году в среде художественной интеллигенции полемика вокруг символизма выявила его кризис. Как выразился в одной из своих статей Н. С. Гумилев, «символизм закончил свой круг развития и теперь падает». На смену ему пришел акмеизм (от греч. «акме» — высшая степень чего-либо, цветущая пора). Основоположниками акмеизма считаются Н. С. Гумилев (1886-1921) и С. М. Городецкий (1884-1967). В новую поэтическую группу вошли А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. А. Кузмин и другие. Акмеисты в отличие от символистской туманности провозгласили культ реального земного бытия, «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь». Но вместе с тем они пытались уклониться от социальных проблем в своей поэзии. В эстетике акмеизма отчетливо выра-

жались декадентские тенденции, а теоретической основой его оставался философский идеализм. Однако среди акмеистов были поэты, которые в своем творчестве смогли обрести новые идейно-художественные качества (А. А. Ахматова, С. М. Городецкий, М. А. Зенкевич).

Одновременно с акмеизмом в 1910-1912 годах возник футуризм. Как и другие модернистские течения, он был внутренне противоречивым. Наиболее значительная из футуристических группировок, получившая впоследствии название кубофутуризма, объединяла таких поэтов как Д. Бурлюк, В. Хлебников, В. Маяковский. Разновидностью футуризма был эгофутуризм И. Северянина, пропагандирующего «вселенский эгоизм» как «единственную и правдивую жизненную интуицию».

Футуризм провозглашал революцию формы, независимой от содержания, абсолютную свободу поэтического слова. Футуристы отказывались от литературных традиций. Они разрушали границу между искусством и жизнью, между образом и бытом, ориентировались на язык улицы, лубок, рекламу, городской фольклор и плакат.

В изобразительном искусстве предоктябрьских десятилетий происходили аналогичные процессы. Появляются новые объединения: «Голубая роза» (1907), «Бубновый валет» (1911). Творчество художников, участвовавших в этих группах, несло в той или иной степени черты модернистского искусства, близость к романтизму и символизму, экспериментаторство в области цвета и формы.

К 1913 году относится возникновение русского авангардизма. Сыгравшего огромную роль в развитии мировой живописи. К. Малевич (1878-1935), создатель этого направления, определил его как искусство чистых форм, беспредметности. В авангарде нашли выражение творческие искания таких художников как Р. Фальк, М. Шагал, К. Петров-Водкин, П. Филонов. Они искали в окружающем мире воплощение идеи мирового устройства. В искусстве авангарда воплощалось смелое экспериментаторство, раздвинувшее рамки традиционного понимания живописи.

В реализме этого времени также появляются новые художественно-эстетические качества: расширяются «рамки» реалистического видения жизни, идет поиск путей самовыражения личности в литературе и искусстве. Характерными чертами искусства становятся синтез, опосредованное отражение жизни в отличие от критического реализма XIX столетия с присущим ему конкретным отображением действительности. С этой особенностью искусства связаны широкое распространение неоромантизма в литературе, живописи, музыке, рождение нового сценического реализма.

Одним из новых явлений литературы XX столетия была пролетарская поэзия, в которой в полный голос зазвучала тема борьбы рабочего класса. Особенностью ее были социальный оптимизм и романтический пафос. Это массовая поэзия, близкая городским низам. Стихи понятны и конкретны — своеобразный отклик на реальные события. Пролетарская поэзия пронизана революционными призывами, и это тоже соответствует духу русского пролетариата. Стихи печатались во многих журналах, в частности, в журнале легального марксизма «Жизнь», который стал массовым и достиг тринадцатитысячного тиража. В русскую литературу приходит целая плеяда крестьянских поэтов (С. Есенин, Н. Клюев и др.). Таким образом, отечественная художественная культура в эпоху революций в России отразила всю сложность и противоречивость переживаемого исторического периода. Россия пыталась найти ответ на вопрос о судьбах своей культуры. В этот период Россия обладала богатейшим культурным наследием, культурными ценностями мирового уровня. Но отсутствие в российском обществе достаточно широкого среднего культурного слоя, который являлся основой многих цивилизационных процессов, определило одну из серьезных особенностей культурной ситуации в России начала XX века. Она выражалась в существовавшем разрыве между духовным ренессансом и бушевавшей реальностью жизни, в которую вовлекались широкие народные массы. Эта особенность общественно-культурной жизни России была одной из причин, определившей отношение к культуре пролетарской власти после Октября 1917 года. [3]

Теперь бы хотелось поговорить о деятелях культуры, которым пришлось эмигрировать за границу, такими являются: И. А. Бунин, А. И. Куприн, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин. Скорбя о гибели русского мира, литература эмиграции стремилась сохранить живой образ России и русской культуры. В 1933 г. И. А. Бунин первым среди русских писателей получил Нобелевскую премию за «строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». В очень сложных условиях оказались поэты, чей круг читателей был ещё более узким, их поэзию не переводили. а рубежом оказались поэты, чьё творчество было неразрывно связано с культурой. Серебряного века. Немногие смогли влиться в европейское культурное общество, когда по происшествию первого десятилетия эмиграции стало укрепляться ощущение, что надежды на возвращение в Россию прозрачны. Известные литераторы бедствовали. К тяжёлому материальному положению добавлялись мучительные переживания, связанные с невозможностью творить в отрыве от Родины. Почти незамеченным осталось творчество «литературной молодёжи» (Г. И. Газманов, В. С. Варшавский

и т. д.) тех, кто не успел создать литературную репутацию в России. Разрыв между поколениями литераторов определял не возраст, а различие в опыте осмысления своих истоков и своего предназначения быть «свидетелями и хранителями» или искать пути выразить новое мироощущение жизни в отрыве от своих корней

Многие сценаристы за рубежом ставили спектакли, посвящённые своей Родине. Они одевали соответствующую одежду, в основном чёрное, это было символом, скорби по своей родине, и надежда на возвращение, хотя она уменьшалась с каждым годом. Получая известия о России, они всё больше старались сохранить её образ в произведениях, сценариях, в пьесах. Музой для многих писателей оставалась их Родина. Одними из деятелей искусства были: Аверченко Аркадий Тимофеевич — прозаик, драматург, сатирик; Алданов Марк Александрович — писатель, философ, химик. К октябрьской революции отнёсся отрицательно и в марте 1919 года уехал во Францию. Александр Александрович, шахматист, международный гроссмейстер, шахматный теоретик, литератор. Российская эмиграция, сохранив свою культуру. И языковую идентичность, являлась при этом неотъемлемой частью истории и ведущих держав, и отдаленных уголков планеты. Она не только продемонстрировала способность к адаптации в различных общественно-политических, экономических и правовых условиях, но и

добилась выдающихся достижений в области науки, культуры и искусства, которые стали международным достоянием. Та часть российских эмигрантов, которая ассимилировалась в различных странах мира, внесла немалый вклад в их экономику и культуру.

Подводя итоги, можно сказать, что с победой Октябрьской революции вопросы повышения культурного и образовательного уровня требовал целенаправленных усилий государственных и общественных институтов. Поэтому остро встал вопрос усиления внимания власти и общества к социально-культурной сфере. Советская власть сразу приступила к осуществлению новой культурной политики. Под этим подразумевалось создание невиданного в истории пролетарского типа культуры, опирающегося на самую революционную и передовую, как тогда считали, идеологию марксизма, воспитание нового типа человека, распространение всеобщей грамотности и просвещения, создание монументальных художественных произведений. Происходившая в ту эпоху культурная революция являлась типичным примером революции сверху, сопровождающей неорганическую модернизацию. Новая культурная политика ставила целью «сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда». Самым эффективным средством считалась всеобщая национа-

лизация не только фабрик и заводов, но также театров и художественных галерей. В качестве общего вывода можно отметить, что период Октябрьской революций кардинально повлиял на судьбу страны и мира, явился тем поворотным рубежом, который обозначил новый исторический путь для России. Революционный процесс, началом которого явилось падение самодержавия, сложен, многогранен, включает разные этапы. Здесь и мощные стихийные движения, и верхушечная борьба за власть, и тайные интриги, и перевороты, удавшиеся и неудавшиеся. Есть все, как в любой другой революции. Революция 1917 года была русской революцией, революцией разных народов, воспитанных в традициях русской культуры. Она несет на себе яркий отпечаток менталитета народа, демонстрирует трагическую роль расколотости российского общества со времен Петра I. Главное содержание революции — стремление России к социализму, социальному прогрессу. Страна в трудной борьбе искала формы демократической организации. В сложной и быстро меняющейся социокультурной обстановке рубежа веков культурно исторический процесс характеризовался сомнениями, противоречивыми философскими и религиозно-мистическими исканиями, борьбой в различных сферах культуры, трагичными событиями. Октябрьская революция 1917 г. открыла процесс перестройки высшей школы и науки в России. Ученые полагали, что наука и техника обеспечивают экономический прогресс, а соответственно их научная работа была важной частью национального строительства, их вкладом в развитие страны. Вернадский оправдывал сотрудничество с большевиками своих учеников — геохимика А. Е. Ферсмана, основателя биогеохимии А. В. Самойлова, радиохимика В. Г. Хлопина. Парадоксальным образом одновременно с распадом науки, послереволюционный период характеризовался беспрецедентным ростом разнообразных научных учреждений. Быстрое создание множества небольших институтов, комиссий, бюро и лабораторий обеспечивало не только выживание, но и успешное существование науки. Умножение этих учреждений и легкость их организации были поистине поразительны. Подавляющее большинство новых учреждений создавалось по инициативе ученых. Это была самоорганизация науки в условиях кризиса. Таким образом, можно отметить, что период Октябрьской революций кардинально повлиял на судьбу страны и мира, явился тем поворотным рубежом, который обозначил новый исторический путь для России. Что касается интеллигенции, то политической целью большевиков в области культуры являлось не что иное, как процесс выключения интеллигенции из общественной жизни. После революции партия сначала изгнала за границу ту интеллигенцию, ко-

торая не приветствовала революцию, затем ликвидировала в стране интеллигенцию, частично или полностью принявшую революцию.

Список литературы

1. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. Москва 1991.
2. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. Москва 1997.
3. Ильина Т. В. История искусств. Отечественное искусство. Москва 1994.

А. А. Шаманаева

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Россия)*

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«...Весь мир насилья мы разрушим// До основанья, а затем// Мы наш, мы новый мир построим,//Кто был никем — тот станет всем!» Звучные, призывные слова революционной песни «Интернационал» настраивают на решительные действия, призывая к революции. Революция — коренной переворот, резкие изменения, что и произошло в октябре 1917 года. К власти пришли большевики. Уничтожен старый мир.

Молодёжь, как отмечал Л. Д. Троцкий, является «барометром революции». В силу особенностей возраста, её привлекают авантюрные проекты. Ей очень важно не просто присутствовать, но и участвовать, быть в гуще событий. Молодые люди не связаны семейными обязательствами, легко поднимаются против общественного мнения, не задумываясь о своём будущем. Их энергию умело задействуют и используют организаторы революционных событий для смены неудобных режимов и приводу к власти своих ставленников. Неопытность, горячность, порой слепая вера в идеалы и лидеров, которые обещают стремительных перемен к лучшему, отсутствие компромиссов, — все это приводит к тому, что молодёжь становится средством достижения чьих-то целей.

«Студенты бунтуют», — общее место в мемуарах, прессе, беллетристике предреволюционного времени. В 1917 году «студент с красным бантом» воспринимается как один из символов революции. Студенчество начала XX века — не только так называемые «белоподкладочники», но в основном выходцы из демократической среды, в том числе духовного сословия. Это разночинная интеллигенция, которая вполне сформировалась по своим пристрастиям и антипатиям: неприятие режима, желание больших свобод было у них в крови. На протяжении второй половины XIX века российское студенчество шаг за шагом радикализировалось. Оно активно участвовало в революционных процессах, но не было движущей силой русских революций XX века.

Как же современная молодёжь оценивает события тех лет? Обратимся к результатам анкетирования. В исследовании приняли участие 30 молодых людей. Возраст респондентов варьируется от 18 до 23 лет, среди них 9 чел. (41,1 %) мужчин, 14 чел. (57,9 %) — женщин. Респонденты являются обучающимися высших учебных заведений города Новосибирска.

В сознании современной молодежи Октябрьская революция 1917 года входит в число наиболее значимых событий XX века и имеет двойную символику: с одной стороны, это знак позитивных изменений, с другой — символ тупикового пути.

Говоря о необходимости изучения данного периода истории нашей страны, опрашиваемые отмечают: нужно знать как можно больше, чтобы не повторять ошибок прошлого. Отвечая на вопрос о том, кого же свергли большевики в октябре 1917 г., большинство респондентов верно отметило вариант «Временное правительство» (43 %). При этом чуть более трети студентов (37 %) ошибочно полагают, что основным событием Октября стало свержение царя. В качестве главных причин Революции студенты отмечают ослабление правительственной власти (59 %) и обострение социальных проблем ввиду тяжелого положения трудящихся (55 %).

Как повели бы себя современные молодые люди, если бы им довелось оказаться в 1917 году? Большая часть анкетированной молодежи (72 %) предпочла бы остаться в стороне от революционных событий; 24 % постарались бы переждать время потрясений, не участвуя в революционных событиях; 15 % предпочли бы уехать за рубеж, используя любые возможности. Уверенных противников большевистской власти оказалось немного больше, чем активных сторонников. 14 % заявили, что выступили бы против революционеров в 1917 году. Лишь 3 чел. (10 %) активно бы поддержали революционеров.

Нет также единой позиции в оценке результатов революции 1917 г. Часть современных российских студентов считает, что Революция имела положительные результаты для нашей страны: она ускорила социально-экономическое развитие (36 %) и позволила стать ей лидером на внешнеполитической арене (11 %). Однако немало и тех, кто видит в Революции исключительно пагубное влияние: некоторым институтам общества был нанесен серьезный урон (религии, церкви и традиционной русской культуре). Также немаловажно, что в большинстве анкетированная молодёжь признала приход к власти большевиков нелегитимным.

Таким образом, оценивая степень участия молодёжи в революционных событиях в исторической ретроспективе, можно отметить сле-

дующее: испытывая интерес ко всему новому, мечтая построить справедливое для всех общество, веря в свои силы и возможности, не боясь трудностей, а иногда и поддаваясь влиянию политических лидеров, молодёжь активно поддерживает революцию, становится проводником всех новых идей.

Опираясь на результаты исследований об отношении к революционным событиям современной молодёжи, можно отметить, что ей свойственно более осторожное отношение к коренным переменам в общественной жизни. С чем это связано? Может быть, с нежеланием что-то менять в устоявшемся образе жизни, может, с боязнью что-то утратить, выйдя из своеобразной «зоны комфорта», с недостаточной политической грамотностью или а может, просто с равнодушием к происходящему вокруг неё... Возможно так же, что молодых людей устраивает существующий политический порядок, социально-культурная ситуация, предоставляющая массу возможностей для личного, профессионального, культурного развития. Большая часть опрошенных студентов считает необходимым изучение опыта прошлых поколений для предотвращения ошибок в будущем и недопустимости в век гибели людей ради политических изменений в обществе, так как каждая человеческая жизнь — это судьба, и, возможно, результат интеллектуальных, творческих усилий невинно погибших могли изменить ход истории более цивилизованным способом. История не терпит сослагательного наклонения: свершившиеся факты, несомненно, оставляют глубокий след и последствия их могут тянуться потом десятилетиями. Учитывая настроения современной мыслящей российской молодёжи, их установки направлены на позитивные изменения эволюционным путем.

В. В. Шеховцова

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск, Россия)*

**ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ?**

7 ноября исполнилось 100 лет Великой Октябрьской социалистической революции. За последние сто лет не было ни одного такого события, которое имело столь значимый характер. Год столетия революции — хороший повод вспомнить о том, что это событие оказалось переломным не только для российской, но и для всемирной истории. Старшее поколение относится к этой дате совсем иначе, чем их внуки и правнуки. Для наших бабушек и дедушек Октябрьская революция — это очень значимое событие, а вот как он относится к этому молодёжь?

Что же было в 1917 году? Что знает современная молодёжь об этом? Важна ли эта дата на данный момент? На все эти вопросы мне бы хотелось ответить в данной статье. Я, как представитель современной молодёжи, могу говорить только общие вещи, деталей смогла бы сказать совсем немного, но что же думают о революции мои сверстники.

Знания молодых людей о революции 1917 года примерно такие же, как и о других важнейших датах истории нашего государства. Вся молодёжь изучает историю в школе, университетах, но не каждый знает, что было и как это было в тот год, их знания носят поверхностный характер, а вот раньше советские ребята изучали это намного подробнее, ведь им это было ближе, чем современному поколению.

Некоторые ребята даже понятия не имеют, кто был главой государства в тот год, чем завершилась революция и как она началась. Многие говорят, что знания об этой дате не столь важны, а многие отвечают иначе, например: «Это наши корни. Мы живем здесь. Я не хочу говорить, что мы «должны» и «обязаны» ее помнить, но давайте не будем забывать: история — наука цикличная». То, что происходило сто лет назад — мы видим сегодня. 7 ноября есть. Для кого-то это «плохая» дата, для кого-то — «хорошая». Она просто есть. Октябрьская революция — это тоже наша история».

Спросив у своего друга, который учил историю так же, как и любой ученик и студент, важна ли эта дата для современной молодёжи, он ответил: «Данная дата очень важна, каждый, от малого до великого, должен владеть знаниями об этой дате, также как и о любой дате в истории нашей страны, ведь мы должны учиться на ошибках прошлых

поколений, не допускать того, чтобы проливалась кровь наших братьев. Этот год был началом советской истории, и никто не сможет вычеркнуть это из памяти старшего поколения».

Спрашиваю у молодых людей, что же было 7 ноября, то не каждый сразу может ответить на этот вопрос, но немного подумав, говорят: «Ах, да, была революция, где восстали крестьяне и рабочие, которые хотели свергнуть царя... или он был уже мёртв, а, нет, на тот момент он был жив».

Вот как современное поколение разбирается в истории нашего государства, я думаю, что, чем дальше, тем слабее будут знания у будущего поколения. А всё потому что сейчас другая молодёжь, другое время, а вместе с этим и другие ценности, и приоритеты у молодёжи, для них Октябрьская революция просто тема на уроке истории, а для старшего поколения значимая дата, оставившая след в их памяти.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «КАЛЕЙДОСКОП РЕВОЛЮЦИЙ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 — МАЙ 1918 гг.)»..... 3

- В. А. Дробченко
СПЕЦИФИКА УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ 4
- В. В. Журавлев
ВРЕМЕННАЯ СИБИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА:
МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИЕЙ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ..... 22
- К. Л. Захарова
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СИБИРСКОГО СОЦИУМА
В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД
(МАРТ — НОЯБРЬ 1917 Г.) 37
- Т. С. Садыков
РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ДВИЖЕНИЕ АЛАШ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ 53
- А. Ю. Суслов
ОКТАБРЬ 1917 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ
ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 60

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»..... 77

- Е. В. Антропов
ПРОГРАММЫ МУЗЕЯ НОВОСИБИРСКА,
ПОСВЯЩЕННЫЕ 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА:
ПРОБЛЕМАТИКА ВЫБОРА ТЕМЫ, ПРЕДМЕТНОГО РЯДА
И СРЕДСТВ ЭКСПОЗИЦИИ..... 78
- В. Н. Болоцких
1917 ГОД: ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ. ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО?..... 87
- Ю. В. Ващенко, О. В. Катышева
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И 100-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ
ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ..... 103
- К. А. Голодяев
НОВО-НИКОЛАЕВСК — ГОД РЕВОЛЮЦИЙ 112

Е. С. Дорофеева ПРОТИВОБОРСТВО В ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ 1917 Г.: ВОЗМОЖЕН ЛИ КОНСЕНСУС?	127
А. А. Калашников ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В СПАДЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г.	134
Э. Камареро АРГЕНТИНСКИЕ ЛЕВЫЕ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.	149
В. П. Калиниченко «ВЯТКА ИЗВЕСТНА ВСЕЙ ЕВРОПЕ» — ВЯТСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОРЦАМ РЕВОЛЮЦИИ	169
А. Л. Коданина ПРЕССА, РОЖДЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ: ИЗ ИСТОРИИ ГАЗЕТЫ ВОЛЖСКИХ ВОДНИКОВ.....	188
В. А. Липатов УРАЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ: 1917 ГОД — ТОЧКА НЕВОЗВРАТА.....	200
В. А. Маруев ГЕНЕЗИС ПРОЛЕТАРИАТА И ЕГО БОРЬБА ЗА УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА НА БАЗЕ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАБАЙКАЛЬЯ (1832—1917 ГГ.)	206
У. Моралес Морено МЕКСИКА И РОССИЯ: 1917 (ЛУИС КАБРЕРА И В. И. ЛЕНИН)	220
А. И. Мороз СОВЕТСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ В УСЛОВИЯХ ДВР (1920—1922 ГГ.)	247
Р. Нетцауалькойотц, А. Фурлонг РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УТОПИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕКСИКЕ.....	256

А. В. Никонов	
О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	266
А. П. Носков	
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС (1917—1922 ГГ.)	275
И. В. Олейников	
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА КВЖД В ПЕРИОД РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.....	281
Ю. А. Соснина	
РЕВОЛЮЦИЯ И МИФОЛОГИЯ.....	294
О. Таркус	
ВОСПРИЯТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АРГЕНТИНЕ. 1917—1930 ГГ.	303
Д. А. Толкачѳв	
ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.....	313
М. Т. Торибио Бриттес Лемос	
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ	326
Ю. Г. Чернышов	
РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА И СТОЛКНОВЕНИЕ «ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО»	330
А. В. Шмидт	
РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ПОТряСЕНИЙ В РОССИИ ...	339
СЕКЦИЯ «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ»	343
Н. В. Абрамчук, И. Ю. Ночников	
СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1917 Г.: ПЕРЕВОРОТ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?	344
М. Д. Баган	
ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К РЕВОЛЮЦИИ 1917-ГО ГОДА СТО ЛЕТ СПУСТЯ.....	347

З. Ю. Брагарь, М. А. Седачёв ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ ДЛЯ МИРА И РОССИИ.....	350
М. А. Емельянов СОБЫТИЯ, «КОТОРЫЕ ПОТЯСЛИ МИР», — ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ.....	362
С. В. Зубков МОЛОДЕЖЬ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ	364
С. М. Минебаева ЧТО ДЛЯ МЕНЯ ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА?.....	366
З. И. Сызданова МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ В ЭПОХЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	368
И. О. Чижов КУЛЬТУРА В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ: СОХРАНЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ	369
А. А. Шаманаева ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	378
В. В. Шеховцова ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ?	381

Научное издание

ОКтябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории

**Материалы межрегиональной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Великой Октябрьской революции**

23—24 ноября 2017 г.

Корректор Т. Н. Акимова
Технический редактор Г. А. Бородин

Подписано в печать 29.11.2017. Формат бумаги 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 23,34. Усл. п. л. 22,55. Тираж 600 экз. Заказ 72.
630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6,
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС.